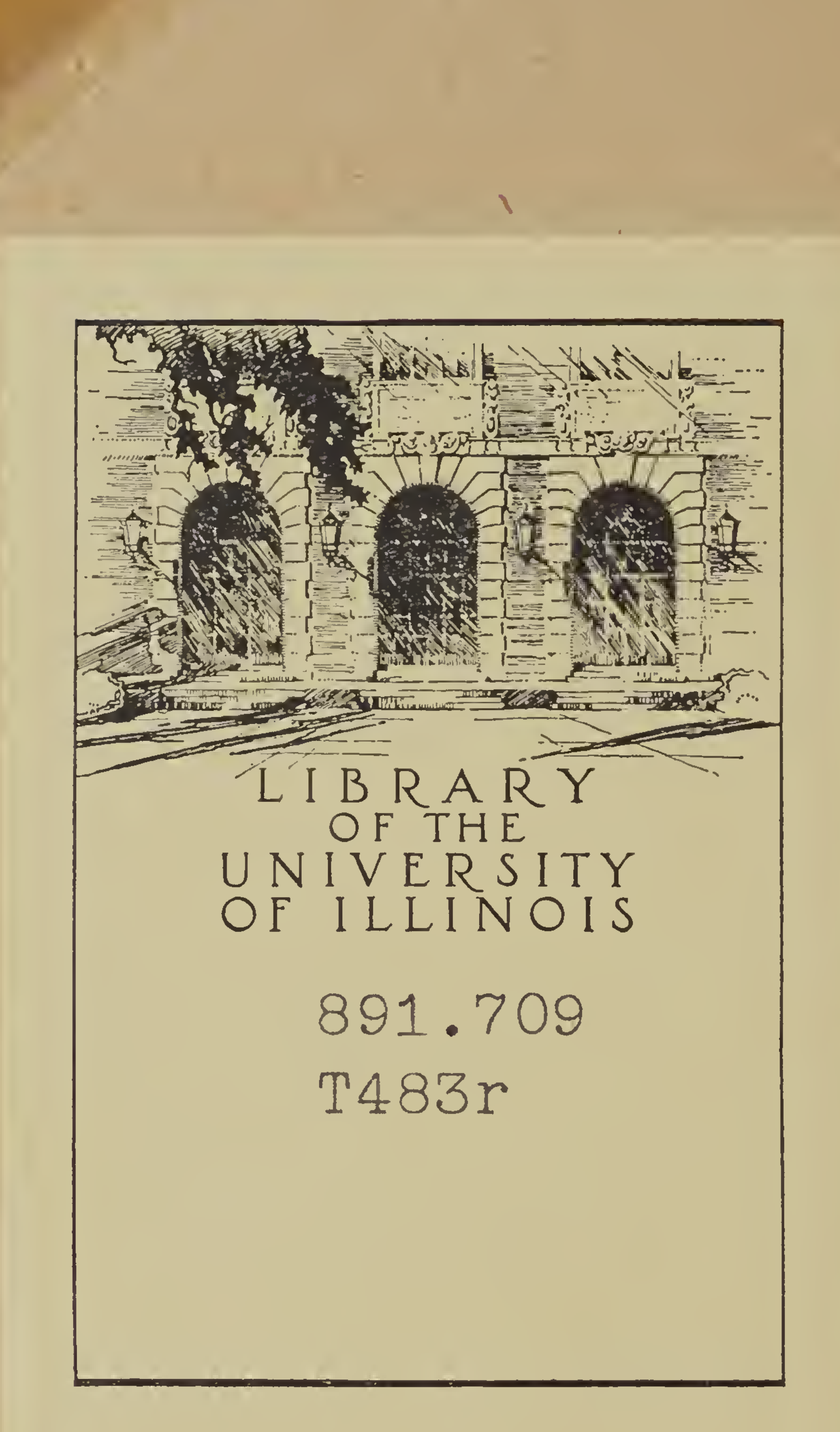

РУКОВОДСТВО
КЪ
СОСТАВЛЕНІЮ СОЧИНЕНІЙ
НА ТЕМЫ
ИЗЪ
Новѣйшей Русской Литературы

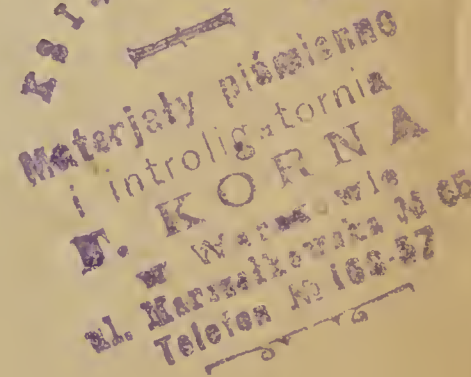
(И. С. Тургеневъ, И. А. Гончаровъ, А. Н. Островскій, Ѳ. М. Достоевскій, Гр. Л. и А. Толстые, Д. В. Григоровичъ, С. Т. Аксаковъ, А. Н. Майковъ, М. Н. Загоскинъ.).

Составили Н. Н. Лакида, Б. Н. и В. Е. Васильевы.

подъ редакціей К. Н. ТИМАШЕВА,

препод. Варш. VI Мужск. Гимн.

Изданіе М. А. Ковнера.

Книжные магазины М. А. Ковнера въ Варшавѣ:

Медовая	Новый Свѣтъ
№ 13.	№ 68.
Телефонъ № 3578.	Телефонъ № 4862.

1905.

Въ Типографіи В. Цывинскаго Новый-Свѣтъ 36.

Дозволено Ценаурою,
Варшава, 14 Апрѣля 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго „Руководства" двоякая: во-первыхъ, мы хотѣли дать читателямъ возможность оріентироваться въ громадномъ подчасъ матеріалѣ, представляемомъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ новѣйшей русской литературы. Такъ, напримѣръ, „Хроника" С. Т. Аксакова заключаетъ въ себѣ 380 страницъ, наша же статья, посвященная этому произведенію, умѣстилась на 13 страницахъ, а между тѣмъ по нашему мнѣнію она исчерпываетъ почти вполнѣ весь матеріалъ, даваемый „Хроникой"; далѣе, „Психологическое и бытовое значеніе «Муму»" охватываетъ не только одинъ тургеневскій очеркъ, но знакомитъ вообще съ типомъ и положеніемъ „мужика" разсказовъ Тургенева; наконецъ, „«Свои люди — сочтемся», какъ комедія гоголевскаго типа" отвѣчаетъ по возможности на всѣ вопросы, могущіе встрѣтиться по поводу этой комедіи.—Съ такимъ же расчетомъ написаны и остальныя статьи нашей книги.

Вторая цѣль, къ которой мы стремились, — избавить учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній отъ неправильныхъ толкованій какъ отдѣльныхъ типовъ, такъ и смысла цѣлыхъ произведеній. При этомъ мы руководствовались лучшими критическими разборами русской литературы.

№ 1.

Луговой и лѣсной пейзажъ у Тургенева.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Любовь Тургенева къ красотамъ природы выражается въ художественномъ изображеніи картинъ ея.

Изложеніе. Въ частности:

А. Лугового пейзажа:

I. Въ „Бѣжиномъ Лугѣ“, гдѣ яркими красками написаны:
1) общій фонъ картины до наступленія сумерекъ,
2) постепенный переходъ къ ночи и соотвѣтствующая перемѣна декорацій,
3) передній планъ лугового пейзажа ночью съ центральной группой крестьянскихъ ребятишекъ, ярко освѣщенной костромъ.

II. Въ „Стучитъ“, гдѣ художественно нарисованы:
1) картина рѣки, освѣщенной луной, съ остановившимся посреди ея тарантасомъ,
2) пробѣгающая передъ путешественникомъ панорама поемныхъ луговъ и проѣзжей дороги.

III. Въ „Эпилогѣ“ къ „Запискамъ Охотника“ — „Лѣсъ и Степь“.

В. Лѣсного пейзажа:

I. Въ „Касьянѣ съ Красивой-Мечи“, гдѣ изображается полуфантастическая картина, развертывающаяся въ лѣсу передъ глазами наблюдателя.

II. Въ эпилогѣ „Лѣсъ и Степь“.

III. Въ „Поѣзкѣ въ Полѣсье“, гдѣ ярко написана картинка лѣса и лѣсного пожара.

Заключеніе. Вліяніе на человѣка красотъ природы и поэтическое значеніе тургеневскихъ пейзажей.

... темный садъ,
Гдѣ липы такъ огромны, такъ тѣнисты,
И ландыши такъ дѣвственно душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой
Съ плотины наклонились чередой,
Гдѣ тучный дубъ растетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ коноплею, да крапивой...
Туда, туда въ раздольныя поля,
Гдѣ бархатомъ чернѣется земля,
Гдѣ рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падаетъ тяжелый желтый лучъ
Изъ-за прозрачныхъ, бѣлыхъ, круглыхъ тучъ,
Тамъ хорошо...

(Эпиграфъ къ эпилогу „Записокъ Охотника“).

„Я страстно люблю природу, особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ... Человѣка не можетъ не принимать природа; онъ связанъ съ нею тысячью неразрывныхъ нитей; онъ сынъ ея. Любите природу не въ силу того, что она значитъ по отношенію къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога, — и вы ее поймете“.

Такъ говоритъ нашъ великій писатель-художникъ Тургеневъ, и это не одни красивыя слова, это искреннее выраженіе его симпатичнаго чувства къ природѣ, его часто восторженнаго отношенія къ красотамъ ея, даже при самомъ несложномъ содержаніи такъ много ему говорящимъ и доставляющимъ такъ много эстетическаго удовольствія. Сильно развитое художественное чувство и талантливая способность выразительными штрихами и яркими красками излагать на бумагѣ свои впечатлѣнія являются выдающимися чертами, рѣшительно преобладающими надъ всѣми остальными сторонами его поэтическаго генія, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что вышеприведенныя слова Ивана Сергѣевича находятъ себѣ под-

твержденіе почти въ каждомъ его произведеніи. Разобрать и оцѣнить здѣсь все, что далъ Тургеневъ, какъ пейзажистъ, мы не можемъ, а потому ограничимся „Записками Охотника“ и „Поѣздкой въ Полѣсье“, которыя даютъ въ этомъ отношеніи особенно богатый и благодарный матеріалъ.

Луговой и лѣсной пейзажи въ одинаковой степени весьма удачно изображены у Тургенева. Вы одинаково ясно представляете себѣ и картинку „ночного“ изъ „Бѣжина Луга“, въ которой все, начиная съ таинственно-непроницаемаго фона ночныхъ сумерокъ и кончая фантастическими разсказами собесѣдниковъ, находится въ такой художественно-полной гармоніи; и картину пожара въ Полѣсьѣ; и поле, и лѣсъ, лѣсъ вездѣ, гдѣ онъ только ни встрѣчается у Тургенева, будь то набросокъ въ нѣсколько штриховъ или тщательно отдѣланная картина, — вмѣстѣ съ его запахомъ, звуками и красками.

Даже небо, наше блѣдное, сѣрое небо умѣетъ полюбить и опоэтизировать Тургеневъ, оживотворяя его, то какъ грозную стихію, то какъ спокойную бездонную бездну.

Остановимся на „Бѣжиномъ Лугѣ“.

Какую чудную картину восхода солнца въ ясный лѣтній день даютъ эти нѣсколько строчекъ изъ вступленія, которое, какъ образчикъ художественнаго изображенія природы, можно встрѣтить во всѣхъ хрестоматіяхъ, сборникахъ статей для изложеній и пр. „Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное — мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило“.

Если вамъ приходилось наблюдать восходъ солнца въ „прекрасный іюльскій день“, то вы, должно быть, уже поражались тѣмъ, какъ искусно схвачены Тургеневымъ въ нѣсколькихъ словахъ всѣ подробности этого величественнаго явленія. Если нѣтъ, то я совѣтую вамъ произвести съ книжкой въ рукахъ спеціальное наблюденіе: вы увидите кроткій румянецъ

зари, вы поразитесь мягкимъ, не ослѣпляющимъ свѣтомъ свѣтила, выплывающаго изъ за горизонта и принимаемаго въ объятія длинной лиловой тучкой, вы будете восхищаться потокомъ прорывающихся изъ за нея лучей и замѣтите, какъ быстро, быстро будетъ подниматься солнце первыя двѣ - три минуты... Подвинемся за авторомъ ближе къ мѣсту дѣйствія. Обращайте вниманіе на общій фонъ: сейчасъ спустятся сумерки и, если вы не успѣете приглядѣться, то заплутаетесь потомъ въ впечатлѣніяхъ прочитаннаго, какъ авторъ „Бѣжина Луга“ заблудился въ немъ въ натурѣ, и потомъ не сумѣете оріентироваться.

Холмистая мѣстность. Мы то поднимаемся на какой-нибудь „бугоръ“, то спускаемся въ долину. Солнце сѣло и въ лощинѣ уже обдаетъ насъ сыростью. Идти приходится то по опушкѣ лѣса, то по случайной тропинкѣ, то продираться сквозь заросли кустарника. Темнѣетъ. Вокругъ поле, мы идемъ по межѣ и уже слабо различаемъ встрѣчные предметы. Опять холмъ, за нимъ опять распаханная лощина. Темно. Загораются звѣзды. Мы идемъ на удачу. Вдругъ крутой обрывъ пересѣкаетъ дорогу. У подножія — широкая долина, рѣка огибаетъ ее полукругомъ. Кусты черными тѣнями спускаются внизъ по отвѣсному склону, а глубоко внизу, въ долинѣ, подъ самымъ обрывомъ, ярко пылаютъ два костра; возлѣ нихъ что-то копошится, двигается; это — краса природы, человѣкъ.

Спустимся внизъ и посмотримъ на него поближе.

При свѣтѣ костровъ темнота ночи кажется еще темнѣе. Кое-гдѣ только изъ нея выступаютъ темные же силуэты лошадей, спящихъ или, мѣрно чавкая, пережевывающихъ жвачку.

„Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ; — острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ.“

Развѣ, дѣйствительно, это не „чудесная картина“ костра, разложеннаго въ полѣ? Всѣ красивыя особенности, всѣ подробности, бросающіяся въ глаза, схвачены и переданы въ художественной формѣ.

Читаемъ дальше:

„Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ.“

Вотъ вамъ и фонъ картины.

Прибавьте сюда, что „иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова... внимательно и тупо смотрѣла на васъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась...“, вообразите освѣщенныя краснымъ отблескомъ огня физіономіи пятерыхъ крестьянскихъ ребятишекъ, физіономіи, выраженія которыхъ мѣняются въ зависимости отъ содержанія передаваемаго разсказчикомъ, представьте темный шатеръ безлуннаго неба, усѣяннаго мерцающими звѣздами — и вы получите полное впечатлѣніе картины „ночного“ въ Бѣжиномъ лугѣ.

Тотъ же луговой пейзажъ и тоже ночью прекрасно написанъ въ „Стучитъ“. Сначала авторъ даетъ картинку освѣщенной луной рѣки: „водная гладь, освѣщенная луною, дробится и дрожитъ мелкой четкой рябью.“ Посреди рѣки — тройка запряженная въ тарантасъ, въ которомъ сидитъ авторъ-зритель, на козлахъ — ямщикъ дремлетъ въ ожиданіи, пока „кудластый“ не тряхнетъ головой и не укажетъ направленіе брода: „куда онъ ворохнется, — туда, значитъ, и ѣхать надоть“.

Но вотъ кудластый „зафыркалъ, заворошился“, ямщикъ Филоѳей „заоралъ во все горло“ обычное ямщицкое „но-но-но“ и лошади, „вздымая сильныя и крупныя брызги, алмазными — нѣтъ, не алмазными — сапфирными снопами разлетавшіяся въ матовомъ блескѣ луны“, благополучно вывезли автора по „найденному“ кудластымъ броду на берегъ.

Картина мѣняется. Тарантасъ выѣзжаетъ на проѣзжую дорогу. Вокругъ „раздольные, пространные, поемные, травянистые луга, со множествомъ небольшихъ лужаекъ, озёрецъ, ручейковъ, заводей, заросшихъ по концамъ ивнякомъ и лозами, — прямо русскія, русскимъ людомъ любимыя мѣста, подобныя тѣмъ, куда ѣзживали богатыри нашихъ древнихъ былинъ стрѣлять бѣ-

лыхъ лебедей и сѣрыхъ утицъ. Желтоватой лентой вилась наѣзженная дорога, лошади бѣжали легко — и я не могъ сомкнуть глаза, — любовался! И все это такъ мягко и стройно плыло мимо, подъ дружелюбной луной".

Сколько любовнаго отношенія къ русской, именно къ русской природѣ слышится въ этихъ словахъ. Онъ... „не могъ сомкнуть глаза, — любовался"... „не могъ заснуть, не потому, что не усталъ отъ охоты, — и не потому, что испытанная тревога разогнала сонъ, — а ужъ очень красивыми мѣстами приходилось ѣхать". И не онъ одинъ, даже сонный Филоѳей — и тотъ встряхнулся при видѣ родныхъ знакомыхъ ему картинокъ — „и того проняло".

„На что красиво!" вздыхая даже, любуется онъ.. — „Одно слово: умирать не надо". Онъ до того увлекся и зафантазировался, что сухой сукъ надъ озеромъ принялъ за „цаплю".

А какъ гармонируетъ эта картина широкихъ, привольныхъ луговъ и проѣзжей дороги ночью съ обгоняющей вдругъ васъ разбойничьей тройкой, запряженной въ развалистую телѣгу съ ея пьяными пассажирами въ рубахахъ иармякахъ на распашку. А этотъ спокойный и хитрый, очевидно, „знающій свое дѣло„ кудластый великанъ—возница разбойничьяго возка, произносящій свою рѣчь стихійнымъ языкомъ русскаго народнаго эпоса? Смотришь и самъ не знаешь, что лучше: декорація ли, общій ли фонъ картины, или схваченныя какъ живыя дѣйствующія лица.

Въ эпилогѣ къ „Запискамъ Охотника" мы находимъ въ набраскахъ изображеніе лѣса и степи. Начало очень напоминаетъ гоголевское описаніе дороги изъ „Мертвыхъ Душъ„ и, пожалуй, не уступаетъ ему въ талантливости. Но прочтемъ дальше описаніе собственно степи.

„Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки, церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ со своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился

къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ, — безграничная, необозримая степь!..“

Всюду Тургеневъ любуется этими чудными видами, любуется и не допускаетъ, чтобы кто-нибудь могъ ими не любоваться. „Читателю, можетъ быть, уже наскучили мои записки...“ говоритъ онъ, „охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говаривали въ старину; но положимъ, вы не родились охотникомъ: вы, всетаки, любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте“...

И поневолѣ слушаешь. Любите вы природу или нѣтъ, вы ее полюбите, когда прочтете Тургенева.

Перейдемъ къ лѣсному пейзажу. Въ разсказѣ „Касьянъ съ Красивой-Мечи“ авторъ описываетъ свои впечатлѣнія, когда, утомившись послѣ долгой охоты, онъ рѣшилъ отдохнуть и растянулся подъ высокимъ кустомъ орѣшника.. „Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ!“ Вы думаете, — это иронія? Нисколько! Чтобы убѣдиться, прочтите дальше, „Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются отвѣсно, падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень“.

Какая глубокая и поэтическая фантазія! Иногда встрѣчаются пейзажи (я говорю про пейсажи, написанные красками, а не чернилами) такого рода, что съ перваго взгляда не сообразишь, гдѣ у нихъ верхъ, гдѣ низъ; это, конечно, признается крупнымъ недостаткомъ; бываетъ, что второпяхъ повѣсишь картину „вверхъ ногами“ и потомъ, уже соскочивъ со стула, съ досадой замѣчаешь ошибку .. У Тургенева же даже „вверхъ ногами“ перевернутая картина (конечно, только въ оригиналѣ, въ природѣ) имѣетъ свои прелести и даетъ широкій просторъ его художественному воображенію.

„Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ.“

Замѣчали вы это странное движеніе?

Мнѣ часто приходилось подолгу наблюдать за какимъ-нибудь однимъ листочкомъ, который, разъ приведенный въ колебаніе вѣтромъ, потомъ долго еще мѣрно и довольно быстро качается на вѣткахъ изъ стороны въ сторону...

„Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака, — и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ — все это заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби.“

Такъ и представляешь себѣ шопотъ зашелестѣвшихъ отъ налетѣвшаго вѣтерка листочковъ и ихъ безпорядочное, точно испуганное движеніе.

„Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: — та глубокая чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше, и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...“

Приходилось вамъ испытывать это чувство? Вы словно въ нирвану погружаетесь, ни о чемъ, кажется, не думаете, и въ то же время какъ будто что-то припоминаете и все смотрите, и чувствуете себя хорошо, хорошо...

Содержаніе дальнѣйшаго разговора Тургенева съ Касьяномъ и „вегетаріанскіе“ взгляды послѣдняго безконечно гармонируютъ съ предыдущей мирной картинкой лѣсного затишья и соотвѣтствующаго настроенія автора. Видно, что оба собесѣдника находятся подъ умиротворяющимъ впечатлѣніемъ красоты окружающей ихъ природы.

Такъ-же любовно написано и такъ-же картинно и художественно изображеніе лѣса въ эпилогѣ къ „Запискамъ Охотника“.

Приведемъ опять выдержку:

„Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы.

Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлыя— въ тѣни, темныя—на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей ..“

Такъ и хочется сказать автору: — у васъ всё идетъ другъ къ другу, милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ!

Представляете вы себѣ и эту дорожку, покрытую ковромъ черныхъ и бѣлыхъ кружечковъ — игра солнечнаго луча, — и висящую въ воздухѣ муху, и столбъ жужжащихъ мошекъ?... Конечно, да, не можетъ быть, чтобы вы сказали — нѣтъ... Въ „Поѣздкѣ въ Полѣсье“, которая какъ-будто только случайно не попала въ „Записки Охотника“, находимъ особенно богатый запасъ „тургеневскаго лѣса“. Сначала Тургеневъ сравниваетъ лѣсъ съ моремъ, находя общее впечатлѣніе того и другого весьма сходнымъ. И тамъ и здѣсь слышится ему одинъ и тотъ же безпристрастно-суровый и величавый голосъ природы: „мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, — говоритъ природа человѣку: я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ-бы не умереть.“ Здѣсь прорывается мысль автора относительно несоотвѣтствія красоты и гармоніи въ природѣ съ человѣческими страданіями, несправедливостью и зломъ, царящими на землѣ...

„Длинными, сплошными уступами разбѣгались передо мной синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля — все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними.“ Это внѣшній видъ Полѣсья.

Дальше авторъ даетъ болѣе подробное описаніе самаго лѣса: разнообразный составъ его — краснолѣсье постоянно чередуется съ чернолѣсьемъ или мѣшается вмѣстѣ. Авторъ указываетъ на отсутствіе птицъ — .. „птицъ почти не было слышно — онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ.“ Вообще, въ такомъ большомъ лѣсу, какъ въ Полѣсьѣ, жизни гораздо меньше; по

временамъ лишь со встрѣтившагося болота съ крикомъ подымется стая утокъ или въ мелколѣсьѣ попадется стадо продирающихся сквозь кусты коровъ. Къ глухому лѣсу Тургеневъ не относится уже съ той любовью, которую мы видѣли раньше: ему не нравится эта грозная тишина. „Въ бору всегда тихо, только идетъ тамъ, высоко надъ головою, какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ... Ѣдешь, ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣе на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью— и давитъ его эта пахучая сырость и гниль...“

Дальше встрѣчаемъ описаніе лѣсного пожара. Авторъ безопасно могъ наблюдать его на довольно близкомъ разстояніи, такъ какъ огонь шелъ противъ вѣтра и потому только „брилъ“ траву, не трогая деревьевъ. Огонь подвигался „сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ“, оставляя за собой только черный, дымящій слѣдъ. Только „иногда, тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ, и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ попрежнему, слегка потрескивая и шипя“.

Когда пожаръ прекратился, и утомленные охотники прилегли отдохнуть. Было подъ вечеръ. Природа, казалось, готовилась къ сну. „Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничто еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: „отдохни, братъ нашъ: дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ.“ Вотъ все, что можетъ сдѣлать природа для бѣднаго, ничтожнаго человѣка: она успокоиваетъ его и предлагаетъ забыться. Торжественный полусонъ природы наводитъ опять автора на размышленія: „...мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ — вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно, — выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія

насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ-бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права жить, — а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ — долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.“

Такъ обыкновенно и бываетъ. „На лонѣ“ природы человѣкъ успокоивается. Подъ умиротворяющимъ дѣйствіемъ ея онъ забываетъ о своихъ горестяхъ, несчастіяхъ, любуется развертывающимися передъ нимъ картинами и поражается красотою и гармоніей жизни природы.

Это отлично видно въ тургеневскихъ описаніяхъ природы. Читая и перечитывая ихъ, читатель, если онъ самъ любитель природы и созерцатель, получаетъ большое нравственное удовольствіе, пересматривая знакомые уже виды и пейзажи, переживая вновь уже испытанныя ощущенія и настроенія, возстановляя старыя и получая новыя впечатлѣнія красотъ природы. Если же читателю не приходилось обращать вниманіе на природу, то мастерскія тургеневскія описанія безъ сомнѣнія заставятъ его перемѣнить свое къ ней отношеніе, познакомятъ его со всѣми ея прелестями и разовьютъ въ немъ болѣе тонкое эстетическое чувство. Еще разъ приведемъ слова великаго художника, упомянутыя уже въ началѣ... „Любите природу не въ силу того, что она значитъ по отношенію къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога, – и вы ее поймете.“

В. В.

№ 2.

Характеристика лицъ въ очеркѣ „Хорь и Калинычъ“ И. С. Тургенева.

Вступленіе. Характеристика крестьянъ Орловской и Калужской губерніи, барщинниковъ и оброчниковъ.

Изложеніе. Характеристика лицъ очерка:

I. Хоря:
1) умъ его,
2) зажиточность,
3) умѣніе подчинить себѣ домашнихъ,
4) знаніе людей,
5) знаніе жизни,
6) иронія,
7) отношеніе къ господамъ,
8) скрытность,
9) предразсудки и предубѣжденія.

II. Калиныча:
1) неумѣніе вести хозяйство,
2) благоговѣйное отношеніе къ Полутыкину,
3) довольство своимъ положеніемъ,
4) любовь къ занятію пчеловодствомъ и знахарствомъ,
5) мечтательность и восторженность,
6) грамотность.

III. Ѳеди:
1) самостоятельность,
2) щегольство,
3) шутливость,
4) ясный умъ.

IV. Полутыкина:
1) безобидность,
2) непрактичность,
3) умственная недалекость.

V. Автора очерка.

Заключеніе. Мастерское изображеніе Тургеневымъ отношеній между крестьянами и помѣщиками.

Крестьяне двухъ сосѣднихъ губерній, Калужской и Орловской, даже по внѣшности сильно разнятся. Высокаго, чистаго и бѣлаго лицомъ, смотрящаго смѣло и весело калужца сразу можно отличить отъ орловца. Этотъ послѣдній носитъ лапти, видъ у него испитой, онъ „не великъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ исподлобья.“ Такъ же различна и обстановка, въ которой они живутъ. Орловская деревня расположена на голомъ пустырѣ; „изба лѣпится къ избѣ, крыши

закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются; плетень на задворкѣ не разметанъ и не вываливается наружу.“ Такая рѣзкая разница объясняется очень просто. Барщинникъ орловской губерніи не обладаетъ достаточнымъ досугомъ для заботъ о своемъ хозяйствѣ. Работая и у себя, и на барщинѣ, онъ поневолѣ раздваиваетъ свою энергію; ему некогда думать о собственномъ благосостояніи, некогда содержать въ порядкѣ свой дворъ и семью.

Напротивъ того, калужскій крестьянинъ для уплаты оброка долженъ заботиться прежде всего о наибольшей продуктивности своего хозяйства — если земля плохо родитъ, то тотчасъ явится недоимка. Для того же, чтобы земля оправдывала возлагаемыя на нее надежды, о ней нужно заботиться, за ней надо ухаживать, холить ее, имѣть въ должномъ порядкѣ земледѣльческія орудія и рабочій скотъ. Трудовъ одного человѣка слишкомъ мало для этого, и вотъ вся семья помогаесъ своему главѣ и такимъ образомъ привыкаетъ трудиться. Каждый разъ, какъ только освободится отъ обработки земли, крестьянинъ посвящаетъ свое свободное время, вслѣдствіе укоренившейся привычки къ труду, не отдыху, а болѣе легкому труду обхаживанія своего двора.

Типомъ такого оброчнаго крестьянина является Хорь. Онъ, по отзыву его барина, „мужикъ умный,“ понялъ всю выгоду оброчнаго состоянія по сравненію съ барщиннымъ и блестяще доказалъ свою теорію на практикѣ, поселясь одиноко въ лѣсу, обзаведясь образцовымъ хозяйствомъ и аккуратно выплачивая свой сравнительно значительный оброкъ. Правда, въ этомъ ему помогаетъ, быть можетъ, одно исключительное обстоятельство: природа надѣлила его десятью сыновьями. А это подмога немалая, особливо если принять во вниманіе еще и женъ сыновей.

Хорь живетъ зажиточно, домъ его полная чаша. „Особенной чистоты онъ, однако, не придерживается: „надо-де избѣ жильемъ пахнуть.“ По внутреннему складу онъ „человѣкъ положительный,“ практикъ, администраторъ и раціоналистъ. Свое хозяйство онъ содержитъ въ большомъ порядкѣ, крѣпко держа въ рукахъ бразды семейнаго правленія. Его домашніе находятся у него въ полномъ подчиненіи: недаромъ считается

онъ главою дома. Мало обращая вниманія на женскій элементъ, онъ въ то же время успѣваетъ въ надлежащій моментъ приструнить бабъ, если онѣ перейдутъ положенную границу. Даже жена его, злая старуха, безпрекословно исполняетъ волю мужа, въ свою очередь командуя невѣстками.

Хорь близко стоитъ къ людямъ, т. е. хорошо понимаетъ ихъ; онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, много знаетъ, конечно, главнымъ образомъ въ крестьянскомъ быту; у него есть чему поучиться всякому, но и самъ онъ готовъ позаимствовать знаній даже у „любопытнаго народца,“ нѣмцевъ, несмотря на то, что относится къ нимъ иронически, какъ, впрочемъ, и ко всѣмъ людямъ. Такъ, напримѣръ, онъ подсмѣивается и надъ своимъ бариномъ, Полутыкинымъ, такъ какъ видитъ его насквозь. Читать Хорь не умѣетъ, почитая это „баловствомъ“; изъ своихъ сыновей онъ выучилъ грамотѣ одного Ѳедю, своего любимца, который и въ другихъ отношеніяхъ пользуется разными преимуществами передъ своими братьями. Вѣроятно, Хорь готовитъ его въ свои преемники. Изрѣдка на старика находятъ моменты чувствительности — тутъ „Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ... Зато въ другое время не было человѣка дѣятельнѣе“ Хоря.

Къ своему барину Хорь относится почтительно по видимому, въ душѣ же подсмѣивается надъ нимъ. Такъ же почтительно обращается Хорь и съ товарищемъ по охотѣ Полутыкина, авторомъ очерка. Но и ему онъ иронически заявляетъ: „Хорошо, батюшка, дѣлаешь, что больше ружьемъ пробавляешься, чѣмъ въ вотчинѣ живешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще.“ Вообще, Хорь человѣкъ, что называется, себѣ на-умѣ. Авторъ разсказываетъ: „Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьяскомъ бытѣ... Онъ все со мной какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило.“ „Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденья. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними.“

Не таковъ Калинычъ. Постоянная ходьба съ Полутыкинымъ на охоту естественно не даетъ ему времени позаботиться о собственномъ хозяйствѣ, являясь своего рода барщиной.

Невольный охотникъ, хотя и безъ ружья, онъ не слишкомъ отличается отъ двороваго крестьянина. Калинычъ благоговѣетъ передъ Полутыкинымъ, ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька, и вполнѣ заслуживаетъ данную ему аттестацію: „Калинычъ добрый мужикъ, усердный и услужливый; хозяйство въ исправности, одначе, содержать не можетъ.“ Онъ вполнѣ доволенъ участью, всегда веселъ и кротокъ, иногда поетъ довольно пріятно, аккомпанируя себѣ на балайкѣ. Онъ близко стоитъ къ природѣ, понимаетъ и любитъ ее; занимается знахарствомъ и пчеловодствомъ: у него „рука легкая.“ Калинычъ по природѣ своей идеалистъ, мечтатель, романтикъ, ко всему относится восторженно. Онъ не выноситъ, если при немъ отзовутся о Полутыкинѣ непочтительно, и возстаетъ даже противъ своего закадычнаго друга Хоря. Хорь и Калинычъ дружны между собой — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: сильный сильнаго никогда не полюбитъ. У нихъ непремѣнно найдутся точки, на которыхъ они столкнутся — и прощай дружба! Человѣческія отношенія требуютъ господства и подчиненія, однимъ словомъ, неравенства. Калинычъ многое принимаетъ на вѣру, онъ „безъ царя въ головѣ“, т. е. отличается отсутствіемъ иниціативы и даже нѣкоторой безвольностью, являясь продуктомъ крѣпостнаго права. Хорь все долженъ осмыслить, все ставитъ на надлежащее мѣсто.

Такъ же самостоятеленъ и сынъ Хоря, Ѳедя. При отцѣ онъ состоитъ такъ сказать адъютантомъ. Но Хорь не стѣсняетъ его свободы. Ѳедя не хочетъ жениться до поры, до времени, онъ „баловникъ, бѣлоручка“, любитъ щегольнуть и поухаживать за прекраснымъ поломъ; и отецъ не мѣшаетъ ему въ этомъ. Въ отсутствіе Хоря изъ дому Ѳедя принимаетъ гостей, распоряжается ихъ угостить и заложить для нихъ лошадь. Когда же повозка готова, онъ, а не кто-нибудь изъ братьевъ, хотя они присутствуютъ тутъ же, приказываетъ кучеру, пятнадцати-лѣтнему брату: „Смотри же, Ваня, духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!“ Какъ видно, онъ даже въ присутствіи барина не стѣсняется шутить. Надо думать, что Хорь не ошибается, любя его больше другихъ сыновей.

Да и всѣ относятся къ Ѳедѣ хорошо, не исключая и Полутыкина. Впрочемъ, Полутыкинъ и вообще-то безобидный малый.

Такъ, онъ „сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада.“ Изъ этой выписки видна и еще одна черта характера Полутыкина: его практическая неумѣлость, къ области которой слѣдуетъ отнести кромѣ неудачнаго садоводства постройку конторы для денежныхъ сдѣлокъ съ торговцами: въ ней за все ея существованіе было продано лишь четыре десятины лѣсу, а затѣмъ она служила, какъ мѣсто, гдѣ жилъ старикъ сторожъ, поившій Полутыкина и его гостей „хорошей, ключевой водой.“ Недостатокъ практичности и дѣловитости объясняется въ высшей степени просто: Полутыкинъ очень недалекъ въ умственномъ отношеніи. Онъ постоянно повторяетъ одинъ единственный совсѣмъ неудачный анекдотъ; въ литературѣ ничего не смыслитъ; считаетъ долгомъ своимъ держать французскую кухню съ поваромъ, великимъ мастеромъ на приготовленіе кушаній, вкусомъ своимъ напоминающихъ непремѣнно не то, изъ чего кушанье сдѣлано. Почти все свободное время Полутыкинъ посвящаетъ охотѣ, въ чемъ сходится съ авторомъ очерка.

Этотъ послѣдній очерченъ очень слабыми штрихами, и о немъ многаго сказать при всемъ желаніи нельзя. Онъ тоже помѣщикъ; хозяйствомъ не занимается, въ усадьбѣ своей не живетъ, а разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ ради охоты, которой преданъ всей душою. Въ разговорахъ съ Хоремъ ясно видна его „безпочвенность“. Съ одной стороны онъ узнаетъ нѣкоторыя интересныя подробности о деревенской жизни отъ своего собесѣдника, а съ другой даетъ ему совѣты, воображая, что хорошо знакомъ съ крестьянами, ихъ бытомъ и нуждами—и безпрестанно попадаетъ пальцемъ въ небо. Но все же онъ мастерски нарисовалъ въ своемъ очеркѣ картину отношеній и интересовъ помѣщика и его крѣпостныхъ.

Картина эта помимо чисто художественныхъ и литературныхъ достоинствъ важна еще по своему вѣрному и тонкому изображенію деревенской дѣйствительности сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, по своему фактическому матеріалу. Передъ глазами читателя развертывается слѣдующее: отъ ничтожной личности, помѣщика, зависитъ участь такого „столпа“, какъ Хорь, отрываетъ отъ настоящаго дѣла другого сво-

его крѣпостного, да и самъ ничего не дѣлаетъ. Страшно и грустно дѣлается, какъ подумаешь, что такъ было, что такъ могло быть.

Глубокое спасибо Тургеневу, что своими „Записками охотника“ онъ способствовалъ уничтоженію стоглавой гидры, крѣпостнаго права!

Б.

№ 3.

„Бѣжинъ лугъ“ И. С. Тургенева.

Вступленіе. Мѣсто, занимаемое „Бѣжинымъ лугомъ“ въ циклѣ „Записокъ охотника“.

Изложеніе. Содержаніе „Бѣжина луга:

I. Природа:
 1) утромъ,
 2) днемъ,
 3) вечеромъ,
 4) ночью.

II. Вліяніе природы на человѣка:
 1) вліяніе ея на мальчиковъ,
 2) вліяніе на умъ и чувство.

III. Характеристика дѣйствующихъ лицъ:
 1) Ѳеди,
 2) Илюши,
 3) Кости,
 4) Вани,
 5) Павлуши.

Заключеніе. Значеніе „Бѣжина луга“.

Въ „Бѣжинѣ лугѣ“ Тургеневъ раскрываетъ передъ нашими взорами души крестьянскихъ дѣтей. Этимъ очеркомъ онъ дополняетъ широкую картину „Записокъ охотника“, картину, рисующую крѣпостную Русь, гдѣ крестьянинъ выступаетъ передъ нами во весь ростъ, во всѣ поры его многотрудной жи-

зни: мы видимъ его ребенкомъ, молодымъ парнемъ, работникомъ-семьяниномъ, видимъ его и дряхлымъ старикомъ; мы знакомимся со складомъ его жизни и съ его характеромъ; удивляемся его терпѣнію и незлобію; преклоняемся, наконецъ, передъ сокровищами его души.

Но это—одна сторона „Бѣжина луга": здѣсь же авторъ даетъ виртуозное изображеніе іюльскаго дня, гармонически переплетенное съ картиной „ночного".

Лѣтняя ночь коротка. Только что успѣетъ она воцариться надъ природой, какъ востокъ ужъ начинаетъ свѣтлѣть. Узкая, туманная полоска все ширится, разливаясь вправо и влѣво, потомъ начинаетъ алѣть нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ, потомъ краски ея сгущаются, дѣлаются ярче и живѣе... Небо давно уже утратило свою бездонную черноту, звѣзды одна за другой гаснутъ; только самыя яркія изъ нихъ еще борются съ одолѣвающимъ ихъ свѣтомъ, но и тѣ наконецъ исчезаютъ. Вотъ дохнулъ утренній вѣтерокъ, пробудилъ листву деревьевъ и кустовъ и куда-то улетѣлъ. А востокъ все краснѣетъ, да краснѣетъ; свѣтомъ своимъ онъ окрашиваетъ крѣпко спящую предразсвѣтнымъ сномъ красавицу природу; его лучи играютъ въ капляхъ росы, полощутся въ зыби рѣчки, золотятъ бѣлую сельскую церковь. Все уже свѣтло и ясно, но все еще спитъ. Моментъ — и на горизонтѣ вырисовывается край восходящаго солнца. Брызнули во всѣ стороны „сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта." Облака отливаютъ чудно-красивыми переливчатыми тонами, нѣжаясь въ солнечныхъ лучахъ; они ужъ проснулись, природа-же еще не пробудилась. Еще моментъ—и все встрепенулось, „запѣло, зашумѣло, заговорило". „Солнце, свѣтлое и привѣтно-лучезарное, весело и величаво, словно взлетая, всплываетъ" на горизонтѣ.

День начался, погожій іюльскій день. Свѣтлое, но не яркое сіяніе солнца проникаетъ повсюду, раздвигая всѣ преграды. Вѣтви не въ силахъ укрыть отъ его лучей землю. Жаръ довольно великъ, но умѣряется вѣтромъ и „вихри-круговороты высокими столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню."

„Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ." Кое-гдѣ, больше на горизонтѣ, почти неподвижно плаваютъ высоко въ горя-

чемъ воздухѣ лазурныя облака; „они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой.“

„Къ вечеру эти облака исчезаютъ“. Медленно гаснетъ заря; въ воздухѣ, матово освѣщенномъ отблескомъ закатившагося солнца въ верхнихъ его слояхъ, густѣютъ и налетаютъ дымки тѣней. На холмахъ еще совсѣмъ тепло, но по низинамъ уже распространяется неподвижная сырость. На днѣ долины бѣлѣетъ ровной скатертью мокрая трава. Животныя и птицы укладываются спать. Отдаленные отъ наблюдателя предметы различаются съ трудомъ, а скоро и окончательно прячутся въ окружающемъ мракѣ, который надвигается все быстрѣе и быстрѣе.

Великолѣпная русская ночь вступаетъ въ свои права. Темное покрывало надвинуто на луга, озера, лѣса. Загорѣлись, одна вслѣдъ за другой, звѣзды, блистая, какъ драгоцѣнные камни, тонкими разноцвѣтными лучами на сине-черномъ бархатѣ неба. Свѣтлый, радостный день, когда все ясно, отчетливо видно, смѣнился тьмою. Предметы теряютъ свой прежній видъ и принимаютъ иную наружность. Полосы тумана соединяются въ одно цѣлое съ площадями кустовъ, образуя на земной поверхности родъ какого-то толстого покрывала. Холмъ превращается въ рощу. „Синеватая воздушная пустота“ кажется бездонною пропастью. Мѣсто порхающихъ и шумно-поющихъ птицъ заступаетъ угрюмая сова, и летучая мышь беззвучно шастаетъ по воздуху, пугая прохожаго своимъ неожиданнымъ появленіемъ и исчезновеніемъ. Хорошо сидѣть въ это время въ открытомъ полѣ возлѣ пылающаго костра. Чудесная картина рисуется передъ взоромъ сидящаго: „около огней дрожитъ и какъ будто замираетъ, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасываетъ за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ“. Въ костеръ бросаютъ горсть сухихъ сучьевъ. Пламя быстро поднимается кверху, охватываетъ ихъ, жаромъ своимъ коробитъ ихъ. Они трещатъ, дымятся, но это продолжается недолго: костеръ опять горитъ по прежнему. Мракъ кругомъ кажется значительно темнѣе и непроницаемѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; „торжественно и царственно стоитъ ночь“. Все тихо, все спитъ. Звуки замерли. Рѣдко, рѣдко нарушится тишина какимъ-нибудь крикомъ, и испугается всякій, вздрогнетъ, услыхавъ его.

А тутъ еще все въ окружающемъ такъ непривычно, такъ отлично отъ обыкновеннаго своего вида. Всѣ образы перемѣшались между собою, слились, создавая небывалыя существа. Пристально всматривается человѣкъ въ темную завѣсу и въ воображеніи своемъ видитъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Злыя, нечистыя силы простираютъ свою гнетущую власть на души людей.

Если предположить, что различныя повѣрья родились и выросли въ темныя ночи, то врядъ ли ошибка будетъ велика. Утомившійся за день человѣческій умъ перестаетъ подчиняться вслѣдъ за органами чувствъ волѣ и работаетъ въ одномъ направленіи: воображеніе неудержимо создаетъ одинъ фантастическій образъ за другимъ.

Какъ же чувствуютъ себя въ такую ночь пятеро крестьянскихъ мальчиковъ, одни, безъ старшихъ, выѣхавшіе въ ночное? На полѣ пусто, темно. Маленькій костеръ слабо освѣщаетъ мигающимъ огонькомъ вокругъ себя небольшое пространство. До людского жилья далеко... Ни откуда ни звука... Изрѣдка плеснетъ въ рѣкѣ рыба или рѣзко, болѣзненно прокричитъ цапля. Но эти ночные голоса только дополняютъ ночь, увеличивая ея страхи. Сидѣть молча боязно. Мальчики начинаютъ разговаривать. Подчиняясь обстановкѣ, они говорятъ о привидѣніяхъ, лѣшихъ, водяныхъ — вся нечисть русской миѳологіи выступаетъ на сцену. Наряду съ этимъ они разсказываютъ другъ другу разныя страшныя происшествія, случившіяся съ ними самими или слышанныя отъ другихъ. Фантазія играетъ... Но стоитъ лишь освѣтить ее лучами солнца — и все необъяснимое, страшное разсѣется, какъ дымъ. Въ своемъ увлеченіи мальчики не замѣчаютъ, что Ермила былъ пьянъ, когда испугался барана, что кашлять и ходить по мельницѣ могъ Назаровъ, а вовсе не домовой. Правда, не всѣ утрачиваютъ долю здраваго разсудка: Павелъ безстрашно скачетъ одинъ, „безъ хворостинки въ рукѣ“, навстрѣчу предполагаемому волку или идетъ за водой на рѣку. Маленькій Ваня изъ-подъ своей неуклющей рогожи слѣдитъ больше за роскошью звѣзднаго неба, чѣмъ за разсказами товарищей. Онъ даже заинтересовываетъ ихъ, заглушая на время ихъ страхъ и заставляя забыть слегка болѣзненную фантастику разсказовъ. „Гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся,“ гово-

ритъ онъ. За то остальные три мальчика цѣликомъ захвачены областью чудеснаго.

Самый старшій изъ всѣхъ пятерыхъ, Ѳедя, сынъ зажиточнаго крестьянина, держалъ себя съ достоинствомъ, говорилъ мало. Онъ былъ „запѣвалой“ въ средѣ своихъ товарищей—запѣвалой признаннымъ: онъ начинаетъ прерванный разговоръ „съ покровительствующимъ видомъ“ обѣщаетъ за всѣхъ выслушать разсказъ Кости. Да это и понятно: онъ и одѣтъ лучше всѣхъ, въ спеціально сшитый для него армякъ и сапоги, и въ ночное поѣхалъ „не по нуждѣ, а такъ, для забавы.“

„Лицо Илюши было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость;“ въ движеніяхъ видна была нервность. Работая на фабрикѣ, онъ, вѣроятно, видѣлъ много ребятишекъ изъ разныхъ деревень и наслушался отъ нихъ всякихъ небылицъ. Отсюда его большая освѣдомленность въ мірѣ нечистой силы.

Костя произодилъ отрадное впечатлѣніе своими громадными блестящими глазами и „задумчивымъ и печальнымъ взоромъ“. Казалось, что онъ силится что-то сказать — дайте ему только побольше словъ, и онъ заговоритъ сначала робко, нерѣшительно, потомъ рѣчь его окрѣпнетъ и, пожалуй, со временемъ станетъ „глаголомъ жечь сердца людей“. Въ немъ посѣяно зернышко поэзіи.

Семилѣтній Ваня „смирнехонько прикурнулъ подъ рогожу“ и во всю ночь не вылѣзъ изъ-подъ нея. Онъ еще совсѣмъ ребенокъ, ласковый и добрый. Товарищи его не обижаютъ, напротивъ, они о немъ заботятся; да и нельзя не полюбить его: онъ самъ всѣхъ любитъ. Авторъ очерка дѣлитъ свои симпатіи между нимъ и Павлушей. Ваня подкупаетъ Тургенева своей невинностью, а Павлуша — дѣловитостью, храбростью.

„Малый былъ Павлуша неказистый, — что и говорить!“ Скуластое рябое лицо не красило его всклокоченной, „съ пивной котелъ“ головы, но отличалось умнымъ и прямымъ выраженіемъ. Онъ обладаетъ многими положительными свѣдѣніями: знаетъ, что волки лѣтомъ не страшны, что есть земля, гдѣ зимы не бываетъ, узнаетъ крикъ цапли и куликовъ. Его разсказы носятъ реальный характеръ. Съ большимъ юморомъ передаетъ онъ страхи, вызванные солнечнымъ затменіемъ; това-

рищи смѣются надъ перепугавшимися сельчанами, принявшими бочара съ надѣтымъ на голову жбаномъ за „Тришку“.

Мальчики растутъ на лонѣ природы. Воспитанія они не получаютъ почти никакого, а образованія и подавно. Они по мѣрѣ силъ своихъ помогаютъ старшимъ нести бремя тяжелаго труда. Крестьянинъ послѣ цѣлаго дня работы нуждается въ отдыхѣ. Скотинѣ тоже надо возстановить силы, чтобы на слѣдующій день быть въ состояніи помогать хозяину — въ ночное отправляются ребятишки.

Что же такое хотѣлъ сказать „Бѣжинымъ лугомъ“ Тургеневъ? Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что очеркъ входитъ въ составъ „Записокъ охотника,“ о значеніи которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, остановимся на „Бѣжинѣ лугѣ“, какъ поэтическомъ произведеніи. Читатель весь переносится въ Чернскій уѣздъ Тульской губерніи, любуется красотами его природы, смотря на нее сквозь призму, данную ему великимъ художникомъ, и заглядываетъ въ души деревенскихъ мальчиковъ. Одни изъ нихъ, какъ Ваня, Ѳедя, еще не вкусили тяжести постоянной, упорной, неизбѣжной работы. Другіе уже хорошо знакомы съ нею. Илюша вмѣстѣ съ братомъ своимъ состоитъ въ „лисовщикахъ“ на бумажной фабрикѣ; Павелъ уже осмысленно смотритъ на жизнь; пора дѣтства для него прошла. Десятилѣтній Костя носитъ въ себѣ задатки высшихъ интересовъ. Предъ очами читателя вырисовывается будущее поколѣніе русскаго крестьянства, которому удалось въ зрѣлыхъ годахъ услышать манифестъ 19-го февраля. Читатель видитъ, что они заслужили этотъ манифестъ...

Б.

№ 4.

Типы созерцателей изъ „Записокъ охотника“.

Вступленіе. Объясненіе понятія „созерцатель“.

Изложеніе. Характеристика крестьянъ-созерцателей изъ „Записокъ охотника“.

I. Касьяна съ Красивой-Мечи:
   1) любовь къ природѣ,
   2) знаніе природы и животныхъ,
   3) міровоззрѣніе, основанное на правдѣ Божіей,
   4) крѣпость этого міровоззрѣнія,
   5) отношеніе къ Касьяну крестьянъ.

II. Степушки:
   1) полная безобидность,
   2) любовь къ скитаньямъ,
   3) молчаливость,
   4) умственная недалекость.

III. Сучка:
   1) забитость,
   2) задумчивость,
   3) отупѣлость.

IV. Лукерьи:
   1) до болѣзни:
      а) веселость,
      б) живость,
      в) любовь къ природѣ,
      г) умъ;
   2) во время болѣзни:
      а) развитіе религіознаго чувста и покорность Провидѣнію,
      б) прозвище „живыя мощи“,
      в) созерцаніе,
      г) болѣзненный мистицизмъ,
      д) поэзія видѣній.

V. Калиныча:
   1) поэтическая жилка,
   2) романтичность, восторженность и мечтательность,
   3) любовь къ природѣ,
   4) музыкальность.

VI. Кости:
   1) задумчивость и печальность взгляда,
   2) характерныя особенности его разсказа,
   3) созерцательность.

Заключеніе. Какъ и почему создаются созерцатели.

Созерцатель-замкнутая, впечатлительная личность. Временами находятъ на созерцателя полосы отрѣшенія отъ всего окружающаго; онъ ничего не видитъ, кромѣ поразившаго его явленія, ничего не замѣчаетъ. Чтобы вывести его изъ столбняка, необходимо оказать какое нибудь физическое воздѣйствіе — толкнуть что-ли, ударить по плечу, потому что если онъ слишкомъ углубится въ свое созерцаніе, то ужъ ничего не слышитъ, не видитъ, даже если встать передъ нимъ. Главнымъ импульсомъ, вызывающимъ на созерцаніе, является природа, но отнюдь не она одна: созерцателя можетъ поразить чей-нибудь поступокъ, какое-либо умозаключеніе.

Безусловно, созерцатель живетъ больше сердцемъ, чѣмъ головою, но и голова тоже дѣйствуетъ. Свои выводы, свои впечатлѣнія созерцатели копятъ часто безсознательно, сами не зная зачѣмъ. Впрочемъ, безсознательно обыкновенно копятся впечатлѣнія, вытекшія изъ того или другого чувства, напримѣръ, восхищенія красотами природы, музыки, тогда какъ умственные выводы слагаются въ цѣлыя философскія системы, подчасъ, правда, довольно нелѣпыя. Молчаливость обыкновенно дѣлаетъ то, что незнакомый съ созерцателемъ человѣкъ никакъ не ожидаетъ встрѣтить въ немъ своеобразную личность; къ нимъ въ особенности приложима пословица: по одеждѣ встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Громадное большинство созерцателей встрѣчается среди народа, да оно и понятно: они до всего доходятъ своимъ умомъ. Изъ нихъ вербуются кадры сектантскихъ проповѣдниковъ, изобрѣтателей — самоучекъ, старающихся сдѣлать такую штуку, которая бы сама показывала опредѣленные промежутки времени, т. е. обыкновенные часы. Впечатлѣнія и выводы умѣщаются въ головѣ созерцателя въ неожиданныя комбинаціи: одинъ и тотъ же человѣкъ способенъ и зарѣзать и затвориться въ скиту. Живетъ себѣ созерцатель тихо, скромно, никто его не трогаетъ, и самъ онъ никому не мѣшаетъ. Вдругъ его точно муха какая укуситъ: выкинетъ колѣнце всѣмъ на удивленье.

Работники они въ большинствѣ случаевъ плохіе, слабосильные.

Итакъ, созерцатель есть человѣкъ, временами впадающій въ остолбенѣніе, когда онъ созерцаетъ; онъ не мыслитъ, потому что мыслятъ логически, сознательно, тогда какъ созерцаютъ въ наисокровеннѣйшей глубинѣ своего я, невольно,

въ высшей степени духовно. А это ужъ не размышленіе, а созерцаніе.

Внѣ моментовъ созерцанія созерцатели поступаютъ часто вполнѣ нормально.

Таковъ Касьянъ съ Красивой-Мечи. Онъ очень близко знакомъ съ природой и очень ее любитъ. Съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ и умѣніемъ разсказываетъ онъ о своихъ странствованіяхъ, давшихъ ему богатый запасъ знаній и замѣчаній. „Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь — и Господи, Боже мой, что это? а?... и рѣка то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ, какъ далеко видно... смотришь, смотришь, ахъ ты, право!" А во время скитаній „и солнышко на тебя смотритъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь, — трава какая растетъ; ну, замѣтишь, — сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну напьешься, — замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... А то, за Курскомъ, пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленіе, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія-то благодать!" Дальше за этими степями лежитъ волшебная страна, гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ Гамаюнъ птица сладкогласная живетъ, гдѣ круглый годъ листва на деревахъ зеленая, и золотыя яблоки зрѣютъ. Хотѣлъ бы Касянъ посмотрѣть на все это. Много уже мѣстъ исходилъ онъ отъ Оки до Волги, отъ Роменъ до Москвы, много видѣлъ людей и обычаевъ. Не мало такихъ же, какъ и онъ, странниковъ на святой Руси, и всѣ-то они бродятъ, „правды ищутъ", рѣшаютъ вѣчный вопросъ „что есть истина". При странствіяхъ своихъ они прислушиваются къ говору природы, изучаютъ ея языкъ. Касьянъ очень удачно передразниваетъ маленькихъ сѣрыхъ птичекъ, чиликаетъ въ подражаніе перепелу, подхватываетъ пѣсенку жаворонка. Чуть не всѣ травы знаетъ онъ, знаетъ, какая цѣлебная, какая добрая, чистая, какая связана сь грѣхомъ. Все его міросозерцаніе основано на правдѣ, какъ она ему представляется.

„Святое дѣло кровь! — говоритъ онъ. — Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ..." Поступать во всемъ надо, сообразуясь съ указаніями священнаго писанія, даже въ выборѣ пищи. Гуси или куры Богомъ опредѣлены

для человѣка, „а коростель — птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой, — и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая, пища ему другая и другое питье: хлѣбъ Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ."

— „Такъ и рыбу по твоему грѣшно убивать?"—спросилъ его авторъ.

— „У рыбы кровь холодная, — возразилъ онъ съ увѣренностью: — рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая..."

Попробуйте-ка разубѣдить Касьяна въ его мнѣніи на счетъ рыбьей нечувствительности или еще въ чемъ нибудь — и вы поразитесь его упорствомъ; онъ попросту не станетъ васъ слушать. Крѣпко стоитъ онъ на своемъ знаніи, ничѣмъ его не спихнешь. Онъ дожилъ до пятидесяти-лѣтняго возраста и за это время его міровоззрѣніе твердо опредѣлилось; онъ дорожитъ имъ и вѣритъ въ него свято. Неужели же на старости лѣтъ ему мѣнять свою религію, если можно такъ выразиться? Да она срослась съ нимъ, она его дѣтище, имъ рожденное и выхоженное. Благодаря ей, у него на все готовъ отвѣтъ, все предусмотрѣно и опредѣлено. Люди называютъ Касьяна „несообразнымъ, непостояннымъ, несоразмѣрнымъ" человѣкомъ, „юродивцемъ". Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ свойственно обыкновенному, среднему крестьянину подводить тѣ или другія явленія подъ заранѣе установленный критерій? Они живутъ, какъ всѣ, какъ отцы жили, а Касьянъ мыслитъ и чувствуетъ по своему.

Такой же „юродивецъ", какъ и Касьянъ, Степушка („Малиновая вода"), но его можно назвать и въ прямомъ смыслѣ слова юродивымъ. „У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва ли числился."

„Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣти, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ". Никого онъ не безпокоилъ, никто имъ не интересовался. Онъ „и не жилъ у садовника: Степушка обиталъ, виталъ на огородѣ". А то вдругъ исчезнетъ дня на два — гдѣ

онъ пропадалъ — одинъ онъ зналъ. Молчаливъ Степушка былъ необычайно. Только иногда, слишкомъ, вѣроятно, задѣтый чѣмъ-нибудь, заговоритъ онъ, но сейчасъ же смѣшается и смолкнетъ... Въ такихъ случаяхъ на него глядѣли съ удивленіемъ. И словъ-то, прочемъ, онъ не произносилъ какъ слѣдуетъ, такъ что и понять его было трудно. Находили на него моменты задумчивости; онъ забывался, сидя гдѣ-нибудь на рѣчкѣ или въ лѣсу, и, окликнутый, точно просыпался отъ невѣдомыхъ грезъ. Онъ былъ не совсѣмъ нормаленъ умственно съ дѣтства; физическимъ здоровьемъ тоже не отличался.

Такой же забитой личностью надо признать и Сучка („Льговъ"). Онъ побывалъ въ такихъ передѣлахъ, какихъ никто не вынесъ бы безнаказанно. И онъ, какъ Степушка, всякій разъ, какъ къ нему обращались съ вопросомъ, какъ бы просыпался отъ задумчивости безъ мыслей. Его тоже можно отнести къ разряду созерцателей, но разумѣется, съ извѣстными ограниченіями; слишкомъ онъ исковерканъ жизнію; онъ созерцаетъ больше въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ въ спеціальномъ.

За то Лукерья („Живыя мощи") представлается типичной созерцательницей сь ясной и точной формулировкой своего состоянія въ періоды созерцанія. Будучи уже взрослой дѣвушкой, она несчастливо упала и изъ-за этого навсегда лишилась здоровья, проживши послѣ паденья всего девять—десять лѣтъ. Еще до роковаго случая она любила попѣть, поплясать, вслушаться въ пѣснь соловья; любила цвѣты и ихъ ароматъ; слыла умницей, чаровницей. Когда же ее постигла болѣзнь, Лукерья оказалась вынужденной одиноко лежать и страдать. Всѣ о ней позабыли, послѣ того какъ барыня отказалась отъ надежды вылѣчить ее. Лукерьѣ ничего не оставалось, какъ думать да глядѣть, тѣмъ болѣе, что говорить ей было трудно и не съ кѣмъ. Въ ней развилось сильное религіозное чувство и покорность Провидѣнію. Она не жаловалась по поводу своего несчастія: она нашла себѣ утѣшеніе въ религіи. „На что стану я Господу Богу наскучать? — говорила она. — О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ, меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳисъ Всѣмъ скорбящимъ, — да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!" Ея физическая

безпомощность такъ подѣйствовала на ея внутренній міръ, что крестьяне, удивляясь ея нравственной чистотѣ, прозвали ее „Живыми мощами“; а мѣстный священникъ заявилъ ей: „тебя исповѣдывать нечего: развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь?“ Она дошла до такого смиренія, что чувствуетъ себя довольной своимъ положеніемъ; никому не докучаетъ бѣдная больная, всѣхъ благодаритъ. Къ концу своей болѣзни она пріучила себя не думать о прошломъ, не отдаваться воспоминаніямъ: время такъ проходитъ скорѣе. Тутъ-же она сдѣлалась истинной созерцательницей. Сама она такъ передаетъ свое состояніе; „Лежу я себѣ, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся тутъ. Смотрю, слушаю... И словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я — живая! И чудится мнѣ, будто меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе, даже удивительное!“ И не растолкуешь, о чемъ размышляешь въ такой моментъ. „Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было — не поймешь!“ У Лукерьи созерцаніе началось довольно поздно, не съ дѣтства, поэтому она въ моментъ нашего знакомства съ нею еще не успѣла вполнѣ создать своего собственнаго міровоззрѣнія, но задатки его уже видны: ея удивительное незлобіе, довольство всѣмъ окружающимъ — ненормальныя явленія, отзывающіяся болѣзненнымъ мистицизмомъ. А ея въ высшей степени оригинальные сны — развѣ же это не видѣнія? Вотъ одинъ изъ нихъ для образчика: „Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь такая высокая, спѣлая, какъ золотая!... И будто со мной собачка рыженькая, злющая — презлющая, — все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ, когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до-чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпитъ, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася притти обѣщался — такъ вотъ я сперва себѣ вѣнокъ совью; жать-то я еще успѣю. А между тѣмъ, я слышу — кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: Луша! Луша!... Ай, думаю, бѣда — не успѣла вѣнокъ свить! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто ва-

сильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь— по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорёхонько — только не Вася — а самъ Христосъ; и почему я узнала, что это Христосъ — сказать не могу, — такимъ Его не пишутъ, — а только Онъ!" Почва для такихъ сновидѣній несомнѣнно подготовлена созерцаніями. Они полны истинной поэзіи.

Вообще, поэтическая жилка очень сильно развита у созерцателей. Мы видѣли ее и у Касьяна, видимъ у Лукерьи, съ нею же мы встрѣтимся у Калиныча („Хорь и Калинычъ"). „Калинычъ принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ." Онъ очень близко стоялъ къ природѣ, зналъ и любилъ ее. При разсказахъ автора очерка о чужеземщинѣ его особенно занимали и трогали „описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ." Онъ выражалъ свой интересъ и восхищеніе восклицаніями, въ родѣ: „А! ахъ, Господи, Твоя воля"! На замѣчаніе автора, что, дескать, завтра будетъ хорошая погода, Калинычъ возразилъ: „нѣтъ дождь пойдетъ, — утки, вонъ, плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ". Иногда „Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ". Онъ былъ вполнѣ доволенъ своею участью, будучи свободенъ отъ работы и бродя съ своимъ бариномъ-охотникомъ по лѣсамъ и полямъ: онъ находился почти все время среди природы, которая такъ его захватывала. Потому же и „пчелы ему дались" — Калинычъ съ любовью относился къ нимъ. При видѣ красоты обагреннаго горизонта на западѣ вскорѣ послѣ захода солнца, онъ не могъ глазъ отвести оттуда, напѣвалъ вполголоса „и все глядѣлъ, да глядѣлъ на зарю"... Кто знаетъ, что онъ видѣлъ въ это время? Пожилой уже человѣкъ, онъ, вѣроятно, съ дѣтства почувствовалъ себя какъ нельзя болѣе на мѣстѣ среди красотъ нашей природы.

Въ этомъ онъ сходится съ десятилѣтнимъ Костей („Бѣжинъ лугъ"), который уже обладаетъ многими задатками будущаго созерцателя. Взоръ у него задумчивый и печальный; его огромные, черные глаза, „казалось, хотятъ что-то высказать, для чего на языкѣ, — на его языкѣ, по крайней мѣрѣ,— нѣтъ словъ". Когда онъ разсказываетъ своимъ товарищамъ

слышанную отъ отца исторію про плотника Гаврилу, то въ его разсказѣ встрѣчается много подробностей, навѣрное добавленныхъ имъ самимъ и отличающихся особымъ колоритомъ: „Зоветъ его русалка, и такая сама вся свѣтленькая, бѣленькая, сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный.“ — „Волосы у русалки зеленые, что твоя конопля.“ — „Голосокъ у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.“ Тутъ, на какой нибудь полстраницѣ, три сравненія, выхваченныя изъ дѣйствительности, наблюденные и запомненные Костей. У него они вставлены въ разсказъ невольно, незамѣтно для самого разсказчика, какъ явленіе самое обыденное. Онъ какъ бы видить Гаврилу въ лѣсу передъ сидящей на вѣткѣ русалкой, какъ бы слышитъ ихъ разговоръ, и передаетъ свои впечатлѣнія отъ полученной такимъ образомъ картины. А какъ любовно вспоминаетъ онъ объ утонувшемъ Васѣ; онъ пересказываетъ своимъ товарищамъ о немъ, хотя они и сами знали Васю, но успѣли уже о немъ позабыть. Когда послышалось посвистыванье летящихъ куликовъ, онъ первый замѣтилъ его и одинъ заинтересовался объясненіемъ Павла, что есть земля, гдѣ „зимы не бываетъ.“ Послѣ этого объясненія онъ „вздохнулъ и закрылъ глаза“: еще прибавилось одно замѣчаніе къ добытому прежде запасу.

Въ „Запискахъ охотника“ мы познакомились съ шестью созерцателями; трое изъ нихъ — Касьянъ, Калинычъ и Лукерья — грамотны. Это въ высшей степени замѣчательное явленіе, если принять во вниманіе обстановку, въ которой они живутъ. Чѣмъ же это объяснить? Дѣло въ томъ, что созерцаніе ихъ облагораживаетъ, само по себѣ являясь свойствомъ, несовсѣмъ обыкновеннымъ. Оно выростаетъ на почвѣ неудовлетворительности жизненныхъ условій. Сегодня достается человѣку ни за что, ни про что, завтра, послѣзавтра, недѣлю, мѣсяцъ, годъ одинъ за другимъ, наконецъ — онъ начинаетъ размышлять, въ чемъ тутъ разгадка такого положенія. Не слишкомъ много ума нужно ему, чтобы распознать суровую дѣйствительность и ея подкладку, чтобы понять, что выхода нѣтъ или почти нѣтъ. Сознавши же это, будущій созерцатель старается забыть горькую правду, мало-по-малу появляется созерцаніе, сначала рѣдко, неполно, потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Понятное дѣло, что, чтобы сдѣлаться созерцателемъ, не-

обходимо обладать извѣстными качествами, безъ которыхъ созерцать невозможно; разумѣется также, что указанный путь къ созерцанію не единственный: это одинъ изъ многочисленныхъ путей, ведущихъ къ одинаковому результату. Такова же, напримѣръ, и болѣзненность, какъ мы и видѣли это на Лукерьѣ, или поэтическія склонности, какъ у Кости. Во всякомъ случаѣ созерцатели встрѣчаются вовсе не рѣдко, но не всегда они выдѣляются изъ среды окружающихъ, такъ какъ созерцаніе не составляетъ преобладающей черты ихъ характера, являясь однимъ изъ придатковъ, какихъ нѣтъ у другихъ. Основано оно всегда на особомъ фундаментѣ въ видѣ различныхъ душевныхъ свойствъ, безъ которыхъ невозможна его наличность. Таковы сильная впечатлительность, мечтательность, нервность, поэтическое чувство и нѣк. др. Окружающіе относятся къ созерцателямъ, какъ не къ совсѣмъ нормальнымъ личностямъ, не понимая часто ихъ поведенія.

Б.

№ 5.

Типы крестьянъ у Тургенева.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Общій малоутѣшительный характеръ „мужика“ у Тургенева, и отношеніе къ нему автора.

Изложеніе. Частныя характеристики крестьянъ:

I. Практики:
   1) Хорь,
   2) Николай Ивановичъ,
   3) Акимъ Семеновъ.

II. Идеалисты:
   1) Калинычъ,
   2) Касьянъ.

III. Представители стихійной силы:
1) Герасимъ,
2) Бирюкъ.

IV. Крѣпостной „міръ“ и отдѣльные его представители.

Заключеніе. Общественное значеніе рисуемыхъ Тургеневымъ картинъ крѣпостнаго крестьянскаго быта.

Печальное впечатлѣніе производятъ нарисованныя Тургеневымъ картины крестьянской жизни преимущественно въ „Запискахъ Охотника“, въ „Постояломъ дворѣ“, „Муму“ и отчасти въ другихъ его произведеніяхъ. Мужикъ бѣденъ, голоденъ и не умѣетъ и не можетъ поправить своего хозяйства. Хорошіе задатки, которые мы видимъ въ набросанныхъ портретахъ крестьянскихъ дѣтей и болѣе или менѣе положительныхъ типовъ взрослаго крестьянина, по большей части глохнутъ, не находя благопріятныхъ условій для своего развитія; отрицательныя черты, наоборотъ, подъ вліяніемъ среды развиваются сильнѣе, и понемногу вырабатывается тотъ типъ русскаго мужика, эскизы котораго преобладаютъ въ произведеніяхъ Тургенева, что, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности (современной автору, конечно).

Вотъ этотъ типъ, этотъ общій характеръ тургеневскаго мужика: онъ бѣденъ и неопрятенъ и въ то же время безпеченъ и лѣнивъ; но едва выбившись изъ бѣдственнаго своего положенія, немного разжившись, онъ становится трудолюбивымъ и внимательнымъ хозяиномъ, и изъ недалекаго и простоватаго съ виду оказывается на дѣлѣ хитрымъ и „себѣ на умѣ“; онъ флегматикъ, но упрямъ, грубъ и подчасъ жестокъ; добившись болѣе высокаго положенія, онъ презрительно и гордо обращается съ низшими, но къ барину всегда чувствуетъ благоговѣніе и высказываетъ рабскую покорность; невѣжество и болѣзненная наклонность къ пьянству губятъ его; но онъ тупо равнодушенъ къ своему и чужому горю и даже къ смерти. Но сквозь эту отрицательную внѣность хирактера въ немъ всегда можно замѣтить и симпатичныя черты какъ бы „скрытой добродѣтели“, и онъ возбуждаетъ не отвращеніе и презрѣніе, а сочувствіе и жалость, да сознаніе ненормальности окружающихъ его условій.

Тургеневъ, лучше чѣмъ кто-либо знавшій русскаго крестьянина, именно такъ относился къ нему, понималъ, кто виноватъ въ томъ, что такъ складывается характеръ мужика, и его „Записки Охотника“ явились горячимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, противъ деспотическаго отношенія помѣщиковъ и вообще рабовладѣльцевъ къ крѣпостнымъ, противъ ненормальнаго экономическаго положенія крестьянина, наконецъ, противъ довольно распространеннаго мнѣнія, что мужикъ не способенъ „чувствовать“, что онъ — не человѣкъ.

Какъ крестьяне, такъ и дворня, художественно, вѣрно и правдиво изображены Тургеневымъ и одинаково заслуживаютъ вниманія.

Но остановимся сначала на крестьянахъ.

Тургеневъ не идеализируетъ мужика; да онъ и не можетъ этого сдѣлать; мрачныя стороны крестьянской жизни настолько заслоняютъ въ дѣйствительности малую долю кой-чего положительнаго, что до идеализаціи очень далеко. Но нѣсколько фигуръ выдѣляются у него надъ остальными болѣе или менѣе положительными чертами своего характера. Есть и такіе, которые благодаря силѣ воли и трудолюбію, добились болѣе удовлетворительнаго матеріальнаго положенія, „выбились“, что называется, и сдѣлались зажиточными хозяевами.

Къ этой категоріи крестьянъ-практиковъ слѣдуетъ прежде всего отнести Хоря. Выводя двухъ пріятелей—Хоря и Калиныча, Тургеневъ даетъ намъ самъ полную характеристику того и другого. Вотъ что онъ говоритъ про Хоря:

„Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ;—онъ понималъ дѣйствительность, то-есть: обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и прочими властями; Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина... Калиныча любилъ и оказывалъ ему покровительство... говорилъ Хорь мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя.“

Добавимъ къ этому, что Хорь „много видѣлъ, много зналъ“, торговалъ „маслишкомъ и дегтишкомъ“ и скопилъ порядочную деньгу, но на волю не выкупался пока изъ особыхъ разсчетовъ: „попалъ Хорь въ вольные люди, — кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и наибольшій... ...знать Хорь прямо

въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хороша, да и тѣ въ бородахъ.“

Замѣтимъ еще... что Хорь съ невѣжественнымъ презрѣніемъ относился къ „бабѣ“ и смотрѣлъ на нее, какъ на вещь или домашнее животное, — и портретъ Хоря оконченъ.

Отличающей Хоря чертой является его отношеніе къ барину-помѣщику. Онъ какъ будто сознаетъ несправедливость ненормальныхъ отношеній между бариномъ и мужикомъ. Такъ, напримѣръ, онъ споритъ съ Калинычемъ, доказывая ему, что баринъ долженъ дать ему, Калинычу, на сапоги, такъ какъ постоянно таскаетъ его съ собой на охоту. Къ автору очерка Хорь въ разговорѣ относится какъ-то снисходительно-иронически. „—Больше, чай, ружьемъ пробавляешься?—оканчиваетъ онъ свой разговоръ съ нимъ. „И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще.“

Такимъ же хозяйственнымъ человѣкомъ является Николай Ивановичъ въ „Пѣвцахъ. „У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій... Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно, или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и пляскахъ.“ Николай Ивановичъ извѣстенъ въ околоткѣ, какъ привѣтливый хозяинъ, и его кабакъ никогда не пустуетъ. Николай Ивановичъ пользуется даже нѣкоторымъ вліяніемъ. „Его сосѣди уважаютъ... онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго, и т. д.

Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ. Нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе... „Но ничто не гарантируетъ крестьянина-практика отъ различныхъ превратностей его зависимаго положенія. Это мы видимъ на третьемъ представителѣ этого типа, какимъ является Акимъ Семеновъ. Онъ началъ съ извоза, понемногу разжился, завелъ постоялый дворъ и совсѣмъ было уже „остепенился“, но страсть къ „бабамъ“ его сгубила. Онъ, пожилой уже мужикъ, влюбляется въ барынину молоденькую горничную и, почти противъ ея воли, же-

нится на ней. Сначала все идетъ хорошо, но потомъ на сцену является Наумъ Ивановичъ, мелкій торговецъ, который соблазняетъ его жену, а потомъ на вытребованныя отъ Авдотьи собственныя Акимовы деньги покупаетъ у его барыни Акимовъ постоялый дворъ, купчая на который писана на ея имя.

Акимъ падаетъ духомъ; да и есть отъ чего: его собственный постоялый дворъ, который уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ для него единственной доходной статьей, покупаетъ чужой человѣкъ на его собственныя деньги и покупаетъ не у него, а у его барыни, безсовѣстно пользующейся весьма сомнительнымъ правомъ на имущество своихъ крѣпостныхъ.

Акима совершенно сразило его горе. Отъ барыни онъ ничего не можетъ добиться, соображаетъ, что дѣло сдѣлано, и его не поправить, и вотъ онъ съ горя два дня пьянствуетъ со случайно встрѣтившимся ему дьячкомъ Ефремомъ, отчаяннымъ пьяницей. Вино дѣлаетъ свое дѣло: страсти разгораются, и Акимъ рѣшается въ отместку поджечь дворъ, въ который уже переселился Наумъ Ивановичъ со своими работниками. Но остроумый Наумъ Ивановичъ спитъ чутко и ловитъ Акима на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ: тлѣющей головней и кухоннымъ ножомъ. Акима сажаютъ на ночь въ подвалъ съ тѣмъ, чтобы поутру отвезти его въ городъ. Акимъ отрезвляется, и за ночь съ нимъ происходитъ переворотъ: съ Наумомъ Ивановичемъ онъ считаетъ себя „квитомъ“, а всѣ свои несчастія приписываетъ своимъ „прегрѣшеніямъ“:

...„лѣта мои старыя, пора о душенькѣ своей подумать. Меня самъ Господь вразумилъ. Вишь, я, старый дуракъ, съ молодой женой хотѣлъ въ свое удовольствіе пожить... Нѣтъ братъ-старикъ, ты сперва помолись да лбомъ о земь постучи, да потерпи, да попостись...“ говорилъ онъ Авдотьѣ. Наума Ивановича Акимъ оставляетъ въ покоѣ и отправляется странствовать. „Вездѣ, куда только стекаются богомольные русскіе люди, можно было увидѣть его исхудавшее и постарѣвшее, но все еще благообразное лицо: и у раки св. Сергія, и у Бѣлыхъ береговъ, и въ отдаленномъ Валаамѣ; вездѣ бывалъ онъ... Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много говорили о его набожности и смиренномудріи тѣ люди, которымъ удалось съ нимъ бесѣдовать.“ Акимъ простилъ и Наума Ивановича, и Авдотью, которой отдалъ все оставшееся имущество, и барыню, которой, когда воз-

вращался домой, никогда не забывалъ принести просвиру съ вынутымъ заздравнымъ...

Противоположностью категорiи хозяйственныхъ крестьянъ являются (мы будемъ говорить сначала о болѣе или менѣе положительныхъ типахъ) крестьяне - идеалисты, мечтатели, совершенно не заботящiеся о своемъ матерiальномъ благоденствiи и довольствующiеся тѣмъ, что имѣютъ возможность жить и смотрѣть на прекрасный Божiй мiръ. Сюда относятся два нарисованныхъ Тургеневымъ въ „Запискахъ Охотника“ типа: Калинычъ и Касьянъ съ Красивой-Мечи. „Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ вполголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь, прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукой за свою жидкую клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченiе дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ.“

Хозяйствомъ Калинычъ не занимается, т. к. его отвлекаетъ охота съ бариномъ, къ которому онъ относится съ благоговѣнiемъ: „Ужъ, ты, Хорь, у меня его не трогай“, говоритъ онъ, когда тотъ нападаетъ на барина.

„Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ... у него была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе... Объяснялся Калинычъ съ жаромъ...“ Калинычъ совершенно доволенъ своимъ положенiемъ, вѣритъ слѣпо (онъ не любитъ разсуждать), что все такъ должно быть и что все прекрасно. Къ Хорю Калинычъ чувствуетъ уваженiе и, очевидно, любитъ его. ...„Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую онъ нарвалъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленiемъ посмотрѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика“.

Такимъ образомъ авторъ открываетъ въ мужикѣ такiя черты, существованiя которыхъ онъ самъ и не подозрѣвалъ раньше: мужикъ, оказывается, можетъ не только „чувствовать,“ но даже питать нѣжное чувство, вызываемое не физiологическими какими-нибудь причинами, а тѣмъ, что онъ-человѣкъ. Homo sum et nil humanum mihi alienum est. Но вмѣстѣ съ

такими человѣческими чертами въ Калиничѣ совмѣщается отсутствіе чувства собственнаго достоинства. Онъ рабски преданъ Полутыкину и убѣжденъ, что исполнять всѣ прихоти барина — его обязанность. Это, конечно, слѣдствіе его крѣпостного положенія, окружающей его крѣпостной среды, крѣпостническихъ убѣжденій...

Другой идеалистъ и мечтатель — Касьянъ съ Красивой-Мечи. Онъ хозяйствомъ, какъ и Калинычъ, не занимается, но не потому, чтобы ему мѣшалъ кто-нибудь, а потому что „работникъ онъ плохой... здоровья нѣтъ, и руки глупы“. „Отъ рукъ отбился тоже... отъ работы, то-есть“ — говоритъ про него кучеръ Ерофей. — Ну, конечно, что онъ за работникъ, — въ чемъ душа держится, — ну, а все-таки... Вѣдь онъ сызмальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну, а потомъ, знать, наскучило — бросилъ. Сталъ дома жить, да и дома-то не усиживался: такой безпокойный, — ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый — не принуждалъ. Вотъ онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная...“ Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ,“ говоритъ самъ про себя Касьянъ, — „съ меня хлѣбушка то всюду вдоволь народится...“ Касьянъ еще ближе Калиныча стоитъ къ природѣ и любитъ ее больше. Проливать кровь, „показать“ ее свѣту, отъ котораго она прячется—великій грѣхъ и страхъ: „кровь— святое дѣло кровь! — говоритъ онъ — кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется...“ Впрочемъ, убивать „тварь ручную“, которая „отъ древнихъ отцовъ“ — Касьянъ грѣхомъ не считаетъ: она — „Богомъ опредѣлена для человѣка“. У него твердыя убѣжденія въ основныхъ понятіяхъ по зоологіи: „у рыбы кровь холодная — рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая...“

Всякую же лѣсную, полевую, рѣчную, болотную, и луговую, и верховую, и низовую тварь убивать грѣхъ — „пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла...“

Человѣка Касьянъ не особенно уважаетъ за то, что „справедливости въ человѣкѣ нѣтъ“; но онъ вѣритъ, что есть гдѣ то блаженная страна, „гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревьевъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ

всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости.“ Дойти до этой страны Касьянъ никакъ не можетъ, хоть много ужъ исходилъ, ища справедливости, какъ и „много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ...“

Касьянъ и философъ, и поэтъ, и лѣкарь, и заговаривать умѣетъ. Медицинскія его убѣжденія имѣютъ много общаго съ распространенной теоріей самоисцѣляющаго дѣйствія природы: „Какая я лѣкарка! — говоритъ онъ — и кто можетъ лѣчить? Это все отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ точно.“ Онъ, такимъ образомъ, признаетъ, что исцѣленіе идетъ само собой, а человѣкъ можетъ только способствовать ему или препятствовать, ставя его въ тѣ или иныя условія. Если же человѣкъ не выздоравливаетъ, то ужъ ничѣмъ не поможешь: Максиму-плотнику, напр., нельзя было помочь, т. к. онъ былъ „не жилецъ на землѣ... ужъ какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не впрокъ, — словно что его отзываетъ...“

Къ заговорамъ Касьянъ относится съ осторожностью: ... „и помогаютъ то онѣ, а грѣхъ; — говоритъ онъ про „нечистыя травы“ — и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой развѣ... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ — спасется“. Впрочемъ, прибѣгнуть къ заговору съ благой цѣлью Касьянъ признаетъ возможнымъ; онъ, напр. „отвелъ“ всю дичь у охотника... „и ученый песъ у тебя, и хорошій, а ничего не смогъ — говоритъ онъ.— Вотъ и звѣрь, а что изъ него сдѣлали!“ Авторъ, конечно, не вѣритъ заговору Касьяна; однако возможно, что онъ дѣйствительно загипнотизировалъ собаку, а не дичь, разумѣется: выше авторъ разсказываетъ, что Касьянъ „все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ“.

Касьянъ грамотенъ, обучаетъ грамотѣ свою дочь, Аннушку, и вообще человѣкъ очень не глупый, разсудительный; говоритъ рѣдко, но когда говоритъ, рѣчь его льется свободно, плавно, „обдуманно-торжественно“, „съ такимъ одушевленіемъ и кроткою важностью“. Онъ рѣзко выдѣляется изъ среды своихъ односельчанъ, они его не понимаютъ и считаютъ „глупымъ человѣкомъ“ и „юродивцемъ“.

— Богъ его знаетъ — говоритъ про него Ерофей: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ, а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. Несообразный человѣкъ, какъ есть.

Не признавая за нимъ лѣкарскихъ способностей, Ерофей, однако, не можетъ отрицать того факта, что Касьянъ однажды вылечилъ его. Разсуждаетъ при этомъ Ерофей довольно не логично, что говоритъ въ пользу несправедливости мужиковъ къ Касьяну: „Какое лѣчитъ?... — доказываетъ онъ. — Ну гдѣ ему! Не таковскій онъ человѣкъ! Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ... Гдѣ ему! Глупый человѣкъ, какъ есть“, заключаетъ онъ.

Не находя „правды“ въ человѣкѣ, Касьянъ находитъ удовлетвореніе въ природѣ. „Много ли дома то высидишь?—разсуждаетъ онъ. — А вотъ какъ пойдешь, какъ пойдешь, и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу то ты виднѣй, и поется то ладнѣе.

Тутъ, смотришь, — трава какая растетъ; ну, замѣтишь,— сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься, — замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... Въ разсказѣ его о Красивой-Мечи тоже видно поэтическое чутье, художественная жилка.

Богъ знаетъ, что бы вышло изъ Касьяна, если бы онъ имѣлъ возможность учиться въ гимназіи, въ университетѣ... Но онъ — вещь, собственность своего хозяина-помѣщика.

Къ особой группѣ можно отнести крестьянъ, такъ сказать, представителей стихійной силы, дѣтей природы, которыхъ совсѣмъ не коснулась цивилизація. Прежде всего слѣдуетъ назвать Герасима.

„Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ сообщества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ...“ Въ моментъ дѣйствія Герасимъ хоть и является ужъ дворовымъ, а не крестьяниномъ, но по натурѣ своей, которая осталась неприкосновенной и не поддалась вліянію города, онъ — мужикъ крестьянинъ.

Герасимъ былъ „мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденія. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ, и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычай-

ной силой, онъ работалъ за четверыхъ — дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно молотилъ трехъаршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ.“

Герасимъ долго не можетъ свыкнуться съ городской жизнью, гдѣ онъ выступаетъ по прихоти барыни въ роли дворника. Обязанности его кажутся ему слишкомъ ничтожными. Быстро исполнивъ свою работу, онъ не знаетъ, куда дѣвать время; ему скучно и онъ цѣлый день лежитъ на кровати въ каморкѣ, либо въ уголку на дворѣ. Будь онъ въ деревнѣ, онъ всю жизнь прожилъ бы довольный своей судьбой, работая цѣлыми днями въ полѣ, въ огородѣ или дома по хозяйству, и ничего бы ему больше и не нужно было. Но тутъ ему нечего дѣлать и одинокое его, обособленное положеніе даетъ себя знать. Ему тяжело одному и онъ ищетъ какой нибудь привязанности; ему необходимо близкое существо, которому онъ хоть мысленно могъ бы повѣрить свое горе, заботы о которомъ могли бы убить ничѣмъ не занятые свободные часы его рабочаго дня. Сначала онъ выказываетъ симпатію прачкѣ Татьянѣ. Привязанность его къ ней доходитъ до того, что онъ непозволяетъ никому слишкомъ любезно говорить съ Татьяной. Татьяна вызываетъ, должно быть, въ немъ жалость къ себѣ своей смиренностью и забитостью. „Нрава она была весьма смирнаго, или, лучше сказать, запуганнаго, къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хоть та ее почти въ глаза не знала...

Герасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться, когда она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ, и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли

выраженіемъ лица, робостью ли движеній — Богъ его знаетъ!“

Однако, когда Герасиму приходится, хоть и ошибочно, разочароваться въ достоинствахъ своей симпатіи, когда онъ видитъ Татьяну и убѣждается въ томъ, что она пьяна, — онъ, честный, нравственный человѣкъ (особенно Герасимъ терпѣть не могъ пьяницъ) отталкиваетъ ее отъ себя, уступаетъ ее пьяницѣ — портному, Капитону, а самъ, погоревавъ сутки надъ разбитой любовью, пересиливаетъ свое чувство... „Въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, такъ что та шаталась, какъ былинка на вѣтру, и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками“.

Огромная сила воли сказывается здѣсь въ характерѣ Герасима, который съ покорностью переноситъ удары судьбы и ничѣмъ не выдаетъ своего тяжелаго горя. Онъ находитъ новую привязанность. Ничто кажется не должно было помѣшать его своеобразному счастью съ привязавшейся къ нему собачкой. Однако и тутъ ему не везетъ. По капризу все той же барыни, собачку отнимаютъ у него. Нужно видѣть нѣмое отчаяніе Герасима и его восторженную радость, когда собака возвращается, чтобы понять, какъ дорога ему Муму, и какъ глубоко можетъ чувствовать этотъ глухо-нѣмой великанъ.

Барыня, однако, повторяетъ свое требованіе. Герасимъ понимаетъ, что ослушаться не приходится, рѣшаетъ самъ покончить съ Муму и приводитъ свой планъ въ исполненіе.

Но когда все кончено и Герасимъ видитъ, что онъ лишенъ послѣдняго своего утѣшенія, онъ не можетъ больше стерпѣть, собираетъ пожитки и отправляется въ деревню, чтобы тамъ тяжелой крестьянской работой заглушить свое горе, забыться.

По нравственнымъ своимъ качествамъ Герасимъ является безусловно типомъ положительнымъ. Честность его всѣмъ извѣстна. „Оставьте его, Гаврила Семенычъ — говоритъ лакей Степанъ, когда дворецкій усумнился, исполнитъ ли Герасимъ свое обѣщаніе, — онъ сдѣлаетъ, коли обѣщалъ. Ужъ онъ та-

кой... Ужъ коли онъ обѣщаетъ, это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ...“

Герасимъ не пьетъ и пьяницъ терпѣть не можетъ. Трудолюбіе его доходитъ до того, что онъ работаетъ за четверыхъ въ деревнѣ, а въ городѣ тяготится своимъ бездѣльемъ. Чувствуя въ себѣ необыкновенную физическую силу, Герасимъ съ особою любовью относится къ слабымъ, обиженнымъ существамъ, какъ напр. къ Татьянѣ или къ несчастной найденной имъ собачонкѣ. Его покорное подчиненіе жестокимъ распоряженіямъ барыни, которая не можетъ его понять,—не есть врожденное признаніе справедливости своего рабскаго положенія: онъ просто сначала сдерживаетъ свои чувства разсудкомъ. Но подъ конецъ терпѣніе его лопается и онъ бѣжитъ отъ барыни, бѣжитъ въ родную деревню, ея же имѣніе, гдѣ его можетъ быть, ждетъ наказаніе. Но онъ не останавливается передъ этимъ — его натура протестуетъ противъ такого насильственнаго обращенія, и онъ дѣлаетъ по своему.

Другой представитель этого типа — лѣсникъ Бирюкъ. Плечистый, высокаго роста, онъ также обладаетъ огромной физической силой; мужики боятся его, какъ огня. Вязанки хворосту не даетъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается. По его собственнымъ словамъ онъ „должность свою справляетъ“, такъ какъ даромъ господскій хлѣбъ ѣсть неприходится“. Онъ, однако, не показываетъ себя жестокимъ по отношенію къ мужику: онъ только суровъ и строгъ. „Воровать никому не слѣдъ“, читаетъ онъ нотацію пойманному на мѣстѣ преступленія мужику, хотя въ глубинѣ души навѣрное сочувствуетъ бѣдняку, котораго „нужда“ и „голодуха“ толкнули на воровство. Отпускаетъ его, однако, Бирюкъ не съ разу. „— Онъ знаетъ, что онъ тоже человѣкъ подневольный, и съ него взыщутъ.

Въ Бирюкѣ совсѣмъ не видно обычнаго въ крестьянинѣ подобострастія; въ присутствіи барина онъ ведетъ себя съ достоинствомъ. Грубость его съ мужикомъ объясняется, какъ

вообще суровостью его характера, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что ему постоянно приходится сталкиваться съ мужиками, ворующими находящійся на его попеченіи лѣсъ, и вступать „по обязанности службы" съ ними въ препирательство и въ драку.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ портретовъ, нарисованныхъ со свойственной Тургеневу полнотой и выпуклостью и сопровождаемыхъ всегда само собой вытекающимъ прагматическимъ объясненіемъ сочетанія въ характерѣ отрицательныхъ и положительныхъ чертъ, мужика мы видимъ въ произведеніяхъ Тургенева еще въ массѣ мелкихъ, мимоходомъ набросанныхъ, эскизовъ либо отдѣльныхъ представителей мужицкаго міра, либо цѣлой толпы деревенскаго „народа".

Понятно, что типы, возвышающіеся болѣе или менѣе надъ толпой остальныхъ крестьянъ, болѣе доступны „изслѣдованію", психическій міръ ихъ болѣе яснымъ представляется автору; между тѣмъ душа заурядНаго бѣдняка-мужика остается покрытой непроницаемымъ мракомъ, который только случайно иногда въ присутствіи автора прорывается отказывающимся сдерживаться далѣе, скрытымъ въ глубинѣ чувствомъ. Такія отдѣльныя сценки съ неизвѣстнымъ сѣренькимъ мужикомъ на первомъ планѣ видимъ мы во многихъ разсказахъ изъ „Записокъ Охотника". Въ разсказѣ „Однодворецъ Овсянниковъ" мы видимъ, какъ группа смоленскихъ мужичковъ проситъ пойманнаго барабанщика de la grrrande armée уважить ихъ, т. е. нырнуть подъ ледъ... — Что вы тамъ такое дѣлаете? — спрашиваетъ ихъ проѣзжающій помѣщикъ. — А французя топимъ, батюшка, — наивно отвѣчаютъ мужички. Помѣщику приходитъ въ голову спасти „французя" и произвести его въ учителя музыки для своихъ дѣтей. — Ребята, отпустите его; — говоритъ онъ — вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его— такъ же наивно и спокойно соглашаются мужички и уступаютъ помѣщику измученнаго, замерзшаго „французя". Нечего говорить о печальномъ впечатлѣніи, которое производятъ мужики въ этой сценѣ. Въ „Бурмистрѣ" выведены, между прочимъ, два мужика, совсѣмъ „замученные" эксплоататоромъ Софрономъ Яковличемъ и явившіеся съ жалобой къ барину.

Жалоба ведетъ только къ тому, что бурмистръ еще съ большимъ азартомъ начинаетъ изводить бѣднаго мужика; баринъ же не обращаетъ на него вниманія. „— Барину то что за нужда! Недоимокъ не бываетъ, такъ ему что?...“ — разсуждаетъ разговорившійся съ авторомъ знакомый мужикъ Анпадистъ.

Въ „Конторѣ“ живо представленъ мужикъ Сидоръ, пріѣхавшій изъ деревни просить у „главнаго конторщика“ снисхожденія къ вызваннымъ въ рабочую пору мужикамъ-плотникамъ, понадобившимся зачѣмъ то барынѣ-формалисткѣ. Сидоръ неуклюже, въ присутствіи постороннихъ, подноситъ „главному конторщику“ взятку отъ своихъ односельчанъ и ужасно пораженъ, когда тотъ начинаетъ кричать на него: „— Что ты, что ты, дуракъ, съ ума сошелъ, что-ли?... Ступай, ступай ко мнѣ въ избу, — продолжалъ онъ, почти выталкивая изумленнаго мужика: — тамъ спроси жену .. она тебѣ чаю дастъ; я сейчасъ приду, ступай...“

Въ разсказѣ „Бирюкъ“ встрѣчаемся мы съ ободраннымъ, голоднымъ крестьяниномъ, котораго нужда заставила отправиться въ чужой лѣсъ за деревомъ для продажи. Бирюкъ поймалъ его. Мокрый, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой, „мужикъ молчалъ и только головой потряхивалъ“. Отрывочныя объясненія старающагося оправдаться мужика весьма характерны.

„— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а, Ѳома Кузьмичъ!

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ, — угрюмо возразилъ лѣсникъ: ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — приказчикъ... разорены, во-какъ... отпусти!

— Разорены!... Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ нервно.

— Отпусти, — повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ:— отпусти, ей Богу, отпусти! я заплачу, во какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто во-какъ приходится.

— А ты, все-таки, воровать не ходи.

-- Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!“

Какая тяжелая картина горькаго крестьянскаго житья встаетъ передъ нами во время этого разговора... Нужда, голодуха... приказчикъ... разорены .. дѣтки пищатъ... Бирюкъ неумолимъ: ему часто приходится выслушивать такія объясненія, но у него на все отвѣтъ одинъ: воровать никому не слѣдъ. Бирюкъ правъ по своему. Но развѣ не правъ и голодный, измученный мужикъ, требующій хлѣба для своихъ заморенныхъ ребятишекъ? „Все едино-пропадать; куда безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ, — въ отчаяніи говоритъ онъ — что съ голоду, что такъ — все едино.“ Онъ тоже правъ. Кто же виноватъ?

Въ набросკахъ „Смерть“ изображено отношеніе русскаго крестьянина къ угрожающей ему смерти. Онъ до конца не теряетъ присутствія духа и различныя практическія соображенія, заботы о женѣ, дѣтяхъ, не покидаютъ его.

— Я у Ефима... Сычевскаго... — шепчетъ умирающій подрядчикъ Максимъ, котораго только что перешибло упавшимъ деревомъ: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Мельникъ Василій удивляется только, когда узнаетъ, что онъ не выживетъ долго. — „И умирать мнѣ изъ за этакой дряни?“—Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь“— совѣтуетъ фельдшеръ. „Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку.

— „Куда же вы, Василій Дмитричъ?„ — „куда? вѣстимо куда, — домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ“... На четвертый день мельникъ умеръ“.

Замѣчательно симпатичный типъ крестьянской дѣвушки представляетъ набросанный портретъ Акулины въ „Свиданіи“. Она тяготится своимъ деревенскимъ положеніемъ, хотя не видала другого, а только слышала отъ своего возлюбленнаго, баринова камердинера Виктора Александровича, о чудесахъ Петербурга... „обчество, образованіе — просто удивленіе!“ разсказываетъ онъ.

Акулина слушала его съ пожирающимъ вниманіемъ, слегка раскрывъ губы, какъ ребенокъ. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, заворочавшись на землѣ:—къ чему я тебѣ это все говорю? Вѣдь ты этого понять не можешь!

— Отчего же, Викторъ Александровичъ? Я поняла; я все поняла.“

Ужасно жаль становится эту славную, любящую и любознательную дѣвушку, которая дѣлается жертвой развращеннаго, „образованнаго“ городского лакея...

Въ разсказѣ „Конецъ Чертопханова“ наблюдаемъ сценку, характеризующую отношеніе мужика къ хозяину и вообще ко всякому „барину“.

Мужички расправляются съ пойманнымъ торговцемъ—жидомъ. „Какъ его не бить!“ — резонируетъ старуха-зрительница — „вѣдь онъ Христа распялъ!“

Чертонхановъ верхомъ на лошади врывается въ толпу и начинаетъ „нагайкой безъ разбора лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ:

— Само... управство! Само... у... правство! Законъ долженъ наказывать — а не част... ны... я ли... ца! Законъ! Законъ!! За... ко... онъ!!!“

Освободивши избитаго жида, онъ обращается къ толпѣ и рекомендуется: „— Я помѣщикъ Пантелелей Чертопхановъ, живу въ сельцѣ Безсоновѣ, — ну, и, значитъ, жалуйтесь на меня, когда заблагоразсудится!...

— Зачѣмъ жаловаться? — проговорилъ съ низкимъ поклономъ сѣдобородый степенный мужикъ, ни дать, ни взять— древній патріархъ. — (Жида онъ, впрочемъ, тузилъ не хуже другихъ). — Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость знаемъ хорошо! много твоей милостью довольны, что поучилъ насъ!

— Зачѣмъ жаловаться! подхватили другіе: — а съ нехристя того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ не уйдетъ!

Мужики не признаютъ даже своей вины: они собираются проучить нехристя еще разъ. Но они „много довольны“, что баринъ поучилъ ихъ самихъ, за что — неизвѣстно!

И тутъ отсутствіе всякаго чувства собственнаго достоинства — слѣдствіе крѣпостного положенія.

За то въ частной своей жизни мужикъ почти всегда является у Тургенева „человѣкомъ“. ...не могу я не вспомнить, говоритъ авторъ въ одномъ изъ „стихотвореніи...“ объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту племянницу въ свой разоренный домишко. „Возьмемъ мы Катьку“,— говорила баба, — „послѣднія наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить“... — „А мы ее... и не соленую“, отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ. — Далеко Ротшильду до этого мужика! — заключаетъ Тургеневъ.

Задача Тургенева, на сколько мы ее понимаемъ, именно доказать, что „мужикъ“ такой же человѣкъ, какъ помѣщикъ, какъ дворянинъ, чиновникъ, министръ и т. д., что онъ такъ же чувствуетъ и понимаетъ и что, если онъ голоденъ, грязенъ, грубъ и невѣжественъ, если ему чужды болѣе или менѣе понятія нравственности, эстетики и идеальной добродѣтели, то виноватъ въ этомъ не онъ, а тотъ, кто не имѣя на то никакого права, завладѣлъ имъ, обратилъ его въ свою собственность, движимость, прикрѣпленную къ недвижимости, внушилъ ему чувство рабской покорности и необходимости существующаго положенія вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ развилъ въ немъ и всѣ его вышесказанные недостатки и, въ заключеніе, сосетъ изъ него, какъ паукъ, соки и благоденствуетъ на счетъ его труда, на счетъ его „работы до поту“, до крови, а иногда и до смерти...

Тургеневъ доказалъ это. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ цѣли.

Что касается практическихъ результатовъ его работы, то переворотъ 19-го февраля, въ фактѣ котораго произведенія Тургенева несомнѣнно играли роль, и сопровождавшія его за-

конодательныя реформы показали, что труды автора „Записокъ Охотника“ не остались и безъ фактическихъ послѣдствій.

В. В.

№ 6.

Типы дворовыхъ у Тургенева.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Подчиненное положеніе двороваго человѣка.

Изложеніе. Типы дворовыхъ:

I. Аристократы изъ дворовыхъ:
1) Туманъ („Малиновая вода“),
2) Николай Еремѣевъ („Контора“),
3) Викторъ Александровичъ („свиданіе“),
4) Гаврила („Муму“),
5) Юдичъ („Три портрета“),
6) Наркизъ Семеновъ („Бригадиръ“),
7) Кирилловна („Постоялый дворъ“).

II. Вольноотпущенные:
1) Ермолай,
2) Владиміръ,
3) Лукьянычъ.

III: Дворня:
1) Мельничиха,
2) Сучокъ („Льговъ“),
3) Павелъ („Контора“),
4) Татьяна } („Муму“)
5) Капитонъ }

Заключеніе: Роль крѣпостнаго права въ ходѣ духовнаго развитія русскаго народа.

Ту же невеселую панораму подневольнаго крѣпостнаго житья, которая развернулась передъ нами при разборѣ типовъ крестьянъ у Тургенева, видимъ мы и въ галлереѣ портретовъ дворовыхъ людей и картинъ, изображающихъ цѣлыя сцены изъ ихъ жизни.

Дворовый еще болѣе подчиненъ помѣщику-барину, чѣмъ крестьянинъ, такъ какъ стоитъ къ нему ближе, непосредственно ему служитъ, и всѣ его обязанности, весь смыслъ его жизни заключается въ томъ, чтобы исполнять господскія приказанія.

Зарабатывать хлѣбъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, ему не приходится: баринъ кормитъ и одѣваетъ его; внимательно же относиться къ своимъ обязанностямъ (конечно, относительно, въ зависимости отъ того, каковъ баринъ, какъ великъ штатъ прислуги у него, и какъ поставлено хозяйство въ домѣ) принуждаетъ его скорѣе боязнь, какъ бы въ случаѣ опалы не подвергнуться тѣлесному наказанію, ссылкѣ въ отдаленную бѣдную деревню или сдачѣ въ солдаты. Малѣйшій капризъ барина или барыни заставляетъ двороваго человѣка мѣнять должность, браться за незнакомое ему дѣло. Жалоба, протестъ-вызываютъ строгія карательныя мѣры за безпорядокъ, неповиновеніе... Таковы внѣшнія условія, въ которыя поставлено развитіе характера двороваго человѣка.

Результаты этого развитія видимъ мы въ типахъ дворовыхъ Тургенева. Особенно отчетливо выступаютъ у него физіономіи дворовой аристократіи: камердинеры, конторщики, дворецкіе, ключницы и экономки относятся къ этой категоріи.

Передъ нами бывшій дворецкій графа ***, богатаго помѣщика, Михайло Савельичъ Туманъ. Въ моментъ дѣйствія онъ уже отпущенъ на волю, но интересенъ намъ именно, какъ дворовый, почему мы и относимъ его къ первой группѣ.

„Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди Екатерининскаго времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ также не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.“ Туманъ чрезвычайно гордится своимъ прежнимъ положеніемъ и полученнымъ „образо-

ваніемъ“ и любитъ „при случаѣ показать себя: „дескать, и мы живали въ свѣтѣ!“: съ видомъ знатока онъ разсуждаетъ объ „аглицкой“ или „фурляндской“ породѣ собаки автора, съ удовольствіемъ и важностью разсказываетъ про время препровожденіе своего барина-покойника, пересыпая разсказъ спеціальными терминами, въ родѣ „арапельникъ“ и „ладеколонъ“, „фейвиркъ“, „лакосезъ-матрадура“, какой „въ цѣлой Европіи“ нѣтъ и т. д.

Разсказываетъ-ли онъ про расточительность „покойнаго графа“, про его „выѣзды“ на охоту, про пиршества, про „матресокъ“, — онъ никогда ни въ чемъ его не упрекнетъ, наоборотъ, съ благоговѣніемъ вспоминаетъ, посылая его каждый разъ въ царство небесное.

— Тогда это во вкусѣ было, батюшка — поясняетъ онъ поведеніе своего барина и машинально повторяетъ за авторомъ: „—Теперь, вѣстимо, лучше. — ...А все-таки, хорошее было времечко!“ — Баринъ, по словамъ старика камердинера, былъ предобрый: „Побьетъ, бывало, тебя, — смотришь, ужъ и позабылъ.“

Въ этихъ немногихъ словахъ, какъ нельзя лучше, сказывается отношеніе крѣпостного къ крѣпостнику — барину. Противоположностью Туману является конторщикъ Николай Еремѣевъ въ „Конторѣ“. О госпожѣ своей и ея благѣ онъ заботится только постольку, поскольку это его лично касается. Отзывается о барынѣ онъ, конечно, осторожно-почтительно: ...„барыня не позволяетъ: ея господская воля!“ Но барынина „воля“ не мѣшаетъ ему безсовѣстнымъ образомъ обсчитывать ее, въ чемъ ему помогаетъ купецъ-покупщикъ, знающій, что подмазать главнаго конторщика — въ его выгодѣ. Николай Еремѣевъ беретъ взятки съ мужиковъ, вытребованныхъ въ рабочую пору на барщину. Въ его рукахъ судьба многихъ дворовыхъ и онъ этимъ пользуется: дѣвку Татьяну по его милости изъ прачекъ въ судомойки произвели, бьютъ и въ затрапезѣ держатъ; „фершалу“ Павлу, отцу котораго Николай Еремѣевъ тоже „сломилъ рога“, приходится плохо, т. к. онъ благодаря своей симпатіи къ Татьянѣ, не пользуется благосклонностью главнаго конторщика, не смотря на то, что вылѣчилъ его „сабуромъ“.

Это — несимпатичная, эгоистичная личность, эксплоатирующая въ свою пользу право довѣряющей ему госпожи надъ подчиненными-крѣпостными.

Такой же несимпатичной и, прямо даже, противной личностью является лакей Викторъ Александровичъ въ „Свиданіи“. Онъ — вполнѣ цивилизованный по столичному дворовый человѣкъ. Онъ франтитъ, носитъ крахмальное бѣлье, перстни, кольца, старается даже втиснуть въ глазъ монокль, что ему, впрочемъ, не удается.

„Лицо его румяное, свѣжее, нахальное, принадлежало къ числу лицъ, которыя, сколько я могъ замѣтить, почти всегда возмущаютъ мужчинъ, и, къ сожалѣнію, очень часто нравятся женщинамъ. Онъ, видимо, старался придать своимъ грубоватымъ чертамъ выраженіе презрительное и скучающее; безпрестанно щурилъ свои, и безъ того крошечные, молочно-сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя и не совсѣмъ ловкой развязностью то поправлялъ рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипалъ желтые волосики, торчавшіе на толстой верхней губѣ, — словомъ ломался нестерпимо.“

Въ манерахъ онъ, очевидно, беретъ примѣръ съ своего барина. Себя онъ считаетъ, должно быть, немногимъ ниже барина, т. к. постигъ петербургскую образованность; за то отъ дѣвки Акулины его отдѣляетъ огромная пропасть. Обращеніе его съ отдавшейся ему любящей дѣвушкой прямо возмутительно. Ея плачъ „раздражаетъ“ его, утѣшать же онъ не намѣренъ:

„— Чего ты хочешь? Вѣдь я на тебѣ жениться не могу? вѣдь не могу?—“ реторически восклицаетъ онъ.

Безличнымъ довольно, нейтральнымъ является дворецкій Гаврила въ повѣсти „Муму“. Гаврила — человѣкъ, „которому, судя по однимъ его желтымъ глазкамъ и утиному носу, сама судьба, казалось, опредѣлила быть начальствующимъ лицомъ.“

Впрочемъ, онъ умѣетъ только кричать на подчиненныхъ, да приводить въ исполненіе барынины приказанія и капризы. Самому ему трудно на что нибудь рѣшиться и онъ все совѣтуется съ дядей Хвостомъ, да кастеляншей Любовь Любимовной. Онъ трусъ и боится богатыря Герасима, хоть и кричитъ на него грозно.

Искреннимъ, преданнымъ рабомъ своего господина можетъ быть названъ старикъ Юдичъ въ разсказѣ „Три портрета“. Онъ заслужилъ довѣріе барина, такъ что этотъ скряга даетъ ему даже на сохраненіе ключи отъ сундука со своими богатствами. Юдичъ преданъ не только барину, но всему его дворянскому роду. Цѣной, какъ онъ можетъ предвидѣть, тяжелаго наказанія онъ рѣшается дать проигравшемуся баричу, Василію Ивановичу, часть ввѣренныхъ ему денегъ. Юдичъ не лишенъ доли чувства собственнаго достоинства: его поражаетъ мысль, что его стараго слугу будутъ сѣчь... ...„меня... наказывать?“ шепчетъ онъ. „Я посѣдѣлъ на вашей службѣ, Иванъ Андреевичъ,—“ добавляетъ онъ собирающемуся наказать барину.

Такой же вѣрный слуга — Наркизъ Семеновъ въ „Бригадирѣ“. Онъ держитъ себя съ достоинствомъ: почтительно по отношенію къ барину, снисходительно къ его гостямъ, гордо къ остальной дворнѣ. „Въ немъ было что то самоувѣренное, — говоритъ Тургеневъ, — даже утонченное, не безъ достоинства онъ смотрѣлъ на насъ, молодыхъ людей, свысока, но и къ другимъ помѣщикамъ не питалъ особеннаго уваженія; о прежнемъ баринѣ отзывался небрежно, а свою братью просто презиралъ — за невѣжество. Самъ онъ умѣлъ читать и писать, выражался правильно и вразумительно — и водки не пилъ. Въ церковь ходилъ рѣдко — такъ что его раскольникомъ считали.“

Наконецъ, къ той же категоріи аристократовъ-дворовыхъ нужно отнести и пронырливую и хитрую горничную барыни Лизаветы Прохоровны — Кирилловну въ „Постояломъ дворѣ.“ „Кирилловна пользовалась большимъ вліяніемъ на свою госпожу и очень искусно умѣла устранять соперницъ“.

Она выдаетъ за-мужъ горничную Дуняшу, какъ бы доброжелательствуя ей, а затѣмъ за полученные на магарычъ двѣсти рублей уговариваетъ барыню незаконно продать дворъ Авдотьинаго мужа. Кирилловна постоянно обираетъ и обсчитываетъ барыню, пользуясь ея довѣріемъ. У нея талантъ правителя, она умѣетъ и знаетъ, какъ говорить съ барыней, какъ съ мужикомъ, какъ съ дворовымъ человѣкомъ. Въ заключеніи упоминается, что впослѣдствіи Кирилловна откупилась отъ барыни за порядочныя деньги и „вышла за-мужъ по любви,

за какого то молодого, бѣлокураго оффиціанта, отъ котораго терпитъ муку горькую."

Особую группу составляютъ бывшіе дворовые люди, отпущенные на волю. Они пользуются свободой, но сохранили свои крѣпостническія убѣжденія и „образованность". Таковы Ермолай, охотникъ Владиміръ („Льговъ") и Лукьянычъ въ „Трехъ встрѣчахъ". Ермолай, собственно, не получилъ формальной отпускной, но „отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу не годнаго — „лядащава", какъ говорится у насъ, въ Орлѣ". Ему только приказано было „доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ."

„Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ пятьдесятъ въ сутки". „Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ". Ермолай извѣстенъ не только какъ охотникъ, но и рыболовъ и птицеловъ. „Никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ съ „лѣшевой дудкой", съ „кукушкинымъ перелетомъ..." Одного онъ не умѣлъ: дрессировать собакъ; терпѣнья не доставало."

Отношеніе къ Ермолаю его господъ отразилось на его собственныхъ взглядахъ: онъ и самъ кормится, чѣмъ Богъ послалъ и къ тому же пріучаетъ свою жену и собаку. Жена его жила „въ дрянной полуразвалившейся избенкѣ, перебивалась кое-какъ и кое чѣмъ, никода не знала наканунѣ, будетъ ли сыта завтра, и вообще терпѣла участь горькую." О пропитаніи своей охотничьей собаки Ермолай тоже не заботится. „Ермолай никогда ея не кормилъ. „Стану я пса кормить", разсуждалъ онъ: „притомъ, песъ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье."

Съ женой Ермолай обращался даже сурово: беззаботный и добродушный бродяга „Ермолка" на чужой сторонѣ, надъ

которымъ послѣдній дворовый человѣкъ чувствовалъ свое превосходство," дома превращался въ грознаго хозяина и мужа, такъ что „бѣдная жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда, на послѣднюю копѣйку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалясь на печи, засыпалъ богатырскимъ сномъ."

Въ другомъ нѣсколько родѣ вольноотпущенный дворовый человѣкъ, охотникъ Владиміръ. На его долю выпала не совсѣмъ обыкновенная для двороваго участь: „въ нѣжной юности онъ обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ кое-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только что не манной небесной." Его „образованность" и „воспитаніе" проявляется во всемъ: въ манерѣ говорить „необыкновенно изящно", „мастерски и разнообразно" улыбаться, выслушивать собесѣдника и совершенно съ нимъ соглашаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ не терять чувства собственнаго достоинства, „какъ будто онъ хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе." Къ Ермолаю и Сучку Владиміръ относится полупрезрительно за ихъ „необразованность"—„Ермолай, какъ человѣкъ не слишкомъ образованный и ужъ вовсе не „субтильный", началъ было его „тыкать". Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: „вы-съ..."

— „Глупый человѣкъ-съ, — говорилъ Владиміръ про Сучка, — совершенно необразованный человѣкъ, мужикъ-съ, больше ничего-съ. Дворовымъ человѣкомъ его назвать нельзя-съ... и все хвасталъ-съ... Гдѣ-жъ ему быть актеромъ-съ, сами извольте разсудить-съ! Напрасно изволили безпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать-съ."

Хотя Владиміръ, очевидно, очень высокаго мнѣнія о своей особѣ, хоть онъ „посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается", тѣмъ не менѣе къ барину онъ относится болѣе чѣмъ почтительно; „—-услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берегъ нашего пруда, — говоритъ онъ, отрекомендовавши себя автору, — я рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги".

Старикъ Лукьянычъ въ „Трехъ встрѣчахъ", бывшій дворовый, согласенъ, должно быть, съ Тумапомъ изъ „Малиновой воды", что прежде было „хорошее времечко", не то, что теперь. Лукьянычъ отпущенъ на волю и состоитъ на жалованьи сторожемъ господской усадьбы. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ ней никто не живетъ, жизнь потеряла для него всякій смыслъ. Барина нѣтъ, служить некому, и ему самому поскорѣй хочется дожить свой вѣкъ, потому что „жуешь, жуешь хлѣбъ, инда и тоска возьметъ: такъ давно жуешь".

Лукьянычъ и приводитъ въ исполненіе свое желанье: когда барыня, заѣхавъ послѣдній разъ въ усадьбу, уѣзжаетъ на долго въ Москву, Лукьянычъ не выдерживаетъ далѣе своего одиночества и ничегонедѣланья и кончаетъ самоубійствомъ.

Онъ всю жизнь прослужилъ своимъ господамъ и теперь; очевидно, пришелъ къ убѣжденію, что жизнь его больше никому не нужна: — все слѣдствія крѣпостнической обстановки.

Переходимъ къ остальнымъ типамъ дворни у Тургенева: разобравъ „аристократію" и „вольноотпущенныхъ", обратимся и къ низшему разряду — простымъ смертнымъ дворового сословія. Тутъ на каждомъ шагу приходится видѣть, какъ безжалостно, безцеремонно играютъ господа судьбой своихъ крѣпостныхъ, нисколько не считаясь ни съ ихъ желаніемъ, ни съ характеромъ, способностями, склонностями и т. д.

Передъ нами мельничиха, несчастная, забитая женщина, бывшая когда то красавицей и любимой барыниной горничной. За любовь къ лакею Петрушкѣ, за котораго ее не хотѣли выдать за-мужъ, Арина была острижена и сослана въ деревню, а ея возлюбленный „поступилъ въ солдаты" по выраженію Ермолая. Теперь мельничиха за-мужемъ за нелюбимымъ человѣкомъ и хвораетъ: ее кашель по ночамъ мучитъ.

Еще больше полна превратностями по милости господъ жизнь Сучка: судьба точно насмѣхается надъ его человѣческимъ достоинствомъ. Въ моментъ дѣйствія онъ состоитъ въ должности рыболова, обязанъ доставлять на случай барыниного пріѣзда къ господскому столу рыбу и прудъ „содержать въ порядкѣ". Раньше онъ былъ кучеромъ, но новой барынѣ показалось, что кучеромъ быть ему совсѣмъ не на мѣстѣ: —„какой ты кучеръ, посмотри на себя, какой ты кучеръ? Не

слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ и бороду сбрей.“

До кучерства своего Сучокъ былъ поваромъ, а еще раньше „кофишенкомъ“ при буфетѣ, при чемъ назывался не собственнымъ своимъ именемъ — Кузьмой, а — Антономъ: „такъ барыня приказать изволила“. До этого онъ былъ актеромъ— на кеятрѣ игралъ: „—Вотъ возьмутъ меня, — разсказываетъ Сучокъ, — и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори,— я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... какъ же!“

Передъ этимъ Сучокъ „въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.“ Двадцати слишкомъ лѣтъ онъ былъ отданъ въ ученье къ сапожнику за то, что упалъ вмѣстѣ съ лошадью во время охоты и зашибъ ее. Женатъ Сучокъ никогда не былъ: „Татьяна Васильевна, покойница — царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь, живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! что имъ надо?“ Прямо не вѣрится, чтобы одинъ человѣкъ могъ такъ распоряжаться судьбой другого...

На Сучкѣ лежитъ отпечатокъ воспитавшаго его крѣпостничества: забитый, несчастный, ободранный, онъ не жалуется на свою судьбу, наоборотъ, доволенъ. „—И слава Богу, что въ рыболовы произвели... много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!“

Больше уваженія къ себѣ и сознательнаго отношенія къ окружающимъ видимъ мы у „фершала“ Павла изъ ,,Конторы“. Онъ возмущенъ поведеніемъ ,,главнаго конторщика“, который наушничаетъ на него и на ,,дѣвку Татьяну“ барынѣ. Онъ настойчиво требуетъ у Николая Еремѣева объясненія, стыдитъ его, упрекаетъ, но, когда тотъ, припомнивъ, какъ онъ нѣкогда справился съ Павловымъ отцемъ, сломивъ ему рога, нагло грозитъ, что имъ-де, Павлу съ Татьяной ,,еще и не то будетъ“, то Павелъ не можетъ сдержаться: онъ кидается впередъ съ поднятыми руками, и конторщикъ тяжело катится на полъ.

Примѣромъ забитаго, напуганнаго существа, готоваго исполнить всякое приказаніе барыни или ея дворецкаго, является Татьяна въ повѣсти „Муму".

„Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ тѣлѣ; работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо; жалованье она получала самое маленькое..."

„Нрава она была весьма смирнаго или, лучше сказать, запуганнаго, къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала."

Отношеніе Татьяны къ „господской волѣ" ярко сказывается въ разговорѣ ея съ дворецкимъ Гаврилой, когда тотъ сообщаетъ ей о намѣреніи барыни выдать ее замужъ.

— Слушаю, Гаврила Андреичъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ? — прибавила она съ нерѣшительностью.

— Капитона, башмачника.

— Слушаю-съ.

— Онъ легкомысленный человѣкъ — это точно. Но госпожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется.

— Слушаю-съ.

Всегда и вовсемъ „чего изволите-съ?" и „слушаю-съ. Бѣдная Татьяна, „безотвѣтная душа!"

Башмачникъ Капитонъ, по слабости здоровья подвергающійся спиртнымъ напиткамъ „почиталъ себя существомъ обиженнымъ и неоцѣненнымъ по достоинству, человѣкомъ образованнымъ и столичнымъ, которому не въ Москвѣ бы жить, безъ дѣла, въ какомъ то захолустьѣ, и если пилъ, какъ онъ самъ выражался съ разстановкой и стуча себя въ грудь, то пилъ уже именно съ горя.

Впрочемъ, „что касается въ соображеніи до пьянства — то и въ этомъ случаѣ, — увѣряетъ Капитонъ, — виноватъ не я, а болѣе одинъ товарищъ; самъ уже меня онъ сманулъ, да и сполитиковалъ, ушелъ, то-есть, а я..." Дальше у него не хватаетъ краснорѣчія. Капитонъ увѣренъ въ своей личной добродѣтельности и на упреки дворецкаго важно заявляетъ: —„Въ этомъ случаѣ, Гаврила Андреичъ, одинъ мнѣ судья — Самъ Господь Богъ, и больше никого. Тотъ одинъ знаетъ,

каковъ я человѣкъ на семъ свѣтѣ суть и точно ли даромъ хлѣбъ ѣмъ."

Выводъ ясенъ. Безотрадныя картины изъ жизни двороваго люда сами говорятъ за то, какимъ зломъ являлось крѣпостное право, какимъ тяжелымъ препятствіемъ лежало оно на пути духовнаго развитія русскаго народа.

В. В.

№ 7.

Психологическое и бытовое значеніе разсказа И. С. Тургенева: „Муму".

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Тургеневъ, какъ убѣжденный противникъ крѣпостнаго права.

Изложеніе. Психологическое и бытовое значеніе „Муму".

I. Герасимъ и его госпожа:
   1) различныя черты ихъ характеровъ,
   2) столкновенія между ними, какъ прямое слѣдствіе этого различія.

II. Герасимъ въ обрисовкѣ Тургенева:
   1) особенный характеръ этой обрисовки,
   2) основанные мотивы души Герасима,
   3) столкновенія его лучшихъ чувствъ съ условіями крѣпостной жизни.

III. Картина крѣпостнаго быта:
   1) старая барыня, какъ воплощеніе жестокости помѣщиковъ,
   2) положеніе крѣпостныхъ,
   3) положеніе дворовыхъ.

Заключеніе. „Муму", какъ рѣзкій протестъ противъ крѣпостничества.

Тургеневъ — поэтъ русской природы, пѣвецъ освобожденія крестьянъ, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, безпощадный каратель несправедливыхъ притѣснителей.

Его дѣятельность на этомъ поприщѣ начинается „Записками охотника". Здѣсь, на фонѣ художественныхъ описаній бѣдной, но привольной, дорогой русскому сердцу природы, передъ нами цѣлая картина крѣпостной Руси съ мужиками, страдающими отъ жестокостей господъ, управителей и бурмистровъ, съ мужиками-ловкачами и практиками, барскими угодниками. Тутъ и бабы, и дѣти, и натуры чувствительныя, поэтическія изъ тѣхъ-же крѣпостныхъ — Касьянъ съ Красивой-Мечи, Калинычъ, Пѣвцы, дѣти въ „Бѣжиномъ лугѣ"; наконецъ, тутъ сами помѣщики-лежебоки, чудаки и подчасъ добродушные, наивные варвары, которыхъ портитъ крѣпостное право. Словомъ, тутъ цѣлая галлерея типовъ, здѣсь вся крѣпостная Русь, изображенная правдиво и съ сердечной любовью къ мужику. Но,—что дороже всего въ „Запискахъ",— это ихъ основная идея.

Тургеневъ выступаетъ въ своемъ трудѣ защитникомъ мужика, проповѣдникомъ свободы, торжества правды и справедливости. Эти высокія принципы впослѣдствіи всегда оставались основной задачей всей послѣдующей литературно-реформенной дѣятельности Тургенева.

Въ вышедшихъ послѣ „Записокъ охотника" мелкихъ повѣстяхъ и разсказахъ мы найдемъ тотъ же (что и въ „Запискахъ охотника") бытъ крестьянъ, тѣ же типы, то же отношеніе автора къ изображаемому; но эти произведенія стоятъ уже значительно выше первыхъ разсказовъ Тургенева по своимъ чисто художественнымъ достоинствамъ. Въ нихъ Тургеневъ, на ряду съ описаніемъ быта, даетъ прекрасную обрисовку души крестьянина, указываетъ на ея несомнѣнное превосходство надъ развращенной, испорченной душей помѣщика.

Къ числу такихъ произведеній можетъ быть отнесенъ и разсказъ „Муму." Главное достоинство этого произведенія заключается въ прекрасной обрисовкѣ души двороваго Герасима. У этого глухонѣмого великана въ продолженіе всей жизни было три привязанности: къ родной деревнѣ, прачкѣ Татьянѣ и собачкѣ Муму. Но злой судьбѣ угодно было сдѣлать Герасима крѣпостнымъ, иначе собственностью, игрушкою

желчной и скупой помѣщицы. Отсюда пропстекаютъ всѣ его несчастія. Госпожа три раза становится на пути его счастія, три раза разбиваетъ его привязанность: отрываетъ отъ родной деревни, назначая его дворникомъ въ Москвѣ, выдаетъ любимую имъ женщину за пьяницу и, наконецъ, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія тѣмъ, что приказываетъ утопить его собачку.

Казалось бы, сюжетъ самый заурядный, въ особенности, если взглянуть на Герасима съ той точки зрѣнія, съ какой смотрѣли на мужика чуть не всѣ современные автору помѣщики. Но Тургеневъ, какъ поэтъ и какъ знатокъ крестьянской души, придалъ своему очерку совершенно иную окраску. Свой, повидимому, неглубокій сюжетъ онъ развилъ въ прекраснѣйшій, замѣчательно правдивый психологическій этюдъ, въ которомъ искусною кистью нарисовалъ картину души Герасима со всѣми ея прелестными свойствами.

Простота, хрустальная чистота души, золотое сердце, вотъ что гуманный писатель цѣнитъ выше всѣхъ другихъ достоинствъ крестьянской души, вотъ на чемъ онъ особенно останавливается въ характерѣ Герасима.

Но, чтобы ярче отмѣтить эти мощныя и изящныя проявленія души крестьянина, Тургеневъ ставитъ ихъ (эти проявленія) въ параллель съ жизнью современнаго ему интелигентнаго русскаго общества, имѣвшаго своимъ лозунгомъ роковое „крѣпостное право.“ Побужденія чисто-русской души Герасима сталкиваются и разбиваются о холодный эгоизмъ самовластной помѣщицы; но мало того: душѣ Герасима приходится считаться и съ остальными свойствами его натуры, уже зараженной крѣпостныхъ состояніемъ, а именно, съ его умомъ и волей. Такихъ столкновеній въ разсказѣ мы встрѣтимъ не мало. Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы то мѣсто повѣсти, гдѣ умъ заставляетъ Герасима перестать тосковать по родной деревнѣ, или гдѣ, подъ вліяніемъ сухого разсудочнаго принципа о вредѣ пьянства, подъ вліяніемъ отвращенія къ пьяному человѣку, Герасимъ старается заглушить свою любовь къ Татьянѣ.

Несмотря на всѣ нравственныя совершенства Герасима, такія столкновенія не всегда оканчивались побѣдой сердца; если умъ его иногда перестаетъ быть способнымъ бороться

съ чувствомъ, то и въ такомъ случаѣ душѣ приходится побѣдить другого, болѣе сильнаго непріятеля — закрѣпощенную волю.

Нужно принять во вниманіе, что свободной воли у крестьянина нѣтъ: онъ-орудіе помѣщика, и потому воля господина должна быть его волей, должна заглушить въ немъ всѣ остальныя чувства. Крѣпостной-машина въ родѣ Татьяны, способной произносить въ присутствіи помѣщика или управляющаго только „слушаю-съ" и „какъ вамъ угодно." Это состояніе совершеннаго отупѣнія, такъ что искренно приходится удивляться, какъ послѣ этого крестьянинъ еще способенъ на такія высокія и глубокія чувства, какія мы видимъ у Герасима.

Чтобы не быть голословными, разсмотримъ главное мѣсто повѣсти — эпизодъ съ Муму.

Душѣ Герасима нанесено эгоистичной помѣщицей два удара: она оторвала его отъ деревни и разбила его любовь къ Татьянѣ. Хотя эта послѣдняя привязанность не прекращалась и послѣ женитьбы Капитона, однако Герасимъ чувствовалъ въ своей душѣ какую-то пустоту, томленіе. Счастливый случай послалъ ему новую привязанность въ видѣ собачки Муму. Естественно, что глухонѣмой перенесъ теперь на это кроткое, безсловесное существо тѣ чувства, которыя онъ хотѣлъ отдать Татьянѣ.

Не будемъ подтверждать этого цитатами — достаточно сказать, что черезъ годъ Герасимъ чувствовалъ себя уже совершенно счастливымъ. И вдругъ собака пропала!... Значитъ пропало чувство, счастье, исчезъ весь смыслъ жизни.

Тургеневъ отлично изобразилъ отчаяніе Герасима отрывочными, недоконченными предложеніями и затѣмъ обрываетъ фразой: „Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора домой".

Талантливый поэтъ понялъ, что нѣтъ словъ для выраженія всей силы потрясенія, вызваннаго у Герасима потерею любимаго существа. И до чего бы могъ дойти нѣмой, если бы собака къ его неописуемой радости не вернулась? Вѣдь онъ цѣлыхъ два дня двигался, какъ безжизненный трупъ съ одеревенѣлымь лицомъ. Но судьба не щадила Герасима: ударъ слѣдовалъ за ударомъ.

Испуганный лаемъ Муму, предчувствуя бѣду, бѣжитъ онъ въ свою коморку... Что пережилъ, перечувствовалъ несчаст-

ный за время этого добровольнаго заключенія; насколько возросла его любовь къ Муму подъ вліяніемъ страха потери любимаго существа? Все расположено и изображено Тургеневымъ такъ, какъ будто бы онъ писалъ не разсказъ, а драму, къ развязкѣ которой мы приближаемся. Какъ ни сильна была любовь Герасима, онъ, какъ рабъ съ одной стороны и какъ натура чисто-русская, мощная съ другой, долженъ былъ понять, что сопротивленіе немыслимо, въ немъ цѣлую ночь продолжалась борьба между разсудкомъ и чувствомъ. Результатомъ ея было не преступленіе, которое такъ легко могъ совершить этотъ силачъ, не безумный (подъ вліяніемъ страсти) поступокъ, которому мѣсто въ драмахъ Шекспира, — нѣтъ; это не въ духѣ русскаго человѣка; порывъ страстей былъ охлажденъ здравымъ размышленіемъ при помощи порабощенной, но все же мощной воли. Съ внезапною рѣшимостью, какъ бы въ чаду, Гарасимъ распахнулъ дверь, указалъ на собаку, сдѣлалъ знакъ рукой у свой шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопросительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.“

Еще послѣдній, уже слабый порывъ чувства, Герасимъ „вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, повторилъ знакъ удушенія и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ беретъ на себя уничтожить Муму.“

Какая твердая рѣшимость! Какая побѣда ума надъ чувствомъ, трогательная покорность судьбѣ! Герасимъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ отупѣнія, но въ силу необходимости, разумнаго сознанія невозможности поступить иначе.

Онъ одѣваетъ праздничный кафтанъ, кормитъ Муму, разсчетливо, разумно — не машинально приготовляетъ веревку и кирпичи, отыскиваетъ лодку. Затѣмъ въ немъ происходитъ послѣдній порывъ чувства, но уже поздно: „далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги“.

Тутъ, въ особенности въ этомъ мѣстѣ, выразился чисто русскій характеръ Герасима. При самой сильной раздвоенности противоположныя, враждующія начала даже въ моментъ крайняго напряженія находятся въ полномъ согласіи. Это истинный сынъ природы, душа котораго неиспорчена цивилизаціей; въ этомъ мѣстѣ Герасимъ является въ полномъ блескѣ своихъ совершенствъ. Желая какъ бы еще больше подчеркнуть душевную красоту этого типа, Тургеневъ выводитъ его

рядомъ съ нарисованнымъ темными красками образомъ избалованной крѣпостнымъ правомъ помѣщицы, дочери цивилизаціи.

Эта старуха изображена вѣрными, но самыми несимпатичными чертами. Она представляетъ собою типъ помѣщицы, доживающей „послѣдніе годы своей скупой и скучающей старости“ среди своихъ приживалокъ. Ея прошлое было „нерадостнымъ, ненастнымъ днемъ“, настоящее было „чернѣе ночи.“ Прежнія „несчастья“ сдѣлали изъ нея типичную, неукротимую самодурку съ развинченными нервами, вѣчными капризами и фантастическими причудами. Это — нервная эгоистка, (столь часто попадавшаяся среди крѣпостницъ 40-хъ годовъ), требующая себѣ отъ окружающихъ самаго низкаго поклоненія, раздражающаяся, впадающая въ истерику при самомъ незначительномъ поводѣ.

Слѣдуя древнимъ обычаямъ, она держитъ при себѣ многочисленную дворню, набранную изъ бѣдныхъ крестьянъ, оторванныхъ отъ родной деревни, семьи. Несчастные мужики вслѣдствіе горя, тоски по роднымъ полямъ, родному кругу, часто спивались (какъ, напр., башмачникъ Климовъ — „горькій пьяница“), если, конечно, у нихъ не хватало силы перенесть потерю, жизненной переломъ, произведенный по „благому“ усмотрѣнію ихъ госпожи.

Въ деревнѣ крестянину, хоть онъ „крѣпостной“, живется привольнѣй. У Герасима была отдѣльная „небольшая избушка“; обладая физической силою и усердіемъ, онъ легко могъ пріобрѣсти репутацію „исправнаго тягловаго мужика“; наконецъ, онъ могъ бы отлично устроить свою жизнь, женившись на любой, такой-же, какъ и онъ, трудолюбимой крестьянкѣ.

Въ городѣ мужикъ преобразовывался: изъ простого „крѣпостного“ онъ становился „дворовымъ“. Это было равносильно окончательной потерѣ свободы: мужикъ становился игрушкой капризовъ господина и его клевретовъ, хитрыхъ малыхъ, въ родѣ выводимаго въ повѣсти дворецкаго. И горе было мужику, ставшему дворовымъ такой барыни, какъ Герасимова. Она всѣхъ мучила, возлѣ нея нельзя было свободно дышать, возлѣ нея нельзя было быть счастливымъ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ „сѣромъ домѣ“ такой госпожи, дворовый становился уже какой-то машиной, въ родѣ загнанной, запуганной прачки Татьяны. И въ этомъ исключительно виноваты были принципы барыни, ея взгляды на крестьянъ, въ которыхъ подъ покровомъ внѣшней гуманности скрывалось самое глубокое безправіе.

Вотъ весь этотъ „темный фонъ“ повѣсти — крѣпостной бытъ, на которомъ, какъ свѣтлое пятно, выведенъ идеальный Гарасимъ съ его прекрасной душой. Въ этой-то противоположности и заключается достоинство этого психологическаго этюда. Будучи чисто художественнымъ изображеніемъ злоключеній преслѣдуемаго судьбой крестьянина, этотъ разсказъ производитъ на читателя то же впечатлѣніе, что и „Записки охотника“, — впечатлѣніе отрицанія крѣпостного права. Прочтя этотъ этюдъ, читатель всею душою привязывается къ изображаемому въ немъ мужику, и ему жутко становится при мысли, что изъ-за барыни еще много предстоитъ испытать Герасиму, вся жизнь котораго и безъ того уже изломана по прихоти какой нибудь эгоистки.

Однимъ словомъ, современники Тургенева, читая „Муму“, учились видѣть въ крестьянахъ не двуногое, рабочее стадо, но живыхъ людей, братій своихъ по человѣчеству, пріучались любить этихъ братій, принимать горячее участіе въ ихъ судьбѣ. Въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ протестъ противъ крѣпостного права, повѣсть „Муму“ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди такихъ же произведеній Тургенева, по рѣзкости штриховъ, которыми очерчены характеры Герасима и помѣщицы и по сгущенности красокъ, которыми нарисована картина крѣпостного быта.

Н. Л.

№ 8.

Въ какомъ смыслѣ назвалъ Тургеневъ одного изъ своихъ героевъ „лишнимъ человѣкомъ“, а другого „Гамлетомъ“?

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Взглядъ Тургенева на Гамлета.

Изложеніе:

I. Сходство Василія Васильевича съ Гамлетомъ:
1) рефлексія,
2) эгоизмъ,
3) безвѣріе и отрицаніе,
4) разочарованность,
5) презрѣніе къ самому себѣ,
6) непрактичность,
7) смиреніе,
8) позированіе и глумленіе.

II. Непригодность Чулкатурина для жизни:
1) любовь къ уединенію,
2) неудачи въ жизни,
3) неумѣнье держать себя въ обществѣ,
4) отсутствіе талантовъ,
5) недовольство своимъ положеніемъ,
6) роковое значеніе неудачной любви.

Заключеніе. Василій Васильевичъ и Чулкатуринъ — „лишніе“ люди.

Извѣстно, что въ „Запискахъ охотника“ много автобіографическихъ чертъ. Почти всѣ разсказы основаны на дѣйствительныхъ происшествіяхъ, не говоря о фактическомъ матеріалѣ, заключающемся въ нихъ, въ видѣ описаній природы, нравовъ и обычаевъ, отношеній крѣпостного права и т. п. Такимъ образомъ врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ это и въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда изображена изъ случайныхъ встрѣчъ, какихъ у него бывало очень много, благодаря постоянныхъ охотничьимъ похожденіямъ по различнымъ губерніямъ средней по-

лосы Россіи, когда ему приходилось сталкиваться со множествомъ разнообразныхъ по положеніямъ и характерамъ личностей. Очень можетъ быть, что Василій Васильевичъ самъ окрестилъ себя именемъ „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ — онъ, несомнѣнно, былъ настолько развитъ и образованъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлать это — и Тургеневу осталось только такъ и наименовать его въ своемъ очеркѣ; но эта возможность не исключаетъ другой — Василій Васильевичъ могъ показаться Тургеневу человѣкомъ обладающимъ характеромъ, какимъ отличался датскій принцъ, изображенный въ трагедіи Шекспира.

Послѣднее соображеніе получитъ въ нашихъ глазахъ большой вѣсъ, если мы примемъ во вниманіе взглядъ Тургенева на Гамлета, высказанный въ рѣчи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“. Тамъ между прочимъ онъ говоритъ:

„Что же представляетъ собою Гамлетъ?

Анализъ прежде всего и эгоизмъ, и потому безвѣріе. Онъ весь живетъ для самого себя, онъ эгоистъ; но вѣрить въ себя даже эгоистъ не можетъ; вѣрить можно только въ то, что внѣ насъ и надъ нами. Но это *я*, въ которое онъ не вѣритъ, дорого Гамлету. Это исходная точка, къ которой онъ возвращается безпрестанно, потому что не находитъ ничего въ цѣломъ мірѣ, къ чему бы могъ прилѣпиться душою; онъ скептикъ — и вѣчно возится и носится съ самимъ собою; онъ постоянно занятъ не своей обязанностью, а своимъ положеніемъ. Сомнѣваясь во всемъ, Гамлетъ, разумѣется, не щадитъ и самого себя; умъ его слишкомъ развитъ, чтобы удовлетвориться тѣмъ, что онъ въ себѣ находитъ; сознаетъ свою слабость, но всякое самосознаніе есть сила:—отсюда проистекаетъ его иронія. Гамлетъ съ наслажденіемъ, преувеличенно бранитъ себя, постоянно наблюдая за собою, вѣчно глядя внутрь себя, онъ знаетъ до тонкости всѣ свои недостатки, презираетъ самого себя. Онъ не вѣритъ въ себя — и тщеславенъ; онъ не знаетъ, чего хочетъ и зачѣмъ живетъ, — и привязанъ къ жизни...

...Гамлеты безполезны массѣ; они ей ничего не даютъ, они ее никуда вести не могутъ, потому что сами никуда не идутъ. Да и какъ вести, когда не знаешь, есть ли земля подъ ногами? Притомъ же, Гамлеты презираютъ толпу. Кто самого себя не уважаетъ — того, кто можетъ уважать?

...Гамлеты ничего не находятъ, ничего не изобрѣтаютъ и не оставляютъ слѣда за собою, кромѣ слѣда собственной личности, не оставляютъ за собою дѣла. Они не любятъ и не вѣрятъ; что же они могутъ найти?

...Скептицизмъ Гамлета не есть индифферентизмъ, и въ этомъ состоитъ его значеніе и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе не сливаются передъ нимъ въ одно случайное, нѣмое, тупое нѣчто.

...Гамлетъ, хотя и презираетъ себя, постоянно все относитъ къ самому себѣ.

„...Гамлетъ тревоженъ, иногда даже грубъ, позируетъ и глумится."

Таковъ шекспировскій Гамлетъ по мнѣнію Тургенева. Поразительное сходство найдемъ мы между нимъ и Василіемъ Васильевичемъ. Будемъ слѣдовать тому порядку въ сравненіи, въ какомъ характеризуетъ Тургеневъ Гамлета въ сдѣланной нами выпискѣ изъ рѣчи.

„Анализъ прежде всего и эгоизмъ", утверждаетъ ораторъ. Василій Васильевичъ всю свою жизнь только и занимался, самоанализомъ — посмотрите, какъ точно и мѣтко разъясняетъ онъ собесѣднику свое я; видно, что онъ говоритъ о томъ, что ему извѣстно и переизвѣстно, что ничего новаго или неожиданнаго для него не сорвалось съ языка; недаромъ отмѣчаетъ онъ, что „я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего." Относительно эгоизма можно сказать, что́ Василій Васильевичъ даже и за зло не считаетъ его: „и вы, и я, — говоритъ онъ автору разсказа, — мы оба порядочные люди, то-есть эгоисты". Это голословное до извѣстной степени утвержденіе можно обосновать болѣе прочно. Взгляните на отношенія Василія Васильевича къ его женѣ: только послѣ ея смерти сообразилъ онъ, что за человѣкъ была она, а во время супружества, да и въ бытность женихомъ, былъ занятъ исключительно своей собственной персоной — вплоть до отысканія надежной балки для повѣшенія себя самого. А какъ онъ говоритъ о томъ періодѣ своей жизни, когда ему пришлось „смириться": „ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался, книги мнѣ опротивѣли; уединиться совершенно я не могъ и не умѣлъ;" и т. д. и т. д. въ томъ же родѣ: всюду на первомъ мѣстѣ Я.

На этомъ эгоизмѣ зиждется отрицаніе Василіемъ Васильевичемъ многихъ явленій, безвѣріе его: „Что общаго, скажите, — восклицаетъ онъ, — между энциклопедіей Гегеля и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе — науку?“ Въ этой тирадѣ цѣлое „потрясеніе основъ!“ Далѣе: „Вотъ я подумалъ, подумалъ—вѣдь наука-то, кажись, вездѣ одна, и истина одна—взялъ, да и пустился въ чужую сторону.... Что прикажете, — молодость, гордость обуяла.“ Въ чужой же сторонѣ Василій Васильевичъ только убѣдился, что въ науку вѣрить нельзя, какъ нельзя вѣрить ни во что, даже въ свое собственное я.

И Василій Васильевичъ безповоротно и окончательно разочаровался въ себѣ. Онъ призналъ, что представляетъ изъ себя лишь складъ общихъ мѣстъ; что абсолютно лишенъ оригинальности; что люди не обращаютъ на него вниманія, руководствуясь вполнѣ правильнымъ соображеніемъ; и онъ смирился, — даже хуже: „Словно опьяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ униженіямъ.“ Онъ предался самооплеванію, растопталъ себя. Но рефлексія и теперь не пропала — и теперь Василій Васильевичъ въ сильнѣйшей степени безпокоится о впечатлѣніи, производимомъ его особой, и теперь съ чувствомъ и любовью занимается самоанализомъ. — Онъ начинаетъ разговоръ съ Тургеневымъ съ вопроса, каково мнѣніе этого послѣдняго о немъ, и съ объясненія, почему тотъ не замѣтилъ его среди другихъ гостей. Онъ старается поскорѣе реабилитировать себя въ его мнѣніи, старается показаться въ истинномъ свѣтѣ. Да и разговоръ-то онъ начинаетъ только потому, что хочетъ поболтать о себѣ самомъ; потому же онъ и „разговорился такъ неожиданно“ — предметъ — то больно занимательный. Во время разбора онъ не только не щадитъ себя, нѣтъ, онъ совершенно незнакомому человѣку выкладываетъ всю подноготную о себѣ, нисколько не стѣсняется разсказывать о своихъ неблаговидныхъ поступкахъ, совсѣмъ не оправдываетъ своихъ ошибокъ или увлеченій, называя вещи ихъ собственными именами. Онъ высказываетъ чуть не ненависть къ себѣ самому, во всякомъ случаѣ презрѣніе — сколько разъ говоритъ онъ о своей неоригинальности, о своей неумѣлости жить среди людей.

Эта неумѣлость имѣетъ въ своемъ основанiи презрѣнiе къ человѣческому обществу.

Правда, Василiй Васильевичъ ничего не подарилъ человѣчеству такого, за что бы оно должно было любить его, но онъ не сумѣлъ приспособиться къ его образу жизни или дать ему какое-нибудь руководство. Обладая способностью къ критикѣ, къ отрицанiю, Василiй Васильевичъ не былъ въ состоянiи создать что либо положительное; онъ презираетъ толпу — и толпа платитъ ему тѣмъ же. Онъ окончитъ свое жизненное поприще „безъ цѣли и слѣда", и всѣ забудутъ его, имѣя на это полное право; памяти достойны одни лишь дѣятели, а отнюдь не фразеры съ „благими порывами".

И Василiй Васильевичъ знаетъ это. Не даромъ онъ смирился — такъ или иначе приходилось служить посмѣшищемъ для какого-то исправника, такъ уже лучше отрѣзать разъ, чѣмъ постоянно растравлять рану. Но онъ смирился наружно, внутренно-же онъ не перестаетъ называть себя „Гамлетомъ"— этимъ онъ несомнѣнно оказываетъ себѣ порядочную честь. Слѣдствiемъ такого неокончательнаго смиренiя является извѣстная доля позированiя и глумленiя. Василiй Васильевичъ не безапелляцiонно устранилъ себя со сцены жизни; онъ еще не дошелъ до того само-отрицанiя, которымъ кончилъ Чулкатуринъ.

Этотъ послѣднiй засѣлъ въ своей деревушкѣ безвыѣздно, отказавшись отъ людскаго общества. Онъ тоже не лишенъ образованiя, а пуще всего ума и дара наблюдательности. Довольно рано онъ убѣдился, что судьба создала его вовсе не для жизненной борьбы и удовольствiй; а какъ только онъ созналъ это, такъ сейчасъ же вычеркнулъ себя изъ списка живущихъ и дѣйствующихъ. За двадцать дней до смерти онъ принялся вести дневникъ съ цѣлью разсказать „себѣ самому всю свою жизнь", и тутъ-то онъ нашелъ слово, которымъ опредѣлилъ себя и свою роль въ жизни: Чулкатуринъ назвалъ себя „лишнимъ" человѣкомъ.

Должно сознаться, что слово подходящее. Чулкатуринъ разсказываетъ: „Во все продолженiе жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ." Есть такiе люди, которымъ вездѣ и всюду, что называется, „не везетъ." Къ ихъ разряду принадлежитъ Чулкатуринъ; но съ нимъ случилось нѣчто, что

окончательно доканало его: онъ глубоко полюбилъ и имѣлъ несчастіе возбудить въ любимой дѣвушкѣ къ себѣ ненависть. Это обстоятельство побудило его отказаться отъ всякой дѣятельности, отъ всякаго общенія съ людьми, явившись послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія къ сыпавшимся на него неудачамъ.

А неудачами была наполнена вся его жизнь. По поводу его рожденія одинъ шутникъ замѣтилъ, что „матушка его имъ обремизилась." Еще когда онъ былъ ребенкомъ, умеръ его отецъ, позже скончалась и мать, и Чулкатуринъ одинъ-одинешенекъ пустился въ жизнь. Будучи очень застѣнчивымъ отъ природы, онъ не умѣлъ себя держать въ обществѣ, не умѣлъ ни съ кѣмъ сойтись. „Всякій разъ, когда я попадался навстрѣчу знакомымъ, повѣствуетъ онъ, — или даже къ нимъ заходилъ, имъ становилось словно неловко; они, идя мнѣ навстрѣчу, какъ-то несовсѣмъ естественно улыбались, глядѣли мнѣ не въ глаза, не на ноги, какъ иные это дѣлаютъ, а больше въ щеки, торопливо произносили: „а! здравствуй, Чулкатуринъ!" тотчасъ отходили въ сторону и даже нѣкоторое время оставались потомъ неподвижными, словно силились что-то припомнить". И вотъ такой-то человѣкъ вздумалъ влюбиться и ухаживать — что-жъ удивительнаго, коли онъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха! У него не было ни одного выдающагося качества, наружность тоже не слишкомъ импонировала — вспомнимъ „мягковатыя и неопредѣленныя очертанія" носа, — краснорѣчіемъ онъ не отличался, талантами не блисталъ, а тутъ еще явился неожиданный чрезвычайно опасный соперникъ, и Чулкатуринъ потерпѣлъ полное фіаско. Не случись съ нимъ такого печальнаго происшествія, онъ можетъ быть дожилъ бы до старости, не отчаявшись въ себѣ и не признавши своей „сверхштатности."

Онъ любилъ одиночество, любилъ мечтать, и въ воображеніи создавалъ много заманчивыхъ вещей. Чѣмъ пріятнѣе были мечты, тѣмъ печальнѣе и болѣе чувствовались удары судьбы. Онъ хотѣлъ пользоваться жизнью, хотѣлъ играть не выходную роль, а на самомъ дѣлѣ обстоятельства сложились иначе. „Жизнь моя не отличалась отъ жизни множества другихъ людей. Родительскій домъ, университетъ, служеніе въ низменныхъ чинахъ, отставка, маленькій кружокъ знакомыхъ, чистенькая бѣдность, скромныя удовольствія, смиренныя заня-

тія, умѣренныя желанія — скажите на милость, кому неизвѣстно все это? Чулкатуринъ не хотѣлъ примириться съ такимъ положеніемъ; онъ искалъ чего-нибудь лучше, и постоянно натыкался на препятствія.

„Я былъ мнителенъ, застѣнчивъ, раздражителенъ, какъ всѣ больные; притомъ, вѣроятно, по причинѣ излишняго самолюбія или вообще вслѣдствіе неудачнаго устройства моей особы, между моими чувствами и мыслями — и выраженіемъ этихъ чувствъ и мыслей — находилось какое-то безмысленное, непонятное и непреоборимое препятствіе“. Онъ не умѣлъ выражать при посредствѣ языка то, что у него было на душѣ и на сердцѣ. Причиной этому была застѣнчивость и привычка къ одиночеству въ связи съ отсутствіемъ оригинальности. Чулкатуринъ не могъ передать другимъ чего-нибудь новаго, неизвѣстнаго; онъ былъ для нихъ незначительной личностью, предметомъ, не стоющимъ вниманія. Въ обращеніи съ ними онъ былъ неестественъ и натянутъ; какъ онъ ни старался „быть, какъ всѣ“, это ему не удавалось. Что же за удовольствіе возиться съ чудакомъ? Неудачникъ въ жизни, Чулкатуринъ совсѣмъ упалъ духомъ и назвалъ себя „лишнимъ человѣкомъ“, не понимая, что ничего на свѣтѣ нѣтъ лишняго, что у всего есть назначеніе, свойственное только одной данной единицѣ и больше никому и ничему. Отличаясь отъ природы слабой организаціей, Чулкатуринъ не вынесъ презрѣнія и ненависти горячо любимаго существа и палъ въ борьбѣ съ жизнью. Полюбивъ Лизавету Кирилловну и думая, что она его любитъ, Чулкатуринъ ожилъ. Онъ вообразилъ, что наконецъ-то судьба вознаграждаетъ его за всѣ претерпѣнныя несчастія. Но не тутъ то было... „Найти пріютъ, свить себѣ хотя временное гнѣздо, не знать отъ роду ежедневныхъ отношеній и привычекъ—этого счастія я, лишній, безъ семейныхъ воспоминаній, человѣкъ до сихъ поръ не испыталъ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ. „Все во мнѣ и вокругъ меня такъ мгновенно перемѣнилось! Вся жизнь моя озарилась любовью, именно вся, до самыхъ мелочей, словно темная, заброшенная комната, въ которую внесли свѣчку.“ И вдругъ эта свѣчка оказалась иллюзіей: Лизавета Кирилловна вовсе и не думала любить бѣднаго Чулкатурина. Только три недѣли въ своей жизни былъ онъ счастливъ. Не смотря на кратковременность счастья, онъ успѣлъ съ нимъ сжиться. Катастрофа отняла у него всѣ жизненные рессурсы,

окончательно убѣдивъ его, что онъ лишній человѣкъ, пятое колесо въ телѣгѣ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, Чулкатуринъ и ему подобные лишни, или нѣтъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Если видѣть въ людяхъ только бойцовъ, то, разумѣется, Чулкатуринъ излишенъ въ экономіи природы. Но если признать каждый индивидъ самодовлѣющимъ существомъ, то никто не можетъ быть выброшенъ за ненужностью, потому что каждый человѣкъ въ такомъ случаѣ нѣчто цѣлое, имѣющее полное право на существованіе. Вторая точка зрѣнія имѣетъ одинъ очень важный недостатокъ: она разсматриваетъ людей не въ обыденной обстановкѣ, а какъ бы на робинзоновскомъ островѣ. Такимъ образомъ Тургеневъ, взявшій Чулкатурина въ столкновеніи съ жизнію, съ полнымъ правомъ могъ назвать его „лишнимъ человѣкомъ:“ Чулкатуринъ ничего никому не далъ, ничего ни отъ кого не взялъ. Россія и міръ очень хорошо могли обойтись безъ него; онъ — лишній, и въ этомъ онъ сходенъ съ Василіемъ Васильевичемъ. Но помимо несомнѣннаго сходства есть у нихъ обоихъ много несходныхъ чертъ.

Въ упомянутой уже рѣчи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“ Тургеневъ между прочимъ говоритъ: „Намъ показалось, что въ этихъ двухъ типахъ (Гамлета и Донъ-Кихота) воплощены двѣ коренныя, противоположныя особенности человѣческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится... Донъ-Кихотъ энтузіастъ, служитель идеи,“ Гамлетъ — рефлектеръ и эгоистъ. Что Василій Васильевичъ имѣетъ сильное сходство съ тургеневскимъ Гамлетомъ, мы уже по мѣрѣ силъ доказали; что Чулкатуринъ до извѣстной степени схожъ съ Гамлетомъ, тоже не трудно увидѣть; постараемся теперь выяснить, что оба они „лишніе люди“ и что Чулкатуринъ обладаетъ нѣкоторыми свойствами тургеневскаго Донъ-Кихота.

Василій Васильевичъ учился въ московскомъ университетѣ, потомъ за границей. Но наука не пошла ему въ прокъ: онъ все отвергъ, ото всего отказался, все подвергнулъ сомнѣнію и, не успѣвъ подавить своей рефлексіи, зарылъ свои таланты въ землю. Чулкатуринъ былъ менѣе образованъ и даровитъ, но все же и его нельзя бы было выкинуть изъ строя, не будь онъ такъ слабъ. Оба они забились въ свои норы, отказались отъ дѣятельности, оба уволили себя въ отставку за яко-бы ненужностью. Чулкатуринъ прямо сравнива-

етъ себя съ пятымъ колесомъ; Василій Васильевичъ нарочно стушевывается и уклоняется отъ всякихъ стычекъ. И жизнь и люди въ свою очередь отринули ихъ, и живутъ себѣ безъ нихъ самымъ спокойнымъ манеромъ. Оба наши знакомца оказались лишними, ибо и безъ нихъ жизнь идетъ, какъ слѣдуетъ, безъ всякихъ толчковъ и недочетовъ. Ей нужны дѣятели, у которыхъ работа кипитъ подъ руками, а не бѣдные Макары, на которыхъ всѣ шишки валятся.

А развѣ Чулкатуринъ не напоминаетъ рыцаря печальнаго образа цѣлой серіей неудачъ, вплоть до попранія стадомъ свиней — мы имѣемъ въ виду:

„Сѣю рукопись читалъ
И Содержаніе Онной Нѣ Одобрилъ
Петръ Зудотѣшинъ
М М М М.“ и т. д.?

Василій Васильевичъ, какъ и Гамлетъ, не любилъ никого въ своей жизни; Чулкатуринъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ происшествія въ городѣ О..., на смертномъ одрѣ, восклицаетъ: „Прощай, Лиза!“ У него хватило когда-то силы отказаться отъ любимой дѣвушки, не докучать ей своими приставаньями, но онъ ее не позабылъ.

Послѣдняя запись въ его дневникѣ содержитъ слѣдующія мѣста: „Моя маленькая комедія разыграна. Занавѣсъ падаетъ.

Уничтожаясь, я перестаю быть лишнимъ.

Ахъ, какъ это солнце ярко! Эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью...

Я взялъ съ Терентьевны слово „не пришибить“ Трезора.

Мнѣ тяжело писать... Пора! смерть уже приближается съ вырастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой: она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ то легкое дуновеніе, отъ котораго поднялись дыбомъ волосы у пророка.

Я умираю... Живите, живые.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.“

Сколько здѣсь истиннаго паѳоса, сколько поэзіи! И сколько сходства съ величественной картиной смерти Alonso el Bueno!

Б.

№ 9.

Русскіе за границей по Тургеневу.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Характеръ наблюденій Тургенева надъ русскими за границей.

Изложеніе. Русскіе за границей.

I. Представители высшаго общества:
   1) щедрость ихъ,
   2) подобострастное исполненіе ихъ приказаній прислугою,
   3) разговоръ не на русскомъ языкѣ,
   5) особый характеръ ихъ поведенія.

II. Представители средняго круга:
   1) внѣшность,
   2) желаніе подражать иностранцамъ,
   3) особенность ихъ интересовъ,
   4) эксцентричность и выходки ихъ.

Заключеніе. Впечатлѣніе, производимое заграничными русскими.

Тургеневъ подолгу и разновременно живалъ за границей, слѣдовательно имѣлъ возможность хорошо и точно дѣлать наблюденія надъ своими соотечественниками. Его отзывы не слишкомъ разнятся отъ отзывовъ другихъ нашихъ великихъ писателей, хотя бы напр., Салтыкова, и даже антагонистъ Тургенева — Достоевскій отмѣчаетъ правильность изображеннаго имъ. Что касается до характера изображеній, то они

носятъ не очень-то лестный для русскаго общества колоритъ.

Среди русскихъ за границей встрѣчаются представители высшаго и средняго круговъ общества. Мы разсмотримъ сперва beau-monde, съ которымъ знакомимся въ „Дымѣ“ и въ „Вешнихъ водахъ“.

Полозовъ и его жена занимаютъ въ лучшихъ отеляхъ лучшіе номера; они щедрою рукою расплачиваются со всѣми, и прислуга подобострастно и быстро исполняетъ ихъ порученія, даже на первый взглядъ неисполнимыя; г-жа Полозова приказываетъ кельнеру взять ту самую ложу въ театрѣ, которая уже занята директоромъ города, и кельнеръ исполняетъ приказаніе. Та же Марья Николаевна безъ всякихъ церемоній прогоняетъ отъ себя ухаживающихъ за ней иностранцевъ, а они не перестаютъ увиваться за ней. Тутъ наблюдается явленіе, обратное обыкновенному: въ другихъ случаяхъ русскіе преклоняются передъ „геніемъ“ французовъ, передъ корректностью англичанъ или предъ простотой нѣмцевъ. Марія Николаевна вообще относится очень прямо ко всему — и къ обычаямъ, и къ искусствамъ нѣмцевъ, отдавая должное ихъ достоинствамъ и недостаткамъ. Въ высшей степени неглупая особа, она сумѣла вполнѣ правильно и независимо поставить себя, и всѣ ее уважаютъ. По-французски она говоритъ, какъ настоящая француженка, по-нѣмецки тоже вполнѣ хорошо, но въ кругу русскихъ объясняется на отечественномъ языкѣ.

Нельзя сказать того же о небольшомъ обществѣ генераловъ и ихъ женъ, собравшихся въ Баденѣ: „Литвиновъ тотчасъ призналъ ихъ за русскихъ, хотя они всѣ говорили по французски... потому что они говорили по французски.“ Дѣлали они это, не взирая на то, что нѣкоторые изъ нихъ выражались съ настоящимъ арзамасскимъ акцентомъ. Но они знались преимущественно съ французами, подозрительно и презрительно поглядывая на всякаго соотечественника, какъ бы боясь скомпромитироваться. Они чувствовали себя отлично въ обществѣ нѣкоего m-r Verdier, даже повторяли его bon-mot и цѣлыя фразы. Держали они себя съ отмѣннымъ величіемъ, „строго и вольно, съ легкимъ оттѣнкомъ той рѣзвости, того „чортъ меня побери“, которые такъ естественно появляются во время заграничныхъ поѣздокъ.“ Но, несмотря на всю ихъ корректность и благовоспитанность, отельная прислуга потѣ-

шается über diese Russen, хотя и величаетъ ихъ графами и князьями.

Въ данномъ случаѣ послѣднее обстоятельство объясняется хорошими „начаями" и „пурбуарами", въ другихъ же — надеждой на хорошее вознагражденіе. Такъ, въ пьесѣ „Вечеръ въ Сорренто" слуга называетъ степного помѣщика Авакова, вовсе не похожаго на генерала „celenza". Во всякомъ случаѣ иностранцы преувеличенно-высокаго мнѣнія о богатствѣ русскихъ, вслѣдствіе ихъ привычки сорить деньгами, но и все же внутренно смѣются надъ ними и презираютъ ихъ: повышенныя цѣны въ сезонъ пріѣзда путешественниковъ носятъ названіе „Narren oder Russen-Preise". Не лестно!

И всему виною неумѣнье себя держать. Русскіе говорятъ громко тамъ, гдѣ это непринято, изъясняются на отечественномъ діалектѣ въ присутствіи незнакомыхъ, а вѣдь русскій языкъ не одни они понимаютъ. Ихъ издали можно узнать по платью, по походкѣ, „а главное по выраженію ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смѣняется выраженіемъ осторожности и робости...

Человѣкъ внезапно настораживался весь, глазъ безпокойно бѣгалъ... „Батюшки мои! не совралъ ли я, не смѣются ли надо мною?" казалось, говорилъ этотъ уторопленный взглядъ. Проходило мгновеніе, — и снова востановлялось величіе физіономіи, изрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣніемъ." Въ Баденѣ, у „русскаго дерева" собирался „fine fleur" нашего общества. Подходили они величественно и пышно, здоровались великолѣпно, но, сойдясь, не умѣли завязать интереснаго разговора и пробавлялись выходками французскаго ex-литератора, который „имъ вралъ всякую дребедень изъ старыхъ альманаховъ Шаривари и Тентамарра, а они, ces princes russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника, и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное." И они стараются во всемъ подражать иностранцамъ, повторяя ихъ беззубые остроты и каламбуры и приспособлясь къ ихъ способу выраженія: авось ихъ не сочтутъ за русскихъ! И нѣкоторые изъ нихъ отлично успѣваютъ въ этомъ: В. П. Лаврецкая по происшествіи недѣли по пріѣздѣ въ Парижъ „уже перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чис-

токровной парижанки.“ И вкусы у ней привились французскіе, и общество у нея собиралось болѣе, чѣмъ на половину, французское.

Но далеко не всѣ удостоиваются такого счастья: небогатые русскіе принуждены довольствоваться кругомъ соотечественниковъ и толками почти о тѣхъ же самыхъ предметахъ, что и у себя на родинѣ, конечно, съ оттѣнкомъ „вольнодумства“. Таково общество, собирающееся у знаменитости — Губарева. Самъ Губаревъ готовитъ замѣчательное сочиненіе, для чего живетъ за границей и собираетъ матеріалы. Къ нему являются люди всевозможныхъ профессій и взглядовъ: здѣсь вы можете встрѣтить и эмансипированныхъ дамъ, и мировыхъ посредниковъ, и офицеровъ въ отпуску, и гейдельбергскихъ студентовъ; втираются и шершавые французики, помышляющіе о даровомъ ужинѣ. Всѣ они съ остервенѣніемъ пьютъ пиво и курятъ дрянныя сигары.

Эмансипированная Суханчикова съ захлебываньемъ разсказываетъ цѣлый рядъ анекдотовъ, искренно въ нихъ вѣруя, о Бичеръ-Стоу, о высокопоставленномъ сановникѣ, князѣ Барнауловѣ, о пошлости и подлости какихъ-то Пеликанова, Тентелеева, Евсеева, словомъ, выливаетъ цѣлый ушатъ всяческихъ нелѣпыхъ сплетенъ, и чуть ли не всѣ внимаютъ ей съ сочувствіемъ и благоговѣніемъ. Идеальный мировой посредникъ Пищалкинъ больше молчитъ и слушаетъ, но не протестуетъ. Офицеры являются обрадованные случаю, „конечно осторожно и не выпуская изъ головы задней мысли о полковомъ командирѣ, побаловаться съ умными и немножко даже опасными людьми“; одинъ изъ нихъ подъ шумокъ обругиваетъ русскую литературу, „другой приводитъ стишки изъ Искры“. Гейдельбергскіе студенты, изъ числа тѣхъ, что вначалѣ поражаютъ своихъ профессоровъ необычайнымъ прилежаніемъ и жаждою знаній, а потомъ столь же необычайною, несокрушимою ничѣмъ лѣнью, слушаютъ, развѣся уши, изрекаемыя истины и стараются держать себя развязно и „какъ дома“; но это имъ плохо удается. Учатся они совершенно такъ же, какъ учились и въ Москвѣ или въ Петербургѣ, съ тою только разницею, что теперь они слушаютъ нѣмецкихъ профессоровъ и читаютъ „нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ...“ Европейскаго быта, собственно Европы они не узнаютъ ни на волосъ; съ туземными коллегами не сходятся, якшаясь больше съ от-

ставными поручиками, да съ семействами изъ Пензы и Тамбова.

Такія семейства за границей можно встрѣтить довольно часто. Они пріѣзжаютъ людей посмотрѣть и себя показать; ничего не смысля въ живописи, они съ преувеличеннымъ восторгомъ созерцаютъ картины и статуи въ галлереяхъ и музеяхъ; оказываютъ покровительство и помощь всякимъ художникамъ и импровизаторамъ; глазѣютъ на коммерши студенчества и обращаютъ на себя вниманіе мѣстныхъ жителей эксцентричными выходками и костюмами.

Бамбаевъ, напримѣръ, съ такимъ жаромъ и такъ громогласно расхваливалъ Губарева, что проходившій въ этотъ моментъ мимо „франтикъ съ рыжими кудряшками и голубою лентою на низкой шляпѣ обернулся и съ язвительною усмѣшкой посмотрѣлъ на него сквозь стеклышко". А на пріѣхавшей изъ Дрездена въ Баденъ „Капитолинѣ Марковнѣ была довольно странная пестрая мантилья и круглая дорожная шляпа въ видѣ гриба, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ выбивались стриженые бѣлые волосы; небольшого роста, худощавая, она раскраснѣлась отъ дороги и говорила по-русски, пронзительнымъ и пѣвучимъ голосомъ... Ее тотчасъ замѣтили".

И въ игорныхъ залахъ русскіе съ такой горячностью увлекаются рулеткой, что ничего вокругъ не замѣчаютъ и возбуждаютъ холодныя усмѣшки самихъ крупье.

Въ Парижѣ и на модныхъ курортахъ они увиваются за раскрашенными лоретками; съ удалью, достойною настоящихъ Китъ-Китычей, они приглашаютъ другъ друга на ужинъ, обѣщая „анчаже самое Ригольбошъ!" Къ ихъ щедрости такъ привыкаютъ, что бываютъ непріятно поражены, когда съ ними расплачиваются не по царски; Ворошиловъ заплатилъ за крошечный букетъ фіалокъ гульденъ, думая удивить цвѣточницу; „но она даже бровью не повела и, когда онъ отъ нея отвернулся, презрительно скорчила свои губы. Одѣтъ Ворошиловъ былъ очень щегольски, даже изысканно, но опытный глазъ парижанки тотчасъ подмѣтилъ въ его туалетѣ, въ его тюрнурѣ, въ самой его походкѣ, носившей слѣды рановременной военной выправки, отсутствіе настоящаго, чистокровнаго шику". Да и не одинъ костюмъ возбуждаетъ въ иностранцахъ сознаніе нѣкотораго превосходства надъ нами. Въ нихъ еще живо мнѣніе, что „grattez le Russe et vous verrez

le Tartare“. Въ самомъ дѣлѣ, они владѣютъ и торгуютъ людьми, какъ же не barbari?

И такъ, что за чувство появляется въ насъ при видѣ заграничныхъ русскихъ? что насъ больше всего въ нихъ поражаетъ? какъ мы объясняемъ себѣ ихъ поведеніе?

Прежде всего намъ дѣлается ихъ жалко, а потомъ они возбуждаютъ наше презрѣніе. Съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, они бросаются рѣшительно на все чужое, не разбирая, гдѣ пшеница, а гдѣ плевелы; съ величайшею поспѣшностью стараются перемолоть и то и другое и, конечно, толку выходитъ мало: бѣдные люди, они позабыли, что „безъ ума перенимать, и, Боже сохрани, какъ худо!“ Нѣкоторые довольно ловко пригоняютъ къ себѣ мѣстную внѣшность, но внутри остаются тѣми же, что были у себя дома, напоминая ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Стараясь елико возможно сравняться съ туземцами, русскіе частенько попадаютъ впросакъ и вызываютъ невольную насмѣшку, смѣшанную съ презрѣньемъ.

Поневолѣ, кажется, станешь сторониться отъ нихъ: слишкомъ много у нихъ всякихъ неловкостей, изъ которыхъ наиболѣе бросается въ глаза неумѣнье держать себя, слабо развитая общественность.

Это свойство наблюдается, разумѣется, и въ мѣстной русской жизни, но тутъ нѣтъ подъ руками предмета для сравненія, какъ за границей. Англичане, американцы, нѣмцы держатся обособленно, съ достоинствомъ, и никто не можетъ ничего сказать по этому поводу; французы умѣютъ попасть въ любое общество и вездѣ окажутся на мѣстѣ. Совсѣмъ не то съ русскими. Каждый изъ нихъ чего-то боится, ежесекундно точно прощенья просить готовъ, имѣетъ какой-то забитый видъ. Особенно выступаетъ наружу у нихъ та особенность, которую замѣтилъ еще Лермонтовъ, а Достоевскій назвалъ „всечеловѣчностью“: русскіе съ чрезвычайною ловкостью и быстротою воспринимаютъ чуждыя воздѣйствія, перерабатывая ихъ на свой ладъ. Но то, что является достоинствомъ цѣлаго народа, можетъ оказаться серьезнымъ недостаткомъ у отдѣльныхъ личностей, принимая уродливыя формы по своимъ размѣрамъ. Въ Россіи середины XIX в. было еще очень сильно западническое движеніе; и вотъ, попавши въ „Европу“, русскій съ священнымъ трепетомъ взираетъ на ея обычаи и уч-

режденія; все новое, невиданное такъ поражало его, что онъ позабылъ о своемъ собственномъ хорошемъ — „съ глазъ долой, изъ сердца вонъ“. Тутъ встрѣчался онъ съ русскими эмигрантами, по тѣмъ или другимъ причинамъ покинувшими родину и обыкновенно озлобленными на нее. И просто пріѣзжіе умники черпали новый матеріалъ для своихъ язвительныхъ обличеній и указаніями на имѣющіеся подъ руками и передъ глазами факты еще усугубляли впечатлѣніе.

Одного изъ такихъ умниковъ мы встрѣчаемъ къ Потугинѣ. Онъ является выразителемъ симпатій и антипатій автора, какъ разъ около времени написанія „Дыма“ находившагося въ особенно пессимистическомъ настроеніи по отношенію къ Россіи и русскимъ.

Въ „Дымѣ“ мы и наталкиваемся на самыя непріязненныя изображенія; здѣсь отражена только одна оборотная сторона нашего заграничнаго общества и такъ какъ наиболѣе подробное описаніе его находится именно здѣсь — въ другихъ произведеніяхъ Тургенева изображены отдѣльныя лица, — то и общій колоритъ носитъ мрачный характеръ.

Тургеневъ съ нѣкоторымъ даже добродушіемъ упоминаетъ въ „Вешнихъ водахъ“ о Narren oder Russen-Preise, но это добродушіе совершенно улетучивается изъ памяти читателя при видѣ картинъ, нарисованныхъ въ „Дымѣ“, и остается только воспоминаніе о параллели между дуракомъ и русскимъ.

Б.

№ 10.

Оправданіе Рудина.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Отрицательныя черты характера Рудина.

Изложеніе. Основанія для оправданія Рудина:

I. Неблагопріятныя условія воспитанія.

II. Незаслуженный успѣхъ у товарищей по университету.

III. Положительныя черты характера:
1) краснорѣчіе,
2) идеальныя стремленія,
3) умственное превосходство надъ окружающими.

IV. Благопріятное вліяніе его рѣчей на молодежь.

V. Жизненныя неудачи и смерть за идею.

Заключеніе. Рудинъ — типъ чисто-русскій.

Прежде чѣмъ приступить къ оправданію Рудина, намъ, естественно, необходимо возстановить въ своей памяти тѣ обвиненія, какія падаютъ на голову характеризуемой нами личности.

Насколько мы могли замѣтить, на подавляющее большинство читателей Рудинъ производитъ неблагопріятное впечатлѣніе уже при первой встрѣчѣ съ нимъ въ домѣ madame Ласунской.

„Помѣщикъ, образованный, умный" (объ умѣ Рудина madame Ласунская успѣла натрещать еще до его появленія въ гостиной)... говорятъ эти строгіе цѣнители и судьи... „а платье на немъ не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ.

Впрочемъ, у всѣхъ этихъ господъ остается небольшая надежда на примиреніе съ неряхой-помѣщикомъ.

„Вы служите гдѣ-нибудь"? — спрашиваетъ Дарья Михайловна своего новаго гостя, и утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ жаждетъ оскорбленный читатель.

— Кто? я-съ?

— Да.

— „Нѣтъ... Я въ отставкѣ" — отвѣчаетъ не безъ запинки Рудинъ.

— „Въ отставкѣ? такой молодой?" — въ ужасѣ и негодованіи восклицаетъ благонамѣренный читатель.

Но здѣсь дѣло не въ лѣтахъ, какъ полагаетъ благонамѣренный читатель, а въ совершенной инертности, являющейся слѣдствіемъ той безвыходной апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ, которая составляла главную черту рудинскаго характера.

Рудинъ, пожалуй, и не прочь бы продолжать государственную службу, если бы она была въ состояніи дать ему

нравственное удовлетворенiе, но... она этого не даетъ и не можетъ дать, а „службы для службы“ такой человѣкъ, какъ онъ, не признаетъ.

Въ своемъ исключительномъ (объ исключительности его положенiя мы скажемъ въ свое время) положенiи Рудинъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, — не могъ найти потому, что вообще не понималъ смысла жизни и не дошелъ еще до разумнаго воззрѣнiя на свои отношенiя къ другимъ людямъ.

А этого дѣла по душѣ Рудинъ искалъ въ теченiе всей своей жизни; за что только онъ не принимался!!!... но всякое дѣло валилось у него изъ рукъ: въ немъ, какъ выразился Лежневъ, не хватало держки.

При такой неудачѣ всякiй на его мѣстѣ по-неволѣ опустилъ бы руки и почилъ на лаврахъ или, въ лучшемъ случаѣ, покончилъ съ собою самоубiйствомъ.

Но Рудинъ не способенъ былъ подолгу отчаиваться: въ немъ слишкомъ сильна была вѣра въ окончательное торжество добрыхъ начинанiй. При каждой неудачѣ онъ на нѣкоторое время задумывался, какъ бы стараясь найти причину таковой... и причина всегда находилась. Тогда онъ обращался къ другому дѣлу, болѣе надежному, по его мнѣнiю. И такъ всю жизнь свою провелъ онъ въ постоянномъ безплодномъ исканiи дѣла по душѣ.

Вотъ главный пунктъ, на который ссылаются обвинители Рудина.

Съ этимъ обвиненiемъ нельзя не согласиться; съ нимъ вполнѣ искренне соглашается и самъ Рудинъ.

„Мнѣ рѣшительно скрывать нечего,“ говоритъ онъ при послѣдней встрѣчѣ съ Лежневымъ: „я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хоть ничтожную пользу.

Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другiе?... Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положенiе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой...

Я сталъ бояться ея — моей судьбы...“

Остальныя обвиненія мало дѣйствительны. Такъ, Рудина упрекаютъ за его чрезмѣрный эгоизмъ, который сказался съ особенной силой въ его отношеніяхъ къ Наташѣ Ласунской.

„Нѣтъ, это не эгоизмъ“ — возразимъ мы словами Бѣлинскаго: „эгоистъ радъ себѣ, доволенъ собою, а не страдаетъ такъ, какъ страдалъ Рудинъ“.

Если присовокупить къ вышесказанному еще большое самомнѣніе, какимъ, дѣйствительно, отличался нашъ герой, то мы цѣликомъ исчерпаемъ всѣ, по крайней мѣрѣ, существенныя, обвиненія, возводимыя на него не въ мѣру строгими судьями.

Такимъ образомъ, мы убѣдились въ томъ, что обвиненія, возводимыя на нашего героя, не лишены реальнаго основанія: Рудинъ, дѣйствительно, виноватъ предъ строгимъ судомъ нравственности.

Теперь возникаетъ вопросъ о помилованіи. Можно ли чѣмъ-нибудь оправдать его? можно-ль признать за нимъ хоть самую ничтожную пользу?

Чтобы отвѣтить на эти естественно напрашивающіеся вопросы, намъ необходимо бросить хотя самый бѣглый взглядъ на его молодость, характеръ его личности и позднѣйшей дѣятельности.

О молодости Рудина мы знаемъ со словъ Лежнева.

Вотъ что онъ говоритъ о ней: „Родился Рудинъ въ Т...вѣ, отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрѣйшая и души въ немъ не чаяла: толокномъ однимъ питалась, и всѣ, какія были у ней, денежки употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитаніе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька...“

Такое воспитаніе не можетъ дать хорошихъ плодовъ: оно пагубно отражается на умственномъ и нравственномъ образованіи ребенка. Внутреннія силы его незамѣтно для самихъ воспитателей „никнутъ и увядаютъ“.

Вмѣсто того, чтобы употреблять свои силы на разумный трудъ, ребенокъ тратитъ ихъ на мелочи, на капризы и заносчивыя требованія исполненія своихъ капризовъ тѣми, кто волею слѣпой судьбы поставленъ въ зависимое положеніе.

„А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность, и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживаетъ свое достоинство.

Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, ребенокъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому останавливается при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе."

Такъ воспитывался Рудинъ до поступленія въ университетъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, нѣсколько облагородилъ его еще не успѣвшій окончательно сформироваться характеръ, но только нѣсколько...

Волею судебъ случилось такъ, что Рудинъ сдѣлался руководителемъ одного очень симпатичнаго студенческаго кружка. На него всѣ товарищи смотрѣли съ благоговѣніемъ, чуть ли не боготворили; даже самъ Покорскій, въ лицѣ коего Тургеневъ, по его собственнымъ словамъ, изобразилъ Станкевича, и тотъ не могъ соперничать съ Рудинымъ.

Это преклоненіе товарищей, въ сущности совершенно незаслуженное, должно было еще болѣе развить то самомнѣніе, которое уже успѣло всосаться въ душу Рудина въ его дѣтскіе годы.

„Въ чемъ же, наконецъ, выражается дѣятельность вашего героя?" — быть можетъ, прерветъ мои разглагольствованія нетерпѣливый читатель. — „Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, существовать человѣкъ рѣшительно безъ всякой дѣятельности?"

— Извольте, извольте, любезный читатель: у Рудина есть своя особенная дѣятельность.

Онъ, видите ли, говоритъ, — говоритъ страстно, горячо, увлекательно... въ этомъ и заключается его дѣятельность: онъ герой слова.

„Но не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна — вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, козалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва-ли не высшей тайной-музыкой краснорѣ-

чія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди."

Но рѣчи Рудина имѣли большой успѣхъ у слушателей не вслѣдствіе одного только изящества формы, не вслѣдствіе одной ихъ вдохновенности, но главнымъ образомъ вслѣдствіе ихъ идеальнаго содержанія. Не будь идеальнаго содержанія, онѣ не могли бы увлечь такую идеальную, честную и чуткую натуру, какой была Наташа Ласунская.

Рудинъ говорилъ о предметахъ высокихъ, придающихъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка, какъ то: о необходимости горячей общественной дѣятельности, о пользѣ наукъ и искусствъ, о самосовершенствованіи, о высокомъ значеніи любви... и все это съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, чуть ли не со слезами на глазахъ.

Въ его рѣчахъ много остроумія и много вѣры въ свои слова, много увлеченія ими.

Это искреннее увлеченіе невольно передается слушателямъ, подвигаетъ ихъ на дѣланіе добра, которое онъ проповѣдуетъ.

Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Рудинъ своими рѣчами имѣлъ самое благотворное вліяніе на слушавшую его молодежь.

Въ этомъ сѣяніи добрыхъ идей въ душу воспріимчивой молодежи и заключается его назначеніе.

Про Рудина никоимъ образомъ нельзя сказать, что онъ прошелъ надъ міромъ „безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда."

Его жизненныя неудачи (а ихъ было не мало!) и трагическая смерть, а въ особенности мучительное сознаніе своей безполезности, окончательно мирятъ насъ съ этимъ злосчастнымъ героемъ слова. Итакъ мы прощаемъ...

Но мы — русскіе и не смѣемъ осуждать его, такъ какъ каждый изъ насъ тотъ же Рудинъ, только въ другомъ костюмѣ.

Это типъ чисто-русскій, коренной, народный нашъ типъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ и измѣняетъ свои формы, становится въ другія отношенія къ жизни, получаетъ новое значеніе.

У Рудина есть и предшественники, есть и дѣти.

Онѣгинъ, Печоринъ, Бельтовъ, Тентетниковъ, Рудинъ, Обломовъ — вотъ блестящая плеяда тождественныхъ типовъ, и въ каждомъ изъ насъ есть еще значительная доля сходства съ этими типами.

Явленіе прискорбное, но, къ сожалѣнію, неоспоримое.

„Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души умѣлъ высказать намъ это всемогущее слово „впередъ," о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь?"

Гробовое молчаніе...

Н. Л.

№ 11.

Почему Ельцова дала такое странное воспитаніе своей дочери и какъ это воспитаніе отразилось на Вѣрѣ Николаевнѣ? („Фаустъ" Тургенева).

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Личность родителей г-жи Ельцовой.

Изложеніе:

I. Причины, благодаря которымъ Ельцова дала странное воспитаніе своей дочери:

1) ненормальность въ воспитаніи г-жи Ельцовой,
2) взглядъ самой Ельцовой на воспитаніе,
3) боязнь передъ жизнью,
4) желаніе обезопасить Вѣру отъ ошибокъ и горестей.

II. Дурныя послѣдствія воспитанія Вѣры Николаевны:
1) суевѣріе,
2) незнакомство съ поэзіей и съ жизнью,
3) узость умственнаго кругозора,
4) неподготовленность къ рѣшенію жизненныхъ вопросовъ,
5) неспособность къ борьбѣ.

Заключеніе. Жалость, вызываемая при видѣ натуръ, безпомощныхъ въ жизни вслѣдствіе полученнаго ими тепличнаго воспитанія.

Мать Вѣры Николаевны родилась отъ отца, богатаго русскаго помѣщика, и матери — итальянки, явившись плодомъ союза двухъ въ высшей степени непохожихъ одна на другую національностей. Понятное дѣло, что это обстоятельство не могло не отразиться на ея характерѣ, тѣмъ болѣе, что и дѣтство ея прошло въ особенной обстановкѣ. Мать дѣвочки умерла сейчасъ же послѣ родовъ, а отецъ велъ чрезвычайно замкнутый образъ жизни, занимаясь химіей, анатоміей, кабалистикой, совершенно удалившись отъ внѣшняго міра. Онъ самъ взялся за воспитаніе и образованіе дочери; можно догадываться, какъ онъ велъ свои педагогическія занятія. Г-жа Ельцова росла въ дѣтствѣ, вѣроятно, одинокимъ ребенкомъ, безъ сверстниковъ и игръ; сосѣди къ нимъ не ѣздили — стало быть и людей она видѣла мало. Такъ шла ея жизнь, пока она не встрѣтила своего будущаго мужа, „человѣка замѣчательнаго, за котораго вышла по любви и который тайно вывезъ ее изъ родительскаго дома. Она едва перенесла его потерю и до самой смерти носила одни черныя платья.

Оставшись вдовою, г-жа Ельцова посвятила весь свой досугъ на воспитаніе дочери и почти никого не принимала“. Такимъ образомъ Вѣра оказалась въ такой же обстановкѣ, какъ нѣкогда ея мать, съ тою только разницею, что воспитаніемъ Вѣры занималась женщина, а не мужчина.

„Г-жа Ельцова была женщина очень странная, съ характеромъ, настойчивая и сосредоточенная. Все у ней дѣлалось по системѣ, и дочь свою она воспитывала по системѣ. У нея были свои idées fixes, свои коньки.“ Она боялась жизни съ ея тайными силами и неожиданными, подчасъ трагическими, положеніями. Передъ ея глазами постояннымъ страшнымъ

призракомъ стоялъ примѣръ насильственной смерти матери (убитой прежнимъ женихомъ), кончины въ полномъ одиночествѣ отца, не простившаго побѣга дочери съ любимымъ человѣкомъ, и ранней смерти мужа, нечаянно застрѣленнаго на охотѣ товарищемъ. Она замкнулась въ себѣ, отгородилась отъ жизни стѣной, насколько это было возможно, и приложила всѣ старанія, чтобы избавить свою горячо любимую дочь отъ всякихъ случайностей и промаховъ Ельцова была увѣрена, что соединить полезное съ пріятнымъ невозможно, а необходимо выбрать что-нибудь одно. Она выбрала первое и въ такомъ духѣ повела воспитаніе Вѣры. „Она, какъ огня, боялась всего, что можетъ дѣйствовать на воображеніе; а потому ея дочь до семнадцати-лѣтняго возраста не прочла ни одной повѣсти, ни одного стихотворенія,“ но зато въ совершенствѣ изучила географію, исторію и естествознаніе. Словомъ, образованіе ея носило въ узкомъ смыслѣ реальный характеръ. Неизмѣримое море поэзіи было ей совершенно незнакомо. Даже обладая голосомъ, она не пѣла или пѣла только наединѣ, когда никто не могъ ея слышать; даже мечты ея носили особенный отпечатокъ дѣйствительности. Вѣра Николаевна „либо воображала себя въ степяхъ Африки, съ какимъ-нибудь путешественникомъ, либо отыскивала слѣды Франклина на Ледовитомъ океанѣ; живо представляла себѣ всѣ лишенія, которымъ должна подвергаться, всѣ трудности, съ которыми приходилось бороться...“ На все это она смотрѣла просто и правдиво, моментально замѣчая фальшь даже тамъ, гдѣ никто другой и не заподозрилъ бы ея наличности. „Ельцова ревниво оберегала свою дочь“, и изъ Вѣры вышла барышня, совсѣмъ непохожая на обыкновенныхъ барышень. „Выраженіе ея лица было искреннее и правдивое какъ у ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно, хотя и незадумчиво. Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другіе: ясность невинной души, отраднѣе веселости, свѣтилась во всемъ ея существѣ. Только однажды показалось автору, что онъ подмѣтилъ гдѣ-то въ самой глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ что-то странное, какую-то нѣгу и нѣжность... „Но, можетъ быть, я ошибся“, добавляетъ онъ. Дѣвочка любила свою мать и „вѣрила ей слѣпо“. Она, такъ сказать, отдала свою волю въ руки матери и вполнѣ подчинилась ея авторитету. А Ельцовой только этого и было надобно. Какъ уже было сказано выше, она боя-

лась жизни. Испытавъ и переживъ многое, она вообразила, что ужъ все можетъ предугадать, все можетъ заставить течь по заранѣе приготовленному руслу и обдуманному плану. Если же такъ, то несомнѣнно, что мать будетъ дѣйствовать разумнѣе и безошибочнѣе, чѣмъ дочь. Въ ея роду, да и надъ ней самою, страсти неоднократно сыграли нехорошую шутку—дочь должна всѣми силами обуздывать себя, смотрѣть на жизнь прямо и вѣрно, отнюдь не позволяя себѣ увлекаться и ставить на карту свое счастье и будущее. Понятное дѣло, что для этого необходимо не упускать изъ виду земли и не возноситься на крыльяхъ фантазіи. „Ельцова передъ свадьбой своей дочери разсказала ей всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., вѣроятно, съ поучительною цѣлью“. Бѣдная женщина! Она не сообразила, что рано или поздно скрытыя силы всегда вырываются на волю, и что чѣмъ дальше ихъ удерживать, тѣмъ могущественнѣе онѣ порвутъ всѣ оковы и тѣмъ разрушительнѣе проявятъ себя. Въ этомъ заключалась ея непоправимая ошибка. Можно до поры до времени закрыть цѣлую половину умственнаго горизонта человѣка, но жизнь — а кто предскажетъ, какова она будетъ! — насильственно раздвинетъ створки и вольетъ новое громадное содержаніе въ его душу.

Такой казусъ случился и съ Вѣрой Николаевной, правда, довольно поздно — роковое знакомство съ „Фаустомъ“, которому было суждено сыграть роль слѣпой судьбы, произошло въ то время, когда Вѣра Николаевна была матерью троихъ дѣтей и когда ей исполнилось уже 28 лѣтъ. Еще до этого момента съ ней случались странныя вещи: ей являлась умершая мать. Надо думать, что Ельцова при своемъ воспитаніи не успѣла совершенно задушить въ Вѣрѣ область фантастики, тѣмъ болѣе, что и сама она не была лишена нѣкотораго рода фанатизма и суевѣрія. Можетъ быть, что тутъ вмѣшалось и постороннее вліяніе — г-жа Ельцова не стѣсняла свободы дочери, — только Вѣра Николаевна непоколебимо стояла на почвѣ дѣйствительности и прозы. Къ такому проблеску изъ закрытой области ея души внезапно присоединился широкій и ослѣпительно яркій лучъ поэзіи „Фауста“ — Вѣра Николаевна оказалась ослѣпленной его свѣтомъ. Послѣ чтенія драмы она ушла къ себѣ въ комнату, и тамъ долгое время плакала. Плакала же она очень рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ. Содержаніе „Фауста“, какъ ей казалось,

„жгло ея голову“, даже до физическаго ощущенія этого жженія. Нельзя лить новаго въ старые мѣхи. Умъ Вѣры Николаевны работалъ въ извѣстномъ направленіи, въ одномъ видѣлъ черное, въ другомъ бѣлое; вдругъ является новый дѣятель и властно и настойчиво требуетъ переработки уже рѣшенныхъ вопросовъ. Никакихъ особенныхъ талантовъ за Вѣрой Николаевной не водилось, жила она до извѣстной степени растительной жизнью, о судьбахъ человѣчества не заботилась, проблеммами о добрѣ и злѣ не занималась, а тутъ спорятъ передъ ней Фаустъ съ Мефистофелемъ, любитъ чистая Гретхенъ, пируютъ вѣдьмы на Брокенѣ, Вагнеръ копается въ пыли фоліантовъ — внезапно поднялась завѣса надъ необозримымъ океаномъ новыхъ столкновеній и интересовъ, новой жизнью и областью. Ко всему этому присоединилась любовь ея, замужней женщины. Она не послушалась совѣта своей матери уже раньше, когда прочитала и увлеклась „выдуманнымъ“ сочиненіемъ. „Кто же разъ ступитъ на эту дорогу (т. е. начнетъ читать поэтическія произведенія), тотъ уже назадъ не вернется“, говорила и вѣрила она. Такимъ образомъ первое преступленіе совершено, и мать можетъ потребовать у нея отвѣта, оскорбленная и огорченная. Но мало того: она увлеклась человѣкомъ, котораго не можетъ любить, не нарушая законовъ людскихъ и Божіихъ, который и прежде любилъ ее, даже дѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отъ матери отказъ, — она на порогѣ второго, болѣе ужаснаго, чѣмъ первое, преступленія. Мать, вѣроятно, отвернулась бы отъ нея... Вѣра Николаевна совершенно потерялась. Она четверть вѣка провела подъ крылышкомъ матери, на все смотрѣла ея глазами — жизнь ударила ее по неподготовленной, незащищенной сторонѣ и Вѣра Николаевна оказалась раздавленной непосильнымъ бременемъ. На смертномъ одрѣ она „почти всё время бредила „Фаустомъ“ и матерью своею, которую называла то Мартой, то матерью Гретхенъ.“ Въ своихъ собственныхъ глазахъ Вѣра Николаевна сравнялась съ Маргаритой, согрѣшила смертельно, но не искупила своего грѣха, какъ возлюбленная Фауста. Для нея все потеряно.

Ельцова создала тепличное растеніе. Чѣмъ же это растеніе виновато, если оно попало въ чуждую ему атмосферу?!

Съ Вѣрой Николаевной случилось именно то, чего такъ основательно боялась ея мать, отъ чего она старалась ее за-

страховать. Г-жа Ельцова сдѣлала для своей дочери все, что было по ея разумѣнію лучшимъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Глубокую жалость вызываетъ къ себѣ неподготовленная для жизни Вѣра Николаевна. Странное воспитаніе изломало ея богатую и крѣпкую, быть можетъ, натуру и бросило ее „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ въ омутъ жизненной борьбы. Вѣра Николаевна сломилась...

Б.

№ 12.

Личность Елены, героини романа И. С. Тургенева: „Накунунѣ“.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе. Въ чемъ заключаются благопріятныя и неблагопріятныя стороны воспитанія Елены?

Изложеніе. Личность Елены:

1) почему она не оказываетъ вліянія на родную среду?
2) какимъ путемъ вырабатывался ея идеалъ?
3) почему она сначала разочаровывается въ Инсаровѣ?
4) чѣмъ объяснить ея жалобы до встрѣчи съ Инсаровымъ?
5) почему Еленѣ кажется, что ее убиваютъ?
6) какой характеръ носитъ ея стремленіе къ свободѣ?
7) какой характеръ носитъ ея любовь?
8) насколько она выше въ умственномъ отношеніи своей ближайшей предшественницы въ русской литературѣ?
9) почему она не находитъ себѣ дѣла въ Россіи, не возвращается на родину по смерти Инсарова?

Заключеніе. Имѣетъ ли типъ Елены только историческое значеніе или также и психологическое?

Елена, героиня романа И. С. Тургенева: „Накануне“, представляетъ собою типъ русской дѣвушки, средняго сословія, въ той окраскѣ, какую онъ получилъ къ пятидесятымъ годамъ минувшаго столѣтія.

Родители ея, какъ мы видимъ изъ романа, были люди съ очень недалекимъ умственнымъ и нравственнымъ горизонтомъ.

Отецъ Елены, Николай Артемьевичъ Стаховъ, былъ человѣкомъ малообразованнымъ (кончилъ юнкерскую школу), впрочемъ съ большими претензіями на видное положеніе въ обществѣ.

„Смолоду“, говоритъ Тургеневъ, „его занимали только двѣ мечты: попасть въ флигель — адьютанты и выгодно жениться.

Съ первою мечтою ему, человѣку незнатнаго происхожденія и притомъ небогатому, пришлось поневолѣ разстаться; это обстоятельство еще болѣе усилило его и безъ того сильное влеченіе къ выгодной женитьбѣ.

Отличаясь счастливой наружностью, хорошимъ сложеніемъ и слывя едва-ли не лучшимъ кавалеромъ на вечеринкахъ средней руки, Николай Артемьевичъ безъ большого труда покорилъ себѣ сердце одной изъ достойныхъ посѣтительницъ этихъ вечеринокъ, — покорилъ. . и, недолго думая, женился. Женившись, онъ сошелся со вдовой, которой дарилъ лошадей изъ жениной конюшни.

Относительно его жены почти нечего сказать. Это было до приторности чувствительное, слабое, довольно пустое и лживое существо. Звали ее Анной Васильевной.

Сдѣлавшись женою и матерью, она вздумала было заняться воспитаніемъ своей единственной дочери, но ослабѣла и передала ее на руки гувернанткѣ, которая и довела до конца это неудачно начатое воспитаніе.

Посмотримъ же, чѣмъ обязана наша героиня своей воспитательницѣ.

Гувернантка, которой Анна Васильевна поручила докончить воспитаніе свой дочери, была изъ русскихъ, „дочь разорившагося взяточника, институтка, очень чувствительное, доброе и лживое существо.“

Но она очень любила литературу, постоянно ею занималась и сумѣла пріохотить свою воспитательницу къ чтенію.

Такъ росла Елена до семнадцати-лѣтняго возраста. Она, подобно всѣмъ тургеневскимъ героинямъ, уже въ это время отличалась натурой сильной, порывистой, незаурядной.

„Во всемъ ея существѣ, внимательномъ и пугливомъ, было что-то нервическое, электрическое, порывистое, торопливое."

„Удивительное существо... странное существо", говоритъ про нее Шубинъ, и съ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ соглашается неразговорчивый флегматикъ — Берсеневъ.

И вотъ такой дѣвушкѣ судьба судила расти и жить въ болѣе, чѣмъ заурядной обстановкѣ! Кромѣ ничтожныхъ, пошлыхъ отца и матери, членомъ семьи являлся Уваръ Ивановичъ, который на все, что ему ни говорили, только „шевелилъ перстами."

Эта семейная обстановка, при всѣхъ своихъ отталкивающихъ, подавляющихъ качествахъ, имѣла одну привлекательную сторону; она нисколько не стѣсняла внѣшней свободы нашей героини.

„Родительская власть," читаемъ мы въ романѣ, „никогда не тяготѣла надъ Еленой, а съ шестнадцатилѣтняго возраста она стала почти совсѣмъ независимой".

Независимость Елены доходила до того, что даже отецъ сталъ ея побаиваться, когда она выросла. О матери уже и говорить нечего: съ нею дочь обращалась, какъ съ „больной бабушкой."

Такимъ образомъ, Елена могла самостоятельно развиваться, жить своею собственною жизнью, могла не погружаться въ тину пошлости, въ которой погрузились ея родители и Уваръ Ивановичъ.

Но какъ родственная среда не оказывала никакого положительнаго вліянія на Елену, такъ, съ своей стороны, и Елена не оказывала вліянія на свою родственную среду. Является вопросъ, почему?

Въ самомъ дѣлѣ. Если дѣйствительно Елена — натура сильная, то, по общимъ законамъ психологіи, она необходимо должна подчинить своему вліянію слабыя натуры своихъ: отца, матери, Увара Ивановича.

Дѣло объясняется особенностью характера Елены.

Вотъ что говоритъ про нее Тургеневъ: „Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала „во вѣки вѣковъ, требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали.

Стоило человѣку потерять ея уваженіе, а судъ она произносила скоро, часто слишкомъ скоро — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея.“

Что могли противопоставить этой незыблемости убѣжденій ея родители или совершенно опустившійся Уваръ Ивановичъ?

Такой процессъ, повидимому, и произошелъ у Елены въ отношеніи къ родителямъ:

„Она росла очень странно; сперва обижала отца, потомъ страстно привязалась къ матери, и охладѣла къ обоимъ, особенно къ отцу“.

Сперва, т.-е. пока еще не сознавала всей ничтожности и пошлости своихъ родителей, она ихъ обожала, а когда, по мѣрѣ умственнаго развитія, стала сознавать, она, по свойству своей порывистой и честной натуры, отвернулась отъ нихъ, совершенно перестала ихъ уважать, и они для нея какъ бы уже не существовали.

Этой чертой характера Елена напоминаетъ свою близкую предшественницу въ русской литературѣ, Лизу Калитину.

Елена, какъ и Лиза, не можетъ войти ни въ какую сдѣлку съ своимъ чувствомъ, не можетъ помириться ни на какомъ компромиссѣ.

Окружавшая Елену пошлая обстановка дѣйствовала на ея чуткую душу такимъ образомъ, что возбуждала въ ней сильныя порывистыя стремленія къ явленіямъ прямо противоположнымъ тѣмъ, какія ей приходилось наблюдать въ дѣйствительности.

Вокругъ и около Елены все было мелочно, ничтожно, пошло, обыкновенно — и она стала стремиться ко всему высокому, чистому, сильному, величественному, необыкновенному; ее окружали повседневныя и даже ничтожныя личности — и душа ея начала искать личностей необыкновенныхъ, героевъ.

Въ своемъ юношестскомъ увлеченіи взлелѣяннымъ идеаломъ она даже нѣсколько смѣшна, — смѣшна потому, что ужъ черезчуръ наивна.

„Скажите“ — спрашиваетъ она Берсенева: „между вашими товарищами были замѣчательныя личности?“

Какъ лихорадочно, съ какимъ сосредоточеннымъ, благоговѣйнымъ и, правду сказать, наивнымъ вниманіемъ прислушивается она къ разсказамъ о необыкновенномъ прошломъ Инсарова!

Она вовсе не высказываетъ своего взгляда на то, что относится къ категоріи „необыкновеннаго“, а что слѣдуетъ заклеймить печатью „повседневнаго, обыкновеннаго“.

Нѣтъ, она ищетъ и требуетъ только того, что рѣзко противорѣчитъ окружающей ее пошлой дѣйствительности.

Изъ этого мы можемъ заключить, что у Елены еще не выработалось опредѣленнаго взгляда на вещи, и идеалъ ея былъ слишкомъ туманенъ.

Она отталкиваетъ прекраснаго человѣка Берсенева, котораго уже, повидимому, начала любить, — отталкиваетъ только потому, что не находитъ въ немъ ничего необыкновеннаго.

Вслѣдствіе этого болѣзненнаго стремленія къ необыкновенному, она на первыхъ порахъ разочаровывается даже въ Инсаровѣ.

Онъ показался Еленѣ обыденно-простымъ, и образъ Инсарова совсѣмъ не ладился съ тѣмъ образомъ, который она себѣ ранѣе составила по разсказамъ Берсенева.

Она ожидала чего-то болѣе фатальнаго.

Чѣмъ же обусловливается такое настроеніе русской женщины въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатяго столѣтія?

Это было то знаменательное въ исторіи русской общественной жизни время, когда въ нашемъ обществѣ начала пробуждаться потребность живой дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ слабла вѣра въ научныя, мертвыя и потому негодныя истины, распространителями и носителями которыхъ были у насъ Рудины, — Елена съ своей „чуткой душой“, помимо нашихъ русскихъ молодыхъ людей, представителей искусства, науки, дѣла (Шубинъ, Берсеневъ, Курнатовскій), съ ихъ пассивностью, съ ихъ идеалами, мало пригодными для жизни, выбираетъ се-

бѣ человѣка дѣла, „живого дѣятеля“, у котораго идеалы сливались съ жизнью, и самый организмъ котораго былъ какъ бы устроенъ для дѣятельности общественной — болгарина Инсарова.

Послѣ того, какъ мы выяснили до нѣкоторой степени душевный складъ Елены и обстановку, въ какой она жила, намъ становятся понятными ея жалобы въ дневникѣ до встрѣчи съ Инсаровымъ, которая все измѣнила въ ея мученической жизни, становится понятнымъ, почему ей кажется, что ее убиваютъ.

Дѣйствительно, трудно было жить Еленѣ, этой высокой натурѣ, жаждавшей дѣятельной любви, дѣятельнаго добра, — жить среди окружавшаго ее порока, лжи и разврата.

Она не была натурою пассивною и не могла удовлетворитья однимъ созерцаніемъ.

„Одно чтеніе не удовлетворяло Елену“, говоритъ авторъ: „она съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра“. Въ обстановкѣ, окружавшей ее, она дѣйствовать не могла по причинамъ, которыя были нами изложены выше; кромѣ того, Елена не находила въ своей средѣ ни поддержки, ни сочувствія своимъ идеальнымъ стремленіямъ.

Она не находила человѣка, которому могла бы протянуть руку и сказать: „будемъ вмѣстѣ работать“.

И вотъ эта прекрасная дѣвушка чувствуетъ, что напрасно гибнутъ лучшіе годы ея жизни, напрасно гибнутъ ея лучшія стремленія и чувства.

Какъ жить безъ любви, а любить некого!...

А кажется, я бы умѣла любить.“

Силы ея просились наружу, требовали дѣятельности живой, а она должна была хоронить ихъ въ себѣ.

„А годы шли да шли; быстро и неслышно, какъ подснѣжныя, вешнія воды, протекала молодость Елены въ бездѣйствіи внѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ.“

„Ея душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было.“

Вотъ это одиночество больше всего и угнетаетъ Елену.

„Я и не подозрѣвала“, говоритъ Елена, „что у меня печальный видъ. Я думаю, это оттого происходитъ, что я одна со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ.

Некому протянуть руку. Кто подходитъ ко мнѣ, того не надобно, а кого бы хотѣлось... тотъ проходитъ мимо."

Тутъ ея страданія достигаютъ высшей степени интенсивности.

Инсаровъ разбудилъ всѣ силы Елены, когда она узнала, что онъ готовится къ борьбѣ за освобожденіе своей родины... Наконецъ-то открылась дѣятельность для нея и какая высокая, святая — бороться за свободу своихъ собратьевъ!

Елена почувствовала еще большую потребность дѣйствовать, любить, и вдругъ видитъ, что тотъ, кому она уже готова была протянуть руку для совмѣстной живой дѣятельности, „идетъ мимо".

Она чувствуетъ, какъ легко Инсаровъ можетъ уйти отъ нея, и передъ ней раскрывается снова вся пошлость ея одинокой, бездѣятельной, безпросвѣтной жизни.

Въ невыносимыхъ мукахъ она восклицаетъ:

„Я не знаю, кто и какъ, но меня какъ будто убиваютъ, и внутренне я кричу и возмущаюсь; я плачу и не могу молчать... Боже мой! Боже мой!"

Въ невыразимой тоскѣ Елена произноситъ слова:

„Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это."

Елена рвется изъ гнетущей ее обстановки на свободу.

Въ душной атмосферѣ, въ какой ей приходилось вращаться, она чувствовала себя, какъ птица въ клѣткѣ.

„Ея душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было: никто не стѣснялъ ея, никто не удерживалъ, а она рваласъ и томилась."

У ней часто является страстное желаніе бросить все и убѣжать куда нибудь, все равно куда, лишь бы подальше отъ своей обстановки.

Но и та относительная свобода, какой пользовалась Елена въ родительскомъ домѣ, принесла ей большую пользу. Благодаря этой свободѣ, Елена не была обезличена, могла совершенно свободно распоряжаться собой.

Это обстоятельство и помогло Еленѣ самостоятельно дѣйствовать въ выборѣ мужа, не спрашивая, нравится ли ея избранникъ родителямъ или нѣтъ.

Такая самостоятельность Елены является въ сущности новостью въ Россіи и замѣчается только съ 50-хъ годовъ.

На Лизѣ Калитиной мы убѣждаемся, что въ 40-хъ годахъ, даже лучшія русскія дѣвушки не располагали свободно своею личностью; въ вопросѣ замужества „онѣ еще не смѣли свое сужденіе имѣть“.

Лиза готова была выйти за мужъ за Паншина, съ которымъ совершенно расходилась въ симпатіяхъ и убѣжденіяхъ, только потому, что „мамѣ онъ нравится“.

Въ 60-хъ годахъ русская женщина не только сознаетъ себя самостоятельной личностью, но даже старается стать общественнымъ дѣятелемъ наравнѣ съ мужчиной.

Таковы Маріанна и Машурина,—героини романа „Новь“.

Къ величайшей чести Россіи можно сказать, что такое дѣятельное стремленіе къ самостоятельности и равноправности замѣчается въ нашихъ представительницахъ прекраснаго пола и до сихъ поръ, и все съ большей и большею силой.

Остается пожелать успѣха этому симпатичному и благому движенію „впередъ“ и сказать словами Соломина: „Вы всѣ, русскія женщины, дѣльны и выше насъ, мужчинъ“.

Въ заключеніе намъ остается рѣшить вопросъ о томъ, имѣетъ ли типъ Елены, кромѣ историческаго значенія, также и психологическое.

Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Въ самомъ дѣлѣ, типъ Елены представляетъ собою ту ступень въ развитіи женщины, когда она освобождается отъ хищническихъ элементовъ женской натуры, но умъ, сердце и воля еще не свободны отъ власти любви, они еще подавлены ею, но любовь ея чистая, высокая, хотя и эгоистичная; изъ—за своего личнаго счастья съ возлюбленнымъ она бросаетъ все — и родителей и родину.

Овсянико — Куликовскій, характеризуя типъ Елены съ точки зрѣнія развитія женской личности, говоритъ:

„Типъ, данный въ Еленѣ, указываетъ на дальнѣйшее развитіе женской личности, въ направленіи широкой человѣчности, такъ что эгоизмъ переходитъ какъ будто въ альтруизмъ“.

Теперь осталось выяснить, какою является Елена, когда, наконецъ, находитъ выходъ изъ своего мучительнаго положенія, встрѣчаетъ необыкновеннаго человѣка, который занятъ громадными альтруистическими задачами.

Елена смѣло подаетъ ему руку для общаго труда и самопожертвованія. Отдается Инсарову вся, со всею страстью своей мощной натуры.

Она какъ бы вся переливается въ него, или сама проникается имъ, сливается съ нимъ въ одно существо. Начинаетъ жить съ Инсаровымъ одною жизнью. Всѣ интересы Инсарова становятся ея интересами. У Елены нѣтъ теперь ничего, что внѣ Инсарова; все въ немъ.

„Мнѣ теперь не до него (Шубина)“... говоритъ она... „и ни до кого въ мірѣ.“

Родиною Елены стала уже не Россія, а Болгарія...

Смѣло идетъ она за Инсаровымъ, отдавшись ему со всей силой своей глубокой натуры, полная надежды и ожиданія; но судьбѣ не угодно было продлить ея счастье: Инсаровъ умеръ, не доѣхавъ до своей родины.

Но и послѣ его смерти Елена осталась вѣрна „его памяти, всей его жизни.“

Въ разгаръ войны она уѣхала сестрой милосердія въ Болгарію.

Н. Л.

№ 12.

Оправданіе Варвары Павловны. („Дворянское гнѣздо“).

ПЛАНЪ.

Вступленіе. — Личность Варвары Павловны:

1) Черты, характеризующія ее до замужества;
2) перемѣна, происшедшая въ ней послѣ замужества.

Изложеніе. — Обстоятельства, оправдывающія Варвару Павловну:

1) Не совсѣмъ благопріятныя условія ея воспитанія;
2) отсутствіе должнаго вниманія со стороны мужа;
3) вліяніе Петербурга и Парижа;
4) безучастное отношеніе близкихъ людей.

Заключеніе. — Впечатлѣніе, производимое Варварой Павловной.

Черты внутренняго „я“ Варвары Павловны, даже при самомъ внимательномъ чтеніи „Дворянскаго Гнѣзда“, незамѣтно ускользаютъ изъ памяти, — потому что вниманіе читателя цѣликомъ поглощается такою удивительно цѣльною, величественною личностію, Лизы, Варвара же Павловна играетъ въ романѣ такую же роль, какъ англоманъ — отецъ Лаврецкаго, Марья Дмитріевна, Мароа Тимоѳеевна, Глафира Петровна и вообще вся его родня.

Несмотря на это, уже при первой встрѣчѣ въ романѣ Варвара Павловна производитъ на читателя пріятное впечатлѣніе, сразу завоевываетъ себѣ его горячую симпатію, подобно тому, какъ она завоевала симпатію юноши — Лаврецкаго, увидѣвшаго ее впервые въ театрѣ, слѣдовательно, при исключительной обстановкѣ.

„Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно.“

Нѣтъ ничего удивительнаго, что сердце угрюмаго Лаврецкаго на этотъ разъ гораздо сильнѣе забилось, чѣмъ когда бы то ни было въ подобныхъ случаяхъ, — забилось жаждой еще неиспытанной, жгучей, молодой, сладкой женской любви. Онъ не могъ отвести взоровъ отъ поразившей его вниманіе дѣвушки; представленіе на сценѣ перестало занимать его; самъ Мочаловъ, находившійся тогда на высотѣ своей славы и бывшій въ тотъ вечеръ въ „ударѣ“, не производитъ на него обычнаго впечатлѣнія.

„Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу: она вся наклонилась впередъ, щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ... „Всю ночь мерещились ему эти глаза“.

Въ этотъ знаменательный вечеръ Лаврецкій совершенно переродился: прекрасные глаза Варвары Павловны въ одинъ мигъ до основанія разрушили то, что англоманъ—отецъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ старательно строилъ.

Мы вполнѣ понимаемъ Лаврецкаго, вполнѣ сочувствуемъ той поспѣшности, съ какою ухватился онъ за счастливую мысль о возможности при посредствѣ своего почти единственнаго московскаго товарища познакомиться съ поразившей его вниманіе дѣвушкой.

Отзывъ о ней Михалевича (такъ звали товарища Лаврецкаго) еще болѣе разжегъ его любопытство.

„Это, братъ ты мой, воскликнулъ Михалевичъ со свойственной ему порывистой пѣвучестью въ голосѣ, — эта дѣвушка — изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая.“

Вотъ все, что пока зналъ Лаврецкій относительно Варвары Павловны, и этого, нужно сознаться, вполнѣ достаточно для того, чтобы ожидать многаго отъ знакомства съ нею. Посмотримъ, насколько оправдаются наши ожиданія.

Михалевичъ, замѣтивъ изъ разспросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, самъ вызвался познакомить его съ нею, и на шестой день послѣ описываемаго происшествія молодой спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ полное распоряженіе своего предупредительнаго товарища, который, будучи въ домѣ родителей Варвары Павловны своимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы, и оба отправились къ Коробьинымъ (такъ звали родителей Варвары Павловны).

По мѣрѣ приближенія къ дому Коробьиныхъ чувство робости у Лаврецкаго росло crescendo, но... Варвара Павловна (объ родителяхъ ея мы уже и не говоримъ) была „такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи

чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ то же время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго,—вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость.

„Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами (что дѣлаетъ большинство прекраснаго пола), но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній насчетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько Шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду.“

Только поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ лицо руками въ оцѣпенѣніи очарованія.

Теперь только, казалось ему, онъ понималъ, для чего стоитъ жить, работать, трудиться.

Съ этого дня онъ зачастилъ къ Коробьинымъ, а полгода спустя объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей руку и сердце.

Предложеніе его, какъ и слѣдовало ожидать, было принято, но только съ нѣкоторыми условіями. Эти условія важны для насъ съ той точки зрѣнія, что даютъ намъ возможность опредѣлить нѣкоторые взгляды и убѣжденія Варвары Павловны.

Прежде всего, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ, окончаніе котораго для него, богатаго помѣщика, по мнѣнію родителей Варвары Павловны, да и ея самой, было совершенно лишнимъ.

На образованіе Варвара Павловна смотрѣла съ узкой, практической точки зрѣнія, не признавая его воспитательнаго, моральнаго значенія.

Второе условіе вноситъ въ характеристику Варвары Павловны еще больше свѣту; оно, это второе условіе, заключалось въ томъ, что Варвара Павловна „взяла на себя трудъ за-

казать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ.“

Что дѣйствительно у Варвары Павловны было много умѣнья доставлять себѣ комфортъ, Лаврецкій имѣлъ въ этомъ случай убѣдиться во время своего свадебнаго путешествія въ „Лаврики“, когда молодая супруга показала себя въ полномъ блескѣ своего женскаго величія, окруживъ себя и мужа такими удобствами, о которыхъ въ дорогѣ и мечтать было трудно.

Пріѣхавши въ „Лаврики“, въ самый разгаръ лѣта, она нашла во всемъ полнѣйшій безпорядокъ, но даже словомъ не обмолвилась объ этомъ мужу. Не располагая оставаться въ деревнѣ далѣе осени, она кротко переносила всѣ неудобства и даже забавно подтрунивала надъ ними.

Прежде чѣмъ навсегда покинуть пріютившую ее деревеньку, Варвара Павловна рѣшила предоставить управленіе ею своему папашѣ, который, несмотря на свое генеральство, находилъ вполнѣ умѣстнымъ „управлять имѣніемъ такого близкаго родственника“.

Предоставить управленіе имѣніемъ Коробьину было возможно не иначе, какъ предварительно выживши изъ него тетку Лаврецкаго, энергичную Глафиру Петровну. Но искусная аттака и энергія новой хозяйки почти безъ труда сломили энергію Глафиры Петровны, которая въ одно прекрасное утро, „какъ бѣшеная, вбѣжала въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ.“

Бѣдная Глафира Петровна! она разсчитывала на то, что племянникъ станетъ удерживать ее, охладитъ, пожалуй, энергичную политику супруги, но... „надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ.“ Это окончательно доконало Глафиру Петровну, и она уѣхала... уѣхала поневолѣ.

Въ скоромъ времени и Варвара Павловна съ мужемъ поѣхали въ Петербургъ, гдѣ провели подрядъ двѣ зимы въ прекрасной, свѣтлой, изящно-меблированной квартирѣ. Въ Петер-

бургѣ молодые Лаврецкіе завели много знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ слояхъ общества, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцовальныя вечеринки. Варвара Павловна „привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ.“

Но, предаваясь со всѣмъ молодымъ пыломъ шумнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, Варвара Павловна упрекала своего муженька за его бездѣлье, совѣтовала ему поступить на службу. Сама она никогда не сидѣла, сложа руки: у ней, какъ у аккуратной хозяйки, было слишкомъ много дѣла по управленію домомъ. Весь день проходилъ въ хлопотахъ, и только вечеромъ Варвара Павловна позволяла себѣ отдаваться танцамъ и музыкѣ, которую она любила всѣми силами своей страстной, увлекающейся натуры.

„Она порадовала мужа рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго, онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было необходимо ей послѣ такого несчастія да и здоровье ея требовало теплаго климата.“

Объѣхавъ Германію и Швейцарію, они къ зимѣ поспѣшили въ Парижъ. Здѣсь Варвара Павловна расцвѣла какъ роза и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, свила себѣ теплое гнѣздышко.

Молодой и увлекающейся Варварѣ Павловнѣ нужно было общество, нуженъ былъ хоть одинъ человѣкъ, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться новыми, совершенно незнакомыми впечатлѣніями. А впечатлѣній было много, слишкомъ много!

Она побывала въ Германіи, объѣздила всю Швейцарію, а теперь жила въ Парижѣ, — этомъ вѣчно живомъ, великолѣпномъ центрѣ человѣческой культуры.

Она могла, конечно, обратиться къ мужу, но... онъ постоянно занятъ своими книгами, тетрадями, словарями; ему не до нея...

Что же ей дѣлать? Энергичная, неспособная поддаваться отчаянію, Варвара Павловна рѣшила и здѣсь, какъ въ Петербургѣ, обзавестись знакомыми, что ей легко и скоро удалось.

„Сперва къ ней ѣздили одни русскіе, потомъ стали появляться французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ пре-

красными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами,— и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей, и la belle madame de Lawretzki скоро стала извѣстна отъ Choussée d'Antin до Rue de Lille."

Новыя знакомства, выѣзды, пріемы, посѣщеніе театровъ— все это дало новую массу чувствъ и впечатлѣній, въ которыхъ нужно было разобраться.

Мужу Варвара Павловна боялась мѣшать въ его занятіяхъ, приходилось, слѣдовательно, дѣлиться мыслями и чувствами со своими новыми знакомыми, — съ тѣми людьми, которые вмѣстѣ съ нею переживали эти чувства.

На этой почвѣ необходимо должны были завязаться болѣе близкія, болѣе интимныя отношенія.

Послѣ этого нужно быть Лаврецкимъ, чтобы удивляться тому, что Варвара Павловна, эта артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, молодая и красивая, — не могла оставаться вѣрной своему чудаку — мужу.

„Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

„Милый ангелъ Бетси! (Я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя Barbe или Варвара — Varvara). Я напрасно прождалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра въ половинѣ второго на нашу квартирку. Твой добрый толстякъ (ton gros bonhomme de mari) объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего поэта „Пускина" (de vortre poëte Puskine), которой ты меня научила: „Старый мужъ, грозный мужъ!" Тысячу поцѣлуевъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя. Эрнестъ."

„Лаврецкій не сразу понялъ, что такое онъ прочелъ: прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась... Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ..." Но онъ не спросилъ себя, имѣетъ ли онъ право требовать отъ своей жены безусловной вѣрности, исполняетъ ли самъ онъ,

Лаврецкій, всѣ тѣ многостороннія обязанности мужа, какія возлагаютъ на него законъ и совѣсть, — главнымъ образомъ, совѣсть. Онъ ни разу, можетъ быть, не подумалъ о томъ, что его молодая жена не можетъ довольствоваться только одною матеріальною обезпеченностью и тѣми скудными ласками, какія онъ холодно дарилъ ей въ минуты отдыха, что она, — еще неопытная, сравнительно недавно вышедшая изъ института, гдѣ отъ нея тщательно скрывали все, имѣющее отношеніе къ дѣйствительной жизни, — что она не могла одна устоять въ борьбѣ съ широко распространеннымъ въ мірѣ зломъ.

Мало того, онъ — человѣкъ безусловно не глупый, — не сдѣлалъ ни одного шагу къ тому, чтобы поближе изучить свою супругу, съ которой ему суждено было прожить всю жизнь: онъ, увлекшись ея блестящей внѣшностью, не думалъ заглядывать въ ея душу.

Въ этомъ Лаврецкій непростительно виноватъ передъ женою. Еслибы онъ поближе сошелся съ Варварой Павловной, искалъ бы въ ней товарища и друга, а не цѣнилъ бы со стороны чисто физической, тогда бы Варвара Павловна осталась на высотѣ своего женскаго величія, а не пала такъ низко. Но прискорбный фактъ совершился: она измѣнила, она предпочла ему „бѣлокураго, смазливаго мальчика, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва ли не самаго ничтожнаго изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.“

Какія-же мѣры предпринимаетъ ея законный супругъ? Что дѣлаетъ для спасенія ея и своей собственной чести?

Ничего ровно... онъ только „почувствовалъ, что въ состояніи истерзать жену, избить ее до полусмерти, по — мужицки задушить ее своими руками.“ Эти чувства, конечно, простительны на первыхъ порахъ, въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва, когда человѣкъ ничего не сознаетъ, но... и спустя значительный промежутокъ времени Лаврецкій ограничился тѣмъ, что послалъ женѣ записку слѣдующаго содержанія: „Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ все. Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги. Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ

15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору.

Дѣлайте что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастія. Отвѣта не нужно.“ Вотъ все, что предпринялъ Лаврецкій въ такомъ исключительномъ трагическомъ положеніи. Эта безпомощность, это малодушіе, что вы тамъ ни говорите,— недостойны мужчины, недостойны мужа!

Онъ долженъ былъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы наставить свою бѣдную супругу на путь истины; онъ долженъ былъ объяснить ей весь ужасъ, весь позоръ ея паденія; онъ долженъ былъ, если на то пошло, силой вырвать ее изъ того омута, въ какой попала она исключительно въ силу своей неопытности, своей полнѣйшей неподготовленности къ жизни.

А онъ чуть ли не умышленно развинчиваетъ свои нервы, растравляетъ и безъ того тяжелую рану, чуть ли не рисуется, какъ ураганъ, налетѣвшимъ на него несчастіемъ, — однимъ словомъ, думаетъ только о самомъ себѣ.

Во всемъ этомъ сказывается холодный, непростительный эгоизмъ Лаврецкаго: не даромъ же онъ родной братъ Онѣгину!

„Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла.“

И онъ получилъ отвѣтъ; правда, отвѣтное письмо Варвары Павловны было холодно и напряженно, хотя „кой-гдѣ виднѣлись капли слезъ.“ Эти виднѣвшіяся кой-гдѣ капли слезъ краснорѣчиво говорятъ въ защиту Варвары Павловны, — говорятъ о тѣхъ страданіяхъ, о тѣхъ тяжкихъ угрызеніяхъ совѣсти, какія она, бѣдная, переживала въ тѣ минуты, когда ея мужъ, ея естественный защитникъ, рисовался своимъ раздутымъ горемъ, — раздутымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не такъ ужъ близко принималъ ее къ сердцу.

„Почему же письмо ея было холодно и напряженно?“— спросятъ меня обвинители Варвары Павловны — „почему она не просила у оскорбленнаго ею мужа прощенія? почему не объяснила ему откровенно своего непонятнаго, непостижимаго увлеченія?

Въ этомъ виноватъ самъ Лаврецкій, виноватъ „его бѣшенный, неукротимый нравъ,“ виновато, наконецъ его необдуманное письмо, а никакъ ужъ не Варвара Павловна.

Ея женское самолюбіе, ея гордость, не позволяли ей поступить иначе.

Вмѣсто того, чтобы объясниться съ женой, Лаврецкій послѣ перваго ея письма уѣхалъ изъ Парижа.

Дальнѣйшее паденіе Варвары Павловны было исключительно дѣломъ Лаврецкаго, да ея милыхъ родителей, которые ничего не предприняли для спасенія своей единственной дочери, а между тѣмъ хорошо знали о ея разрывѣ съ мужемъ, — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: вѣдь объяснили же генералу Коробьину причины той поспѣшности, съ какою выпроваживали его изъ управляемаго имъ имѣнія.

Послѣ отъѣзда Лаврецкаго изъ Парижа Варвара Павловна, повидимому, совершенно потеряла почву подъ ногами: она падала все ниже и ниже и, наконецъ, стала „извѣстностью.“ О дальнѣйшей судьбѣ ея мы ничего не знаемъ достовѣрнаго.

Спустя нѣсколько лѣтъ она пріѣхала къ мужу въ городъ О..., гдѣ онъ временно проживалъ.

Но это была уже совсѣмъ не та Варвара Павловна, какой мы ее знали прежде. Она сдѣлалась „львицей“, стала рѣзкой, ядовитой, мстительной.

Но за эту перемѣну, мы не смѣемъ судить ее.

Она — жертва ненормальнаго устройства нашего общества, — жертва тѣхъ ненормальныхъ отношеній, какія существуютъ между мужчиной и женщиной.

Н. Л.

№ 13.

Татьяна Ларина и Лиза Калитина („Евген. Онѣгинъ“ и „Двор. Гнѣздо“).

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Условія воспитанія Татьяны Лариной и Лизы Калитиной.

Изложеніе. Татьяна Ларина и Лиза Калитина (параллельная характеристика).

I. Національныя черты характеровъ:
1) любовь къ родинѣ и ея обычаямъ,
2) суевѣріе,
3) любовь къ нянѣ,
4) религіозность,
5) пренебреженіе дѣтскими забавами и шалостями,
6) стыдливость,
7) скромность,
8) сердечность,
9) мечтательная задумчивость,
10) покорность волѣ Божіей,
11) поверхностное образованіе,
12) склонность къ беззавѣтной любви.

II. Отличительныя черты характера Татьяны:
1) впечатлительность, воспріимчивость и странность натуры,
2) цѣльность и постоянство,
3) задумчивость и стремленіе уединиться,
4) сильно развитое воображеніе,
5) неопредѣленное стремленіе къ идеалу.

III. Отличительныя черты характера Лизы:
1) своеобразный взглядъ на счастье,
2) понятіе о самонаказаніи,
3) строгое отношеніе къ самой себѣ,
4) самостоятельность,
5) кротость и доброта.

Заключенiе. Татьяна и Лиза — героини долга.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору сходныхъ и различныхъ чертъ характеровъ Татьяны Лариной и Лизы Калитиной, бросимъ бѣглый взглядъ на ту внѣшнюю обстановку, при какой росли, воспитывались и жили эти личности.

Татьяна Ларина, — получила воспитанiе, даже и потому невзыскательному на этотъ счетъ времени, весьма поверхностное.

Родители ея, люди матерiально обезпеченные, ни въ чемъ не хотѣли отставать отъ привычекъ того сословiя, къ коему принадлежали по своему происхожденiю. Они проводили свою жизнь въ пошлыхъ развлеченiяхъ, и вся ихъ забота о дочери ограничивалась тѣмъ, чтобы она была сыта, обута, одѣта и здорова.

Что же касается воспитанiя и образованiя, то въ этомъ отношенiи дѣвочка была предоставлена самой себѣ, да старушкѣ — нянѣ, изъ крѣпостныхъ.

Лиза Калитина находилась не въ особенно лучшихъ условiяхъ.

Воспитанiе ея было также поручено нянѣ и отчасти теткѣ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ; подъ влiянiемъ этихъ женщинъ и сформировался ея характеръ.

Отецъ Лизы, практикъ, дѣлецъ, вѣчно погруженный въ свои расчеты, мало обращалъ вниманiя на свою дочь, мать же, пустая эгоистка, въ своихъ заботахъ о дочери ограничивалась тѣмъ, что одѣвала ее, какъ куклу. Она не только не вмѣшивалась въ ея внутреннюю жизнь, но даже врядъ ли подозрѣвала, что сначала у ребенка, потомъ у дѣвочки и, наконецъ, у дѣвушки можетъ быть внутренняя жизнь, — не подозрѣвала потому, что иной, внутренней жизни у самой madame Калитиной почти не было.

Гувернантки, учителя и учительницы,—все это проскользнуло мимо Лизы, не затронувъ ея души и сердца.

Такимъ образомъ, главной воспитательницей Лизы была няня. Она внушила своей воспитанницѣ тѣ взгляды на жизнь

и назначеніе человѣка, какія мы замѣчаемъ въ Лизѣ впослѣдствіи, въ пору ея дѣвической жизни.

Вотъ тѣ условія, при какихъ воспитывались наши героини.

Это воспитаніе, весьма сходное по своему существу, отразилось на ихъ характерахъ и выработало въ нихъ то сходство, какое мы даже при самомъ поверхностномъ сравненіи по-неволѣ замѣчаемъ.

На это же сходство указываетъ и Достоевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, между Татьяной Лариной и Лизой Калитиной много общаго: та же полнота духовной жизни, то же отсутствіе односторонности.

Татьяна и Лиза — обѣ представляютъ типы русскихъ женщинъ, хотя съ нѣкоторымъ различіемъ въ выраженіи этихъ типовъ.

Такъ Татьяна — русская женщина; ея душа до наивности со всѣмъ роднымъ и національнымъ. Любовь и сочувствіе къ родинѣ и ея обычаямъ вкоренилась въ молодую душу Татьяны подъ вліяніемъ условій воспитанія до чрезвычайности. Дѣйствительно, Татьяна выросла въ деревнѣ, гдѣ она окружена была съ ранняго дѣтства русскою народною жизнью, русскою природой, а потому не мудрено, что ей сильно нравилась эта природа во всѣхъ ея проявленіяхъ: и родные лѣса, и поля, и величавая русская зима во всей ея сѣверной волшебной красѣ.

Такъ, въ послѣднемъ объясненіи съ Онѣгинымъ Татьяна говоритъ, что шумъ и блескъ столичныхъ собраній, говоръ и пересуды столичныхъ барынь занимаютъ ее гораздо меньше, чѣмъ воспоминанія о милой деревенской жизни:

,,А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта, —
Постылой жизни мишура,—
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,

За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей."

Татьяна настолько была проникнута русскою народною жизнью, что не избѣжала и современнаго ей народнаго суевѣрія. Не спасло ее отъ этого даже и то, что по своему духовному развитію она стояла выше среды, окружавшей ее въ деревнѣ.

„Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны."

Татьяна была сильно привязана къ своей старой нянѣ, любила ее всѣми силами своей страстной молодой души. Она одной только нянѣ повѣряла свои тайны и безпрекословно слушалась ея. Такъ, она довѣрила ей тайну своей любви и только одной ей показала свое письмо къ Онѣгину; въ послѣднемъ объясненіи съ Онѣгинымъ Татьяна, „гордая законодательница залъ", съ любовью вспоминаетъ могилу своей дорогой няни.

Лиза Калитина тоже несомнѣнно была женщиною съ русскою душою, хотя, по словамъ Тургенева, ей и въ голову не приходило, что она патріотка; но это было такъ, и ее не напрасно оскорбляло презрѣніе къ Россіи въ Паншинѣ. „Ей по душѣ было съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, безъ всякаго барскаго снисхожденія, по цѣлымъ часамъ любила бесѣдовать со старостой материнскаго имѣнія."

Точно также Лиза любила и свою няню и была къ ней сильно привязана.

Самъ Тургеневъ говоритъ о ней: „впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила; и няня имѣла на Лизу сильное вліяніе; въ силу этого вліянія Лиза, конечно, была не чужда и суевѣріямъ, но особенно это вліяніе сказалось въ развитіи у ней религіознаго чувства.

Религіозною, несомнѣнно, была и Татьяна Ларина, но у нея религіозность была спокойная, безъ экстаза и сильныхъ порывовъ; у Лизы же Калитиной религіозность была восторженная, проникавшая въ самую глубь ея существа. Религіозность эта проявлялась во всѣхъ ея убѣжденіяхъ и поступкахъ; Лиза, напримѣръ, не довольствовалась тѣмъ, что сама была богомольна, но всячески старалась и другихъ обращать къ Богу; такъ, замѣтивъ безразличное отношеніе къ религіи въ Лаврецкомъ, она заботилась о развитіи религіозности у него и молилась даже о томъ. Всѣ ея убѣжденія были проникнуты вѣрой въ Бога, въ Его безконечную любовь къ грѣшнымъ людямъ, въ его всемогущество и въ его всепрощеніе; послѣднее сами люди должны были заслуживать, терпѣливо перенося тѣ испытанія, которыя Богу угодно было ниспослать имъ. Лиза молилась много и за всѣхъ; религіозность ея настолько сильно овладѣла ею, что въ неудачной любви своей къ Лаврецкому она видѣла лишь испытаніе, ниспосланное ей отъ самого Бога за грѣхи отца; поэтому, несмотря на свою молодость и горячія убѣжденія Марѳы Тимоѳеевны, несмотря на то, что она почти не жила еще радостями земной жизни, она рѣшилась вступить въ отдаленный монастырь; при этомъ надо замѣтить, что она шла въ монастырь не съ цѣлью укрыться отъ жизни, она вступила туда, совершая сознательный подвигъ, исполняя то, что считала своимъ долгомъ.

Она пошла въ монастырь молиться за грѣшный міръ, за грѣхи своего отца, которые тягостно легли на ея душу и мучили ея совѣсть, молиться за живыхъ и мертвыхъ.

Такъ, она сама говоритъ: „я знаю все: и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ, я знаю все. Все это отмолить надо.“

Татьяна Ларина и Лиза Калитина отличались также еще въ дѣтствѣ большой серьезностью.

Такъ, онѣ не принимали никакого участія въ играхъ и шалостяхъ дѣтей, чуждались общества послѣднихъ, не занимались игрой въ куклы и не интересовались вѣстями города и разговорами о модахъ. Про Татьяну Пушкинъ говоритъ:

„Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна;

а Тургеневъ про Лизу: „Она была серьезный ребенокъ, глаза ея свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась негромко и не долго, держалась чинно.“

Обѣ онѣ отличались стыдливостью, что подтверждается относительно Татьяны слѣдующимъ мѣстомъ:

„Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю;

а относительно Лизы словами автора: „И ея блѣдное лицо залѣлось веселой и стыдливой улыбкой“ или: „я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ“... выразила было Лиза — и застыдилась“.

Обѣ онѣ отличались также скрытностью. Такъ, Татьяна и Лиза долгое время скрывали свою любовь: первая къ Онѣгину, а вторая къ Лаврецкому.

Затѣмъ Татьяна скрывала свое письмо къ Онѣгину, и никто не зналъ объ этомъ, а только всѣ удивлялись виду глубокой печали и грусти, появившихся именно послѣ „урока“, даннаго ей Онѣгинымъ.

А Лиза скрыла свое ночное свиданіе съ Лаврецкимъ и отъ матери, и отъ тетки.

Но эта скрытность не доходила у нихъ до крайности, такъ какъ Татьяна и Лиза обладали большой сердечностью. Такъ, онѣ долго не могли ничего, даже весьма важнаго для нихъ, скрывать отъ близкихъ и преданныхъ имъ лицъ.

Это видно изъ того, что и Татьяна и Лиза въ своей любви признаются близкимъ и дорогимъ людямъ: первая нянѣ, а вторая — теткѣ.

Обѣ, Татьяна и Лиза, отличались задумчивостью, молчаливостью и мечтательностью.

Эти черты характера у Татьяны подтверждаются слѣдующими строфами:

„Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.“

Черты эти у Лизы Калитиной выражены въ слѣдующихъ словахъ автора: „Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь изъ присутствующихъ старшихъ съ вопросомъ, показывающимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ... Смѣялась она не громко и не долго, держалась чинно.“

Обѣ онѣ отличались покорностью волѣ Божіей.

Такъ, Татьяна вполнѣ повинуется своей судьбѣ и видитъ въ этомъ только Божій Промыселъ, что видно изъ ея словъ Онѣгину:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана —
И буду вѣкъ ему вѣрна.“

Точно также Лиза неосуществленіе своего счастья приписываетъ волѣ Божіей.

Она вѣритъ сама и точно также убѣждаетъ Лаврецкаго въ томъ, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

Затѣмъ Татьяна и Лиза отличаются поверхностнымъ образованіемъ, которое, главнымъ образомъ, преслѣдовало ту цѣль, чтобы молодые люди могли блеснуть въ модной гостинной. Такое образованіе особенно сказывалось на Татьянѣ, ибо она даже и писала плохо по-русски, на что указываетъ ея письмо къ Онѣгину, написанное не на русскомъ, а на французскомъ языкѣ.

Наконецъ, изъ сходныхъ чертъ Татьяны и Лизы мы можемъ указать еще на сильную любовь,—у Татьяны къ Онѣгину, у Лизы къ Лаврецкому.

Кромѣ указанныхъ нами общихъ чертъ, въ характерахъ Татьяны Лариной и Лизы Калитиной существуютъ еще и различныя черты. Татьяна отличается впечатлительной, воспріимчивой душой и цѣльностью характера.

„Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы

Провозглашали что-нибудь;
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мылъ;
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ, увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла,
Когда-жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастій ужъ она.“

Но глубокая и страстная натура Татьяны заслонила собою все то, что могло быть въ ней смѣшнымъ и пошлымъ; Татьяна была естественною и простою дѣвушкой. Натура ея немногосложна, чѣмъ объясняется отсутствіе въ ней тѣхъ противорѣчій, которыми страдаютъ слишкомъ сложныя натуры.

Характеръ Татьяны Лариной какъ будто созданъ изъ одного цѣлаго и проникнутъ тѣмъ единствомъ, вслѣдствіе котораго образъ Татьяны является всегда привлекательнымъ, поражая всѣхъ и каждаго своею художественною цѣльностью.

Во всѣхъ періодахъ своей жизни, при всѣхъ ея условіяхъ Татьяна всегда одна и та же, портретъ ея, нарисованный Пушкинымъ въ дѣтствѣ, впослѣдствіи только развился, нисколько, однако, внутренне не измѣнившись.

Она осталась такой, какой была съ самаго ранняго дѣтства.

Въ Татьянѣ Лариной можно замѣтить стремленіе къ уединенію. Вмѣсто того, чтобы быть между своими подругами, Татьяна проводила время больше одна.

„И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна“,

или со своей няней, слушая внимательно разсказы ея, которые развивали въ ней воображенiе и фантазiю. Но скоро фантазiя уступила свое мѣсто чувству.

Увлеченiе фантастическими сказками смѣнилось въ ней страстью къ чтенiю.

„Ей рано нравились романы;
Они ей замѣнили все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.“

Татьяна жадно принялась за чтенiе сентиментальныхъ романовъ Ричардсона и Руссо; читала также, но это, правда, послѣ разрыва съ Онѣгинымъ, и романы Байрона.

Но это чтенiе безъ разбора, безъ критической оцѣнки, было поверхностнымъ и сыграло слишкомъ незначительную роль, — роль скорѣе отрицательную: оно развило въ ней сильное чувство и фантазiю.

Затѣмъ Татьяна разнится отъ Лизы и въ своемъ стремленiи къ достиженiю идеала.

Подъ влiянiемъ прочитанныхъ книгъ Ричардсона и Руссо Татьяна рисовала въ своемъ живомъ воображенiи идеалъ человѣка сходнаго съ байроновскими героями, а себя воображала героиней своихъ возлюбленныхъ поэтовъ.

Предоставленная себѣ самой, Татьяна Ларина создала себѣ самой свою собственную жизнь, въ которой еще мятежнѣе горѣлъ внутреннiй огонь.

Идеалъ, созданный богатымъ воображенiемъ нашей героини, вскорѣ воплотился въ лицѣ Онѣгина, который около того времени прiѣхалъ въ деревню.

„Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ рѣшено совѣтѣ...
То воля неба — я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся:

Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ.
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался.
Давно... Нѣтъ это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!“

Интеллигентность Онѣгина, его свѣтскія манеры, его несомнѣнное превосходство надъ окружающими, его равнодушіе ко всему — все это произвело сильное впечатлѣніе на фантазію Татьяны, а у такихъ людей, какъ она, фантазія сильно вліяетъ на сердце.

Чувство, которое Татьяна питала къ Онѣгину, стремится выйти наружу, особенно въ первый періодъ неопытной страсти.

Объ этомъ чувствѣ Татьяна съ ужасомъ и слезами сообщаетъ своему единственному другу, нянѣ, и затѣмъ уже рѣшается написать письмо Онѣгину.

Это письмо не только свидѣтельствуетъ о силѣ и серьезности чувства Татьяны къ Онѣгину, но въ то же самое время оно обнаруживаетъ возникновеніе молчавшихъ до сихъ поръ запросовъ ума, — молчавшихъ по той простой причинѣ, что между окружавшими Татьяну Ларину людьми не было такихъ, которые могли бы помочь ей разобраться въ мучившихъ ее вопросахъ и сомнѣніяхъ.

На это указываетъ сама Татьяна въ концѣ своего письма къ Онѣгину.

„Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.“

Объясненіе Онѣгина съ Татьяной, по поводу полученнаго имъ письма, сильно подѣйствовало на нее, и она еще больше замкнулась въ самой себѣ, но разумная надежда на счастье съ любимымъ человѣкомъ не погасила въ ней чувства; оно горѣло въ ней съ этихъ поръ еще сильнѣе и упорнѣе, потому что несчастье всегда даетъ новую энергію страстнымъ натурамъ.

Эти натуры любятъ свое горе и дорожатъ своимъ несчастьемъ больше, чѣмъ счастьемъ.

Въ то время, когда Татьяна должна была смирять свое чувство къ Онѣгину, въ ней сталъ пробуждаться умъ, развиваясь подъ вліяніемъ книгъ, которыя она читала въ кабинетѣ Онѣгина, и которыя открыли ей новый, доселѣ невѣдомый міръ мыслей и чувствъ.

Посѣщеніе дома Онѣгина и чтеніе книгъ съ его замѣтками открыли ей глаза на предметъ своего страстнаго увлеченія, а замужество окончательно сформировало въ ней ту свѣтскую барыню, которая такъ поразила Онѣгина при встрѣчѣ съ нею въ Петербургѣ.

„Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?

Но эта перемѣна была чисто наружнаго характера. На самомъ дѣлѣ въ Татьянѣ не погасло прежнее чувство любви къ Онѣгину, на что краснорѣчиво указываетъ ея отношеніе къ письму:

„Княгиня передъ нимъ одна,
Сидитъ неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.
О, кто-бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани,
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ!“

Кромѣ того, она сама говоритъ Онѣгину въ заключеніе:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна...“

„И такъ“, говоритъ Добролюбовъ, „только внѣшній нравственный долгъ спасаетъ ее отъ этого пустого фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею.“

Бѣлинскій перемѣну, происшедшую въ Татьянѣ послѣ ея замужества, называетъ „соединеніемъ деревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ“.

Но какъ тотъ, такъ и другой критикъ слишкомъ цинично относятся къ Пушкинской героинѣ.

Татьяна не пошла за Онѣгинымъ совсѣмъ по другой причинѣ. Теперь она ясно видѣла, что въ деревнѣ только эгоизмъ побуждалъ Онѣгина заглушить зарождавшееся чувство любви къ ней; теперь тотъ же эгоизмъ побуждаетъ его дать ходъ этому чувству.

„Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы
Я вамъ не нравилась... Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?“

Понявъ это, Татьяна раскрываетъ Онѣгину всю его душу, всѣ ея сокровенныя тайны. Она обнаруживаетъ такія глубины его души, которыя ему самому были неизвѣстны.

Но это еще не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы Татьяна теперь не могла отвѣтить на чувство Онѣгина, нѣтъ, поводомъ къ этому является сознаніе „внѣшняго нравственнаго долга“.

Что же касается Лизы, то ея идеалъ создавался подъ вліяніемъ разсказовъ няни о святыхъ угодникахъ; этотъ идеалъ созрѣлъ и выросъ на религіозно-нравственной почвѣ: благодаря этому идеалу, Лиза съ первыхъ же шаговъ на жизненномъ поприщѣ замѣчаетъ, что расходится съ окружающими въ ихъ понятіяхъ, радостяхъ и заботахъ.

У ней въ душѣ выработалось свое собственное представленіе о жизни; согласно съ этимъ она и дѣйствуетъ и живетъ.

У ней выработался свой собственный взглядъ на земное счастье, которое, по ея словамъ зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога. Этими словами она указываетъ на то, что человѣкъ не долженъ думать о личномъ счастьѣ — оно придетъ само по себѣ, если это только угодно Богу.

Лиза остается вѣрна этой идеѣ въ своей любви къ Лаврецкому, съ которымъ ее сблизило единство убѣжденій, сходство многихъ чувствъ и мыслей и общаго строя духовной жизни.

Особенно ясно открывается это передъ нами въ той сценѣ романа, гдѣ Лаврецкій споритъ съ Паншинымъ; онъ споритъ главнымъ образомъ для Лизы, чувствуя внутреннюю потребность открыть ей свою душу, высказаться передъ ней. Послѣ этой бесѣды въ сердцахъ ихъ окончательно утвердилось взаимное чувство любви.

„Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу“ и искоренить его эгоизмъ.

Но послѣ первыхъ неудачныхъ усилій примириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и за крѣпкими стѣнами монастыря прячется отъ мірской суеты.

Здѣсь въ характерѣ Лизы мы замѣчаемъ черты самонаказанія, этого добровольнаго мученичества, на которое осуждаетъ себя человѣкъ за немногія радости, испытанныя имъ въ жизни, между тѣмъ какъ, по природѣ своей, имѣетъ всѣ права на счастье.

Это отличительная черта русскаго народа. Онъ самъ себя распинаетъ, вмѣсто того, чтобы ожесточаться и разражаться воплями и проклятіями. Лиза Калитина отличается также самостоятельностью, что видно изъ слѣдующихъ словъ романа:

„У ней не было своихъ словъ, какъ она выразилась однажды, но были свои мысли, и шла она своей дорогой.“

Лиза также отличается сознаніемъ своей вины, что видно изъ того, что она проситъ прощенія у Лемма, своего учителя музыки, за то, что показала его сонату Паншину.

Точно также Лиза отличалась добротою и кротостью.

Это видно изъ того, что ее очень часто называютъ доброй. Напримѣръ: „спасибо, вы—добрая дѣвушка, я виноватъ!...“ говоритъ ей Лаврецкій.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ о характерахъ Лизы и Татьяны мы можемъ заключить, что обѣ онѣ являются героинями долга. Эта черта особенно присуща русской женщинѣ, на что указываетъ то обстоятельство, что у всѣхъ почти русскихъ писателей: у Тургенева, Толстого, Некрасова, Гончарова и др., выведены героини долга.

Такъ Лиза „вся проникнута чувствомъ долга, боязнію оскорбить кого бы то ни было; имѣя сердце доброе и кроткое, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно“ и преданно до самозабвенія; въ этой любви она видѣла свой главный и единственный долгъ въ жизни и она остается до конца вѣрна этому долгу.

Давши слово выйти замужъ за Лаврецкаго, когда онъ сообщилъ ей извѣстіе о смерти своей жены, она сейчасъ же, какъ только узнаетъ, что жена его жива, прерываетъ свои прежнія отношенія къ Лаврецкому, жертвуетъ своей любовью, сама примиряетъ Лаврецкаго съ его женою и даже убѣждаетъ его жить съ нею, а затѣмъ только удаляется въ монастырь для служенія одному Богу.

Точно также и Татьяна Ларина, не смотря на то, что она не перестала любить Онѣгина послѣ своего замужества, дорожитъ исполненіемъ своего долга и свято исполняетъ свое обѣщаніе, данное ею мужу при вступленіи въ бракъ.

Уваженіе къ таинству брака превозмогаетъ въ ней влеченіе ея къ Онѣгину даже и тогда, когда Онѣгинъ является къ ней съ увѣреніями въ своей любви, когда на колѣняхъ у ея ногъ молитъ ее отвѣтить на его чувства.

Татьяна остается вѣрной своему долгу и не только не отвѣчаетъ ему взаимностью, но окончательно лишаетъ его всякой надежды на взаимность.

„А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть

И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.“

Н. Л.

№ 14.

Контрасты въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и „Наканунѣ.“

П Л А Н Ъ.

Вступленіе. Различіе міросозерцанія людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время.

Изложеніе. Контрасты въ романахъ Тургенева: „Дворянское гнѣздо“ и „Наканунѣ:“
1) различіе въ построеніи,
2) различіе въ содержаніи,
3) несходство дѣйствующихъ лицъ:
   а) Елены и Лизы,
   б) Инсарова и Лаврецкаго,
   в) Паншина и Шубина съ Берсеневымъ,
   г) родителей Елены и m-me Калитиной.

Заключеніе. „Дворянское гнѣздо“ глубоко захватываетъ русскую жизнь, „Наканунѣ“ изображаетъ только одинъ ея моментъ.

„Что городъ—-то норовъ, что деревня—то обычай,“ говоритъ пословица, выражая этимъ ту мысль, что каждая мѣстность обладаетъ своимъ собственнымъ, ей одной свойственнымъ отпечаткомъ. Вѣдь даже говоръ костромича, напримѣръ, отличенъ отъ говора рязанца. Тѣмъ отличнѣе окажется при сравненіи міросозерцаніе людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ даже одной и той же страны. Но и въ данномъ городѣ, разумѣется, всегда находится многое множество партій и кружковъ, на которые дѣлится общество. Одни живутъ по

дѣдовскому укладу, другіе ищутъ новыхъ путей и средствъ; одни занимаются политикой, другіе агрономіей, — словомъ, то, что для однихъ составляетъ все содержаніе жизни, для другихъ является совсѣмъ неинтересной вещью, и наоборотъ. Это въ одинъ и тотъ же періодъ времени. Если же къ разницѣ въ пространствѣ прибавить разницу во времени, то картина получится еще болѣе пестрая и занимательная. Тутъ уже измѣнится самая атмосфера, въ которой идетъ жизнь, перемѣнятся люди.

Какъ разъ такіе контрасты наблюдаются въ двухъ романахъ Тургенева — „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и „Наканунѣ“.

Дѣйствіе ихъ раздѣляетъ періодъ въ одиннадцать лѣтъ; мѣсто — въ одномъ Москва, въ другомъ губернскій городъ О...; люди, въ нихъ изображенные, одни не дожили до „сороковыхъ“ годовъ, другіе перешагнули ихъ. Да и самое построеніе романовъ различно: одинъ является настоящей драмой, съ глубокимъ захватомъ провинціальной жизни, а другой рисуетъ небольшую группу личностей, озабоченныхъ предстоящей дѣятельностью, сознавшихъ мертвенность прежнихъ принциповъ и презирающихъ пассивныя добродѣтели. Въ нихъ все не схоже: и самая жизнь, и бытъ, и идеи, и люди.

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ мы попадаемъ въ домъ и усадьбу помѣщиковъ, гдѣ все идетъ такъ, какъ шло съ испоконъ вѣку въ провинціальной Руси; мы встрѣчаемъ здѣсь небольшой очеркъ исторіи семейства Лаврецкихъ, гдѣ натыкаемся на обычную грустную картину. Не то въ „Наканунѣ“. Стаховъ и его семейство москвичи; то же и Берсеневъ съ Шубинымъ. Ихъ уже сильно коснулись разныя вѣянія, они являются представителями интеллигенціи, принадлежа къ одной изъ ея постоянно смѣняющихся волнъ. И они не похожи на дѣйствующихъ лицъ „Дворянскаго гнѣзда.“ Выше всѣхъ среди нихъ стоитъ Елена.

Съ самаго дѣтства жаждала она дѣятельности, жаждала добра. Очень рано она принялась отыскивать замѣчательнаго человѣка, который указалъ бы ей, что дѣлать, куда итти. До поры, до времени Елена была чрезвычайно несмѣла, практически пассивна, потому что ея мысли для нея самой были непонятны, неясны. Она возмущалась всякой слабостью, но боялась дѣйствовать, боялась ломать; то жгло что-то ея душу, томило, то она успокаивалась. Ей было уже двадцать

лѣтъ, когда она восклицала: „О, если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что мы должны дѣлать!“ Всю свою жизнь она искала дѣла, искала идеи, которой бы можно было отдаться. Еще въ дѣтствѣ она обожала сперва отца, потомъ мать; будучи уже взрослой, она на моментъ заинтересовалась Шубинымъ, а затѣмъ Берсеневымъ. Но всѣ эти лица не могли повести ее за собою, и она продолжала ждать и искать. И вотъ Берсеневъ знакомитъ ее съ Инсаровымъ. Узнавши цѣль его дѣятельности, его идею, Елена поражена.

„Освободить свою родину! Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики,“ думается ей.

Инсаровъ удивляетъ ее, она даже чувствуетъ передъ нимъ какой-то страхъ. Но онъ именно такой человѣкъ, какой ей нуженъ, какому суждено дать ей ключъ и увлечь за собою.

Онъ дѣятель и борецъ съ головы до ногъ. Воля у него непреклонная, даже лицо его дышитъ спокойной твердостью. Передъ нимъ находится одна неизмѣнная цѣль, одна идея пожираетъ его. Онъ весь отдается дѣлу освобожденія Болгаріи, передъ которымъ преклоняется самъ безъ колебаній, не размышляя, какъ придется дѣйствовать, но твердо зная, что дѣлать, къ чему стремиться.

И Елена отдается ему безвозвратно; его жизнь неразрывно связывается съ ея, его боги дѣлаются ея богами. Она искала и нашла. Елена порвала со всѣмъ своимъ прошлымъ, для нея нѣтъ другой родины, кромѣ родины ея мужа. Она до такой степени увлеклась дѣломъ Инсарова, что и послѣ его смерти не ушла отъ жизни, хотя потеря горячо любимаго человѣка отозвалась на ней съ огромной силой. И въ этомъ заключается различіе между нею и Лизой Калитиной.

Лиза затворилась въ монастырѣ послѣ того, какъ узнала, что не можетъ принадлежать Лаврецкому. Не полюби они другъ друга, Лиза быть можетъ вышла бы замужъ за Паншина и кончила бы жизнь матерью семейства. Но ей пришлось выдержать серьезную борьбу, изъ которой она вышла негодной для жизненной дѣятельности. Лиза нашла прибѣжище въ религіи, которая и до этого момента составляла одну изъ ея опоръ.

Когда ей пошелъ только пятый годъ, къ ней въ няньки опредѣлили женщину, религіозную до чрезвычайности; она развила и воспитала въ Лизѣ глубокую вѣру. Все міровоззрѣніе Лизы оказалось построеннымъ на Богѣ и правдѣ Его.

У нея образовались свои собственныя мысли, она шла своей собственной дорогой, имѣя передъ собою опредѣленную цѣль и постоянный критерій. Она знаетъ, чего хочетъ, она на все имѣетъ свой взглядъ. Лиза просто, но твердо дѣлаетъ свое дѣло, и въ этомъ она сходна съ Инсаровымъ.

Елена пошла за Инсаровымъ, Лиза, девятнадцати-лѣтняя дѣвушка, не боится упрекать и даже поучать Лаврецкаго. На послѣднемъ свиданіи съ Лаврецкимъ Лиза говоритъ ему: „Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Иванычъ, что счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ.“

И Лаврецкій поневолѣ соглашается съ нею. Она даетъ ему указку, которой онъ слушается, какъ цѣлый вѣкъ свой слушался кого-нибудь. Являясь однимъ изъ многочисленныхъ нашихъ Обломовыхъ, Лаврецкій не годится въ дѣятели, не годится для созданія чего-либо новаго. Михалевичъ имѣлъ нѣкоторый резонъ обругать его байбакомъ: Лаврецкій ровнешенько ничего не сдѣлалъ, не дѣлаетъ и не будетъ дѣлать, потому что вся организація его не подготовлена для дѣла. Развѣ таковъ болгаринъ Инсаровъ? Вотъ къ кому, замѣчательно приложимо извѣстное мѣсто изъ „Евгенія Онѣгина“:

„Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.“

Лаврецкій живетъ для себя, Инсаровъ весь цѣликомъ отдается родинѣ и землякамъ, будучи убѣжденъ, что самое время не принадлежитъ данному лицу, а тому, кто въ немъ (во времени) нуждается. Лаврецкій уединился въ своемъ имѣньицѣ, Инсаровъ живетъ только наканунѣ кипучей дѣятельности; пройдетъ канунъ, и Инсаровъ вмѣшается въ самую „гущу“ жизни. Обоихъ ихъ полюбили двѣ замѣчательныя дѣвушки, но одинъ изъ нихъ заполонилъ полюбившее его существо, а другой выслушиваетъ уроки и покоряется рѣшенію девятнадцати-лѣтней Лизы.

Такъ же различны, какъ главныя дѣйствующія лица романовъ, и второстепенные персонажи. Остановимся прежде на молодежи.

Паншинъ кончилъ курсъ въ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ и началъ служить въ Петербургѣ. Ему двадцать семь лѣтъ, но онъ уже занимаетъ видную должность, въ немъ уже заискиваютъ статскіе совѣтники, въ родѣ Гедеоновскаго. Онъ карьеристъ, убѣжденный и искусный. Онъ довольно даровитый молодой человѣкъ — мило поетъ, бойко рисуетъ, даже пишетъ стихи и кладетъ ихъ на музыку, весьма не дурно играетъ на сценѣ — но дарованія его носятъ дилетантскій характеръ, чего ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать о талантѣ Шубина.

Павелъ Яковлевичъ Шубинъ съ большимъ успѣхомъ занимается ваяніемъ. Правда, онъ поминутно увлекается и бросается въ сторону, но въ результатѣ изъ него вырабатывается самый замѣчательный и многообѣщающій изъ молодыхъ скульптуровъ. Паншинъ „никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ", а Шубинъ на каждомъ шагу выкидывалъ какую-нибудь штуку.

Одинъ изъ нихъ является типичнымъ бюрократомъ, а другой настоящимъ художникомъ.

Третій представитель молодого поколѣнія, Берсеневъ, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ третьимъ кандидатомъ и посвятилъ себя наукѣ. Онъ вовсе не думаетъ завоевывать жизни или успѣха, а беретъ то, что ему принадлежитъ по праву, очень близко подходя въ этомъ отношеніи къ Шубину. Въ обоихъ пріятеляхъ горитъ огонекъ идеи, котораго абсолютно лишенъ вылощенный Паншинъ.

Есть и въ „Наканунѣ" типъ въ родѣ Паншина — мы говоримъ о Курнатовскомъ, — но онъ не появляется передъ читателемъ на сцену, и мы узнаемъ о его существованіи лишь изъ писемъ Елены къ Инсарову.

Объ остальныхъ дѣйствующихъ лицахъ много говорить не придется. Родители Елены были вполнѣ заурядными людьми. Отецъ, бывшій гвардейскій офицеръ, проводилъ жизнь по клубамъ, дома же скучалъ. Онъ любилъ горячо поспорить о разныхъ пустякахъ, съ глубокимъ самодовольствомъ принялъ названіе фрондёра, въ сущности же былъ безобидной,

недалекой личностью, однимъ изъ постоянныхъ городскихъ жителей, усердно занимающимся граненіемъ мостовыхъ и обиваньемъ пороговъ въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ.

Жена Николая Артемьевича, Анна Васильевна, была добрая, рыхлая особа. Выйдя замужъ, она очень скоро совершенно опустилась и кончила тѣмъ, что только безпричинно „грустила и тихо волновалась.“ Жизнь ея текла мирно и безшумно; изрѣдка только Анна Васильевна жаловалась на свое положеніе, что не мѣшало ей быть въ высшей степени доброй личностью.

Доброта не составляетъ главной отличительной черты характера Марьи Дмитріевны Калитиной. M-me Калитина болѣе чувствительна, чѣмъ добра. Она держитъ себя съ достоинствомъ, берется помирить супруговъ Лаврецкихъ, однимъ словомъ, еще не успокоилась, не успѣла перемолоться.

Мароа Тимоѳеевна упрекаетъ ее даже въ желаніи вторично выйти замужъ, но Мароа Тимоѳеевна вообще не очень-то ладитъ со своею племянницею, хотя и живетъ въ ея домѣ. Это старушка чрезвычайно независимая, непреклонная, съ традиціями столбового дворянства. Она до старости своей остается живчикомъ, чего отнюдь нельзя сказать объ Уварѣ Ивановичѣ, который только шевелитъ перстами, когда его что-нибудь поразитъ.

Онъ постоянно величественно-неподвиженъ. Шубинъ называетъ его „представителемъ хорового начала“ и „черноземной силой,“ и онъ является кореннымъ русскимъ типомъ, онъ одинъ изъ всѣхъ персонажей „Наканунѣ“ совершенно не мѣняется за пять лѣтъ, когда всѣ уже разлетѣлись въ разныя стороны и отъ прежняго кружка, собравшагося лѣтомъ 1853 года въ Кунцовѣ, не осталось и слѣда. Имъ на смѣну пришли люди „шестидесятыхъ годовъ“, о которыхъ предрекалъ Уваръ Ивановичъ.

Въ „Наканунѣ“ отразился только одинъ коротенькій промежутокъ времени изъ жизни нашей интеллигенціи, притомъ промежутокъ переходный, когда всѣ передовые люди ждали чего-то, жили наканунѣ великихъ событій.

Совсѣмъ не то́ рисуетъ „Дворянское гнѣздо“. Самое заглавіе уже указываетъ на то, что авторъ взялся за изображеніе коренной русской жизни, и изображенію этой жизни не

мѣшаетъ небольшая картинка Парижа и отношеній Варвары Павловны.

Со времени дѣйствія романа до момента, изображеннаго въ эпилогѣ, протекло восемь лѣтъ. За этотъ періодъ Лиза ушла въ монастырь, Марѳа Тимоѳеевна, Марья Дмитріевна и Леммъ умерли, Леночка и Шурочка сдѣлались взрослыми особами, Лаврецкій сильно постарѣлъ, но жизнь въ домѣ Калитиныхъ течетъ по старому, гнѣздо цѣло, не разорено. Суть дѣла не въ томъ, что въ домѣ порядки пошли небывалые, а въ томъ, что на смѣну старому поколѣнію пришло новое, которое не дало пропасть родовому гнѣзду, а подновило и уючиваетъ его.

Слишкомъ глубоко захватилъ здѣсь Тургеневъ русскую жизнь, проникши въ самый смыслъ ея; понятное дѣло, что за какія-нибудь восемь лѣтъ не могло измѣниться ея содержаніе, а только формы приняли новый видъ. Но домъ и садъ мало перемѣнились. Старая мебель уцѣлѣла; „Лаврецкій узналъ фортепіано“; даже пяльцы Лизы стояли у того окна, какъ и прежде, чуть ли даже не съ прежнимъ шитьемъ. А когда въ разговорѣ Лаврецкаго съ молодыми хозяевами зашла рѣчь о Лизѣ, то въ одну изъ паузъ всѣмъ показалось, что пролетѣлъ между ними тихій ангелъ...

И въ саду „липы немного постарѣли и выросли за послѣднія восемь лѣтъ, но тѣнь ихъ стала гуще; зато всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дерномъ, лѣсомъ, травою, сиренью.“ Все жило по прежнему, все было такъ же крѣпко и сильно, какъ и раньше.

Итакъ, въ чемъ же главный контрастъ „Дворянскаго гнѣзда“ и „Наканунѣ“? чѣмъ эти два романа особенно отличаются?

Всѣ герои „Наканунѣ“ проникнуты идеею. Инсаровъ живетъ только для блага Болгаріи; Елена дѣлается его убѣжденной сторонницей; Берсеневъ истый рабъ и мученикъ идеи, жертвующій собою для науки, Шубинъ все время порывается въ Италію, разбиваетъ свои произведенія, посмотрѣвши на антиковъ; даже Уваръ Иванычъ поправляетъ Шубина, когда тотъ высказываетъ слишкомъ пессимистическія мысли, и обѣщаетъ ему пришествіе новыхъ, нужныхъ для истиннаго дѣла людей.

А „Дворянское гнѣздо“ живописуетъ „нравы русскаго семейства“, неподвижную жизнь нашего провинціальнаго дворянства. Они еще спятъ, еще передъ ними не брезжитъ тотъ разсвѣтъ, канунъ котораго нарисованъ въ второмъ разсматриваемомъ нами романѣ въ Наканунѣ. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ жизнь спокойная, текущая по старому руслу, въ „Наканунѣ“ она уже встрепенулась, озаренная отблескомъ новыхъ идей.

Б.

№ 15.

Личность Лаврецкаго.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Мѣсто, занимаемое Лаврецкимъ въ галлереѣ типовъ русской литературы.

Изложеніе. Характеристика Лаврецкаго:

А. Прирожденныя черты характера:

I. Положительныя:
1) недюжинный умъ,
2) доброта и благодушіе,
3) способность къ сильному чувству,
4) готовность къ самопожертвованію,
5) твердость въ перенесеніи жизненныхъ ударовъ,
6) любовь къ родинѣ,

II. Отрицательныя:
1) слабохарактерность,
2) склонность поддаваться чужому вліянію,
3) черты „обломовщины“,
4) индивидуализмъ и эгоизмъ.

B. Слѣды постороннихъ вліяній:

I. Отцовскаго воспитанія:
   1) неопредѣленность въ убѣжденіяхъ и міросозерцаніи,
   2) атеизмъ,
   3) пробѣлы въ образованіи.

II. Дружбы съ Михалевичемъ:
   1) вѣра въ добро,
   2) охота къ дѣятельности;

III. Жизненнаго опыта:
   1) скептицизмъ,
   2) разочарованность,
   3) равнодушіе.

Заключеніе. Странное совмѣщеніе противоположныхъ чертъ въ характерѣ Лаврецкаго и его причины.

Лаврецкій занимаетъ среднее мѣсто между типами Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Обломовыхъ, Бельтовыхъ и Рудиныхъ, съ одной стороны, и — Неждановыхъ, Соломиныхъ, Штольцевъ и другихъ людей дѣла — съ другой. Онъ служитъ звеномъ, соединяющимъ новыхъ людей съ людьми предшествующей эпохи. Черты того и другого поколѣнія отразились въ этомъ среднемъ типѣ, какъ-то странно совмѣстившись въ немъ подъ вліяніемъ изломавшаго его характеръ воспитанія, трагически сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ и, отчасти, благодаря его полудворянскому, полуплебейскому происхожденію.

Лаврецкій такъ же, какъ перечисленные представители первой группы, — капиталистъ, т. е. живетъ не своимъ трудомъ, а чужимъ, не знаетъ по личному опыту, что такое матеріальная нужда, и потому работать, заниматься какимъ-нибудь опредѣленнымъ дѣломъ ему нѣтъ необходимости. Примириться однако съ бездѣльнымъ, пустымъ прожиганіемъ жизни его физически и нравственно здоровая натура не позволяетъ ему, и онъ стремится найти себѣ „дѣло“.

Двадцати трехъ лѣтъ поступаетъ онъ въ университетъ и набрасывается на „науку“, надѣясь пополнить съ одной стороны свое образованіе, и съ другой, найти себѣ занятіе по

душѣ. Ученье, однако, его не удовлетворяетъ. Невѣдомое еще ему чувство любви внезапно охватываетъ его, и онъ упивается имъ, забывъ на время свои мысли о „дѣлѣ". Онъ ѣдетъ съ женой за границу, веселится, блаженствуетъ, но въ то же время старается „не терять времени даромъ": онъ читаетъ газеты, слушаетъ лекціи въ Sorbonne и Collège de France, слѣдитъ за преніями палатъ, „принимается" за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ... Обратите особенно вниманіе на послѣднее и припомните, какъ Онѣгинъ

Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его...

какъ Обломовъ переводилъ Сэя, да только не знаетъ, гдѣ его работы: „Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ"... какъ и Рудинъ любилъ читать избраннымъ „первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ". Припомните это, сравните и убѣдитесь, что побудительная причина тутъ все одна и та же: жажда дѣла и неспособность основательно взяться за него. „Все это полезно", разсуждаетъ Лаврецкій о своихъ занятіяхъ; — но къ будущей зимѣ надобно непремѣнно вернуться въ Россію и приняться за дѣло." Въ чемъ должно состоять это „дѣло", Лаврецкій самъ навѣрно не знаетъ, но увѣренъ, что найдетъ его.

Скептицизмъ и разочарованность, привившіеся къ характерамъ Онѣгина и Обломова, „отыскали себѣ уголокъ" и въ душѣ Лаврецкаго. Горькій жизненный опытъ былъ этому причиной. Но всетаки, въ концѣ концовъ, Лаврецкій оказывается выше „обломовцевъ": онъ добивается того, что находитъ себѣ настоящее дѣло. Убѣдившись, что личное счастье его разбито, онъ всѣ свои силы отдаетъ на то, чтобы хоть малую долю этого счастья принести ближнему своему, „младшему брату",— мужику, которому это счастье и во снѣ не снилось: „Лаврецкій сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, выучился пахать землю и трудился не для себя одного; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ."

Впрочемъ и гораздо раньше, во время дѣйствія разсказа мы нѣсколько разъ имѣемъ возможность убѣдиться, что Лаврецкій вообще стоитъ выше „обломовщины". Нечего гово-

рить объ Обломовѣ, Онѣгинѣ, Печоринѣ... Лаврецкій возвышается нравственно и надъ Рудинымъ: у него слово не расходится съ дѣломъ. Если онъ ничего не дѣлаетъ, то зато и говоритъ немного. Но Лаврецкому далеко еще до Соломина, Надеждина, Штольца. Ему не хватаетъ ихъ кипучей энергіи. Итакъ, что же представляетъ изъ себя Лаврецкій?

Прежде всего это несомнѣнно человѣкъ очень не глупый. Каждый почти его поступокъ можетъ служить этому доказательствомъ, примѣромъ. Съ самаго начала его самостоятельной жизни открывается въ немъ способность къ глубокому самоанализу, къ сознанію всѣхъ недостатковъ воспитанія, исковеркавшаго его характеръ, къ сознанію несостоятельности жизненной теоріи или, вѣрнѣе, цѣлаго винигрета жизненныхъ теорій, перешедшаго къ нему по наслѣдству отъ отца. Онъ старается наверстать потерянное время. Но „дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились.“ И ему приходится считаться съ ними. „Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ.“

„При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одно́мъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ.“

Этой неопытностью его въ сношеніяхъ съ людьми, этой навязанной замкнутостью, сквозь которую рвется его общительная натура, „неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ“ объясняется его необдуманное увлеченіе Варварой Павловной. Его природная доброта и благодушіе способствуютъ этому. Онъ не видитъ, что Варвара Павловна выходитъ за него по разсчету. Не видитъ потому, что ослѣпленъ ея внѣшностью, ея добротой, „геніальностью“ и прочими достоинствами, которыми щедро надѣляетъ ее Михалевичъ.

„Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упивался счастіемъ; онъ предавался ему, какъ дитя“...

До какой степени любилъ Лаврецкій свою жену, показываетъ его отчаяніе, когда онъ открываетъ, что жена измѣни-

ла ему: ...„голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ и задохнулся и заплакалъ въ одно мгновеніе. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли“...

Цѣлый день и ночь Лаврецкій, какъ сумашедшій, скитается по городу, за городомъ и на слѣдующій день только приходитъ въ себя. Его письмо къ Варварѣ Павловнѣ по глубокому содержанію своему прямо шедевръ, что называется. Въ немъ сквозитъ и трезвый умъ Лаврецкаго, и чувство собственнаго достоинства, и холодная горечь, и глубокое отчаяніе, и презрѣніе, и великодушіе.

Однако, скоро Лаврецкій беретъ себя въ руки. Пробывъ нѣкоторое время за границей, онъ возвращается на родину. „Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену, — близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься.“ Онъ рѣшается пожертвовать своимъ личнымъ счастіемъ, отдается всецѣло наукѣ, хозяйству и заботамъ о своихъ крестьянахъ. Онъ хочетъ, какъ самъ онъ говоритъ Паншину, „пахать землю и стараться какъ можно лучше ее пахать.“

Встрѣча съ Лизой заставляетъ его еще разъ выказать свою способность къ глубокой любви. „Новый жизненный ударъ наталкиваетъ его на новыя понятія о жизни, передъ которыми онъ, — какъ человѣкъ долга — поневолѣ долженъ былъ склониться, навѣки отказаться отъ своего счастья и, похоронивъ себя, жить только для другихъ — черта несомнѣнно трагическая“.

Лаврецкій поселяется совсѣмъ въ деревнѣ. „Онъ пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ“. Онъ отдалъ себя на служеніе ближнему и старается по мѣрѣ силъ работать на пользу родного ему русскаго мужика. Онъ не космополитъ, какъ Рудинъ,—чувство любви къ родинѣ, глубокое и сильное, удерживаетъ его дома, онъ никуда болѣе не стремится.

Такова положительная сторона характера Лаврецкаго. Ею, однако, онъ не исчерпывается. Прежде всего настоящей силы воли нѣтъ у Лаврецкаго: онъ слабохарактеренъ,

и это одна изъ главныхъ причинъ того, что Лаврецкій не можетъ стоять на одномъ уровнѣ со Штольцемъ, Соломинымъ. Онъ слишкомъ долго ищетъ и не можетъ найти дѣла. А между тѣмъ оно не за горой.

Онъ можетъ остаться въ университетѣ, продолжать свои занятія и потомъ или всецѣло отдаться наукѣ, или посвятить себя общественной дѣятельности. Онъ этого не дѣлаетъ, однако, т. е. не въ состояніи пересилить охватившаго его чувства. Женившись, онъ совершенно подчиняется женѣ. Она заправляетъ домомъ, распоряжается и транжиритъ его деньги. Она выгоняетъ Глафиру Петровну изъ Лавриковъ и на ея мѣсто сажаетъ своего отца.

Она передѣлываетъ въ Лаврикахъ все на-ново. Въ Петербургѣ она нанимаетъ роскошную квартиру, заводитъ знакомства и вводитъ Лаврецкаго въ свѣтъ. Мужъ скоро надоѣдаетъ ей, и она „ничего не имѣетъ противъ" того, чтобы онъ уединялся въ своемъ „самомъ покойномъ и уютномъ во всемъ Петербургѣ кабинетѣ", когда у нея гости. И Лаврецкій во всемъ соглашается съ нею, ничего не подозрѣвая и не замѣчая. Наконецъ онъ спохватывается, но ужъ слишкомъ поздно...

Справившись кое-какъ со своимъ несчастіемъ, Лаврецкій возвращается въ деревню, надѣясь, что скука вытрезвитъ его, успокоитъ и подготовитъ къ тому, чтобы и онъ умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло. Онъ старается по мѣрѣ силъ приносить пользу. Но обломовскіе задатки, просыпающіеся здѣсь въ бездѣйственной тиши, мѣшаютъ ему. Серьезно приняться за работу ему лѣнь; скука и „ничегонедѣланье" не отрезвляютъ, а угнетаютъ его, и онъ, просидѣвши въ Васильевскомъ три недѣли, ѣдетъ въ городъ къ Калитинымъ, чтобы развлечься. Онъ не только развлекается въ О..., но даже увлекается и хочетъ еще разъ попытать счастья въ любви. Лиза не выходитъ у него изъ головы. Онъ опять блаженствуетъ. И вдругъ опять ударъ...

А счастье было такъ возможно, такъ близко...

Это слишкомъ ужъ тяжело для Лаврецкаго. „Онъ утихъ, и — къ чему таить правду? — постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою"...

Михалевичъ въ разгарѣ спора называетъ Лаврецкаго и разочарованнымъ, и скептикомъ, и отсталымъ вольтеріан-

цемъ, и, наконецъ, байбакомъ, „не наивнымъ байбакомъ, а байбакомъ злостнымъ, начитаннымъ, байбакомъ съ сознаньемъ". И, хотя Михалевичъ немного преувеличиваетъ въ своей грозной филиппикѣ, преувеличиваетъ, можетъ быть, благодаря тому, что на основанiи словъ Лаврецкаго составилъ себѣ о немъ превратное нѣсколько представленiе: („въ Лаврецкомъ— говоритъ авторъ — духъ противорѣчiя зашевелился: его раздражала всегда готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента"); тѣмъ не менѣе Михалевичъ отчасти и правъ: доля обломовщины есть въ Лаврецкомъ.

Лѣнь — черта не чуждая его характеру. Вспомните первый день, который проводилъ онъ въ Васильевскомъ послѣ возвращенiя изъ-за границы. Онъ сидитъ у окна своего деревенскаго дома, созерцаетъ, не шевелится и думаетъ. „—Вотъ когда я на днѣ рѣки, — думаетъ Лаврецкiй. — И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь — думаетъ онъ: — кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь незачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши."

Другая обломовская черта Лаврецкаго это — упрямство. Духъ противорѣчiя силенъ въ немъ и потому онъ горячо споритъ и съ Михалевичемъ, и съ Паншинымъ, хотя ему довольно безразлично, кто правъ, кто виноватъ, — лишь бы поспорить.

Михалевичъ называетъ Лаврецкаго эгоистомъ. Онъ правъ отчасти. Лаврецкiй дѣйствительно слишкомъ углубился въ себя самого. Особенно ярко это проявляется при встрѣчѣ его съ Варварой Павловной. Лаврецкiй думаетъ только о себѣ, да о своемъ личномъ счастьѣ. Ему нѣтъ никакого дѣла до окружающихъ. Онъ упивается своимъ счастьемъ, блаженствуетъ и совершенно забываетъ, что кромѣ него есть на свѣтѣ и другiе, которые также въ правѣ требовать себѣ счастья.

Онъ очень мало знаетъ людей, сторонится ихъ и не умѣетъ близко сходиться. Къ ихъ радостямъ и горю, къ общественнымъ интересамъ, къ государственной службѣ, на поприщѣ которой онъ, какъ честный, умный и справедливый человѣкъ, могъ бы принести пользу, Лаврецкiй относится довольно равнодушно. Въ глубинѣ души онъ чувствуетъ инстинк-

тивно, что „такъ“ жить нельзя — совѣсть не позволяетъ; и что жить „такъ“, будучи обезпеченнымъ матеріально, имѣя безвозмездно всѣ средства для личнаго счастія, пользоваться, благодаря странному благоволенію судьбы, услугами и трудами другихъ, которые, не имѣя ни этого счастья, ни средствъ, ни дороги къ нему, „должны“ кровью и потомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба — несправедливо и тяжело, Лаврецкій понимаетъ это. Его положеніе тяготитъ его, и онъ хочетъ приносить съ своей стороны пользу обществу, чтобы такимъ взаимнымъ обмѣномъ услугъ возстановить нарушенную справедливость.

Это его проектируемое „дѣло“, за которое онъ стремится взяться какъ можно скорѣй. Но странно: какъ только счастье улыбнется Лаврецкому, такъ онъ забываетъ о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ обществу, отдается этому счастью всѣмъ своимъ существомъ, погружается во внутренній свой міръ и „замираетъ“ въ личномъ блаженствѣ. „Дѣло“ отходитъ на задній планъ, и, когда временами онъ вспоминаетъ о немъ, то тутъ же оправдывается самъ передъ собою и старается убѣдить себя, что онъ пока еще не готовъ, приготовляется, и что все, что онъ теперь дѣлаетъ, весьма будетъ полезно для будущаго.

Но вотъ счастье разбито. Лаврецкій точно просыпается отъ прекраснаго сна. Онъ отрезвляется и видитъ, что ничего не сдѣлалъ, что суть „дѣла“ осталась такой-же туманной и неопредѣленной, какъ была раньше.

Между тѣмъ личная его жизнь разстроилась. То, что раньше занимало и заполняло его внутренній міръ — отсутствуетъ. И онъ съ новымъ рвеніемъ, съ новой силой набрасывается на „дѣло“, ѣдетъ на родину, въ свое имѣнье и резиденціей выбираетъ нарочно не роскошную усадьбу Лаврики, а скромный хуторокъ Васильевское, разсчитывая какъ можно меньше думать о себѣ и сколько возможно улучшить положеніе своихъ крестьянъ и дворовыхъ.

Такимъ образомъ „дѣло“ Лаврецкаго, которое по существу и носитъ весьма симпатичный характеръ, по конечной цѣли своей или по основной побудительной причинѣ „существу“ этому не соотвѣтствуетъ. „Дѣло“ нужно Лаврецкому для того, чтобы забыть, замять свое горе, „залить“ тоску и запол-

нить чѣмъ-нибудь, занять осиротѣвшую душу. Встрѣчаетъ онъ Лизу — и опять „дѣло“ отодвигается, забрасывается, а Лиза все время стоитъ у него передъ глазами, онъ не можетъ о ней не думать.

А все потому, что у него нѣтъ крѣпкаго убѣжденія въ раціональности и необходимости работы въ томъ или другомъ направленіи, работы постоянной, отвѣтственной, не допускающей подобнаго отношенія съ себѣ, какъ къ развлеченію. Лаврецкій не увѣренъ, обязанъ ли онъ дѣлать что-нибудь, имѣетъ ли онъ право безмятежно и бездѣльно пользоваться счастьемъ въ то время, какъ другіе — въ постоянныхъ заботахъ и трудахъ — несчастны и страдаютъ.

Онъ не увѣренъ, правъ ли Михалевичъ или нѣтъ: „пожалуй, что и правъ“ думаетъ онъ; однако съ нимъ споритъ. Онъ совершенно, наконецъ, безъ всякаго личнаго убѣжденія и вѣры возражаетъ Паншину и даже разбиваетъ его „по всѣмъ пунктамъ“, хотя одному Паншину онъ возражать бы не сталъ: онъ дѣлаетъ это исключительно для Лизы.

Лаврецкій — атеистъ. Молиться, по крайней мѣрѣ, онъ не умѣетъ и не молится никогда.

— Вы развѣ ходите къ обѣднѣ? — спрашиваетъ онъ Лизу.

Лиза, однако, успѣваетъ внушить ему такое уваженіе къ религіозному чувству, къ религіи и къ вѣрѣ, что черезъ нѣсколько времени онъ самъ идетъ съ ней къ обѣднѣ, молится и даже „умиляется душой“, приходитъ въ какое-то религіозно-восторженное настроеніе.

Эта неопредѣленность въ убѣжденіяхъ и міросозерцаніи, это невѣріе съ минутными „обращеніями“ — все, конечно, послѣдствія ломаннаго воспитанія Лаврецкаго. Послѣдніе годы жизни въ отцовскомъ домѣ ему пришлось разочароваться въ томъ, что онъ привыкъ считать незыблемымъ, справедливымъ, истиннымъ: онъ воочію убѣдился въ разладицѣ между словомъ и дѣломъ въ отцовской системѣ, бывшей для него своего рода символомъ вѣры. На его глазахъ Иванъ Петровичъ „вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился; здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ — началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ — сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ — сжегъ всѣ свои планы, всю

переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленной волею—хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу.“

Сынъ, уже взрослый почти, конечно, не могъ не замѣтить страннаго переворота въ характерѣ отца, которому онъ привыкъ поклоняться. Убѣжденный спартанецъ, вольтеріанецъ, энциклопедистъ и англоманъ вдругъ увидѣлъ всѣ свои кумиры разбитыми.

„Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и освобождаться изъ подъ гнета давившей его руки. Онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ, но онъ не ожидалъ крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь.“

То же ненормальное воспитаніе является главной причиной недостаточно систематическаго образованія Лаврецкаго.

Съ двѣнадцати лѣтъ онъ изучалъ естественныя науки, международное право, математику, столярное ремесло (по совѣту Жанъ-Жака Руссо) и геральдику, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ. „Его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія...“ Немудрено, что „система“ сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула его. „Много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многаго, что каждому гимназисту давнымъ давно извѣстно.“

Лаврецкій сознавалъ самъ неудовлетворительность своихъ познаній и рѣшилъ наверстать упущенное. Съ этой цѣлью поступаетъ онъ въ университетъ, съ жаромъ отдается наукѣ и старается по возможности сгладить неровности своего образованія. Онъ сходится съ энтузіастомъ, идеалистомъ Михалевичемъ, который своими опредѣленными убѣжденіями, трезвымъ взглядомъ на вещи, твердой вѣрой въ добро и справе-

дливость оказываетъ нѣкоторое давленіе на Лаврецкаго. Нельзя сказать, чтобы Лаврецкій совершенно подчинился ему, нѣтъ, для этого слишкомъ мало у нихъ было общаго и слишкомъ расходились они характерами. Но несомнѣнно то, что близкія отношенія съ такой кипучей, дѣятельной натурой, какъ Михалевичъ, не могли не подѣйствовать на Лаврецкаго и онъ повѣрилъ въ возможность осуществленія, отчасти, по крайней мѣрѣ, идеаловъ своего учителя-друга и заразился отъ него охотой и желаніемъ жить и работать для общаго блага. „Многія изъ словъ Михалевича, — говоритъ авторъ о Лаврецкомъ — неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.“

Еслибы не случайная встрѣча съ Варварой Павловной, которой Лаврецкій такъ увлекается, что забываетъ о томъ, что раньше казалось ему долгомъ, обязанностью по отношенію къ обществу, если бы не эта встрѣча — кто знаетъ — можетъ быть Лаврецкій сдѣлался бы извѣстнымъ ученымъ или выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Но онъ вынужденъ оставить университетъ по требованію родителей своей невѣсты, прекратить на время до нѣкоторой степени, конечно, свои занятія, такъ какъ семейныя заботы отнимаютъ у него много времени, и работатъ на общую пользу ему не приходится. За границей онъ, правда, занимается мимоходомъ пополненіемъ своего образованія, но только мимоходомъ. Наставленія Михалевича мало-по-малу забываются и, когда ему приходится вспоминать по какому-нибудь поводу о дѣлѣ, то онъ говоритъ о немъ въ будущемъ времени, признавая, что „дѣло“ это весьма серьезнаго характера и требуетъ солидной подготовки.

Послѣ разрыва съ женой Лаврецкій нѣкоторое время безъ дѣла опять таки слоняется по „заграницей“, стараясь тѣмъ или инымъ способомъ залѣчить свою душевную рану.

Затѣмъ онъ возвращается на родину. „Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему.“

Встрѣтившись съ Лаврецкимъ послѣ долгой разлуки, Михалевичъ непремѣнно хочетъ узнать, что онъ, каковы его мнѣ-

нія, убѣжденія, чѣмъ онъ сталъ, чему научила его жизнь. Впечатлѣніе выноситъ онъ послѣ длиннаго, горячаго разговора для Лаврецкаго невыгодное.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? — негодуетъ Михалевичъ и на протестъ Лаврецкаго возражаетъ — ну, если не разочарованный, то скептикъ, это еще хуже. А съ какого права можешь ты быть скептикомъ?

Далѣе оказывается, судя по словамъ Михалевича, что Лаврецкій эгоистъ, думающій только о личномъ счастьѣ, о личной жизни; что онъ — отсталый вольтеріанецъ и, наконецъ, байбакъ, злостный, сознательный и начитанный байбакъ.

„—И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? — возмущается Михалевичъ, — у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою!“

По отношенію къ Лаврецкому все это хоть и преувеличено, но въ основѣ справедливо. Какъ это ни странно, но Лаврецкій, дѣйствительно, насколько, съ одной стороны, добръ, благодушенъ, вѣритъ въ истину и добро и въ необходимость работать, заниматься дѣломъ, настолько же, съ другой, — эгоистиченъ, слабохарактеренъ, лѣнивъ. Онъ и вѣритъ и не вѣритъ, и хочетъ работать, стремится всей душей, и не можетъ..

Причина всему этому главная одна, а именно та, что Лаврецкаго, какъ самъ онъ говоритъ, „съ дѣтства вывихнули“.

Не будь этого „вывиха“, не будь ненормальности его воспитанія, не произойди у него на глазахъ быстрая перемѣна въ убѣжденіяхъ и складѣ мыслей философа отца, не будь этого всего — и очень можетъ быть, что не существовало бы и этихъ противорѣчій въ его характерѣ. Всѣ они являются слѣдствіемъ неумѣлаго, изломавшаго его воспитанія.

В. В.

№ 16.

Донъ-Кихоты въ поэзіи Тургенева.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Взглядъ Тургенева на Донъ-Кихота.

Изложеніе. Характеристика Бабурина, Чертопханова и Пасынкова:

I. Бабурина:
1) независимость,
2) сознаніе своихъ правъ и обязанностей,
3) нетерпимость къ несправедливости,
4) свободолюбіе,
5) постоянная дѣятельность,
6) чувство собственнаго достоинства.

II. Чертопханова:
1) гордость и надменность,
2) справедливость,
3) романтичность.

III. Пасынкова:
1) вѣра въ идеалъ,
2) мечтательность,
3) отсутствіе практичности,
4) довѣріе къ людямъ,
5) незнаніе жизни,
6) способность жертвовать собою,
7) альтруизмъ.

Заключеніе. Всѣ три тургеневскихъ героя обладаютъ частью свойствъ Донъ-Кихота.

Въ рѣчи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“ Тургеневъ дѣлитъ все человѣчество на двѣ половины, изъ коихъ одна подходитъ къ Гамлету, а другая къ Донъ-Кихоту. Насъ въ данный моментъ интересуетъ взглядъ Тургенева на Донъ-Кихота и подобныхъ ему личностей.

Прежде всего, говоритъ Тургеневъ, бросается въ глаза вѣра Донъ-Кихота въ незыблемую истину, въ идеалъ, и непоколебимая преданность этому идеалу. Ради идеала Донъ-Кихотъ готовъ на всякія жертвы и мученія; идеалъ стоитъ на недосягаемой высотѣ, но все же Донъ-Кихотъ постоянно помнитъ о немъ и никогда не выпускаетъ его изъ виду. Этотъ идеалъ очень возвышенъ: Донъ-Кихотъ твердо вѣритъ въ торжество добра и ненавидитъ зло, вѣритъ въ истину, въ красоту. Все это тѣсно связано съ внутреннимъ міромъ Донъ-Кихота: онъ вообще живетъ больше въ отвлеченіи, чѣмъ въ дѣйствительности, внѣ себя, такъ сказать, а слѣдовательно и добро со зломъ принимаютъ у него такой же видъ, какъ и прочіе дѣйствительные предметы; реальная жизнь смѣшивается Донъ-Кихотомъ съ воображаемой, и качества начинаютъ дѣйствовать на ряду съ вещами, облеченныя какъ бы въ плоть и кровь. Но это не мѣшаетъ ему и на дѣлѣ быть защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, быть настоящимъ рыцаремъ и джентельменомъ. Какъ таковой, онъ свободенъ самъ и любитъ свободу, а оттого уважаетъ и чужія установленія, чужія права; и намека на эгоизмъ нѣтъ въ немъ: Донъ-Кихотъ всего себя отдаетъ на пользу ближнихъ. „Донъ-Кихотъ энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяніемъ.“ Служеніе же идеѣ требуетъ подчасъ сильнаго напряженія, и Донъ-Кихотъ съ честью несетъ это служеніе, такъ какъ воля у него непреклонная. Поэтому же у него сложился опредѣленный взглядъ на все почти въ мірѣ: все должно сообразоваться съ идеаломъ.

Вотъ общечеловѣческія черты типа, воплощеннаго Сервантесомъ въ Донъ-Кихотѣ, вь освѣщеніи Тургенева. Сравнивая его съ Гамлетомъ, Тургеневъ говоритъ, что въ настоящее время встрѣчается гораздо больше людей, похожихъ на Гамлета, чѣмъ на Донъ-Кихота. Это положеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что среди героевъ Тургенева есть много лицъ, похожихъ на Гамлета, тогда какъ сходныхъ съ Донъ-Кихотомъ, болѣе или менѣе существенно, всего три: Бабуринъ, Яковъ Пасынковъ и Чертопхановъ.

Мѣщанинъ по происхожденію, Парамонъ Семеновичъ Бабуринъ держалъ себя вполнѣ просто и независимо передъ высшими по положенію людьми. Его коробило, когда важная барыня говоритъ ему ты; внуку ея, вошедшему въ его комна-

ту безъ спросу, онъ не преминулъ сдѣлать замѣчаніе; правда, внуку этому было двѣнадцать лѣтъ, но и впослѣдствіи, когда тотъ сдѣлался студентомъ, а потомъ чиновникомъ, Бабуринъ держалъ себя съ нимъ запросто, даже съ нѣкоторою сухостью. За Бабуринымъ водились „странности". Какъ же назвать иначе то, что онъ содержалъ на свой счетъ старика, Пунина, и дѣвушку, случайно встрѣченную имъ въ Воронежѣ, когда она оказалась безъ всякихъ средствъ къ существованію, содержалъ не смотря на отсутствіе постоянной службы или какого-нибудь другого обезпеченія? Далѣе, Бабуринъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ самый разгаръ крѣпостнаго права, не признавалъ тѣлеснаго наказанія. Вслѣдствіе всего этого Пунинъ называлъ его революціонеромъ. „Революціонерство" Бабурина можно подтвердить и другими примѣрами: однажды Бабуринъ вздумалъ возстать противъ распоряженія помѣщицы, отданнаго ею касательно одного изъ ея крѣпостныхъ. Если говорить правду, то распоряженіе было прямо-таки ужасно по своей безпричинной жестокости и произволу, но въ тѣ времена помѣщица была почти неограниченной госпожей надъ судьбою своихъ крѣпостныхъ. Бабуринъ за неумѣстное вмѣшательство былъ лишенъ ею должности конторщика, которую занималъ въ ея имѣньѣ, а пострадавшему крѣпостному не помогъ. Да и вообще Бабуринъ часто мѣнялъ мѣсто служенія, потому что не уживался съ своими патронами: мѣшало сознаніе своего права, мѣшали убѣжденія. Такъ, будучи уже женатымъ человѣкомъ, онъ принужденъ былъ оставить службу на одномъ частномъ мѣстѣ по непріятности съ хозяиномъ: „Бабуринъ вздумалъ заступиться за рабочихъ." А на пятьдесятъ-пятомъ году отъ роду онъ очень серьезно пострадалъ за свои убѣжденія.

Но и съ нимъ случилось одно происшествіе, какъ будто противорѣчащее его внутреннему складу. Бабуринъ вознамѣрился жениться на воспитанницѣ своей, Музѣ, упустивши изъ виду, что онъ пожилой уже человѣкъ, вовсе не пара молоденькой дѣвушкѣ. За эту недогадливость свою онъ получилъ отъ жизнерадостнаго практика, студента Тархова, слюбившагося съ Музей, названье „честнаго тупца" и „буки." На него, повидимому, въ этомъ случаѣ просто нашло временное затменіе, что называется, потому что когда онъ узналъ о бѣгствѣ дѣвушки, то не только самъ не сталъ разыскивать ее, но и Пу-

нину запретилъ дѣлать это. „Говоритъ: ея воля. Притѣснять не желаю.“ Притѣсненій же онъ не терпѣлъ ни подъ какимъ видомъ. Выше всего онъ ставилъ справедливость, считая ее единственнымъ благомъ на свѣтѣ. Поэтому онъ, разумѣется, не могъ сочувствовать крѣпостному праву и умеръ изъ-за того, что слишкомъ восторженно отнесся къ манифесту 19-го февраля. Получилъ онъ свѣдѣніе о манифестѣ въ сильный морозъ и пургу; ему было въ это время уже 67 лѣтъ, а онъ безъ пальто и безъ шапки побѣжалъ сообщить радостное извѣстіе своимъ пріятелямъ. „Когда пришелъ домой, весь былъ запорошенъ снѣгомъ, волосы, лицо и борода, и даже слезы на щекахъ застыли.“ Слѣдствіемъ такой неосторожности было воспаленіе легкихъ, отъ котораго Бабуринъ и скончался. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Сибири, куда попалъ недобровольно и гдѣ продолжалъ вести прежнюю жизнь. „Парамонъ Семенычъ занимался чтеніемъ и перепиской, да обычными своими преніями съ старовѣрцами и ссыльными поляками.“ Кромѣ того онъ предался школьному дѣлу.

Всю свою жизнь онъ проработалъ, но работа не забила въ немъ человѣка, какъ не забила чувства собственнаго достоинства, которое переходитъ въ болѣзненную раздражительность и непомѣрную гордость у второго героя Тургенева, тоже смахивающаго на Донъ-Кихота, у Чертопханова. Чертопхановъ неслыханно-дерзко и надменно обращался со всѣми, съ кѣмъ ему не приходилось сталкиваться. „Отъ малѣйшаго возраженія глаза его разбѣгались, голосъ прерывался.“ Горячность его доходила иной разъ до смѣшного. Съ нимъ однажды былъ такой случай. Ѣхалъ онъ верхомъ по сосѣдней деревнѣ и замѣтилъ толпу возлѣ кабака; оттуда неслись крики, и видно было, какъ безпрестанно поднимались и опускались мужичьи руки. Крестьяне били еврея, заподозрѣннаго въ насыланіи мора на скотъ. Чертопхановъ, недолго думая, помчался къ толпѣ, ворвался въ нее и принялся хлестать нагайкою мужиковъ, „приговаривая прерывистымъ голосомъ:

— Само...управство! Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать, — а не част...ны...я ли...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...онъ!!“

Свой поступокъ Чертопхановъ не счелъ нужнымъ отнести къ разряду самоуправства...

На этотъ разъ онъ спасъ отъ смерти неизвѣстнаго ему еврея вслѣдствіе врожденной ненависти къ несправедливости, которой онъ не могъ выносить ни подъ какимъ видомъ. И въ другихъ случаяхъ онъ оставался вѣренъ себѣ въ этомъ отношеніи; за своихъ крѣпостныхъ „онъ стоялъ горою;“ Недопюскина, забитаго приживальщика, онъ взялъ подъ свое покровительство, наткнувшись на сцену издѣвательства надъ нимъ. Покровительство же его что-нибудь да значило, потому что всѣ боялись горячаго и безстрашнаго нрава мелкопомѣстнаго дворянина, несмотря на невзрачную его наружность. Чертопхановъ сдѣлался еще надменнѣе и высокомѣрнѣе послѣ смерти Недопюскина и ухода отъ него цыганки Маши. Тутъ уже Чертопхановъ оказался вполнѣ одинокимъ человѣкомъ; когда же увели его любимую лошадь, въ которой онъ души не чаялъ и поиски которой не увѣнчались успѣхомъ, Чертопхановъ зачахъ и умеръ. Все, къ чему онъ былъ привязанъ, погибло; наконецъ, дошелъ черёдъ и до него. Но и на смертномъ одрѣ гордость его не оставила. Вошедшему въ его комнату становому онъ заявилъ:

— Столбовой дворянинъ, Пантелей Чертопхановъ умираетъ; кто можетъ ему препятствовать?—Онъ никому не долженъ, ничего не требуетъ... Оставьте его, люди! Идите!

Въ этой тирадѣ помимо обычной надменности сразу замѣтна нѣкоторая романтичность, которая видна и въ другихъ дѣйствіяхъ Чертопханова. Лучшая собака его, напримѣръ, носила кличку Аммалатъ-Бекъ, а лошадь Малекъ-Адель; онъ любилъ читать Марлинскаго; охота была обставлена особыми условіями.

Но до вѣры въ идеалъ онъ не доросъ. За то эта вѣра какъ бы срослась съ третьимъ тургеневскимъ Донъ-Кихотомъ — Яковомъ Пасынковымъ. „Жалокъ тотъ, кто живетъ безъ идеала,“ говорилъ онъ. „Въ устахъ его слова: добро, истина, жизнь, наука, любовь, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ.“ Пасынковъ былъ искрененъ и вѣрилъ, глубоко вѣрилъ въ добро и красоту, а потому и не казалась странной или смѣшной его убѣжденная вѣра въ идеалъ, въ область котораго онъ вступалъ безъ всякаго усилія или напряженія; практической жилки въ немъ не было и слѣда. Онъ родился мечтателемъ и до самой смерти своей остался неисправимымъ мечтателемъ. Еще будучи юношей онъ

былъ любимъ товарищами за свою мягкость и любовное отношеніе ко всѣмъ. Пасынковъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и всепрощеніемъ взиралъ на совершенную кѣмъ-нибудь несправедливость или дурной поступокъ, но не презиралъ совершившаго, стараясь подыскать для него какое-либо оправданіе, а когда только могъ, спѣшилъ поправить сдѣланное зло, не останавливаясь даже передъ жертвою и почитая это своей обязанностью. Людей и жизни онъ почти не зналъ совершенно, дѣйствительность была для него неизвѣстной областью, и умеръ-то онъ изъ-за страннаго, почти фантастическаго случая. У него „подъ началомъ“ состояли инородцы; вздумали они провезти контрабанду, и Пасынкова послали изловить ихъ. Пасынковъ исполнилъ возложенный на него трудъ, но одинъ изъ пойманныхъ контрабандистовъ прострѣлилъ ему грудь стрѣлою, и Пасынковъ вскорѣ послѣ того умеръ. Всю свою жизнь провелъ онъ, вѣруя въ добро, наслаждаясь поэзіей и не замѣчая жизненной борьбы, и за нѣсколько часовъ до кончины слушалъ чтеніе Лермонтова. И жизнь не очень сильно побила его, хотя время отъ времени давала почувствовать всю свою суровость: служить ему пришлось въ сибирскомъ захолустьѣ; любимая дѣвушка не отвѣчала ему взаимностью, и Пасынковъ долженъ былъ безъ борьбы уступить ее другому. Главною чертою его характера была безконечная любовь къ людямъ, безконечная вѣра въ добро и связанная съ этимъ мечтательность. Тургеневъ такъ заканчиваетъ свой разсказъ: „Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ, извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!

Таковы три тургеневскихъ Донъ-Кихота. Всѣ они обладаютъ, несомнѣнно, тѣми же общечеловѣческими свойствами характера, какія – принадлежности рыцарю печальнаго образа. Между собою они сходствомъ разительнымъ не отличаются. Послѣднія слова могутъ показаться парадоксомъ, поэтому спѣшимъ оговориться. Донъ-Кихотъ совмѣщаетъ въ себѣ и Бабурина, и Чертопханова, и Пасынкова; кромѣ того, у него есть свои собственныя, ему только свойственныя качества; но Бабуринъ или Пасынковъ цѣликомъ входятъ въ него своей отличительной стороной, они болѣе узки, чѣмъ онъ. Ихъ индивидуальныя свойства не

похожи на свойства сервантесовскаго героя: напримѣръ, Бабуринъ былъ русскимъ мѣщаниномъ, а Донъ-Кихотъ испанскимъ гидальго; Чертопхановъ отличался маленькимъ ростомъ и юркостью, тогда какъ Донъ-Кихотъ былъ очень высокъ и спокоенъ въ своихъ движеніяхъ и т. д. Правда, и у трехъ тургеневскихъ героевъ найдутся одинаковыя общечеловѣческія черты — таковы готовность жертвовать собою у Бабурина и Пасынкова или полная нетерпимость къ несправедливости у Чертопханова съ Бабуринымъ, — но значительно большая часть ихъ различны. Повторяемъ, они входятъ въ Донъ-Кихота, какъ части въ цѣлое, между же собою имѣютъ лишь нѣкоторыя точки соприкосновенія. Всѣ они Донъ-Кихоты постольку, поскольку Харловъ — король Лиръ, а Рудинъ-Обломовъ.

Б.

№ 17.

Примѣры религіознаго одушевленія у Тургенева.

Вступленіе. Значеніе религіи для человѣчества и для отдѣльныхъ личностей.

Изложеніе. Дѣйствующія лица произведеній Тургенева, отличающіеся религіознымъ одушевленіемъ:

1. Лиза Калитина,
2. Лукерья,
3. супруги Базаровы,
4. Акимъ Семеновъ,
5. Агафья,
6. Евлампія Харлова,
7. Софи Б.,
8. Яковъ.

Заключеніе. Болѣзненный характеръ религіознаго одушевленія, рисуемаго Тургеневымъ.

Важную роль въ жизни человѣчества играетъ религія. Подъ ея вліяніемъ создаются цѣлыя государства, производятся завоеванія, изъ-за религіозныхъ разногласій группы однихъ

людей избиваютъ группы другихъ. Въ такой же мѣрѣ, какъ для собраній людей, важна религія и для отдѣльныхъ индивидуумовъ. За вѣру жертвуютъ жизнью, бросаютъ родной домъ и семью; перемѣна религіи часто равносильна смерти; сектантъ, преслѣдуемый за свои убѣжденія, ни подъ какимъ видомъ не измѣнитъ ихъ. Случается иногда, что нормальное религіозное чувство переходитъ въ страсть, дѣлается изступленнымъ; но гораздо чаще встрѣчаются примѣры, когда въ религіи ищутъ убѣжища отъ жизненныхъ скорбей и разочарованій. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно уходятъ въ монастырь или вообще уединяются, устремляя всѣ помыслы къ Богу. Конечно, для всего этого нужна извѣстная подготовка въ видѣ болѣе или менѣе сильно развитой религіозности.

Какъ разъ такой случай имѣется на лицо въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева. Лиза Калитина съ пятилѣтняго возраста попала на воспитаніе къ нянькѣ, которая вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ вся отдалась религіи. Вмѣсто сказокъ она занимала дѣвочку разсказами изъ жизни святыхъ, водила ее съ собою въ церковь, и всѣмъ своимъ поведеніемъ заложила въ ней прочный фундаментъ сильной религіозности. Отъ природы одаренная добрымъ и кроткимъ сердцемъ, Лиза прониклась христіанской религіей; она любила всѣхъ, ставила долгъ выше всего, всепрощеніе было, по ея мнѣнію, необходимѣйшей принадлежностью всякаго; она думала, что христіаниномъ надо быть потому, что каждый человѣкъ долженъ умереть, а не для чего-нибудь земного. Вплоть до девятнадцати лѣтъ Лиза „шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ;“ „она любила Бога восторженно, робко, нѣжно.“ Въ это время она познакомилась съ Лаврецкимъ; они оба серьезно полюбили другъ друга, думали уже о бракѣ, но тутъ случилось непредвидѣнное обстоятельство, и они должны были разстаться навсегда. Это такъ подѣйствовало на Лизу, что она черезъ полъ-года послѣ катастрофы ушла въ монастырь. Никто и ничто не могло удержать ее отъ такого шага. Ея любимая тетка истощила всѣ усилія, пытаясь убѣдить ее не порывать со всѣмъ, но Лиза осталась непреклонной. „Все кончено, — говорила она,— кончена моя жизнь съ вами. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды а счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе,

и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо. Отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на-вѣкъ.“ Теперь, казалось ей, подтвердилось ея мнѣніе, что человѣческое счастье всецѣло зависитъ отъ Бога; теперь, когда ея надежды разбились, вѣроятно, по волѣ Божіей, ей остается только исполнить свой долгъ, какъ она и раньше всегда исполняла, т. е. уйти отъ міра. Религія была для нея и раньше святыней: Лиза „слегка затрепетала“, услышавъ, что Лаврецкій не вѣруетъ; позже она просила его „не говорить легко“ о молитвѣ. Въ монастырѣ же Лиза окончательно ушла въ религію, окончательно отбросила все мірское, она даже не писала роднымъ, и вѣсти о ней доходили къ нимъ черезъ другихъ. И когда Лаврецкій посѣтилъ ту обитель, гдѣ Лиза постриглась, она не взглянула на него, хотя прошла по церкви „близко мимо него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо.“ Все прошлое для нея отошло.

Прошлое отошло и для Лукерьи („Живыя мощи“), но она не удалилась отъ людей и отъ міра. Принужденная вслѣдствіе болѣзни лежать неподвижно, она или созерцала безъ мыслей, или молилась, славя Бога, а не прося чего-нибудь. Лукерья примирилась съ своимъ положеніемъ: „что Бога гнѣвить? —спрашиваетъ она—. Многимъ хуже моего бываетъ“. „Послалъ мнѣ Онъ крестъ, значитъ меня Онъ любитъ“. Вслѣдствіе постояннаго одиночества и думъ о Богѣ, Лукерьѣ даже во снѣ приснился Христосъ, Который обнадежилъ ее, что она попадетъ въ царство небесное. Въ другой разъ ей привидѣлись ея умершіе родители, благодарившіе ее за ея страданія, которыми она облегчила свою душу и „сняла большую тягу“ съ ихъ душъ. Наконецъ, во снѣ же ей явилась смерть и назначила ей день смерти — послѣ Петровокъ. Свои страданія Лукерья цѣнила очень низко, ставя въ примѣръ истинныхъ подвиговъ дѣянія святыхъ и мучениковъ; она никому не докучала, всѣмъ была довольна, за что получила отъ окружающихъ названіе „Живыя мощи“. А умерла она „послѣ Петровокъ“, какъ и назначила ей „смерть“. „Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ, и день былъ будничный. Впрочемъ, Лукерья говорила,

что звонъ шелъ не отъ церкви, а „сверху“. Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба.“

Лиза цѣликомъ отдалась религіи; для Лукерьи религія явилась однимъ изъ самыхъ главныхъ элементовъ содержанія ея внутренняго *я*; къ религіи же прибѣгли и старички Базаровы, когда умеръ ихъ единственный беззавѣтно любимый сынъ. Для нихъ ничего въ свѣтѣ не осталось дорогого и милаго, кромѣ могилы Евгенія. Часто приходятъ они на кладбище, „приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни“, и молятся. Тутъ только чувствуютъ они себя ближе къ своему сыну, тутъ только находятъ они нѣкоторое утѣшеніе. Теперь они уже спокойнѣе относятся къ своей невознаградимой потерѣ, но когда Евгеній умеръ, отецъ его пришелъ въ изступленіе. „Я говорилъ, что я возропщу“, кричалъ онъ, „и возропщу, возропщу!“ Но мать сразу покорилась, и своимъ смиреніемъ передъ Божьей волей смирила и мужа.

Мужчины вообще труднѣе покоряются обстоятельствамъ, ведя обыкновенно сначала борьбу съ случившимся несчастіемъ. Такъ было, напримѣръ, и съ Акимомъ Семеновымъ („Постоялый дворъ“). На свои деньги, но на имя своей барыни купилъ онъ постоялый дворъ. Онъ разжился на этомъ дворѣ, женился на понравившейся ему дѣвушкѣ, словомъ, достигъ тихой житейской пристани, когда жена передала всѣ его сбереженія полюбившемуся ей человѣку, и тотъ, при посредствѣ взятки, на эти же самыя деньги купилъ у барыни Акима его дворъ. Акимъ обезумѣлъ. Онъ цѣлыя сутки пилъ, а потомъ, пошелъ поджигать бывшій свой дворъ. Но новый владѣлецъ, Наумъ, поймалъ его, связалъ и посадилъ въ погребъ. Цѣлую ночь просидѣлъ Акимъ подъ арестомъ; передъ нимъ прошла вся его жизнь; подъ утро онъ махнулъ рукою на все, приготовился ко всему. Но совершенно неожиданно Наумъ освободилъ его, и Акимъ, потрясенный до основанія своимъ намѣреніемъ поджечь дворъ, сидѣньемъ въ погребѣ и поступкомъ Наума, переродился съ ногъ до головы. „Чувствуя свою вину, оторвался онъ сердцемъ отъ всего житейскаго и началъ горько, но усердно молиться.“ На помощь чувству пришелъ разумъ. Акимъ осмыслилъ свое новое положеніе и рѣшилъ бросить все и уйти скитаться. Онъ простилъ жену, отдалъ ей уцѣлѣвшее имущество и ушелъ изъ родной деревни. Съ тѣхъ поръ онъ ходитъ отъ одной святыни къ другой, всюду, куда

стекаются богомольцы, изрѣдка навѣдываясь домой и каждый разъ принося съ собою „барынѣ просвиру съ вынутымъ заздравнымъ". „Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много говорили о его набожности и смиренномудріи." Акимъ на старости лѣтъ нашелъ прибѣжище въ религіи, хотя до того времени жилъ, какъ всѣ.

Такъ же случилось и съ Агафьей Власьевной („Дворянское гнѣздо"), которая послѣ довольно превратной жизни ушла въ религію. Съ ней случилось нѣсколько несчастій: когда ей было за тридцать лѣтъ, у ней умерли всѣ дѣти и мужъ, и Агафья „стала очень молчалива и богомольна". Цѣлыя пятнадцать лѣтъ прожила она смиренно и тихо, заслуживъ всеобщее уваженіе. Въ своей воспитанницѣ, Лизѣ, Агафья воспитала глубокое религіозное чувство и, наконецъ, пропала безъ вѣсти. Говорили, что она ушла въ раскольничій скитъ.

А вѣдь сектантство и вообще сильно развито на Руси. Такъ, Евлампія Харлова („Степной король Лиръ") сдѣлалась раскольничьей богородицей; Софья Владимировна Б. бросила отца и обезпеченную жизнь и пошла за юродивымъ магнетизеромъ Василіемъ Никитичемъ („Странная исторія"). Остановимся на послѣдней.

Тургеневъ даетъ мало матеріалу для характеристики этой загадочной дѣвушки. Г-нъ X., авторъ очерка, познакомился съ нею случайно, и знакомство продолжалось очень недолго. Онъ замѣтилъ только какую то странность въ выраженіи лица и былъ удивленъ ея спокойнымъ увѣреніемъ, что она вѣритъ въ возможность чудесъ. Онъ не обратилъ должнаго вниманія на ея слова: „волю надо сломить" и на желаніе отыскать учителя, наставника, за которымъ бы можно было пойти и уѣхалъ изъ города, гдѣ она жила, съ образомъ дѣвушки „съ дѣтскимъ лицомъ и непроницаемой, точно каменной душой". Какъ же былъ онъ пораженъ, встрѣтивъ ее въ обществѣ юродиваго Василія Никитича, которому она прислуживала! Онъ старался убѣдить ее бросить своего спутника, указывая на горе отца, на необходимость поберечь себя, но Софья Владимировна не обращала на него никакого вниманія, даже не смотрѣла на него. „Она искала наставника и вождя, и нашла его". Семьѣ удалось послѣ долгихъ стараній отыскать пропавшую безъ вѣсти дѣвушку; ее воротили домой, но Софья про-

жила послѣ того лишь короткое время, и умерла „молчальницей“.

Одушевленіе Софьи Владимировны не носитъ чисто-религіознаго характера. Она только пошла за „божіимъ человѣкомъ“ и стала служить ему, а не прямо Богу. А у молодого Якова („Разсказъ отца Алексѣя“) религіозное чувство приняло извращенный характеръ. Онъ утратилъ вѣру въ Бога, но зато ему повсюду сталъ чудиться дьяволъ. Это сдѣлалось съ нимъ понемногу. Яковъ всегда былъ тихимъ, застѣнчивымъ существомъ. Еще въ дѣтствѣ ему однажды привидѣлся какой-то зеленый старичокъ. Впослѣдствіи Яковъ никакими особенными странностями не отличался, какъ вдругъ его сталъ преслѣдовать дьяволъ. Сначала дьяволъ только манилъ Якова къ себѣ, но потомъ, когда бѣдный молодой человѣкъ пытался избавиться отъ его общества, онъ началъ надъ нимъ смѣяться. Отецъ Якова, сельскій священникъ, пытался излѣчить сына отъ его болѣзни, но это ему не удалось. Они вмѣстѣ отправились въ Воронежъ, къ Митрофанію, помолиться Богу объ исцѣленіи. Но во время причастія Якову явился его всегдашній спутникъ съ приказомъ выплюнуть частицу и растереть ее ногою. Яковъ исполнилъ приказаніе, но это такъ на него подѣйствовало, что онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Только за нѣсколько дней до смерти оставилъ дьяволъ измученнаго Якова.

Таковы герои Тургенева, отличающіеся религіознымъ одушевленіемъ. Всѣ они, за исключеніемъ Софьи Владимировны и Якова, отдались религіи подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ. Разочаровавшись въ возможности счастія и спокойствія въ мірской жизни, они старались отыскать прибѣжище отъ скорбей въ служеніи Богу, и нашли его. Все земное утратило для нихъ свою цѣну. Но случилось это не безпричинно, а только подъ вліяніемъ несчастія. Врядъ ли Лукерья сдѣлалась бы такой богомольной и чистой нравственно, если бы не лишилась возможности двигаться, врядъ ли и Акимъ пошелъ бы странствовать, не потеряй онъ все свое имущество. У Лизы, правда, была особая подготовка къ тому, что она совершила, но и она, вѣроятно, не постриглась бы безъ знакомства съ Лаврецкимъ и безъ послѣдствій этого знакомства; во всякомъ случаѣ не сдѣлала бы этого такъ рано. Дѣйствія Софьи Владимировны стоятъ особнякомъ отъ уже указанныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ причинъ ея ухода изъ дому. На основа-

нiи извѣстныхъ намъ данныхъ приходится допустить, что здѣсь имѣлъ мѣсто случай простого самопожертвованія на религіозной подкладкѣ. Но какъ бы тамъ ни было, всѣ примѣры религіознаго одушевленія у Тургенева носятъ до извѣстной степени болѣзненный характеръ.

Б.

№ 18.

Параллели къ Моцарту и Сальери въ „Пѣвцахъ" Тургенева.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Основаніе для сравненія „Моцарта и Сальери" Пушкина съ „Пѣвцами" Тургенева.

Изложеніе. Параллели къ Моцарту и Сальери въ „Пѣвцахъ" Тургенева.

А. Моцартъ и Яковъ — Турокъ:
- 1) сходныя черты ихъ характеровъ:
  - а) глубокая страстность,
  - б) склонность къ грусти,
  - в) богатство фантазіи,
  - г) увлекательная безпечность;
- 2) ихъ отношеніе къ своему дарованію и
- 3) къ товарищамъ по искусству.

Б. Сальери и рядчикъ:
- 1) сходныя черты ихъ характеровъ:
  - а) наличность сноровки въ своемъ искусствѣ,
  - б) самоувѣренность,
  - в) болѣзненное самолюбіе,
  - г) серьезность;
- 1) ихъ отношеніе къ своему таланту и
- 3) къ товарищамъ по искусству.

В. Причины различія въ проявленіи страсти у Сальери и рядчика.

Заключеніе. Впечатлѣніе, производимое разсмотрѣнными типами.

Всякій, кто много и съ живымъ интересомъ занимается литературой, не можетъ не обратить вниманія на одну весьма интересную особенность этой богатой области человѣческаго знанія.

Различные по характеру своего поэтическаго таланта и міросозерцанію, а иногда и національности, писатели сплошь да рядомъ съ особенной любовью останавливаютъ свое вниманіе на однихъ и тѣхъ же явленіяхъ нашей повседневной жизни.

Чѣмъ это объяснить? Вѣдь жизнь слишкомъ богата самыми разнообразными явленіями, такъ что, повидимому, вовсе нѣтъ надобности талантливымъ людямъ говорить и писать объ одномъ и томъ же; каждый, собразно съ силой своего таланта, можетъ освѣтить для человѣчества тѣ или другіе вопросы общественной или политической жизни. Въ чемъ же причина этой странной односторонности?

— Ларчикъ, просто открывается. Каждый писатель прежде всего человѣкъ, которому nil humanum est alienum, сынъ своего времени, чуткій ко всѣмъ его интересамъ и запросамъ; онъ рисуетъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ то, что больше всего поражаетъ его въ нашей повседневной общественной жизни или своею распространенностью или, наоборотъ, оригинальностью.

Такъ, Гоголя особенно поразила чрезмѣрная, болѣзненная скупость Плюшкина, какъ „явленіе рѣдкое на Руси, гдѣ все любитъ развернуться, а не съёжиться“, и онъ воплощаетъ поразившую его вниманіе личность въ общечеловѣческій типъ скупца, знакомя читателя въ то же время и съ самымъ процессомъ развитія страсти.

Такой типъ скупца мы встрѣчаемъ не у одного только Гоголя: онъ есть и у Пушкина, и въ иностранной литературѣ, у Мольера.

Но каждый изъ указанныхъ писателей сказалъ въ одномъ и томъ же вопросѣ свое собственное слово, нисколько не подражая своимъ предшественникамъ.

Переходимъ теперь къ предмету нашего разсужденія. Намъ предстоитъ провести параллель между „Моцартомъ и Сальери“ Пушкина и „Пѣвцами“ Тургенева.

Основаніемъ для сравненія этихъ произведеній служитъ прежде всего одинаковость идеи, проведенной обоими писате-

лями въ указанныхъ нами очеркахъ, а кромѣ того родство выведенныхъ въ нихъ личностей.

Такими родственными личностями являются, съ одной стороны, Моцартъ и Яковъ — Турокъ, а съ другой — Сальери и рядчикъ.

Моцартъ — натура геніальная, отличающаяся неподдѣльной, глубокой страстностью. Ею, этою глубокой страстностью, исполнены всѣ его вольныя, торжествомъ дышающія импровизаціи. Въ немъ чувствуется та самой природой дарованная сила безсмертнаго генія, которую нельзя пріобрѣсть никакими трудами и усиліями человѣческими, — тотъ священный даръ, который не въ награду

> Любви горящей, самоотверженья,
> Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
> А озаряетъ голову безумца,
> Гуляки празднаго,—

гуляки празднаго, по мнѣнію такихъ бездарныхъ завистниковъ, какимъ былъ Сальери.

Другою отличительною чертою характера Моцарта является странная на первый взглядъ склонность къ грусти и вѣра въ слѣпую судьбу, играющая не послѣднюю роль, какъ причина этой грусти. Такъ на Моцарта совсѣмъ ничтожный случай, (появленіе „чернаго человѣка“, заказавшаго ему „Requiem“,) произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ этомъ впечатлѣніи онъ самъ со стыдомъ сознается своему другу — Сальери.

> „Мнѣ“ — говоритъ Моцартъ — „день и ночь покоя не даетъ
> Мой черный человѣкъ, За мною всюду,
> Какъ тѣнь, онъ гонится. Вотъ и теперь,
> Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ—третей
> Сидитъ.“

Какъ истинный геній, Моцартъ отличается непринужденностью и богатствомъ творческой фантазіи. Эти качества должны были быть особенно не по нутру труженику, чернорабочему въ искусствѣ, Сальери.

Какъ человѣкъ вообще, Моцартъ отличается особенной жизнерадостностью; онъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ нормалной жизни, за что Сальери называетъ его „гулякой празднымъ“.

Но за эти отступленія едва ли можно такъ жестоко осуждать его. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ искалъ отдыха въ шумномъ обществѣ гулякъ — товарищей отъ мучившихъ его тяжелыхъ предчувствій.

Почти тѣми же чертами характера отличается и Яковъ—Турокъ. Онъ, конечно, не геній, такъ какъ нельзя назвать геніемъ человѣка, искусно владѣющаго своимь голосомъ, обладающаго при этомъ вдохновеніемъ и умѣющаго увлечь слушателей „той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя". Если, такимъ образомъ, Якова нельзя назвать геніемъ, то названіе виртуоза по справедливости принадлежитъ ему.

Онъ, подобно Моцарту, отличался тою скромностью, какая бываетъ у всѣхъ истинно геніальныхъ людей.

Но въ чемъ Яковъ—Турокъ и Моцартъ поразительно похожи другъ на друга — такъ это въ отношеніяхъ къ своему дарованію и, главнымъ образомъ, къ товарищамъ по искусству.

Моцартъ преувеличенно хорошаго мнѣнія о композиціяхъ далеко не геніальнаго Сальери; онъ очень часто и съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаетъ мотивы этихъ композицій въ тѣ минуты, когда его мятежная душа бываетъ счастлива.

> Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
> Ты для него Тарара сочинилъ,
> Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
> Я все твержу его, когда я счастливъ...

Тоже самое нужно сказать и объ отношеніи Якова къ своему сопернику, съ которымъ онъ вдобавокъ, правда, не по своему почину, держалъ пари въ томъ, кто лучше споетъ.

Когда рядчикъ кончилъ пѣть, Яковъ, у котораго глаза разгорѣлись, какъ уголья, отъ неподдѣльнаго восторга и радости за успѣхъ товарища, какъ сумасшедшій закричалъ: „молодецъ, молодецъ!" Вотъ все, что мы въ состояніи сказать относительно Моцарта и Якова Турка.

Совершенно противоположные типы представляютъ собою Сальери и рядчикъ.

Какъ у одного, такъ и у другого нѣтъ ни малѣйшаго намека на геніальность; успѣхъ ихъ у слушателей дался имъ слишкомъ дорогою цѣною, въ особенности это можно сказать относительно Сальери, который пожертвовалъ рѣшительно

всѣмъ для искусства. Вотъ что онъ самъ говоритъ о тѣхъ препятствіяхъ, какія пришлось преодолѣть ему для достиженія въ „искусствѣ безграничномъ степени высокой:“

„Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ“

Предавшись исключительно музыкѣ, Сальери работалъ въ этой области съ изумительнымъ упорствомъ и терпѣніемъ. Принявшись за самостоятельное творчество, онъ нѣсколько разъ мѣнялъ путь и бросалъ все, „что прежде зналъ, что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ.“

Результатомъ его трудовъ, ночей безсонныхъ и творческихъ мукъ была только извѣстная научная сноровка, которая, конечно, нашла себѣ многочисленныхъ восторженныхъ поклонниковъ. Его вымученныя композиціи рождали бурю восторга, который также скоро остывалъ, какъ и рождался.

Другою сходною чертою характера Сальери и рядчика является самоувѣренность, — эта отличительная особенность всѣхъ посредственныхъ, заурядныхъ людей, — и являющееся ея прямымъ слѣдствіемъ болѣзненное самолюбіе.

На талантъ свой и искусство, которому они служатъ, какъ Сальери, такъ и рядчикъ смотрятъ очень высоко, между тѣмъ какъ такіе столпы искусства, какъ Моцартъ, относятся къ нему значительно спокойнѣе. Это спокойствіе не является результатомъ пренебрежительнаго отношенія къ искусству, какъ склоненъ былъ думать Сальери, нѣтъ, оно обусловливается разумнымъ сознаніемъ неуязвимости и неприкосновенной святости этого чуднаго дара боговъ.

Всѣ люди, подобные Сальери и рядчику, въ борьбѣ за честь искусства сильно напоминаютъ собою Донъ-Кихота въ его борьбѣ съ вѣтряными мельницами. Они черезчуръ ужъ серьезны во всемъ, что такъ или иначе касается искусства.

Такъ, Сальери до бѣшенства возмущаетъ старикъ-нищій, искажающій арію изъ Донъ-Жуана.

„Мнѣ не смѣшно“ — говоритъ онъ чуть-ли не съ пѣной у рта,

—„когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля;

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошелъ, старикъ!"

Въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ по искусству Сальери и рядчикъ особенно родственны другъ съ другомъ. Они готовы искренне привѣтствовать успѣхъ такихъ же чернорабочихъ искусства, какъ они сами; здѣсь имъ нечего особенно бояться: они надѣются превзойти своихъ соперниковъ упорнымъ трудомъ. Когда же имъ приходится быть свидѣтелями успѣха истинно-геніальныхъ людей, тогда они начинаютъ испытывать страшную зависть, которая не даетъ имъ ни минуты покоя, заставляетъ ихъ всѣми мѣрами стремиться къ умаленію заслугъ соперника и зачастую доводитъ до преступленія, что мы видимъ на примѣрѣ Сальери, отравившаго своего друга и товарища Моцарта. Сталкиваясь съ такимъ явленіемъ, поневолѣ скажешь словами несчастнаго Моцарта:

„Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя".

Рядчикъ не убилъ своего соперника, онъ, нужно полагать, никогда и не думалъ объ убійствѣ. Но причина такого различія между рядчикомъ и Сальери заключается не въ нравственномъ превосходствѣ перваго надъ вторымъ, а съ одной стороны, въ томъ, что пѣніе не составляло профессіи рядчика и не давало ему средствъ къ жизни, съ другой — и это значительно важнѣе—въ томъ, что они люди совершенно различныхъ эпохъ.

Въ эпоху Сальери жизнь человѣческая цѣнилась слишкомъ недорого: убить — въ то время было самое обыкновенное дѣло.

Ко времени, въ которое жилъ рядчикъ, условія измѣнились, и преступника ждала тяжелая кара.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, какое производятъ на насъ только что разсмотрѣнные типы.

Моцартъ и Яковъ-Турокъ привлекаютъ насъ, главнымъ образомъ, своею искренней скромностью, которая такъ идетъ къ ихъ далеко не дюжинному дарованію.

Что же касается Сальери и рядчика, то они вызываютъ въ насъ сильное отвращеніе, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не знаютъ предѣла между возможнымъ и невозможнымъ. Къ нимъ въ особенности примѣнима русская пословица:

„Куда конь съ копытомъ — туда и ракъ съ клешней".

Н. Л.

№ 19.

Гончаровъ—созерцатель.

Вступленіе. Условія жизни, содѣйствовавшія развитію созерцательности въ Гончаровѣ.

Изложеніе. Гончаровъ—созерцатель:

1. мышленіе образами,
2. живость изображенія,
3. ошибки и недочеты при введеніи элемента сознательности,
4. отраженіе личныхъ свойствъ автора въ герояхъ (Райскій) его произведеній,
5. собственныя свидѣтельства Гончарова, подтверждающія созерцательность его характера.

Заключеніе. Наружность Гончарова, вполнѣ соотвѣтствующая его внутреннему складу типичнаго созерцателя*).

— „Художникъ мыслитъ образами.." Бѣлинскій.

Съ самаго ранняго дѣтства Гончаровъ жилъ на Волгѣ. Его художественная натура чутко отражала въ себѣ красоты поволжской природы; въ его сознаніи невольно укладывались картины природы, жизнь и бытъ окружавшей его среды, мало-по-малу составляя богатый запасъ наблюденій и образовъ, нашедшихъ впослѣдствіи мѣсто въ его литературныхъ про-

---

*) Объясненіе термина „созерцатель" см. въ сочиненіи № 4.

изведеніяхъ. Онъ безсознательно запомнилъ и внѣшній обликъ соннаго Симбирска въ жаркую пору лѣтняго дня, и деревни обломовскаго округа, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ замерзшая какъ будто природа и вообще весь неодушевленный міръ, и только гдѣ-то вдали, словно случайно, медленно и лѣниво копошится человѣкъ, обладающій допотопнымъ, темнымъ міровоззрѣніемъ, и господскую усадьбу, занятую отъ мала до велика почти исключительно одною заботой о сытости желудка и ожиданіемъ вожделѣннаго отдыха. Передъ нимъ одни за другими проходили люди всевозможныхъ профессій, нравовъ и темпераментовъ, помимо его сознанія укладывавшихся въ его воображеніи, подобно тому, какъ все отражается въ зеркалѣ, съ тою только разницею, что зеркало не задерживаетъ въ себѣ отраженій, а натура Гончарова копила все то, что предъ нею проходило. Такимъ образомъ подготовился тотъ писатель-объективистъ, писавшій свои произведенія при помощи картинъ, а не умственныхъ выводовъ, какого мы знаемъ въ Гончаровѣ.

„Художникъ мыслитъ образами", сказалъ Бѣлинскій, и это какъ нельзя лучше приложимо къ Гончарову. Всѣ его произведенія поражаютъ отсутствіемъ „выдумки", всѣ они неподражаемо вѣрно передаютъ дѣйствительность съ всѣми ея сторонами и подробностями. Всѣ выведенныя имъ лица срисованы съ живыхъ людей; одинъ Штольцъ составляетъ изобрѣтеніе Гончарова, но зато онъ и является фикціей, идеей, а не живымъ человѣкомъ. Гончаровъ описываетъ лѣнь Обломова не помощію выводовъ, объясненія или перечисленія его дѣйствій или привычекъ, а посредствомъ изображенія его самого со всей окружающей его обстановкой, такъ что читателю остается только слѣдить за Обломовымъ, всматриваться въ него и въ его поступки и ужъ самому дѣлать выводы. Но Гончаровъ пишетъ такъ, что эти выводы никакъ не могутъ оказаться ошибочными, разумѣется—при томъ условіи, что читатель не лишенъ абсолютно мыслительныхъ способностей и нѣкоторой доли художественнаго чутья. Гончаровъ никогда не ошибается, пока рисуетъ, дѣлаетъ снимокъ съ того, что онъ наблюдалъ, но какъ только онъ захочетъ что-нибудь объяснить, сказать при посредствѣ разсужденія, сейчасъ же онъ начинаетъ дѣлать одну ошибку за другою. Почему же это такъ? Да потому, что Гончаровъ художникъ, а не мыслитель, потому, что

воображеніе и инстинктъ у него безошибочны, а выводы умственные сплошь и рядомъ невѣрны. Таково пресловутое окончаніе „Обыкновенной исторіи“, такова фраза Штольца: „прощай, старая Обломовка: ты отжила свой вѣкъ“, излишняя послѣ предшествующихъ объясненій Обломова, которыя и сами, пожалуй, излишни. По свидѣтельству самого Гончарова, послѣднее мѣсто вставлено въ романъ по настоянію одного его знакомаго, а не по почину автора; слѣдовательно, Гончаровъ не „слышалъ“ этихъ объясненій и словъ Штольца передъ писаніемъ романа, а вставилъ ихъ сознательно. Вотъ тутъ-то сказалось неумѣнье Гончарова описывать то, чего онъ не видѣлъ, чего онъ не наблюдалъ, чего не пережилъ. Всѣ его дѣйствующія лица ясно и отчетливо представлялись ему, дѣлались какъ бы живыми: они не даютъ ему „покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ.“ „Я слышу, разсказываетъ Гончаровъ, отрывки ихъ разговоровъ, и мнѣ часто казалось, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться“. Такъ же точно представлялся ему и весь неодушевленный міръ; другими словами, Гончаровъ созерцалъ предварительно все, что ни писалъ. Про Райскаго онъ говоритъ: „у него въ головѣ было свое царство цифръ въ образахъ“, и это, вѣроятно, списано имъ съ себя самого, какъ и многое другое въ томъ же дѣйствующемъ лицѣ: не даромъ онъ заставляетъ читать Райскаго-юношу тѣ же книги, какія читалъ самъ, не даромъ и живая часть дѣйствія „Обрыва“ происходитъ на Волгѣ, гдѣ выросъ Гончаровъ. А оживающая мраморная статуя, созданная воображеніемъ Райскаго, развѣ не напоминаетъ только что приведенный отрывокъ изъ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“? Развѣ не напоминаютъ того же слѣдующія слова: Райскій, „вмѣсто того, чтобъ разсуждать, вглядывается въ движеніе народовъ, какъ будто оно передъ глазами“? Словомъ, можно съ увѣренностью признать, что въ „созерцаніяхъ“ Райскаго Гончаровъ описалъ свои собственныя созерцанія. Но этого одного мало, чтобы счесть доказаннымъ то обстоятельство, что Гончаровъ былъ созерцателемъ. У насъ имѣются свидѣтельства самого автора „Обломова“, дополняющія и подтверждающія уже сказанное. Въ авторской исповѣди онъ признается: я „увлекаюсь больше всего своею способностью рисовать;“ творчество его идетъ безсознательно: онъ рѣдко

знаетъ, что собственно значитъ образъ или характеръ, который онъ рисуетъ — онъ только видитъ его „живымъ, передъ собою“. Такъ было, напримѣръ, съ „Обломовымъ“: Гончаровъ написалъ сначала „Сонъ Обломова“ и напечаталъ его, но, благодаря своей чуткости, уже предчувствовалъ, что слѣдуетъ далѣе“. Относительно „Обрыва“ онъ передаетъ, что въ пріѣздъ на Волгу въ 1849 году на него, „какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа“, а потомъ онъ ужъ только „смотрѣлъ и писалъ“, даже не подозрѣвая, что все создаваемое имъ подготовлено предшествующими созерцаніями: „образы, а вмѣстѣ съ ними и намеки на ихъ значеніе, въ зародышѣ, присутствовали во мнѣ и инстинктивно руководили моимъ перомъ“, объясняетъ онъ впослѣдствіи процессъ своего творчества. Далѣе, по его мнѣнію, типы и образы даются художнику безъ его вѣдома и безъ всякихъ усилій съ его стороны.

Таковъ внутренній складъ Гончарова, складъ настоящаго созерцателя, которому вполнѣ соотвѣтствовала его наружность. Вотъ его авторпортреты: „беллетристъ Скудельниковъ какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ чтенію, и къ литературѣ — вообще ко всему вокругъ себя.“ („Литературный вечеръ“). „Полный литераторъ съ апатичнымъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами“ („Обломовъ“). Эти два портрета вполнѣ сходны съ другими описаніями наружности Гончарова: всѣ отмѣчаютъ безстрастность его лица, неподвижность взгляда и словно безучастное отношеніе къ окружающему. Спокойствіе его отразилось и на стилѣ, плавномъ, медленномъ, округленномъ; Гончаровъ писалъ замѣчательно правильно синтаксически и безъ всякихъ внезапныхъ переходовъ или неровностей.

Б.

№ 20.

Савельичъ и Захаръ. („Капитанская дочка“ и „Обломовъ“.)

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Основаніе для сравненія Савельича и Захара.

Изложеніе: Савельичъ и Захаръ.

А. Сходныя черты ихъ характеровъ:
1) преданностъ своимъ господамъ;
2) увѣренность въ ихъ превосходствѣ надъ другими;
3) доброта.

Б. Отличительныя особенности характера Савельича:
1) любовь къ домашней обстановкѣ;
2) почтительное отношеніе къ Гриневымъ;
3) заботы объ ихъ благѣ;
4) самопожертвованіе;
5) трудолюбіе;
6) сознаніе своего собственнаго достоинства.

В. Отличительныя особенности характера Захара и его сходство въ этомъ отношеніи съ Осипомъ:
1) влеченіе къ уличной жизни;
2) грубость въ обращеніи съ господами;
3) наклонность къ воровству и лжи;
4) забота о своемъ личномъ благополучіи;
5) отвращеніе къ труду;
6) упрямство и угрюмость;
7) расточительность;
8) неловкость.

Заключеніе. Савельичъ — типъ русскаго крѣпостного слуги; Захаръ — типъ городской наемной прислуги.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какое громадное вліяніе оказываютъ на духовную организацію человѣка условія его воспитанія и ничѣмъ неизгладимыя, вѣчно живыя впечатлѣнія дѣтства, — той поры нашей жизни, когда мы бываемъ особенно чутки ко всему доброму и злому и когда въ тоже время нашъ умъ еще не въ состояніи различать добра и зла.

Въ эту пору человѣкъ представляетъ изъ себя сырой матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіи формируется нѣчто опредѣленное и нравственно — цѣлое; отъ тѣхъ условій, въ какихъ растетъ и воспитывается ребенокъ, отъ тѣхъ впечатлѣній, какія получаетъ его чуткая молодая душа, и отъ тѣхъ вопросовъ, какіе возникаютъ въ его дѣтской головѣ, — въ сильной степени зависитъ все его будущее въ смыслѣ, конечно, обрисовки его нравственнаго облика. Однимъ словомъ, образованіе характера человѣка почти всецѣло зависитъ отъ той среды, какая его окружаетъ въ дѣтскіе годы, — отъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, какими живетъ эта среда.

На основаніи всего вышесказаннаго можно полагать, что люди, выросшіе въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ и принадлежащіе къ одному и тому же сословію, должны отличаться и одинаковыми чертами характера.

Посмотримъ, насколько вѣрно наше предположеніе. Возьмемъ двѣ личности, выросшія въ совершенно тождественной обстановкѣ и принадлежащія къ одному и тому же сословію. Такими личностями были Савельичъ и Захаръ, — параллельная характеристика коихъ, кстати, и составляетъ предметъ нашего сочиненія. Оба они были крѣпостными дворовыми людьми, принадлежали, слѣдовательно, какъ движимая живая собственность, своимъ господамъ; каждый былъ приставленъ въ качествѣ воспитателя къ молодому барину и оба, наконецъ, были пожалованы въ ихъ камердинеры.

Сравнивая личности Савельича и Захара, мы замѣчаемъ, что въ нихъ довольно много общаго; это общее составляютъ тѣ положительныя черты характера, коими отличались почти всѣ русскіе крѣпостные дворовые затронутой Пушкинымъ и Гончаровымъ въ ихъ произведеніяхъ эпохи, — той эпохи, когда крѣпостная зависимость успѣла уже войти въ плоть и кровь русскаго долготерпѣливаго простонародья. Такъ, въ характерахъ сравниваемыхъ нами личностей прежде всего бросается въ глаза ихъ безусловная, чуть ли не благоговѣйная преданность своимъ господамъ, — преданность тѣмъ болѣе замѣчательная, что сами они (Савельичъ и Захаръ) вовсе не считали ее своимъ достоинствомъ, а смотрѣли на нее, какъ на нѣчто должное и самое обыкновенное.

Чтобы судить о характерѣ этой преданности, достаточно прочесть письмо Савельича къ своему барину, который „из-

волилъ гнѣваться на своего вѣрнаго холопа и называть его старымъ псомъ“ за то, что тотъ не сообщилъ ему о дуэли Петруши со Швабринымъ, — по заслуживающему безусловнаго довѣрія объясненію Савельича, исключительно изъ боязни „испужать матушку барыню Авдотью Васильевну“.

„И изволите вы писать“, говорится, между прочимъ, въ письмѣ старика — Савельича, „что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. Засимъ кланяюсь рабски. Вѣрный холопъ вашъ

Архипъ Савельевъ.“

Такою же самою преданностью своему барину и, можно сказать, воспитаннику, Ильѣ Ильичу отличался и Захаръ. Онъ, напримѣръ, всѣми силами старается избавить своего барина отъ тѣхъ хлопотъ, съ какими сопряжена всякая перемѣна квартиры, — старается тѣмъ болѣе, что видитъ, какъ непріятно дѣйствуетъ на Илью Ильича постоянное напоминаніе управляющаго о необходимости съѣхать на другую квартиру.

„Вы бы написали, сударь, къ хозяину,“ — предлагаетъ Захаръ единственно возможный, по его мнѣнію, выходъ изъ крайне непріятнаго положенія: — „такъ, можетъ быть, онъ бы васъ не тронулъ, а велѣлъ бы сначала вонъ ту квартиру ломать“

Отличаясь безусловною преданностью своимъ господамъ, Савельичъ и Захаръ въ то же самое время не были неискренними: ихъ преданность вытекала не изъ рабскаго страха передъ своимъ господиномъ и не изъ желанія снискать его расположеніе, а была результатомъ того высокаго мнѣнія, какое они составили себѣ относительно своихъ господъ, той увѣренности въ ихъ превосходствѣ надъ другими, которая занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду положительныхъ чертъ ихъ характеровъ.

Такъ, Захаръ „на всѣхъ господъ и гостей, приходившихъ къ Обломову, смотрѣлъ нѣсколько свысока и служилъ имъ, подавалъ чай и проч., съ какимъ-то снисхожденіемъ, какъ будто давалъ имъ чувствовать честь, которою они пользуются, находясь у его барина. Отказывалъ имъ грубовато: — баринъ-де почиваетъ, — говорилъ онъ, надменно оглядывая пришедшаго съ ногъ до головы“.

Послѣднею, уже менѣе важною, общею чертою характеровъ Савельича и Захара является ихъ доброта, которая у послѣдняго доходила до того, что онъ позволялъ ребятишкамъ щипать свои бакенбарды, что, конечно, причиняло ему сильную боль. Но кромѣ указанныхъ выше общихъ чертъ характера, — чертъ, какъ мы успѣли убѣдиться, привлекательныхъ, у каждой изъ анализируемыхъ личностей были свои собственныя, индивидуальныя черты, коими эти личности рѣзко отличались другъ отъ друга.

Такъ Савельичъ представляетъ изъ себя типъ слуги — домочадца, встрѣчавшійся сплошь да рядомъ въ нашей отдаленной провинціи, въ тѣхъ благодатныхъ уголкахъ нашего отечества, гдѣ все основывалось на патріархальной простотѣ. Онъ большой домосѣдъ, прожившій всю свою жизнь подъ кровомъ помѣщичьяго дома, гдѣ-нибудь въ лакейской; его вовсе не тянетъ изъ дому, онъ не знаетъ да и не можетъ себѣ представить новыхъ интересовъ, выходящихъ изъ круга его повседневной будничной жизни.

Будучи домосѣдомъ, Савельичъ отличался почтительнымъ отношеніемъ къ своимъ господамъ, которыхъ считалъ своими благодѣтелями и на которыхъ перенесъ всѣ симпатіи своего мягкаго сердца.

Любовь его къ господамъ отличалась весьма дѣятельнымъ характеромъ. Онъ совершенно отрекся отъ своихъ личныхъ интересовъ для служенія интересамъ своихъ господъ. Его заботы о благѣ своихъ „благодѣтелей“ неоднократно граничатъ съ самопожертвованіемъ. Желая спасти „барское добро“, раскраденное злодѣями, онъ не останавливается даже передъ опасностью, грозившею всякому, кто навлекалъ на себя гнѣвъ Пугачева; видя, что приверженцы самозванца собираются повѣсить Петра Андреича, онъ бросается въ ноги Пугачеву съ мольбой о помилованіи „барскаго дитяти“.

„Отецъ родной!“ — говоритъ бѣдный дядька — „что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели повѣсить хоть меня, старика!“ И это были не пустыя слова, въ ихъ искренности нельзя ни минуты сомнѣваться, такъ какъ Савельичъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ нечеловѣческой жестокостью Пугачева, которую онъ проявлялъ тамъ, гдѣ встрѣчалъ сопротивленіе своей „государевой“ волѣ.

Вотъ все, что неизбѣжно бросается въ глаза даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нравственный обликъ всякаго крѣпостнаго слуги — домочадца, какимъ былъ старикъ — Савельичъ. Если прибавить ко всему вышесказанному еще трудолюбіе, коимъ отличались далеко не всѣ крѣпостные дворовые, да хотя скромное, но въ то же время непоколебимое сознаніе своего собственнаго достоинства, то предъ нами предстанетъ во всей своей величественной цѣлости образъ симпатичнаго старика — Савельича.

Совершенно противоположное впечатлѣніе производятъ на читателя индивидуальныя черты характера слуги Ильи Ильича, Захара. Онъ представляетъ изъ себя типъ, въ коемъ соединились привлекательныя черты деревенской простоты съ отталкивающими привычками, являющимися неизбѣжнымъ плодомъ „трактирной цивилизаціи", которой онъ успѣлъ набраться во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Отрицательными чертами своего характера Захаръ сильно напоминаетъ слугу Хлестакова, Осипа.

Подобно Осипу онъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ уличной жизни, которое окончательно подавило свойственное ему отъ рожденія домосѣдство; въ представленіи о прелестяхъ столичной жизни у Осипа видное мѣсто играетъ прекрасный полъ. „Горничная" — вспоминаетъ отъ — „иной разъ забѣжитъ такая... галантерейное, чортъ побери, обращеніе!" Подобно ему, и Захаръ падокъ на женскій полъ: онъ „бѣгаетъ къ кумѣ подозрительнаго свойства".

Въ обращеніи съ бариномъ Захаръ отличается такою же грубостью, какой отличался Осипъ въ обращеніи съ Хлестаковымъ; вся разница заключается въ томъ, что Осипъ былъ очень низкаго мнѣнія относительно своего барина, тогда какъ Захаръ, какъ мы уже имѣли случай говорить выше, ставилъ Илью Ильича выше всѣхъ остальныхъ господъ.

Какъ Осипъ, такъ и Захаръ заботу о своемъ личномъ благополучіи ставятъ выше господскаго блага. Вслѣдствіе того, они склонны къ воровству и къ его укрывательству, которое, впрочемъ, вытекаетъ не изъ боязни понести должную кару, а скорѣе изъ непреодолимой наклонности ко лжи. Но обворовывая на каждомъ шагу своихъ господъ, какъ Осипъ, такъ и Захаръ ни въ коемъ случаѣ не попустятъ, чтобы посторонніе попользовались барскимъ добромъ.

Такъ, Захаръ ни за что не соглашается отдать Тарантьеву барскій сюртукъ, не соглашается, несмотря на личное разрѣшеніе Ильи Ильича. Указанными нами чертами еще не исчерпывается сходство между Захаромъ и Осипомъ. Ко всему вышесказанному нужно прибавить свойственное имъ обоимъ отвращеніе къ труду, — отвращеніе, доходящее до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

„Захаръ“ — говоритъ Гончаровъ — „начерталъ себѣ однажды навсегда, опредѣленный, очень узкій — прибавимъ мы отъ себя — кругъ дѣятельности, за который добровольно никогда не переступалъ. Онъ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и то платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не то, котораго не спрашивалъ, хоть виси оно десять лѣтъ.

Потомъ онъ мелъ — всякій день однако-жъ — середину комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стояло, чтобы не снимать вещей“. Этимъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, онъ и ограничивалъ кругъ своихъ обязанностей, посвящая все остальное время дреманью на лежанкѣ или болтовнѣ съ Анисьей въ кухнѣ и съ дворней у воротъ. Прибавивъ ко всему сказанному упрямство и угрюмость Захара, его расточительность и смѣшную неловкость, мы получимъ живой образъ слуги Ильи Ильича и всѣхъ ему подобныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ безъ всякаго дѣла въ шумной столицѣ

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что является причиной такого замѣтнаго различія въ характерахъ Савельича и Захара.

Савельичъ, никогда не бывавшій въ столицѣ, сохранилъ въ себѣ чистый типъ русскаго крѣпостного слуги со всею его привлекательной простотой и нравственной цѣльностью; въ Захарѣ „деревенская простота“ соединилась съ „городскимъ благоразуміемъ.“ Онъ съ головой окунулся въ омутъ столичной жизни, предался ея зачастую безнравственнымъ удовольствіямъ, которыя требовали съ его стороны нѣкоторыхъ расходовъ, а это обстоятельство побуждало его къ недобросовѣстнымъ средствамъ для добыванія денегъ. И вотъ изъ него мало-помалу вырабатывается типъ столичной наемной прислуги,—типъ, правду сказать, весьма непривлекательный.

Все хорошее, что мы находимъ въ немъ, является неизгла-

димымъ слѣдомъ его воспитанія и тѣхъ впечатлѣній, которыя оставили въ немъ условія деревенской жизни.

Н. Л.

№ 21.

Вѣра и Ася.

Вступленіе. Причина, вслѣдствіе которой завязкой романа служитъ обыкновенно любовь.

Изложеніе. Характеристика Вѣры и Аси.

I. Вѣры:

1. юморъ и остроуміе,
2. умъ,
3. смѣлость и независимость мысли,
4. молчаливость и замкнутость,
5. самостоятельность,
6. свободолюбіе,
7. осторожность и скупость въ симпатіяхъ,
8. сознаніе долга и религіозность,
9. великодушіе,
10. смѣлость и рѣшимость,
11. самообладаніе.

II. Аси:

1. незрѣлость,
2. отчужденіе отъ всѣхъ,
3. самолюбіе,
4. неестественность и странности,
5. пылкость,
6. исканіе руководителя.

Заключеніе. Вѣра и Ася — одинъ и тотъ же типъ.

Мы знаемъ Вѣру и Асю въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда онѣ любятъ, а поэтому передъ нами раскрываются до самой сокровенной глубины ихъ души. Объяснимся. Завязкой

романа или повѣсти обыкновенно служитъ любовь, потому что во время любви и связанныхъ съ нею волненій и борьбы всего лучше выясняются характеры дѣйствующихъ лицъ, давая возможность автору ярко и выпукло обрисовать и выяснить всѣ положенія взятаго имъ сюжета. Часто случается, что вы знакомы съ даннымъ лицомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и все же вы не знаете ни его характера, ни его убѣжденій. Но стоитъ только ему серьезно полюбить, какъ сразу выходитъ наружу весь его внутреній обликъ. Дѣло тутъ въ томъ, что въ это время человѣкъ живетъ какъ бы удвоенною жизнью, напрягаетъ всѣ свои физическія и духовныя силы, и наблюдателю остается лишь отмѣчать одну за другой выказывающіяся такимъ образомъ черты его характера, чтобы узнать, что за человѣкъ находится подъ его наблюденіемъ. Такъ поступили Тургеневъ и Гончаровъ съ своими героинями; благодаря ихъ методу у Вѣры и Аси не оказывалось ни одной неясной черточки, и онѣ во весь ростъ стоятъ передъ взоромъ читателя, который узнаетъ ихъ такъ же хорошо, какъ знаютъ ихъ авторы „Обрыва“ и „Аси.“

Постараемся сконцентрировать впечатлѣніе отъ знакомства съ этими двумя дѣвушками. У Вѣры прежде всего поражаетъ ея самостоятельность и гордый умъ. Ася — дичокъ и загадочная натура. Вѣра красавица вдвойнѣ: умственно и физически. Точеныя черты лица, великолѣпные темные волосы, бархатный черный взглядъ ослѣпляли всякаго, кто бы ни посмотрѣлъ на нее. Но не одна наружность Вѣры останавливала на себѣ вниманіе. Ея разговоръ блисталъ юморомъ и остроуміемъ, выводы поражали глубиною и шириною захвата мысли, порою проглядывала обширная начитанность — и все это такъ просто, такъ естественно обнаруживалось, что собесѣдникъ отъ одного изумленія переходитъ къ другому, не успѣвая опомниться. Въ то же время невольно чувствовалось, что Вѣра не заимствовала свои выводы и убѣжденія, а выработала ихъ сама, развѣ лишь при посредствѣ чтенія. „Смѣлость, независимость мысли“ сквозили въ каждой фразѣ; быстрота мысли согласовалась съ быстротою взора; гдѣ же не хватало положительныхъ знаній, тамъ приходилъ на помощь безошибочный инстинктъ. Ко всему этому слѣдуетъ добавить обширную память, и тогда станетъ понятнымъ, почему всякій мало-мальски даже развитой человѣкъ падалъ ницъ передъ

сокровищами ума Вѣры. Но Вѣра не сорила этими сокровищами: она отличалась большою молчаливостью и замкнутостью. Послѣднее качество является одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ ея характера. Она любила уединеніе, даже поселилась въ старомъ домѣ отдѣльно отъ бабушки и сестры. Сдѣлала она это еще и потому, что была самостоятельна и свободолюбива въ высшей степени. Послушайте ея разговоры съ Райскимъ и Волоховымъ: какъ она постоянно воевала съ ними изъ-за того, что оба они все хотѣли подчинить себѣ ея волю и умъ! Она защищалась отъ ихъ нападеній при помощи всѣхъ своихъ умственныхъ средствъ; въ спорахъ на каждомъ шагу блещетъ ея остроуміе, жжетъ ея иронія. И отъ бабушки своей она сумѣла встать въ независимое положеніе, потому что хотѣла жить своимъ умомъ, хотѣла быть совершенно свободной. Вѣра поставила себя обособленно отъ всѣхъ и никому не позволяла взять себя въ руки. Почти для всѣхъ она казалась и была непроницаемой, не желая ни предъ кѣмъ раскрывать свою душу и искусно умѣя владѣть собою. Одна только Наташа, жена священника, ея пансіонская подруга, пользовалась ея довѣріемъ, да Тушина она не дичилась. Вѣра была очень „осторожна и скупа въ симпатіяхъ“, такъ какъ хорошо видѣла ничтожество окружающихъ, была очень горда, и боялась ошибиться въ своемъ выборѣ, чтобы послѣ не каяться. Вообще, умъ ея властвовалъ надъ сердцемъ. Вѣдь и Волоховъ „одолѣлъ сердце Вѣры, но не одолѣлъ ея ума и воли.“ Увидѣвъ, что они непримиримо расходятся въ убѣжденіяхъ, Вѣра, несмотря на всю силу своей любви и страсти, порвала съ Волоховымъ. Вотъ какъ она объясняетъ ему, почему полюбила его: „Мнѣ сначала было жалко васъ.... Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что ради меня.... вы поймете жизнь; не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ.... думала, что выйдетъ человѣкъ нужный, сильный.“ Но когда ожиданія Вѣры не оправдались, она переломила себя, правда, съ трудомъ и сильной борьбою. Этому содѣйствовало и сознаніе долга, которое у Вѣры очень крѣпкое: она еще ни слова не сказала бабушкѣ о своемъ знакомствѣ съ Волоховымъ, думая представить его ей, какъ своего жениха; она не могла жить съ нимъ,

не обвѣнчавшись, потому что это несогласно съ ея, религіозными убѣжденіями. А въ Бога и въ церковь Вѣра твердо вѣровала: она искала утѣшенія въ молитвѣ, просила благословенія бабушки, когда ее постигла катастрофа. Не взирая на всю свою гордость, она разсказала бабушкѣ при посредствѣ Райскаго всю исторію своихъ сношеній съ Волоховымъ, ничего не утаивъ, разсказала оттого, что такъ требовалъ ея долгъ, требовала ея правдивая въ высшей степени натура. Поэтому же она не скрыла этого и отъ Тушина, такъ какъ онъ любилъ ее и даже сдѣлалъ ей предложеніе. Тутъ она разбила сердце двухъ любившихъ ее существъ, но въ другихъ случаяхъ она отличалась великодушіемъ и мягкостью: когда она вернулась съ послѣдняго свиданія съ Волоховымъ, то была потрясена до физическаго недомоганія, но, увидѣвъ страданія Райскаго, который только что глубоко обидѣлъ ее, она „забыла всю свою бурю“ и подала ему руку помощи, полила его рану цѣлительнымъ бальзамомъ своего любовнаго участія. Любовью къ Волохову она была захвачена вся; она дышала этой любовью, радовалась и горевала только по поводу этой любви. Здѣсь сказалось все „самоволіе ея мысли и чувства“, вся ея страстность. А сколько надо было рѣшимости и смѣлости, чтобы познакомиться съ отверженнымъ всѣми „Варравой“! Но все это побѣдила Вѣра, отчасти, пожалуй, потому, что всѣ считали это чѣмъ-то ужаснымъ, Вѣра же была упряма и не дорожила общественнымъ мнѣніемъ. Она и вообще была очень смѣла въ своихъ поступкахъ и мысляхъ, отличаясь твердымъ характеромъ и полной самостоятельностью. Вѣра выступаетъ передъ нами готовой, сформировавшейся личностью, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и съ сознаніемъ своихъ правъ и своего положенія въ мірѣ.

Ни подъ какимъ видомъ нельзя сказать того же объ Асѣ, которая еще только чего-то ищетъ, еще совсѣмъ не перебродила. До тринадцати лѣтъ она прожила въ деревнѣ, потомъ четыре года училась въ пансіонѣ, послѣ чего братъ повезъ ее съ собою за границу. Въ деревнѣ она жила въ ненормальныхъ условіяхъ; въ пансіонѣ она сошлась только съ одной „некрасивой, загнанной и бѣдной дѣвушкой“, потому что остальныя ея подруги относились къ ней свысока и не любили ея, а Ася не искала ихъ расположенія, отплачивая имъ тою же монетою, какою онѣ разсчитывались съ нею. Въ пансіонѣ

она поняла, что ничѣмъ, кромѣ умственнаго превосходства, она не можетъ выдвинуться, и принялась лихорадочно читать и учиться, но изъ этого особеннаго толку не вышло, укрѣпилось лишь въ ней сознаніе своей отчужденности отъ другихъ. И Ася стала чрезвычайно самолюбива, чрезвычайно болѣзненно отзывчива на отношенія къ ней окружающихъ. Она дичилась всѣхъ, старалась постоянно играть какую-нибудь роль, вслѣдствіе чего казалась неестественной и странной. Чрезвычайно пылкая — „настоящій порохъ“ по отзыву ея брата, — Ася то была шаловлива до эксцентричности, то надѣвала на себя маску спокойствія и благовоспитанности. Загадочная и холодная для всѣхъ, она дѣлается необычайно откровенной съ тѣмъ, кто заслужилъ ея довѣріе. Съ трогательною наивностью задаетъ она вопросы полюбившемуся ей г-ну Н., спрашиваетъ его совѣтовъ и разъясненій; къ брату своему она тоже полна довѣрія. Но рядомъ съ этимъ Ася безпокоится о впечатлѣніи произведенномъ ею на г-на Н., хотя впрочемъ, тутъ замѣшано безпокойство любящей женщины. Она безпрестанно „уходила“ отъ брата, то на „развалину“, то къ фрау Луизѣ, то еще куда нибудь; но вдругъ съ ней дѣлалось что-то страннное: она внезапно бросалась къ брату, начинала обвинять его въ холодности къ ней, потомъ такъ же внезапно переходила къ горячимъ увѣреніямъ въ своей любви къ нему, обѣщала любить его всегда... Во всемъ этомъ сказывалась ея незрѣлость, броженіе. Но вотъ у нея „выросли крылья, да летѣть некуда“. Ася думала найти руководителя въ г-нѣ Н., тотъ отвергъ ея любовь, и Ася скрылась отъ него навсегда. Въ прощальномъ письмѣ къ нему, послѣ свиданія, она пишетъ: „Вчера, когда я плакала передъ вами, если бъ вы мнѣ сказали одно слово, одно только слово,— я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, такъ лучше... Прощайте навсегда!“ Она разсталась съ любимымъ человѣкомъ, потому что у ней ни одно чувство не было вполовину“, потому что она не нашла у него отдыха отъ того внутренняго безпокойства, которое ее постоянно томило. Она хотѣла пойти за г-номъ Н., хотѣла сдѣлаться подъ его руководствомъ самостоятельной, сильной. „Я думала, отчего это никто не можетъ знать, что съ нимъ будетъ; а иногда и видишь бѣду — да спастись нельзя“, жалуется она ему. „И отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потомъ я думала, что я ничего не знаю, что мнѣ надобно учиться. Меня перевоспитать

надо, я очень дурно воспитана. Я не умѣю играть на фортепіано, не умѣю рисовать, я даже шью плохо". Но г-нъ Н. не далъ Асѣ того, чего она искала.

Вѣра хотѣла на свой манеръ передѣлать Волохова, а Ася думала найти воду живую у г-на Н. — въ этомъ на первый взглядъ можетъ показаться между ними различіе, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи такое различіе исчезнетъ. Воловъ и г-нъ Н. взрослые люди; Вѣра тоже выработавшаяся уже личность, Ася же еще только формируется, поэтому онѣ и относятся различно къ любимымъ людямъ. Вообще же между ними много сходства, такъ какъ это въ сущности одинъ и тотъ же типъ, но въ различные возрасты. Обѣ онѣ обладаютъ глубокими чувствами и яснымъ умомъ, обѣ въ высшей степени свѣтлыя, чистыя личности, обѣ принадлежатъ къ разряду тѣхъ, кто ищетъ пищи духовной. Гончаровъ въ „Лучше поздно, чѣмъ никогда" говоритъ, что Вѣра есть одно изъ развѣтвленій типа пушкинской Татьяны; Асю слѣдуетъ признать другимъ развѣтвленіемъ той же Татьяны, а никакъ не Ольги.

Итакъ намъ кажется, что Вѣра и Ася очень сходны, почти тождественны между собою; это одно лицо, но лишь въ разные возрасты жизни, въ различной обстановкѣ и съ различнымъ воспитаніемъ.

Б.

№ 22.

Базаровъ и Волоховъ.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе. Базаровъ и Волоховъ, какъ прототипы отрицателей въ нашей литературной галлереѣ.

Изложеніе. Базаровъ и Волоховъ. I. Параллельная характеристика:

А. Общія черты характеровъ:

1 умъ и критическое отношеніе ко всему окружающему,
2. самоувѣренность,

3. рѣзкость,
4. безцеремонность въ обращенiи,
5. внѣшняя грубость и скрытая доброта,
6. грубое отношенiе къ любви, къ чувству.

В. Черты противоположныя:

у Базарова		у Волохова
1. честность	—	своеобразное понятiе о честности,
2. правдивость	—	легкое отношенiе ко лжи,
3. гордость	—	отсутствiе уваженiя къ своей особѣ,
4. сила воли	—	слабохарактерность,
5. трудолюбiе	—	безшабашность.

II. Базаровъ и Волоховъ, какъ сознательные члены общества.

Заключенiе. Общественное значенiе нигилизма.

Однимъ изъ наиболѣе рѣзко очерченныхъ типовъ въ произведенiяхъ Тургенева является Базаровъ. Базаровъ — представитель такъ называемаго нигилистическаго направленiя, долго процвѣтавшаго и по сейчасъ оставившаго слѣды въ молодомъ поколѣнiи русскаго общества. Какъ показываетъ самое слово „нигилистъ", послѣдователи этого направленiя не принимали ничего на вѣру, всякое явленiе жизни вообще и въ особенности общественной жизни подвергали строгому критическому анализу, прежде чѣмъ признать принципъ согласнымъ съ логикой и заслуживающимъ уваженiя или фактъ — совершившимся на основанiи мiровыхъ законовъ.

— „Нигилистъ, — говоритъ Аркадiй Кирсановъ, — это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженiемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ."—

Отрицая въ теорiи принципъ, Базаровъ на практикѣ является разрушителемъ всего, въ основу чего положены принципъ, традицiя, предразсудокъ, отожествляемые Базаровымъ. „Я тогда готовъ буду согласиться съ вами, — говоритъ онъ Павлу Петровичу, — когда вы представите мнѣ хоть одно постановленiе въ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанiя". Базаровъ дѣйствуетъ въ силу того, что онъ признаетъ полез-

нымъ; и такъ какъ въ данное время онъ признаетъ полезнѣе всего отрицаніе, — онъ отрицаетъ, отрицаетъ, разрушаетъ все, все гнилое, шаткое, хотя бы и красивое... „Но вѣдь надобно же и строить!" восклицаетъ Павелъ Петровичъ, на что Базаровъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: „Это ужъ не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить."

Не такимъ исключительнымъ отрицателемъ является Маркъ Волоховъ въ романѣ Гончарова „Обрывъ". Онъ такъ же, какъ и Базаровъ, отрицаетъ современный законъ, современное право, религію, собственность, находитъ нужнымъ рушить традиціонный порядокъ, но въ то же время онъ видитъ необходимость и въ созидательной работѣ, у него есть болѣе или менѣе опредѣленные планы и предположенія о будущемъ человѣчества, онъ говоритъ о свободѣ и „грядущей силѣ," о „зарѣ будущаго", „о юныхъ надеждахъ".... Онъ даже занимается усиленной пропагандой своихъ идей, онъ, противъ воли застрявшій въ провинціальной глуши, не оставляетъ мысли объ общественной работѣ, по убѣжденію, и занимается тѣмъ, что „вспрыскиваетъ мозги живой водой", „учитъ дураковъ"...

Общей, однако, является основная черта характера, какъ Базарова, такъ и Волохова,—критическое ко всему окружающему ихъ отношеніе,—черта, которая служитъ какъ нельзя болѣе лучшимъ доказательствомъ того, что оба обладаютъ недюжиннымъ умомъ, трезвымъ разсудкомъ, не поддающимся никакому чувству, не отступающимъ ни передъ вѣрой, ни передъ инстинктомъ. Базаровъ не только не признаетъ состоятельности тѣхъ принциповъ, которые установились и держатся не по очевидной своей необходимости или цѣлесообразности, а просто въ силу традиціи или инстинкта, онъ не признаетъ даже принципа вообще, объясняя съ физіологической точки зрѣнія склонность человѣка поступать въ томъ или другомъ случаѣ такъ или иначе — проявленіемъ того или другого ощущенія. „Принциповъ вообще нѣтъ, — говоритъ онъ, — а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ... Напримѣръ, я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія". Маркъ Волоховъ въ этомъ отношеніи немного расходится съ нимъ. Онъ сознаетъ, какъ и Базаровъ, нелѣпость существованія въ обществѣ многихъ предразсудковъ,

безосновательныхъ, по его мнѣнію, „обычаевъ“, традиціонныхъ положеній, натыкаться на которые приходится на каждомъ шагу, а обходить и избѣгать ихъ не полагается. Но Волоховъ не отрицаетъ принципа, какъ таковаго. У него есть свои убѣжденія: онъ вѣритъ въ свободу, счастье, любовь, онъ сознательно относится къ роли, которую приходится ему играть въ провинціальномъ обществѣ, — что видно изъ его собственныхъ словъ, что онъ „дѣйствуетъ по убѣжденію“ въ ея цѣлесообразности; по убѣжденію, основанному на опытѣ, какъ говоритъ онъ, но все же по убѣжденію, а не „въ силу ощущенія.“ — Базаровъ и Волоховъ умны не только потому, что родились съ усовершенствованнымъ механизмомъ въ головѣ, — нѣтъ, они съумѣли путемъ постоянной работы мысли надъ каждымъ воспринимаемымъ впечатлѣніемъ развить свои умственныя способности и придать имъ такія черты, какъ проницательность, сообразительность, способность къ быстрой и вѣрной оцѣнкѣ всякаго факта, всякаго явленія. Посмотрите, какъ относится Базаровъ къ людямъ, съ которыми ему въ первый разъ приходится сталкиваться, какъ сразу „раскусываетъ“ стариковъ Кирсановыхъ, какъ онъ видитъ насквозь все губернское общество, какъ сознательно смотритъ онъ на свое чувство къ Одинцовой, какъ трезво и глубоко критикуетъ самого себя, какъ, наконецъ, спокойно относится онъ къ близости смерти, съ яснымъ сознаніемъ неизбѣжности ея и безполезности напрасныхъ надеждъ и треволненій. А вѣдь ему не хочется умирать, это видно... Проницательностью, сообразительностью въ большой степени обладаетъ и Волоховъ. Онъ тоже сразу угадываетъ Райскаго, онъ отлично знаетъ всѣхъ въ городѣ и ни передъ кѣмъ не спасуетъ. Съ какой увѣренностью говоритъ онъ Райскому: — Вы не уѣдете... и романа не кончите ни живого, ни бумажнаго... — Гдѣ ему! — онъ неудачникъ! — объясняетъ онъ свои слова недоумѣвающему Козлову.

Самоувѣренность вообще черта, въ одинаковой степени раздѣляемая и Базаровымъ и Волоховымъ. Благодаря ей, ни тотъ ни другой никогда не потеряются и въ самый критическій моментъ будутъ дѣйствовать спокойно, хладнокровно. На вопросъ Аркадія, надѣется ли онъ на себя и высокаго ли онъ о себѣ мнѣнія, Базаровъ отвѣчаетъ: „ когда я встрѣчу чело-

вѣка, который не спасовалъ бы передо мной, тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ“.

Еслибы, однако, Базаровъ и измѣнилъ мнѣніе о своей особѣ, то сомнительно, чтобы онъ сознался въ этомъ: самолюбіе не позволило бы ему. А что онъ самолюбивъ, это видно хотя бы изъ его разговоровъ съ черезчуръ горячащимся Павломъ Петровичемъ и изъ финала этихъ разговоровъ.

Другой общей чертой Базарова и Волохова является ихъ рѣзкость въ сужденіяхъ, или въ осужденіяхъ, вѣрнѣе. Она объясняется тѣмъ, что обоимъ приходится встрѣчаться въ жизни съ массой явленій и фактовъ, ни чѣмъ съ ихъ точки зрѣнія не оправдываемыхъ, не заслуживающихъ никакого снисхожденія, а, напротивъ, откровеннаго, строгаго, а потому и рѣзкаго осужденія. Потому-то Базаровъ и называетъ Павла Петровича, къ великой обидѣ Аркадія, — идіотомъ, потому и Волоховъ говоритъ грубости Райскому, пока еще не совсѣмъ его раскусилъ, и видитъ въ немъ только бездѣльнаго, пустого и развращеннаго свѣтскаго человѣка: ихъ раздражаетъ наличность явленій, нелѣпость и нецѣлесообразность которыхъ для нихъ такъ очевидна. Отчасти злоба, отчасти та же очевидная нелѣпость свѣтскаго этикета заставляютъ ихъ совсѣмъ отбросить такъ называемыя приличія, деликатность, „китайскія церемоніи“. И они не церемонятся, особенно Волоховъ. Припомните сцены его съ Райскимъ: какъ онъ у себя „на квартирѣ“ снимаетъ съ него пальто, какъ требуетъ съ него деньги, какъ, нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, пріятно ему это или непріятно, — говоритъ съ нимъ о Вѣрѣ, о Мароиныхъ, о „бабушкиной морали“. Не стѣсняется онъ ни съ кѣмъ: ни съ Вѣрой, ни съ Тушинымъ, ни, тѣмъ болѣе, съ Козловымъ.

Подъ грубой внѣшностью, однако, и у Базарова и у Волохова скрывается мягкая душа, доброе сердце. Относительно Волохова видно это изъ словъ Козлова: „А вѣдь въ сущности предобрый! — замѣчаетъ онъ про Марка, — когда прихворнешь, ходитъ, какъ нянька, за лѣкарствомъ бѣгаетъ въ аптеку... И чего не знаетъ? Все! Только ничего не дѣлаетъ, да покою никому не даетъ шалунище непроходимый“...

Что въ глубинѣ души Базаровъ добръ при всей его грубости, безсердечности, безжалостной сухости и рѣзкости, — это явствуетъ изъ сцены послѣ дуэли, когда Базаровъ бросаетъ пистолетъ и дѣлаетъ перевязку своему раненному врагу, при чемъ

относится къ нему чрезвычайно участливо. Та же черта Базарова подтверждается въ сценахъ, изображающихъ свиданіе Базарова съ своими родителями, а также въ разговорахъ его съ Аркадіемъ, рисующихъ его отношеніе къ нимъ. Онъ, очевидно, любитъ ихъ, трогается обожаніемъ и заботливостью, которыми они его окружаютъ; о томъ же говоритъ то довѣріе, которымъ пользуется Базаровъ со стороны дворни, деревенскихъ мальчишекъ и, наконецъ, Ѳеничкина первенца.

Привычка ставить на первый планъ знаніе и умъ заставляетъ Базарова критически относиться къ чувству. Мы видимъ, что онъ не вѣритъ въ любовь, какъ привязанность, симпатію, и, объясняя всякое влеченіе или побужденіе физическими ощущеніями, тѣмъ же объясняетъ и любовь. Къ „романтизму“ относится онъ съ явнымъ презрѣніемъ. „По моему, говоритъ Базаровъ, — лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца... Мужчинѣ нѣкогда заниматься такими пустяками, — замѣчаетъ онъ дальше, — мужчина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская пословица“...

— Вотъ, тебѣ, изучай — говоритъ онъ дальше Аркадію, уже жениху, указывая на двухъ галокъ, сидящихъ на заборѣ.

То же самое говоритъ и Волоховъ Вѣрѣ на предпослѣднемъ ихъ свиданіи — „Весь вѣкъ живете въ полѣ, въ лѣсу, и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ... —

Онъ показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ.—„Учитесь у нихъ, они не умничаютъ!“ Одинаково и отношеніе Базарова и Марка Волохова къ той любви, которую признаютъ они. Волоховъ даетъ совѣтъ хватать, ловить на лету счастье, разъ оно идетъ въ руки. То же приблизительно выражаетъ и Базаровъ: „ — Э, да ты, я вижу, Аркадій Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди: цыпъ, цыпъ, цыпъ, курочка, а какъ только курочка начинаетъ приближаться, давай Богъ ноги! — Я не таковъ...“ Понятно отрицательное отношеніе Базарова и Волохова къ браку: постоянство въ любви они считаютъ нелѣпостью.

Таковы сходныя черты характеровъ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Несомнѣнно, однако, что во многомъ они и различаются, какъ уже и было указано выше.

Базаровъ безусловно человѣкъ честный. Можетъ быть, въ теоріи онъ „изъ принципа“ и не придерживается „принципа“ честности, но въ такомъ случаѣ у него есть „ощущеніе“ честности.

„Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей, — говоритъ про Базарова самъ Тургеневъ въ своихъ „Письмахъ“. — А вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ... Если читатель не полюбитъ Базарова со всей его грубостью, безсердечностью — если онъ его не полюбитъ, — повторяю я — я виноватъ и не достигъ своей цѣли... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на гибель, потому что она стоитъ еще въ преддверіи будущаго...“

Нельзя сказать того же о Волоховѣ... Слишкомъ ужъ, можетъ быть, съ различныхъ точекъ зрѣнія смотримъ мы съ нимъ на предметъ, но только нѣкоторые его поступки нельзя назвать честными. Хотя бы поддѣланное имъ письмо къ Райскому, или показаніе, данное имъ безъ согласія Райскаго губернатору относительно присутствія у него, Волохова, нелегальныхъ книгъ, полученныхъ якобы отъ Райскаго. Впрочемъ Волоховъ самъ сознается Райскому, что для него это „ни честно, ни нечестно, а полезно...“

То же можно сказать и о другой столь же неодинаково раздѣляемой ими чертѣ — правдивости. Насколько Базаровъ всегда правдивъ, искрененъ (см. вышеприведенную аттестацію, данную ему авторомъ), настолько Волоховъ способенъ соврать, надуть и даже подвести человѣка, если это ему „полезно...“

Есть и другія несходныя черты.

Базаровъ гордъ. Онъ никому не позволитъ надругаться или надсмѣяться надъ собой. Для примѣра приведемъ слѣдующую выдержку, рисующую настроеніе Базарова послѣ принятаго вызова.

„Павелъ Петровичъ вышелъ, а Базаровъ постоялъ передъ дверью и вдругъ воскликнулъ: „Фу ты, чортъ! какъ красиво, и какъ глупо! Экую мы комедію отломали! Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно; вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы и тогда... (Базаровъ поблѣднѣлъ при одной этой мысли; вся его

гордость такъ и поднялась на дыбы..) — Тогда пришлось-бы задушить его, какъ котенка.“

У Волохова гордость и вообще чувство уваженія къ своей особѣ ни въ чемъ не проявляются, почему можно ему и отказать въ нихъ. Еслибы Волохова побили, то онъ навѣрно не личную обиду почувствовалъ бы, а возмутился бы только надругательствомъ надъ правами и неприкосновенностью личности. Это, конечно, не ставится ему въ вину; скромность не порокъ, а добродѣтель...

Не хватаетъ Волохову и той огромной душевной крѣпости, силы воли, которыми обладаетъ Базаровъ. Вспомните, какъ порвалъ онъ вдругъ путы, непривычно связавшія его съ Одинцовой; вспомните его геройскую смерть, которая, по словамъ автора, „должна была наложить послѣднюю черту на его трагическую фигуру.“ „Базаровъ *) олицетворяетъ ту стихійную силу, во имя которой совершается переходъ отъ стараго къ чему-то новому — великій историческій процессъ въ народной жизни. Вотъ почему, какъ стихійная сила, онъ долженъ быть жестокъ, безпощаденъ и въ то же время величественъ, какъ она; долженъ внушать трепетъ и уваженіе своею мощью.“

Волоховъ является въ этомъ отношеніи почти противоположностью Базарову. Роль, которую играетъ онъ въ „романѣ“ съ Вѣрой, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это. Ему, какъ самъ онъ говоритъ, давно пора исчезнуть изъ города и заняться „работой“ въ другомъ мѣстѣ. Въ необходимости работы онъ убѣжденъ, цѣлесообразность ея подтверждается опытомъ (въ городѣ начали „шевелиться“), и, однако, онъ не можетъ покинуть города изъ-за Вѣры, хотя онъ знаетъ, что, во-первыхъ, врядъ ли ему удастся переубѣдить Вѣру; во-вторыхъ, если и удастся, то это будетъ только счастье нѣсколькихъ мѣсяцевъ для него и совершенно разбитая жизнь для Вѣры.

Тотъ же недостатокъ силы воли, неумѣніе взять себя въ руки дѣлаютъ Волохова неспособнымъ къ усидчивому труду. Онъ ничѣмъ опредѣленнымъ и даже неопредѣленнымъ не занятъ, кромѣ „вспрыскиванія мозговъ живой водой“. И это

---

*) Юнгмейстеръ.

будто бы потому, какъ онъ объясняетъ Райскому, что „поприща, арены для него нѣту“. „ — Я смертельно хочу дѣлать, но — я думаю — не буду — “ откровенно признается онъ. Совсѣмъ не то Базаровъ. Онъ можетъ работать, сколько угодно, и не почувствуетъ ни утомленія, ни необходимости перемѣнить „арену“. Разумѣется, онъ можетъ работать только на поприщѣ, представляющемся ему разумнымъ. Но разъ такой путь найденъ, — ничто не заставитъ его свернуть съ этого пути. Въ этомъ онъ самъ убѣжденъ глубоко, его жизненный опытъ это подтверждаетъ.

Смыслъ олицетворяемой имъ силы ясенъ. Общественная работа его заключается, какъ выше говорилось уже, въ отрицаніи и разрушеніи. Строить пока еще не время — сначала нужно мѣсто расчистить. И созидательная его работа заключается лишь въ расширеніи своихъ научныхъ познаній,—познаній въ области исключительно экспериментальныхъ наукъ, дающихъ неопровержимыя данныя для выясненія несостоятельности принимаемыхъ на вѣру гипотезъ, постановленій, принциповъ. Онъ отрицаетъ, т. е. разрушаетъ старое и расчищаетъ мѣсто, и учится, т. е. подготовляетъ новый, свѣжій матеріалъ для постройки, создадутъ которую грядущія за нимъ поколѣнія, новыя стихійныя силы. Пока же матеріалъ этотъ не готовъ – строить рано. Характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая сцена. „ — ...Переберите всѣ наши сословія, —говоритъ Базаровъ Павлу Петровичу, — да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

—Надо всемъ глумиться, — подхватилъ Павелъ Петровичъ.

—Нѣтъ, лягушекъ рѣзать. Пойдемъ, Аркадій; до свиданья, господа!“

Не такова роль Волохова. Онъ разрушаетъ и на очищенномъ мѣстѣ тотчасъ же возводитъ новую постройку. Такова, по крайней мѣрѣ, цѣль его дѣятельности. Онъ не брезгаетъ даже старымъ матеріаломъ и пускаетъ его въ жизненный оборотъ, лишь спрыснувъ живой водой. Волоховъ нарисованъ, собственно говоря, весьма неясно, какъ „общественный дѣятель“. По отрывочно высказываемымъ имъ мыслямъ нужно заключить, что у него должна быть или должна была быть программа созидательной работы. Въ чемъ заключается эта программа — весьма неясно. Все, что есть въ Волоховѣ опредѣленнаго и положительнаго, принадлежитъ нигилизму.

То, что извѣстно въ нашей литературѣ подъ именемъ нигилизма, представляетъ точное и умѣстное „выраженіе проявившагося историческаго факта“. *) Значеніе этого историческаго факта то, что онъ явился толчкомъ обществу по пути прогресса, чувствительно поколебавъ старые общественные устои, непригодность которыхъ сдѣлалась очевидной, и расчистивъ мѣсто для новыхъ. Провозвѣстникомъ упомянутаго историческаго факта былъ Базаровъ.

В. В.

№ 23.

Лѣнь Обломова, какъ сложное явленіе.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Обломовъ и обломовщина.

Изложеніе. Причины апатіи Обломова:

1. внѣшнее положеніе,
2. воспитаніе,
3. умственный складъ.

Заключеніе. Обломовъ, какъ литературный типъ, и его значеніе.

„Мысль Гончарова — говоритъ Писаревъ въ своей критической статьѣ объ „Обломовѣ“, — мысль Гончарова, проведенная въ его романѣ, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ, но имѣетъ особенное значеніе въ наше время для нашего русскаго общества“. Писаревъ имѣетъ въ виду, конечно, дореформенное время и русское общество эпохи крѣпостного права, павшаго черезъ три года послѣ появленія въ свѣтъ „Обломова“.

---

*) **Тургеневъ.**

Тѣмъ не менѣе, какъ и самъ онъ оговаривается, Обломовъ, какъ литературный типъ, и обломовщина, какъ явленіе психическое и общественное, имѣютъ постоянное и повсемѣстное значеніе. Въ частности же по отношенію къ русскому обществу явленіе это играетъ особую роль, т. к. лѣнь и апатія — болѣе, чѣмъ кому-либо другому, присущія русскому человѣку черты. Въ несложной исторіи жизни или, вѣрнѣе, прозябанія „добряка-лѣнивца“ Обломова, по словамъ Добролюбова, „отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадной строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это — обломовщина; оно служитъ ключомъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени.“

Что же такое представляетъ изъ себя Обломовъ, и что такое обломовщина?

Основная черта характера Обломова — его лѣнь, его полнѣйшая апатія ко всему, что происходитъ на свѣтѣ и что будетъ со временемъ съ нимъ, Обломовымъ, и со всѣми окружающими. Его интересуетъ только то, живъ ли и сытъ ли онъ въ данный моментъ, не мѣшаетъ ли и не безпокоитъ ли его что-нибудь, и можетъ-ли онъ во всякое время выспаться и отдохнуть отъ... физическаго и умственнаго утомленія, вызываемаго ѣдой и ограниченнымъ кругомъ размышленій на тему о суетности и бренности всего мірского. О какомъ-нибудь занятіи, о трудѣ онъ и не думаетъ. Самая мысль о томъ, что онъ, Обломовъ, баринъ, можетъ быть, занятъ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, кажется ему смѣшной; онъ не допускаетъ ея. Чѣмъ-же это объяснить? Обломовъ самъ даетъ отвѣтъ на это. „Развѣ я мечусь, развѣ работаю? — говоритъ онъ Захару во время одного изъ своихъ размышленій вслухъ, — мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не достаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни

разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану-ли я безпокоиться? Изъ-за чего мнѣ?... И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни съ холода, ни съ голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался.“

Такъ вотъ оно что! Оказывается, бездѣйствіе Обломова, по собственному его признанію, проистекаетъ изъ того обстоятельства, что онъ баринъ, и ему ничѣмъ не необходимо заниматься, ни надъ чѣмъ трудиться для того, чтобы поддерживать свое существованіе. А такъ какъ онъ привыкъ наблюдать и интересоваться только тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ поддержанію его благоденствія, то ему и достаточно совершенно того, что онъ ѣстъ вволю, не „худощавъ“ и не „жалокъ на видъ“. Онъ совершенно не понимаетъ, изъ-за чего ему безпокоиться, метаться. Вѣдь онъ „ни разу не натягивалъ себѣ чулокъ на ноги, слава Богу“; вѣдь онъ — баринъ....

„Кто я, что такое? спросите вы, — говоритъ онъ Ивану Матвѣичу, — Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: „баринъ“! Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: — на то наука!“

Обломовъ правъ. Онъ баринъ, — „у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ“, которые дѣлаютъ за него все, работаютъ, трудятся... Они, эти триста Захаровъ, знаютъ, къ чему имъ нужно работать, метаться, безпокоиться. Они знаютъ, что не дѣлай они дѣла — имъ плохо придется—они останутся безъ куска хлѣба и сразу станутъ „худощавы и жалки на видъ“; да вдобавокъ еще выпорютъ ихъ за то, что они не заботятся о благополучіи своего барина... А Обломовъ этого не знаетъ. Впрочемъ, что касается практической стороны жизни, то онъ ничего не знаетъ. Онъ не знаетъ, „что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый“; не знаетъ, „что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ“; онъ не знаетъ, богатъ ли онъ или бѣденъ, будетъ ли онъ черезъ годъ сытъ, или будетъ нищимъ — онъ ничего не знаетъ! И все оттого, что въ жизни не приходилось ему сталкиваться съ этими вопроса-

ми. А сталкиваться не приходилось оттого, что не было необходимости, чему способствовало его внѣшнее положенiе. А внѣшнее положенiе его — „баринъ.“ Но почему же, спроситъ читатель, не могло быть и не было у Обломова охоты къ дѣятельности, къ дѣлу, не смотря на то, что не было для него въ этомъ физической необходимости, т. е. что нисколько не терялъ отъ этого вопросъ о его существованiи? Вопросъ — къ чему трудиться? — разрѣшенъ для него въ отрицательномъ смыслѣ, но — къ чему же тогда жить? Какимъ путемъ могъ человѣкъ притти къ убѣжденiю, что быть здоровымъ, сытымъ и пользоваться покоемъ — совершенно достаточно, что достиженiе этого идеала оправдываетъ назначенiе человѣческой жизни?

Отвѣтъ на это находимъ у Добролюбова.

... „Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторiя его воспитанiя вся служитъ подтвержденiемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать — есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ“.

Припомните исторiю воспитанiя Ильи Ильича, обстановку, въ которой приходилось ему проводить дѣтство, и вы вполнѣ согласитесь съ критикомъ. Припомните день Обломова — четырнадцатилѣтняго мальчика. Захаръ одѣваетъ, обуваетъ его, чешетъ, натягиваетъ куртку, „осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобы не слишкомъ обезпокоить его“, ведетъ его умываться и т. д. Старшiе строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы слуги исполняли каждое желанiе барченка, не позволяютъ ему самому достать, сбѣгать, принести, что ему нужно,— на то есть Ванька, Васька, Захарка, чтобы дѣло дѣлать, а его роль только требовать, да приказывать. Сначала Илья Ильичъ не совсѣмъ понималъ это. Ему иногда хотѣлось самому сдѣлать то, другое; но „послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: Эй Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

Съ малыхъ лѣтъ Илья Ильичъ привыкъ видѣть, что всѣ тяжелыя и нетяжелыя работы исполняютъ „Захары“, что маменька съ папенькой только приказываютъ, да покрикиваютъ, и что за это они пользуются почетомъ и уваженiемъ со стороны тѣхъ же Захаровъ, а что къ Захарамъ относятся, нао-

боротъ, презрительно и не считаютъ ихъ даже за людей. И мальчикъ соображаетъ, что, значитъ, ничего не дѣлать и жить „на чужой счетъ“ — почетно, а трудиться, хлопотать и „заниматься черной работой“ — стыдно и позорно для человѣка, который считаетъ себя бариномъ.

„Понятно, — говоритъ Добролюбовъ, — какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы „никнутъ и увядаютъ“ по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность, и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣніемъ серьёзно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности.“

Созданные тѣмъ же внѣшнимъ положеніемъ и воспитаніемъ „убѣжденія“ и „идеалы“ Обломова носятъ на себѣ отпечатокъ неопредѣленности, недоконченности и черезчуръ поверхностнаго, легкаго отношенія къ жизни. Интересны въ этомъ отношеніи его мечты о деревенской жизни. Онъ часто думаетъ о небольшой колоніи воображаемыхъ друзей, окружающихъ его въ роскошной барской усадьбѣ, гдѣ онъ съ женой и семействомъ наслаждается жизнью. Домъ, окруженный садомъ, паркомъ, клумбами, фонтанами, качелями, каруселями, полный столъ яствъ, вина, фрукты, масса слугъ, кидающихся удовлетворять, приводить въ исполненіе всякую мысль господина, постоянное веселье, объѣданье, прогулки, отдыхъ — однимъ словомъ, пріятное препровожденіе времени — вотъ его идеалъ. Да и то не идеалъ, а мечты, которыя онъ самъ признаетъ несбыточными. Стоитъ ему только немного увлечься и начать мысленно перестроивать свою Обломовку, — какъ моментально онъ чувствуетъ утомленіе, голова склоняется на бокъ и черезъ

минуту уставшій отъ непосильной работы Илья Ильичъ уже дремлетъ, оставивъ неконченными свои планы и разсчеты.

Это все вліяніе усыпленія, апатіи, мало-помалу сковывающей лучшія человѣческія чувства.

— Эта апатія — говоритъ Писаревъ, — составляетъ явленіе общечеловѣческое, она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами, но вездѣ въ ней играетъ главную роль страшный вопросъ — зачѣмъ жить? къ чему трудиться? — вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ неразрѣшенный вопросъ, это неудовлетворенное сомнѣніе, истощаетъ силы, губитъ дѣятельность: у человѣка опускаются руки, и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ съ негодованіемъ и желчью отброситъ отъ себя работу, другой — отложитъ ее въ сторону тихо и лѣниво; одинъ будетъ рваться изъ своего бездѣйствія, негодовать на себя, на людей, искать чего-нибудь, чѣмъ можно было бы наполнить внутреннюю пустоту, апатія его приметъ оттѣнокъ мрачнаго отчаянія, она будетъ перемежаться съ лихорадочными порывами къ безпорядочной дѣятельности и все таки останется апатіей, потому что отнимаетъ у него силы дѣйствовать, чувствовать и жить. У другого равнодушіе къ жизни выразится въ болѣе мягкой, безцвѣтной формѣ; животные инстинкты тихо, безъ борьбы выплывутъ на поверхность души, замрутъ безъ боли высшія стремленія, человѣкъ опустится въ мягкое кресло и заснетъ, наслаждаясь своимъ безмысленнымъ покоемъ, начнется вмѣсто жизни прозябаніе, и въ душѣ человѣка образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волненіе внѣшняго міра, которой не потревожитъ никакой внутренній переворотъ... Во второмъ случаѣ является апатія покорная, мирная, улыбающаяся, безъ стремленія выйти изъ бездѣйствія: это обломовщина, какъ назвалъ ее Гончаровъ, это болѣзнь, развитію которой способствуетъ славянская природа и жизнь нашего общества. — Это второго рода постепенное усыпленіе и есть то явленіе, которое мы наблюдаемъ на Обломовѣ.

У Обломова честное, вѣрное сердце; его умъ способенъ увлечься возвышенными идеями. „Онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія ку-

да то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ". Но воспринять и взростить ихъ не въ состояніи его натура. Онъ не можетъ совмѣстить работу на общественную пользу съ личнымъ удовлетвореніемъ. Идеалъ личнаго счастья для него заключается какъ разъ въ покоѣ и бездѣйствіи, основанномъ на трудѣ и несчастьи другихъ. Пожертвовать своимъ „счастьемъ" ради общей пользы онъ не въ силахъ.

Какимъ образомъ убить сразу двухъ зайцевъ — и своимъ счастьемъ пользоваться и общественную работу дѣлать, — этого Обломовъ не понимаетъ--самъ себѣ растолковать это онъ не въ состояніи, т. к. не привыкъ къ самостоятельному обмозговыванью предметовъ и явленій, объяснить же ему это, ставъ на его точку зрѣнія, никто другой не можетъ. И вотъ Илья Ильичъ, подумавъ немного надъ однимъ вопросомъ, — откладываетъ его въ сторону, рѣшивъ, что это вопросъ неразрѣшимый, такъ же затѣмъ поступаетъ съ другимъ, третьимъ и т. д. Такимъ путемъ „убѣждается" онъ въ томъ, что служить — не стоитъ, т. к. совершенно не для чего переписывать никому не нужныя бумаги, а лебезить передъ начальствомъ, чтобы со временемъ достичь высокаго положенія, — противно и нелѣпо, т. к. положеніе это будетъ фальшивымъ. Точно такъ же не понялъ онъ, „къ чему можетъ послужить ему наука", не подозрѣвая и не будучи въ состояніи понять, что она можетъ сама по себѣ служить цѣлью. Не понялъ и не оцѣнилъ онъ ни общества, ни дружбы, ни любви. „Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ сознательнымъ презрѣніемъ къ муравьиной работѣ людей, убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ за-чего"...

Гончаровъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ „охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его", показалъ, что болѣзненная апатія Обломова не есть только „интересный патологическій случай", но что корни ея глубоко пущены и въ русскую жизнь, и въ русскую исторію. „Анализируйте эту болѣзнь, и вы увидите, что источникъ ея — услуги трехсотъ Захаровъ и легкая, праздная жизнь на чужой счетъ. Обломовъ — высшее, достигнутое въ нашей литературѣ, обобщеніе дореформенной барской Россіи". *)

---

*) Е. Соловьевъ.

„Обломовка, — сказалъ Добролюбовъ, — есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ — всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ нагробное слово Обломовкѣ".

Слова Добролюбова и по сейчасъ не утратили своего значенія, такъ же какъ не потерялъ значенія выведенный Гончаровымъ литературный типъ, характеризующій цѣлую эпоху нашего общественнаго развитія.

В. В.

№ 25.

Петербургскіе чиновники по трилогіи Гончарова и у Гоголя.

Вступленіе. Характеристика жителей Петербурга.

Изложеніе. Характеристика чиновниковъ Гоголя и Гончарова:

I. Чиновники Гоголя:

1. Акакій Акакіевичъ:
   а. невзрачная наружность,
   б. убогая одежда,
   в. безотвѣтность и забитость,
   г. неумѣнье заслужить къ себѣ уваженіе,
   д. слабыя умственныя способности,
   е. преданность своему дѣлу,
   ж. скромность жизненныхъ требованій.
2. Ковалевъ:
   а. заботливость о своей наружности,
   б. высокое мнѣніе о себѣ,
   в. отсутствіе способностей,
   г. умственная недалекость.
3. „Значительное лицо:"
   а. строгость къ подчиненнымъ,
   б. неспособность къ занятію генеральскаго мѣста,
   в. неумѣнье держать себя въ обществѣ,
   г. доброе сердце,

д. легкомысліе.

4. Яичница.

5. Подколесинъ:

а. безволіе,

б. лѣность,

в. робость.

6. Кочкаревъ.

II. Чиновники Гончарова:

1. Алексѣевъ:

а. полное отсутствіе оригинальности,

б. отсутствіе твердой воли,

в. отсутствіе опредѣленныхъ способностей.

2. Тарантьевъ:

а. грубость,

б. большія способности къ построенію теорій и отсутствіе практической жилки,

в. взяточничество,

г. безпринципность.

3. Мухояровъ.

4. Райскій.

5. Обломовъ.

6. Судьбинскій:

а. бюрократическія дарованія;

б. трудолюбіе,

в. узость интересовъ.

7. Акновъ.

8. Адуевъ — дядя.

9. Адуевъ — племянникъ.

Заключеніе. Различіе и сходство между чиновниками Гоголя и Гончарова.

Почти всѣ отзывы о наружности Петербурга и его жителей сводятся къ одному: ихъ упрекаютъ въ холодности и нелюдимости. Это до извѣстной степени вѣрно, такъ какъ петербуржецъ человѣкъ занятой. Военные и чиновники или спѣшатъ на службу, со службы, или торопятся куда-нибудь повеселиться; купеческое сословіе живетъ на европейскую ногу, памятуя, что время — деньги; всѣ же остальные стушевываются передъ этой „чистой“ публикою. Самый большій контин-

генъ петербургскаго населенія составляетъ бюрократія всѣхъ родовъ и ранговъ. Здѣсь находится клавіатура бюрократической машины, управляющей всѣми отправленіями оффиціальной жизни Россіи, здѣсь помѣщаются главныя струны и пружины этой машины. Такимъ образомъ оказывается, что и на Петербургѣ долженъ лежать свой „особый отпечатокъ:“ Петербургъ по преимуществу городъ чиновниковъ. Атмосфера его насквозь пропитана бюрократическимъ духомъ. Интересно поэтому познакомиться съ представителями этого духа, особенно если является возможность сдѣлать это при посредствѣ такихъ художниковъ слова и знатоковъ человѣческой души, какими являются Гоголь и Гончаровъ. Первый изъ упомянутыхъ писателей далъ типы мелкихъ чиновниковъ, второй же преимущественно уже преуспѣвшихъ на служебномъ поприщѣ.

Знаменитый Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ („Шинель“), одинъ изъ неувядаемыхъ шедевровъ пера Гоголя, служитъ чиновникомъ для письма въ одномъ изъ многочисленныхъ департаментовъ Петербурга. Судьба предначертала ему быть вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ, рѣшивъ съ самаго его рожденія за что-то предслѣдовать бѣднаго Акакія Акакіевича. Начнемъ съ имени: Акакій, да еще Акакіевъ — и Башмачкинъ! Какъ ни бились передъ тѣмъ, какъ его окрестить, но не удалось подыскать никакого менѣе страннаго крестнаго имени. Наружность тоже не отличалась красотою или изяществомъ: подслѣповатое, рябое, геморроидальнаго цвѣта лицо увѣнчивалось небольшой лысиной на лбу; ростъ былъ низенькій; на платьѣ вѣчно оказывалось прилипшимъ какое — нибудь перышко или клочекъ сѣна; кромѣ того частенько случалось, что верхняя одежда и шляпа были залиты помоями, выплеснутыми изъ окна какъ разъ въ тотъ моментъ, когда подъ нимъ семенилъ Акакій Акакіевичъ, спѣша въ должность, или обильно посыпаны известкою, упавшею съ новостроющагося дома. Его шинель, называемая насмѣшливыми сослуживцами Башмачкина капотомъ, потеряла всякое сходство съ верхнимъ убранствомъ порядочнаго человѣка, занимающаго казенное мѣсто; а вицмундиръ давнымъ давно принялъ рыжевато-мучной цвѣтъ, вмѣсто узаконеннаго темно-зеленаго. Такой незавидной внѣшности вполнѣ соотвѣтствовалъ внутренній складъ. Тише и безотвѣтнѣе человѣка, кажется, еще не рождалось на этомъ

свѣтѣ. Окружающіе могли, сколько имъ было угодно, острить надъ нимъ; если даже его обсыпали цѣлою кучей мелко-нарѣзанныхъ бумажекъ, и тогда Акакій Акакіевичъ не подавалъ вида, что это ему непріятно. Только когда слишкомъ изводили его, напримѣръ, толкали во время письма подъ руку, препятствуя заниматься любимымъ дѣломъ, онъ выговаривалъ какимъ-то особеннымъ тономъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ Никто въ департаментѣ не оказывалъ ему ни малѣйшаго уваженія; даже курьеры попросту не замѣчали его, словно Акакій Акакіевичъ былъ не чиновникомъ, а чѣмъ-то неодушевленнымъ. Начальство и сослуживцы относились къ нему совершенно, какъ къ машинѣ. Увы! Акакій Акакіевичъ заслужилъ такое отношеніе: одинъ изъ директоровъ, какихъ за долголѣтнюю службу его смѣнилось въ департаментѣ многое множество, попробовалъ занять его болѣе серьезнымъ дѣломъ, чѣмъ переписка; но Акакій Акакіевичъ проявилъ полнѣйшую неспособность обнаружить хоть какую-нибудь осмысленность въ совершеніи предложеннаго ему дѣла, и самъ попросилъ освободить его отъ новой обязанности, пожелавъ возвратиться къ прежнему переписыванію различныхъ бумагъ. Зато переписываніе составляло для него все. Въ мірѣ буквъ и знаковъ онъ былъ своимъ человѣкомъ, относясь къ нимъ, какъ къ хорошимъ знакомымъ; нѣкоторые изъ нихъ были у него даже фаворитами. Писалъ онъ не только въ департаментѣ, по обязанности, но и дома изъ любви къ искусству. Только что успѣвалъ онъ пообѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, какъ уже примащивался переписывать какую-нибудь бумагу, чѣмъ-либо понравившуюся ему, красотою слога либо заглавіемъ. Ложась спать, онъ думалъ лишь о томъ, что то придется ему переписывать завтра? Такъ незатѣйливо шла изо дня въ день его жизнь. Онъ не пользовался никакими удовольствіями: не ходилъ въ гости, не бывалъ въ театрѣ, не ухаживалъ за прекраснымъ поломъ. О своей наружности онъ совсѣмъ не заботился.

Нельзя сказать того же о коллежскомъ асессорѣ Ковалёвѣ („Носъ“), который удѣлялъ очень много времени разсматриванію своей физіономіи въ зеркалѣ и содержанію въ должномъ порядкѣ остальной части собственной особы, безпокоясь о производимомъ имъ впечатлѣніи. Такъ, онъ, величая себя маіоромъ, носилъ всегда замѣчательно чистые и хорошо

накрахмаленные воротники, имѣлъ обыкновеніе ежедневно гулять на Невскомъ проспектѣ, улыбаясь всѣмъ мало-мальски хорошенькимъ дамамъ. Онъ подыскивалъ себѣ мѣсто — вице-губернаторское; если же не удастся вице - губернаторское, то экзекуторское. Относительно женитьбы онъ былъ того мнѣнія, что жениться слѣдуетъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда за невѣстой по меньшей мѣрѣ двѣсти тысячъ приданаго. Знакомствъ онъ успѣлъ заключить нѣсколько, несмотря на недолговременное пребываніе въ Петербургѣ, и притомъ, повидимому, съ матримоніальными цѣлями. Онъ былъ довольно высокаго о себѣ мнѣнія, котораго, въ сущности, не заслуживалъ, такъ какъ не отличался ни особыми способностями, ни значительными умственными средствами. Это видно хотя бы изъ его разговора съ воплощеннымъ въ знатномъ лицѣ носомъ или изъ письма къ Подточиной, отличающихся значительной туманностью и порядочнымъ недомысліемъ.

Тѣмъ же недостаткомъ страдаютъ и остальные гоголевскіе чиновники: „значительное лицо“ („Шинель“) и женихи въ „Женитьбѣ.“ Значительное лицо главнымъ основаніемъ своей служебной системы почиталъ строгость, хотя на самомъ дѣлѣ былъ вовсе не злой человѣкъ. Но, „получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть.“ Съ нимъ случилось довольно обыкновенное явленіе. Пока онъ не достигъ генеральства, до тѣхъ поръ и не выдѣлялся ничѣмъ изъ среды обыкновенныхъ чиновниковъ, былъ какъ всѣ. Но лишь только ему понадобилось проявить личную иниціативу, лишь только онъ сдѣлался отвѣтственнымъ за цѣлый рядъ распоряженій, затрогивающихъ болѣе или менѣе серьезные вопросы, какъ выступила на сцену вся его недалекость. Раньше голосъ его не выдѣлялся изъ общаго хора, теперь ему пришлось выступить solo. Онъ и возмнилъ о себѣ Богъ знаетъ что. Находясь въ обществѣ, гдѣ случались гости ниже его чиномъ, онъ почти все время молчалъ, боясь уронить свое званіе; на службѣ только кричалъ и совсѣмъ запугалъ своихъ подчиненныхъ. Накричалъ онъ и на Акакія Акакіевича, желая показаться во всемъ своемъ олимпійскомъ величіи пріѣхавшему изъ провинціи знакомому; но потомъ раскаялся и даже послалъ къ Башмачкину чиновника узнать, нельзя ли ему помочь на самомъ дѣ-

лѣ. Возвратившійся чиновникъ сообщилъ, что Башмачкинъ уже умеръ; значительное лицо „остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ“. Однако вечеръ, проведенный случайно въ интересномъ обществѣ, изгналъ изъ его памяти непріятный инцидентъ...

Иванъ Павловичъ Яичница („Женитьба“), служащій экзекуторомъ, вѣроятно, не состоитъ подъ начальствомъ такой строгой особы, какой былъ значительное лицо, потому что рѣшился въ присутственное время уйти изъ должности на смотрины невѣсты. Онъ человѣкъ видный, рослый, и характеръ у него не повадливый. На первое мѣсто при выборѣ невѣсты онъ ставитъ приданое и, будучи обманутъ свахой, обѣщаетъ ей за это воздаяніе. Вообще, онъ умѣетъ постоять за себя и въ выраженіяхъ не стѣсняется.

Совсѣмъ не таковъ нерѣшительный въ высшей степени Подколесинъ. Задумавши жениться, онъ заставляетъ цѣлые три мѣсяца ходить къ себѣ сваху, прежде чѣмъ отправляется на смотрины, и то дѣлаетъ это лишь подъ настойчивымъ давленіемъ Кочкарева. Но и тутъ, неожиданно даже для себя самого, въ послѣдній моментъ выпрыгиваетъ изъ окошка въ домѣ невѣсты. Это, что называется, человѣкъ безъ царя въ головѣ, лѣнтяй и лежебока, до извѣстной степени напоминающій Обломова, какъ его пріятель Кочкаревъ Штольца. Вмѣшавшись въ сватовство Подколесина, онъ собирается въ одинъ пріемъ и во что бы то ни стало женитъ его на севершенно незнакомой ни тому, ни другому дѣвушкѣ, хотя самъ совсѣмъ не доволенъ собственнымъ бракомъ. Мы сравнили его со Штольцемъ, имѣя въ виду одинаковую у обоихъ кипучую энергію, но между ними есть и существенное различіе: Штольцу удавались всѣ его предпріятія, между тѣмъ какъ предпріятіе Кочкарева рухнуло съ порядочнымъ трескомъ и срамомъ. Женихъ удралъ отъ невѣсты, да еще какъ! „Еще если бы въ двери выбѣжалъ, — говоритъ сваха, — ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье“!

Близко примыкаетъ къ Подколесину по своей безотвѣтности Алексѣевъ („Обломовъ“). Это человѣкъ совершенно безличный. „Остроумія, оригинальности и другихъ особенностей, какъ особыхъ примѣтъ на тѣлѣ, въ его умѣ нѣтъ“. Ничего

опредѣленнаго, положительнаго о немъ сказать нельзя. Алексѣевъ не уменъ и не глупъ, не дурной и не слишкомъ хорошій человѣкъ, не дуренъ лицомъ и не красивъ. Какъ собесѣдникъ, совсѣмъ не занимателенъ, потому что рѣшительно ничѣмъ не выдѣляется изъ окружающей среды. И въ службѣ онъ не имѣетъ никакихъ спеціальностей, а дѣлаетъ все, и притомъ съ одинаковымъ успѣхомъ, что ему ни дадутъ, и дѣлаетъ какъ-то странно: „начальникъ всегда затрудняется, какъ отозваться о его трудѣ". Никакихъ личныхъ симпатій и антипатій онъ не питаетъ. Словомъ, Алексѣевъ личность совершенно безвольная и безцвѣтная.

Прямой противоположностью ему служитъ Тарантьевъ, особа грубая и довольно темная. Онъ принадлежитъ къ типу Собакевича, съ тою только разницею, что не владѣетъ крѣпостными, которые бы его кормили, и поэтому принужденъ постоянно заботиться о кускѣ хлѣба. А аппетитъ у него основательныхъ размѣровъ, и Тарантьевъ ежедневно употребляетъ всѣ старанія, чтобы попасть на даровой обѣдъ. Это ему тѣмъ болѣе необходимо, что, попавъ еще въ юности на должность писца, онъ не пошелъ по служебной лѣстницѣ далѣе, несмотря на недюжинныя способности въ области рѣшенія всевозможныхъ практическихъ вопросовъ. Теоретикъ онъ замѣчательный, зато практикъ никуда не годный. Самое запутанное положеніе онъ моментально приведетъ въ порядокъ самымъ лучшимъ манеромъ, но какъ только дѣло коснется практическаго осуществленія приготовленнаго плана, и Тарантьевъ начинаетъ совершать одну глупость за другою, и въ результатѣ кончаетъ тѣмъ, что безповоротно портитъ все предпріятіе. Единственно, что ему удавалось — это вымогательство денегъ со всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Взяточникъ въ душѣ и по убѣжденію, Тарантьевъ „ухитрялся брать взятки, за неимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ; какъ и за что". Ловить рыбу въ мутной водѣ было его спеціальностью. Въ этомъ занятіи частенько онъ пользовался услугами Ивана Матвѣича Мухоярова, тоже мелкаго чиновника.

Мухояровъ служилъ въ какомъ-то департаментѣ и помимо службы занимался различными дѣлишками. Такъ, въ компаніи съ Тарантьевымъ и нѣкіимъ Затертымъ онъ взялъ съ Об-

ломова заемное письмо, предварительно напоивъ Илью Ильича, а самъ въ свою очередь взялъ заемное письмо съ своей сестры на ту же сумму, такъ какъ обломовское письмо было написано на ея имя; онъ же вмѣстѣ съ Тарантьевымъ устроилъ посылку Затертаго въ имѣнье Обломова въ качествѣ управляющаго и такимъ образомъ воспользовался большею частью дохода съ имѣнія. На службѣ онъ занимался крючкотворствомъ и взяточничествомъ.

Совсѣмъ иного пошиба чиновниками были за свою кратковременную карьеру Райскій и Обломовъ. Первый пальцемъ о палецъ не желалъ ударить и все время проводилъ въ разсказахъ сослуживцамъ всякихъ анекдотовъ и юмористическихъ происшествій, а второй до поступленія на службу воображалъ, что тамъ ничего не дѣлаютъ, а лишь оказываютъ другъ другу всевозможныя одолженія, что ходить въ должность можно когда и какъ угодно. Какъ же былъ онъ разочарованъ, познакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ! Оказалось, что чиновники обязаны служить вѣрой и правдой, т. е. елико возможно скоро и точно давать отвѣты и заключенія на присылаемыя бумаги, къ дѣлу относиться внимательно, не засылая напримѣръ, пакета въ Архангельскъ вмѣсто Астрахани, или подводя въ запискѣ не тѣ законы и т. п. Обломовъ выдержалъ только два года и затѣмъ ушелъ въ отставку.

Но одинъ изъ сослуживцевъ Обломова, Судьбинскій, преодолѣлъ всѣ эти препятствія и очень быстро достигъ служебныхъ благъ: ему еще только около 35 лѣтъ, но онъ — начальникъ отдѣленія, получаетъ 4950 рублей жалованія, и министръ выразился о немъ, что онъ „украшеніе министерства“. Однако, это дается ему не даромъ: лицо у него сильно потертое, потому что работать приходится по 12 часовъ въ сутки; онъ „и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ для всего въ мірѣ“, кромѣ своей службы. Однимъ словомъ, Судьбинскій типичный чинуша, для котораго вся вселенная умѣщается въ канцеляріи, а всѣ интересы сосредочены на окладахъ, наградахъ, да на служебномъ движеніи. Онъ совершенно доволенъ ареной своей дѣятельности и въ этомъ сходится съ Аяновымъ („Обрывъ“).

Послѣднему 45 лѣтъ отъ роду. Онъ принятъ въ высшемъ обществѣ и несмотря на не слишкомъ выдающеяся трудолю-

біе, тоже преуспѣлъ. Занятій у него немного — больше приватныхъ, чѣмъ служебныхъ, но жалованье онъ получаетъ очень хорошее, и положеніе его также недурно. Аяновъ истый петербуржецъ во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ: ему трудно и странно покинуть родной городъ даже для лѣченья. Онъ съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой дѣлаетъ свое дѣло, никуда не уклоняясь и не стремясь.

Но дѣйствительный статскій совѣтникъ Адуевъ („Обыкновенная исторія") и внѣ службы имѣетъ занятіе: онъ владѣетъ стекляннымъ заводомъ и участвуетъ въ другихъ предпріятіяхъ. Энергіи у него хоть отбавляй, здраваго смысла — тоже, но зато онъ абсолютно лишенъ чувства. Адуевъ цѣликомъ ушелъ въ практическую дѣятельность, позабывъ о существованіи души и сердца какъ у себя самого, такъ и у другихъ. Больше всего на свѣтѣ онъ не любитъ нѣжностей, вѣшанья на шею. Характерны въ этомъ отношеніи его разговоры съ племянникомъ, гдѣ онъ на каждомъ шагу проситъ его „закрыть клапанъ". Весь день у него занятъ всевозможными дѣлами. Вообще, практическая жилка развита въ немъ чрезвычайно сильно; онъ даже и женится потому, что пришло для этого время и подвернулась какъ разъ подходящая партія.

Племянникъ его, Александръ, въ началѣ своего знакомства съ нимъ не можетъ понять „холодности" дяди вездѣ и всюду. Онъ мечется во всѣ стороны, бросаетъ службу и уѣзжаетъ въ деревню, но потомъ возвращается въ Петербургъ и тутъ-то начинаетъ дѣлать карьеру и фортуну. Послѣднее обстоятельство разсказано Гончаровымъ въ эпилогѣ къ роману и не подходитъ ко всему предыдущему въ смыслѣ вѣрности въ изображеніи выведеннаго имъ типа. Александръ романа и Александръ эпилога — разные люди, въ чемъ признается и самъ авторъ, поэтому и мы не станемъ дальше останавливаться на разборѣ этого лица, а перейдемъ къ общей сравнительной характеристикѣ чиновниковъ, обрисованныхъ обоими писателями.

Чиновники Гоголя сильно разнятся отъ чиновниковъ Гончарова. Если даже откинуть Аянова, Судьбинскаго и Адуевыхъ, то и тогда будетъ трудно провести параллель между остальными. Среди Гончаровскихъ чиновниковъ встрѣчаются взяточники, у Гоголя ихъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ онъ объ

этомъ не упоминаетъ *). Далѣе, Башмачкинъ не совсѣмъ нормаленъ умственно: у Гончарова нѣтъ ни одного подобнаго лица. Но главное отличіе ихъ заключается въ слѣдующемъ: чиновники Гоголя, не смотря на весь реализмъ его изображеній, какъ бы оторваны отъ дѣйствительности. Мы почти все узнаемъ о нихъ отъ автора, тогда какъ сами они не сообщаютъ намъ никакихъ данныхъ для характеристики — они только дополняютъ и уясняютъ сказанное Гоголемъ. Возьмемъ для примѣра Яичницу. Авторъ ничего не говоритъ о немъ, вслѣдствіе чего образъ этого чиновника нельзя назвать слишкомъ яркимъ, потому что довольно подробно нарисованная внѣшность и кой-какіе штрихи изъ внутренняго міра Яичницы не даютъ намъ права точно и опредѣленно высказываться о немъ. Правда, знакомство наше съ нимъ довольно кратковременно, но сравните его съ Мухояровымъ: послѣдняго мы наблюдаемъ не дольше, чѣмъ Яичницу, но сразу можемъ сказать, что онъ отъявленный мошенникъ, крючкотворъ, взяточникъ и т. п. Такъ же и со всѣми чиновниками Гончарова. Гончаровъ тоже говоритъ отъ себя о своихъ персонажахъ, но помимо того онъ съ достаточной ясностью обрисовываетъ ихъ въ разговорахъ, ведущихся между ними и другими лицами, въ изображеніи ихъ обыденной жизни. Всѣ вообще герои Гончарова болѣе замѣшаны въ „гущу жизни", чѣмъ герои Гоголя; это же, разумѣется, относится и въ частности къ чиновникамъ. Итакъ, главное различіе между чиновниками двухъ взятыхъ нами писателей зиждется въ разницѣ ихъ изображенія. Конечно, это является слѣдствіемъ несходства литературныхъ дарованій Гоголя и Гончарова.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что чиновники обоихъ писателей живутъ въ различныя эпохи, что не могло не отразиться на ихъ личностяхъ. Но отраженіе эпохъ не отличается ясностью.

Сходство тѣхъ и другихъ чиновниковъ замѣтно только въ одномъ: они одинаково страдаютъ узостью кругозора, ограниченнаго стѣнами ихъ департаментовъ и канцелярій.

Б.

---

*) Исключеніе составляютъ полицейскіе въ „Носѣ".

№ 26.

Юморъ Гончарова въ сопоставленіи двухъ Адуевыхъ.

Вступленіе. Сравнительная характеристика Адуева — дяди и Адуева—племянника.
Изложеніе. Юмористическое сопоставленіе обоихъ Адуевыхъ:
1. ихъ убѣжденій,
2. ихъ міровоззрѣній,
3. ихъ характеровъ.
Заключеніе. Опредѣленіе юмора Гончарова.

Трудно представить себѣ двухъ болѣе различныхъ людей, чѣмъ дядя и племянникъ Адуевы. Первый—образецъ енергіи, предпріимчивости, здраваго и холоднаго ума, а второй—мечтатель, тихоня, а подчасъ и лѣнтяй; первый –уравновѣшенный и твердый человѣкъ, второй—мягкая и безпокойная личность. Петръ Ивановичъ къ 35-ти годамъ достигъ мѣста чиновника особыхъ порученій при важномъ лицѣ и нѣсколькихъ ленточекъ въ петлицѣ фрака, „жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько же лошадей.“ Служебныя занятія не мѣшали ему быть однимъ изъ трехъ совладѣльцевъ хорошо поставленнаго стекляннаго и фарвороваго завода подъ Петербургомъ. Въ обществѣ онъ былъ хорошо принятъ, наружность у него была представительная, владѣлъ онъ собою хорошо и умѣлъ отлично держаться, а 37-ми лѣтъ отъ роду съ расчетомъ и выгодно женился. Александръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 20-ти съ небольшимъ лѣтъ, потому что ему надоѣло жить въ деревнѣ и его что-то влекло куда-то, но на самомъ дѣлѣ самъ не зная зачѣмъ. Если бы не дядюшка, онъ и на службу не попалъ бы. Но, начавъ по протекціи Петра Ивановича служить и будучи принятъ въ составъ одной изъ редакцій, онъ поминутно увлекался. То ему приглянется какая-нибудь дѣвушка или интересная вдовушка, или просто хандра найдетъ, и Александръ цѣлыми недѣлями, а то и мѣсяцами ничего не дѣлаетъ серьезнаго; на него даже не производитъ впечатлѣнія, когда его обходятъ мѣстомъ либо чиномъ. Онъ былъ способенъ цѣлое лѣто провести въ компаніи съ тупицей от-

ставнымъ чиновникомъ въ занятіяхъ рыбной ловлей, говорить съ нимъ о всякихъ пустякахъ, а пуще всего молчать, лежа на диванѣ и ни о чемъ не думая. Такъ жилъ онъ въ Петербургѣ въ теченіи восьми лѣтъ, когда вернулся въ свою деревню, чтобы окончательно погрузиться въ пучину обломовщины *). Нѣтъ ничего страннаго, что разговоры и столкновенія между этими двумя родственниками полны истиннаго юмора. У нихъ столько различія, столько противорѣчія въ характерахъ, что неизбѣжны постоянныя, въ высшей степени комическія недоразумѣнія и взаимныя непониманія—послѣднее главнымъ образомъ со стороны Александра.

Характеренъ въ этомъ отношеніи ихъ первый разговоръ. Адуевъ—младшій только что пріѣхалъ изъ захолустья, за полторы тысячи верстъ, въ столицу. Онъ уже кончилъ курсъ въ университетѣ, слѣдовательно, пожилъ въ большомъ городѣ, знаетъ три новыхъ иностранныхъ языка до такой степени, что можетъ переводить для печати серьезныя сочиненія, но складъ ума и понятій у него чисто деревенскій. Онъ привыкъ уважать старшихъ, не относясь критически къ нимъ, привыкъ считать дружбу и любовь возвышенными, неземными чувствами, и вдругъ дядя огорашиваетъ его разъ за разомъ такими рѣчами: „Тетушкѣ твоей пора бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ.“ „У васъ еще не перевелись такіе ослы?“ спрашиваетъ онъ далѣе про одного помѣщика. Гончаровъ сознаетъ самъ весь комизмъ предыдущей бесѣды и замѣчаетъ: „Александра сразили эти отзывы,“ что подбавляетъ еще больше юмору въ его разсказъ. Онъ и въ другихъ мѣстахъ щедро сыплетъ смѣшными описаніями дѣйствій и выраженій лица обоихъ собесѣдниковъ. Вотъ для образца нѣсколько такихъ фразъ: „У дяди начали подниматься брови и расширяться глаза.... Дядя сморщился и покачалъ головою....— „Поцѣлуй Наденьки! о, какая высокая, небесная награда!“—почти заревѣлъ Александръ.. .—„Не близко, не близко, Александръ, закрой клапанъ!“—заговорилъ Петръ Ивановичъ, увидя, какіе большіе глаза сдѣлалъ племянникъ, и проворно придвинулъ къ себѣ разныя мелкія вещицы, бюстики, фигурки, часы и чернильни-

*) Мы оставляемъ въ сторонѣ эпилогъ къ „Обыкновенной исторіи.“

цу.... Петръ Ивановичъ сдѣлалъ кислую мину....—„Не о фарфорѣ рѣчь, дядюшка; вы слышали, что я сказалъ?“—грозно перебилъ Александръ.—М-м-мъ!—промычалъ утвердительно дядя, обгладывая косточку....“ Всѣ эти реплики отъ автора комичны сами по себѣ, но въ связи съ цѣлымъ составляютъ высокоюмористическую концепцію, при чтеніи которой никто не можетъ удержаться отъ искренняго смѣха. Помимо такихъ замѣчаній, Гончаровъ заставляетъ своихъ героевъ обозначить глупую сантиментальность на любовной почвѣ словечкомъ „желтыя цвѣты,“ каждый разъ обставляя его комичными подробностями. Желтые цвѣты дѣлаются bête noir сначала племянника, а потомъ и дядюшки, да и читатель встрѣчаетъ ихъ, какъ хорошаго знакомаго, одно появленіе котораго вызываетъ смѣхъ. Но главнымъ юмористическимъ элементомъ „Обыкновенной исторіи“ остаются самые разговоры дяди съ племянникомъ. Петръ Иванычъ не ходитъ за словомъ въ карманъ, на каждомъ шагу употребляя „словечки“, и въ надлежащій моментъ окачиваетъ холодной водою монологи и изліянія Александра. При чтеніи писемъ провинціальныхъ родственниковъ и знакомыхъ онъ только удивлялся ихъ глупости и отсталости: какъ же должны были поразить его рѣчи племянника, получившаго университетское образованіе. А вѣдь тотъ говорилъ одну „дикость“ за другою, притомъ особымъ возвышеннымъ слогомъ, позаимствованнымъ у профессора эстетики. Съ собою Александръ привезъ цѣлую кипу проектовъ, стиховъ и прозаическихъ упражненій и всѣмъ этимъ собирался угостить петербургскаго дядю. Петръ Ивановичъ выпросилъ ихъ себѣ, чтобы.... передать слугѣ, которому, была нужна бумага для оклейки чего-то. Кромѣ тучнаго портфеля Александръ запасся разными вещественными знаками невещественныхъ отношеній; и знаки дядюшка поспѣшилъ выбросить за окно, а письмомъ къ дѣвушкѣ, взаимной возвышенной любовью которой пользовался Александръ, закурилъ свою сигару. Племянникъ собрался жить въ Петербургѣ, срывая цвѣты удовольствій; а дядя доказалъ ему, что для этого необходимы средства, въ пятьдесятъ разъ превышающія привезенныя имъ; въ моменты отдыха между срываньемъ двухъ цвѣтковъ племянникъ намѣревался заняться писательствомъ и составленіемъ проектовъ, долженствующихъ предначертать благо родинѣ, а дядя принесъ ему для перевода статью о назёмѣ и о карто-

фельной патокѣ, проекты же посовѣтовалъ запрятать подальше, чтобы никто и не пронюхалъ о нихъ. О службѣ Александръ былъ такого мнѣнія:— „Вотъ бы на первый разъ мѣсто столоначальника хорошо. Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, а тамъ, мѣсяца черѐзъ два, можно бы и въ начальники отдѣленій.

Дядя навострилъ уши.

— Конечно, конечно! — сказалъ онъ: — потомъ черезъ три мѣсяца въ директоры: ну, а тамъ черезъ годъ и въ министры: такъ, что ли?"

И Александръ началъ служить, какъ начинаютъ всѣ.

Неоднократно Петръ Ивановичъ ловилъ своего племянника на разныхъ неточностяхъ, если выражаться мягко. Таковъ, напримѣръ, разговоръ ихъ по поводу Тафаевой, когда дядя выводилъ на свѣжую воду Александра. Подъ конецъ „Александръ былъ какъ въ пыткѣ. Со лба капали крупныя капли пота. Онъ едва слышалъ, что говорилъ дядя, и не смѣлъ взглянуть ни на него, ни на тетку." До такой степени много юмору въ этомъ разговорѣ, до такой степени смѣшенъ Александръ, поневолѣ соглашающійся съ ироническими замѣчаніями дяди, что въ который бы разъ вы ни перечитывали „Обыкновенной исторіи," вы неизмѣнно смѣетесь. Гончаровъ вообще былъ мастеръ сочинять разговоры, но въ разговорахъ двухъ Адуевыхъ онъ превзошелъ самъ себя. Тутъ такая бездна остроумія, юмора, наблюдательности, что только диву даешься.

Юморъ обыкновенно появляется при сопоставленіи двухъ противоположностей. Въ то время, какъ комизмъ есть по преимуществу смѣхъ умственный, т. е. человѣкъ смѣется подъ вліяніемъ зрѣлища паденія идеи, отступленія дѣйствительности отъ нормы,—юморъ соединяется съ симпатическимъ чувствомъ къ лицу, попавшему подъ его лучъ; таковъ смѣхъ Диккенса. Юморъ зачастую бываетъ связанъ съ комизмомъ, но въ неравныхъ пропорціяхъ. У Гоголя, напримѣръ, количество комизма превышаетъ количество юмора; у него замѣчается любовь къ „дальнему," т. е. къ лицу, которое не находится съ нимъ въ близкомъ соприкосновленіи. Извѣстно, что онъ писалъ „Мертвыя души," Записки сумасшедшаго" и нѣк. др. свои произведенія за границей, „изъ прекраснаго далека;" да и могъ ли онъ любить или симпатизировать Сквозникъ-Дму-

хановскому, Хлестакову, Чичикову, Собакевичу? Совсѣмъ не то у Гончарова. Онъ во взятомъ нами случаѣ изображаетъ своихъ героевъ чисто юмористически, относясь къ нимъ со свойственной ему высокой объективностью. И тѣмъ сильнѣе блещетъ со строкъ „Обыкновенной исторіи" юморъ. Правда, къ этому юмору нельзя приложить гоголевскаго опредѣленія, которое гласитъ, что онъ „озираетъ жизнь сквозь видный міру смѣхъ, и незримыя, невѣдомыя міру слезы," но это опредѣленіе само по себѣ слишкомъ узко. Дѣло въ томъ, что юморъ останавливается на серьезной сторонѣ уклоняющагося отъ нормы явленія или, обратно, показываетъ смѣшное тамъ, гдѣ всѣ видятъ серьезное. Складъ понятій Александра очень и очень многимъ могъ показаться самымъ обыденнымъ, естественнымъ; тоже слѣдуетъ сказать и объ убѣжденіяхъ Адуева — старшаго. Но Гончаровъ, посредствомъ сопоставленія, доказалъ, насколько тѣ и другія непормальны, и тѣмъ достигъ юмористической окраски нѣкоторыхъ эпизодовъ своего романа. Его юморъ въ изображеніи двухъ Адуевыхъ по справедливости можно назвать образцомъ истиннаго юмора, того юмора, который формулируютъ, какъ возвышенное въ комическомъ.

Б.

№ 27

Гоголь и Гончаровъ въ ихъ отношеніяхъ къ изображенному ими идиллическому міру.

(„Старосвѣтскіе помѣщики" и „Сонъ Обломова")

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Опредѣленіе идилліи и ея исторія.

Изложеніе. Изображеніе идиллической жизни у Гоголя и Гончарова.

А. „Старосвѣтскіе помѣщики:"

1. „Старосвѣтскіе помѣщики," какъ прекрасный образецъ идилліи;

2. изображеніе пошлой жизни „уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень“ и
3. юмористическій характеръ его.

Б. „Сонъ Обломова:“
1. „Сонъ Обломова,“ какъ прекрасный образецъ идилліи;
2. изображеніе „растительной“ жизни обитателей „Обломовки“ и
3. объективный характеръ его.

Заключеніе. Условія личной жизни Гоголя и Гончарова, какъ основная причина различія въ изображеніи идиллической жизни.

Идилліей (отъ Εἶδος видъ, εἰδύλλιον—картинка), по опредѣленію теоріи словесности, называется небольшой поэтическій разсказъ, въ которомъ изображается скромный бытъ простыхъ, близкихъ къ природѣ людей.

Этотъ родъ поэтическихъ произведеній возникъ въ древней Греціи въ то время, когда сильное развитіе городской жизни, приторно-утонченная цивилизація и роскошь, плодъ близкаго знакомства съ Востокомъ, далеко уклонили человѣка отъ жизни, согласной съ законами природы, отъ естественности и простоты.

Въ такое время обыкновенно съ новою силой пробуждается свойственное человѣку стремленіе къ простой обстановкѣ жизни и къ простымъ естественнымъ чувствамъ,—стремленіе secundum naturam vivere.

То же самое было въ Римѣ, во время Августа, и во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія.

Впрочемъ, въ послѣдней идиллія утратила свой первоначальный характеръ и обратилась въ одинъ изъ видовъ ложно-классическихъ произведеній.

Что касается нашей отечественной литературы, то въ ней прекрасными образцами идилліи могутъ служить повѣсть Гоголя „Старосвѣтскіе помѣщики“ и отрывокъ изъ романа Гончарова „Обломовъ,“ подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова.“

Оба эти произведенія могутъ и должны быть отнесены къ числу идиллій, какъ по своему содержанію, такъ главнымъ образомъ, по характерамъ выведенныхъ въ нихъ лицъ.

Обратимся къ каждому изъ приведенныхъ образцовъ въ отдѣльности.

Повѣсть Гоголя „Старосвѣтскіе помѣщики“ можетъ и должна быть названа идилліей потому, что яркими красками рисуетъ скромную жизнь „уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень,“ — ту пошлую жизнь, „гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами.“ Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей — читаемъ дальше у Гоголя — „такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсто желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ...“

Но при всей своей, можетъ быть, привлекательной буколической простотѣ жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ въ то же время слишкомъ пошла, — пошла потому, что лишена какихъ бы то ни было возвышенныхъ интересовъ и стремленій.

Аѳанасій Ивановичъ и его достойная супруга Пульхерія Ивановна Товстогубы совершенно изолировались отъ всего остального міра и обрекли себя на чисто животное существованіе среди дышащей обиліемъ малороссійской природы.

Они, несмотря на свое интеллигентное происхожденіе, въ умственномъ отношеніи стояли нисколько не выше подчиненныхъ имъ крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Интересы Аѳанасія Ивановича ограничивались вкуснымъ и обильнымъ столомъ, мягкой и теплой постелью; Пульхеріи Ивановны—заботами о доставленіи мужу того и другого. Аѳанасій Ивановичъ, по словамъ автора повѣсти, очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; „все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ.“

Чѣмъ же занималась эта почтенная помѣщица?

— „Хозяйство Пульхеріи Ивановны“ — говоритъ Гоголь — „состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разло-

женъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще, на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки...“

Всей этой благодати или, какъ выражается самъ авторъ, „дряни“ приготовлялась такая масса, что одинъ только невѣроятный аппетитъ дворовыхъ дѣвокъ спасалъ помѣщичій дворъ отъ буквальнаго затопленія. Правда, онѣ такъ ужасно объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на свои животы.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна, по недостатку свободнаго времени, вовсе не входила.

Слѣдствіемъ этого было то, что приказчикъ въ союзѣ съ войтомъ обкрадывали своихъ господъ немилосерднымъ образомъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ жизнь и дѣятельность нашихъ добрыхъ старичковъ. Жизнь эта, какъ видите пошла и безсодержательна, слишкомъ даже безсодержательна.

„Пошлые, низкіе люди!“ — скажетъ почти всякій по прочтеніи гоголевской повѣсти.

„Бѣдные, добрые старики!!“ — говоритъ авторъ, разсказывая о постигшемъ Товстогубовъ несчастіи, — которое было плодомъ исключительно низкаго уровня ихъ умственнаго и нравственнаго развитія.

Такое отношеніе къ „падшимъ“ является характерной чертой лиры нашего великаго юмориста и привлекаетъ на его сторону симпатіи всѣхъ гуманныхъ людей.

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ прославилъ я свободу
И къ падшимъ милость призывалъ“.

Эти слова пушкинскаго „памятника“ вполнѣ примѣнимы къ Гоголю. Конечно, въ словахъ „добрые старички“, кромѣ искры сочувствія и прощенія, есть весьма значительная доля ироніи, но той чисто гоголевской, хорошо знакомой читателю ироніи, какою проникнуты всѣ его произведенія, начиная съ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ вплоть до „Петербургскихъ

повѣстей“,—того видимаго міру смѣха, сквозь который силились и не могли прорваться невидимыя, незримыя для пустого и холоднаго міра, но свинцово-тяжелыя слезы. „Горькимъ словомъ моимъ посмѣются“—вырѣзано на могильномъ памятникѣ великаго русскаго юмориста.

Эти слова пророка Іереміи лучше всего характеризуютъ отношеніе автора „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ къ изображенному въ нихъ идиллическому міру.

Такимъ образомъ, мы довольно обстоятельно разобрали первый изъ приведенныхъ нами въ предисловіи образцовъ русской идилліи: прежде всего, нами выяснены причины, вслѣдствіе коихъ повѣсть Гоголя „Старосвѣтскіе помѣщики“ можетъ и должна называться идилліей, во-вторыхъ, мы познакомили благосклоннаго читателя съ характерами дѣйствующихъ въ ней лицъ и, наконецъ,—что для насъ важнѣе всего, — опредѣлили отношеніе автора къ рисуемой имъ „тинѣ и мелочи“ человѣческой жизни.

Переходимъ теперь къ отрывку изъ романа Гончарова „Обломовъ“, подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова“, — отрывку, представляющему собою болѣе совершенный образецъ русской идилліи, чѣмъ „Старосвѣтскіе помѣщики.“

Въ этомъ отрывкѣ авторъ рисуетъ простую, близкую къ природѣ, „растительную“ и — правду сказать — до отвращенія пошлую и низменную жизнь обитателей захолустной „Обломовки.“

Старикъ Обломовъ цѣлое утро проводитъ у окна, ведущаго на широкій барскій дворъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми хозяйственными отправленіями. Дѣлаетъ это почтенный помѣщикъ исключительно въ интересахъ своего живота, удовлетвореніе требованій коего ставитъ выше всего на свѣтѣ.

—„Эй баба! Баба! Куда ходила?“ — кричитъ старикъ въ слѣдъ прошедшей мимо окна бабѣ.

—„Въ погребъ, батюшка,“—говоритъ она, останавливаясь и, прикрывъ глаза рукой, глядитъ на окно: „молока къ столу достать.“

—„Ну, иди, иди!“ — отвѣчаетъ баринъ.—„Да смотри, не пролей молоко-то.“

Въ такихъ работахъ незамѣтно проходило утро и наступалъ часъ обѣда. Тутъ обломовцы оживлялись и пожинали плоды своихъ собственныхъ трудовъ, — трудовъ до поту лица. Нужно сказать, что кухня и обѣдъ составляли главный предметъ работъ въ описываемомъ нами благословенномъ уголкѣ земнаго шара.

„Объ обѣдѣ“—читаемъ въ романѣ—„совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу.

Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуждался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки.“

Такимъ образомъ жизнь обломовцевъ очень мало отличается отъ жизни „старосвѣтскихъ“ помѣщиковъ: какъ у Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной, такъ и въ Обломовкѣ забота о пищѣ стояла на первомъ планѣ, весь смыслъ жизни диктовался интересами чисто гастрономическаго характера.

Послѣ сытнаго обѣда, во время котораго всѣ участники и участницы наѣдались до сопѣнія, въ домѣ воцарялась мертвая тишина, такъ какъ наступилъ часъ всеобщаго „послѣобѣденнаго“ сна.

„Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады.“

Правда, старики Обломовы давали своему сынишкѣ кое-какое образованіе, но дѣлали они это не потому, что сознавали пользу и необходимость науки, а такъ, по установившемуся у дворянъ странному, на ихъ взглядъ, обыкновенію. Всѣ посылаютъ дѣтей учиться, вонъ, и сверстникъ Ильюши Штольцъ учится, — стало быть, нужно и съ своимъ сынишкой продѣлать ту же комедію: вѣдь, Обломовы не хуже другихъ.

Сдѣланнымъ нами выше разборомъ „Сна Обломова“ мы и ограничимся въ своемъ сочиненіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Гончарова къ добрякамъ—обло-

мовцамъ и къ ихъ пошлой жизни и въ заключеніе постараемся хотя отчасти выяснить причины различія между нимъ и Гоголемъ въ ихъ отношеніяхъ къ изображенному ими въ разобранныхъ нами произведеніяхъ идиллическому міру.

Личность Гончарова, какъ мы видимъ изъ романа, никогда не даетъ почувствовать своего присутствія. Онъ не смѣется, хотя бы „сквозь слезы,“ видя всю мелочность и пошлость, до какой можетъ дойти „подлецъ“ человѣкъ; онъ не произноситъ надъ своими героями авторскаго суда, не выдвигаетъ ни ихъ достоинствъ ни ихъ недостатковъ,—онъ „спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва,“ — все потому, что онъ созерцатель. *)

Что же выработало изъ творца „Обломова“ созерцателя и нѣтъ ли какой-либо другой причины его объективнаго отношенія къ пошлой жизни обломовцевъ?

— Гончаровъ, долгое время жилъ въ Симбирскѣ, гдѣ у его родителей былъ большой деревянный домъ съ садомъ и всѣми угодьями. Этотъ домъ представлялъ изъ себя ту же Обломовку, только въ миніатюрѣ: здѣсь царили тѣже порядки, что и въ домѣ родителей Ильи Ильича, люди жили почти тѣми же интересами.

Когда Гончаровъ писалъ свой „Сонъ Обломова,“ появившійся въ печати значительно раньше самого романа, онъ хотѣлъ въ прекрасномъ литературномъ отрывкѣ увѣковѣчить свои дѣтскія, всегда дорогія мягкому сердцу воспоминанія. Вотъ почему онъ и не можетъ произнести суда надъ обломовцами, — не можетъ потому, что судъ этотъ былъ бы не въ ихъ пользу; кромѣ того, для него, человѣка добраго и мечтательнаго, было дорого и пріятно все, что напоминало ему дѣтскіе годы, его родину:

„И дымъ отечества намъ сладокъ
и пріятенъ!“

Совершенно въ иныхъ условіяхъ росъ и воспитывался авторъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ.“ Отецъ Гоголя, Ва-

---

*) Ср. сочиненіе на тему: „Гончаровъ—созерцатель“.
Авторъ.

силій Аѳанасьевичъ, былъ человѣкъ образованный и не безъ дарованія и обнаруживалъ большія эстетическія наклонности: любилъ красоту природы, пѣніе соловьевъ, любилъ украшать свой обширный садъ изящными гротиками и бесѣдками, заботился объ изяществѣ и въ своемъ домѣ. Онъ былъ великолѣпный разсказчикъ и любилъ литературныя занятія: писалъ стихи и комедіи — шутки.

Послѣднимъ историки украинской литературы отводятъ видное мѣсто. *)

Вообще всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о семьѣ, въ которой росъ и воспитывался Гоголь, даютъ намъ право представлять себѣ эту семью очень доброю, религіозною, нравственно чистою и въ то же время не лишенною высокихъ умственныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, совершенно различныя условія личной жизни и были главной, основной причиной того, что изъ Гоголя выработался писатель — юмористъ, а изъ Гончарова — объективистъ, созерцатель.

На ту же причину слѣдуетъ указать и при объясненіи рѣзкаго различія въ изображеніи ими идиллической жизни.

Н. Л.

№ 28.

Эскизы Обломова и Штольца въ Гоголевскомъ наслѣдіи.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Обломовъ и Штольцъ, какъ представители двухъ типическихъ группъ нашей литературной галлереи.

Изложеніе. Эскизы героевъ Гончарова у Гоголя:

1. Андрей Иванычъ Тентетниковъ, какъ прототипъ Ильи Ильича Обломова.
2. Обломовскія черты въ Подколесинѣ.
3. Лѣнь Обломова и скука Платонова („Мертвыя души“.)

---

*) Изъ біографіи Н. В. Гоголя.

4. Обломовъ и Маниловъ, какъ хозяева.
5. Штольцъ и Костанжогло.
6. Штольцъ и Муразовъ.

Заключенiе: Неудача въ обрисовкѣ положительныхъ типовъ у Гоголя и Гончарова, и обломовщина,—какъ ея причина.

Обломовъ и Штольцъ—не новыя лица въ нашей литературѣ, особенно Обломовъ.

Добролюбовъ первый понялъ и указалъ на близкое родство Обломова съ Онѣгинымъ, Печоринымъ, Тентетниковымъ даже Бельтовымъ и Рудинымъ. Всѣ они выражаютъ одно и то же общественное явленiе, особенно просто и естественно охарактеризованное въ романѣ Гончарова и тщательно проанализированное Добролюбовымъ,—явленiе, извѣстное подъ именемъ обломовщины. Сущность обломовщины заключается въ томъ, что герои-обломовцы никакъ не могутъ найти себѣ подходящаго занятiя или, вѣрнѣе, не умѣютъ соразмѣрить и принoровить свои силы къ какой—либо положительной продуктивной дѣятельности; между тѣмъ они смутно или опредѣленно чувствуютъ нравственную необходимость существованiя для нихъ такого постояннаго дѣла и потому „страдаютъ" и тяготятся своимъ положенiемъ. Иногда они ясно сознаютъ, за что мучитъ ихъ совѣсть,—иногда это „мученiе" выражается только въ неопредѣленной тоскѣ и скукѣ. Типъ обломовца въ литературѣ знакомъ всякому, особенно русскому. Кто привыкъ болѣе или менѣе внимательно наблюдать дѣйствительность и проводить паралелль между жизнью и художественной литературой, тому навѣрное приходилось встрѣчать обломовцевъ и въ натурѣ. Интересно въ этомъ отношенiи припомнить слѣдующiя слова Гоголя, относящiяся къ характеристикѣ Тентетникова: „Андрей Ивановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки, и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать"...

Эти—то самые бывшiе увальни, лежебоки и байбаки переименовались съ теченiемъ времени и жизни въ Обломовыхъ. Они, положимъ, стали болѣе образованными и культурными людьми, расширились вмѣстѣ съ возрастающими потребностями

общества и ихъ личные запросы, но силъ и умѣнья у нихъ не прибавилось; зато они больше находятъ доводовъ въ свое оправданіе и защиту.

Портретъ Штольца также былъ извѣстенъ въ литературѣ до появленія Обломова. Обыкновенно, довольно неопредѣленный, неясный за бѣдностью матеріала въ оригиналѣ, Штольцъ выражаетъ собою неутомимаго, энергичнаго дѣятеля, идеальнаго хозяина, честнаго, справедливаго гражданина и человѣка, не отказывающаго въ помощи, человѣка, не понимающаго, какимъ образомъ можно проводить время, не будучи занятымъ опредѣленнымъ дѣломъ, однимъ словомъ, человѣка, представляющаго прямую противоположность обломовцу.

Русское общество ко времени Гоголя и Гончарова не достигло еще того развитія, при которомъ типъ такого дѣятеля установился бы вполнѣ и могъ бы быть очерченъ художникомъ живо и рельефно. Потому и понятно, что, какъ у Гоголя Костанжогло и Муразовъ, такъ у Гончарова Штольцъ являются людьми далеко недоросшими до идеала русскаго общественнаго дѣятеля. „Литература, — по мнѣнію Добролюбова, — не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни.

Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаются).“

Перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію самаго близкаго къ Обломову типа—Тентетникову. Гоголь, конечно, не такъ много мѣста удѣляетъ Тентетникову, какъ Гончаровъ Обломову, т. к. Тентетниковъ лишь второстепенное лицо въ поэмѣ; тѣмъ не менѣе даже въ планѣ характеристики того и другого замѣчается сходство.

Такъ же, какъ и у Гончарова, Гоголь описываетъ сначала день Андрея Ивановича, начиная съ поздняго пробужденія. Подобно Ильѣ Ильичу, Андрей Иванычъ никакъ не можетъ собраться встать — потягивается, протираетъ глаза, заставляетъ часами стоять съ умывальникомъ своего человѣка. Наконецъ, онъ подымается, облекается въ халатъ и туфли, пьетъ чай, сначала горячій, потомъ холодный, кофе, молоко, куритъ

трубку, смотритъ въ окно, какъ бранится буфетчикъ съ ключницей, играетъ самъ съ собой въ шашки и, наконецъ, принимается за работу: онъ пишетъ серьезное сочиненіе, „долженствовавшее обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философской, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность.“ Работа, однако, ограничивается тѣмъ, что изгрызается перо и на бумагѣ являются рисунки и, такимъ образомъ, колоссальное предпріятіе ограничивается обдумываніемъ. „Что дѣлалось потомъ до самого ужина, — продолжаетъ авторъ,—право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.“

Выяснивъ затѣмъ основную причину такого препровожденія времени—характеръ героя, — авторъ, наградивъ его отъ себя нѣсколькими эпитетами, задается вопросомъ, какъ могъ создаться такой характеръ, и отвѣчаетъ на него цѣлымъ повѣствованіемъ. „Родятся-ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово обстанавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства.“ Далѣе слѣдуетъ, согласно обѣщанію, подробная біографія Андрея Иваныча.

Затѣмъ начинается „дѣйствіе:“ появляется на сцену Чичиковъ, генералъ Бетрищевъ, Улинька и т. д.

Не тотъ ли же планъ видимъ мы и въ „Обломовѣ?“

Сперва опять таки наблюдаемъ мы, какъ проходитъ день у Ильи Ильича, съ тѣми же подробностями вставанья, одѣванья и ничего недѣланья.

Познакомившись съ гостями Обломова и съ его гостепріимствомъ, читатель также, какъ и въ „Мертвыхъ Душахъ,“ встрѣчаетъ подробное описаніе дѣтства и воспитанія Илюши. Затѣмъ опять начинается дѣйствіе романа.

Воспитаніе Тентетникова мало чѣмъ отличается отъ обломовскаго: сначала дома, потомъ въ училищѣ у дѣльнаго педагога.

Илюша тоже курсъ ученія проходитъ подъ руководствомъ недурного учителя, нѣмца Штольца. Оба сначала мечтаютъ о блестящемъ будущемъ, о службѣ, а поступивъ на службу, разочаровываются, ссорятся съ начальствомъ и выходятъ въ отставку. Тентетниковъ поступаетъ такъ отчасти подъ вліяніемъ двухъ какихъ—то „огорченныхъ людей,“ которые, „разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣ-

чать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ раньше и не думалъ обращать вниманіе.“ Обломовъ своимъ умомъ доходитъ до того, что, если служба отечеству заключается лишь въ переписываньи красивымъ почеркомъ никому не нужныхъ бумагъ, то служить не стоитъ, тѣмъ болѣе, что ему прислуживаться тошно. Тентетниковъ, бросивъ службу, удаляется къ себѣ въ деревню съ благимъ намѣреніемъ приносить пользу отечеству, заботясь „о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ ему людей“ и представляя государству „триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ.“ Онъ, кромѣ того, пишетъ упомянутое уже выше колоссальное сочиненіе. Все это, разумѣется, лишь благіе порывы. У Ильи Ильича и порывовъ нѣтъ. Онъ совершенно не понимаетъ, къ чему „они всѣ“ мечутся, бѣгаютъ, безпокоятся. Не проще ли лежать и спать цѣлый день. Объ отношеніи своемъ къ крестьянамъ, о которыхъ „хочетъ“ заботиться Тентетниковъ, у Обломова вполнѣ опредѣленное мнѣніе: онъ — баринъ, а они — слуги. Въ любви Тентетниковъ, какъ и Обломовъ, нерѣшителенъ, не энергиченъ: малѣйшая непріятность заставляетъ его опустить руки; ясно, что здѣсь именно нерѣшительность, неумѣнье дѣйствовать; — самолюбіе его, очевидно, не особенно затронуто, т. к. на предложеніе Чичикова онъ соглашается.

Таковъ Тентетниковъ и таково отношеніе его къ Обломову.

Много обломовщины и въ другомъ гоголевскомъ героѣ— въ Подколесинѣ. То же лежанье на боку съ трубкой, тѣ же планы, которые никакъ не могутъ осуществиться. Та же боязнь отважиться на рѣшительный шагъ — женитьбу. Конечно, Подколесинъ гораздо менѣе образованный и культурный человѣкъ, нежели Илья Ильичъ или Тентетниковъ, но все же между ними много общаго. Сцена X перваго дѣйствія, гдѣ Подколесинъ говоритъ со своимъ Степаномъ, очень напоминаетъ такую же сцену разговора Обломова съ Захаромъ; Степанъ только почтительнѣе. На той же почвѣ, что и обломовская лѣнь, развилась безусловно „скука“ Платонова, зятя Костанжогло. Такъ же, какъ и Обломовъ, съ дѣтства обезпеченный, совершенно не привыкшій за отсутствіемъ необходимости къ труду, Платоновъ ничего не дѣлаетъ. Управлять приносящимъ ему огромный доходъ имѣніемъ ему не приходится, т. к. хозяйствомъ всецѣло занятъ его старшій братъ. Другого дѣла найти Платоновъ не можетъ, и ему скучно, все скучно; всѣ

знакомыя мѣста и люди ему пріѣлись, а уѣхать куда—нибудь онъ не въ состояніи: лѣнь подняться съ мѣста.

О Платоновѣ, впрочемъ, сказать много нельзя, т. к. ему и авторъ удѣляетъ немного мѣста и словъ.

Интересно указать еще на обломовскія же черты у Манилова. Вспомните его отношеніе къ веденію хозяйства или хотя бы обстановку въ домѣ Манилова. „Въ его кабинетѣ всегда лежала какая—то книжка, заложенная закладкой на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ вотъ ужъ два года. Въ домѣ его чего—нибудь вѣчно не доставало: въ гостинной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянутыя просто рогожею;...—въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели.“ Тѣ же дефекты замѣчаются и въ комнатѣ Обломова, только не въ такихъ размѣрахъ: все же то — деревня, а это — столица. „Опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ, однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти decorum неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграціозными стульями краснаго дерева, гладкими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало... По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобы отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями для записыванья на нихъ по пыли какихъ нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.“

Не смотря на то, что Маниловъ—постоянный деревенскій житель, Обломовъ же живетъ въ городѣ, отношеніе ихъ къ управленію имѣньемъ одно и то же. У Манилова хозяйство „идетъ какъ то само собою“; онъ имъ „нельзя сказать, чтобы занимался, даже никогда не ѣздилъ на поля“. Всѣмъ заправляетъ плутъ-приказчикъ, на котораго Маниловъ совершенно полагается. „Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать“,—заявляетъ приказчикъ. — Да, недурно, — отвѣчаетъ баринъ.—Да, именно,

недурно,—повторяетъ онъ. Впрочемъ, приказчикъ у него и самъ больше спитъ, да чай пьетъ, и въ хозяйствѣ все идетъ вверхъ дномъ. Маниловъ совершенно не знаетъ, въ какомъ положеніи его хозяйство, сколько у него душъ крестьянъ и много ли умерло, такъ что на вопросы Чичикова отвѣчаетъ: „А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика.“ Дальнѣйшіе переговоры при помощи явившагося „правителя“ обнаруживаютъ полное невѣдѣніе Манилова о томъ, что у него происходитъ, и совершенную солидарность его съ мнѣніемъ приказчика. Приказчикъ отвѣчаетъ на задаваемые Чичиковымъ вопросы чрезвычайно неопредѣленно, Маниловъ же только поддакиваетъ ему во всемъ до смѣшного.

Припомните признаніе Ильи Ильича Обломова въ томъ, что онъ ничего не знаетъ относительно веденія хозяйства вообще и о своемъ имѣніи въ частности. „Я ничего не знаю“— говоритъ онъ,—слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку.“ Дѣйствительно, онъ не знаетъ, что такое барщина, сельскій трудъ, что такое бѣдный мужикъ, что богатый, онъ не знаетъ, что такое четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ и когда продаютъ.

Въ такомъ же блаженномъ невѣдѣніи находится и Маниловъ. Тѣмъ не менѣе оба сознаютъ неудовлетворительность настоящаго положенія имѣнья и строютъ въ головѣ блестящіе планы и проэкты грандіозныхъ преобразованій. Обломовъ занятъ этимъ почти цѣлый день. Маниловъ иногда только, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, мечтаетъ о томъ, „какъ бы то хорошо было, еслибы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или черезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ.“

Если припомнить мечты Обломова объ идеальномъ препровожденіи времени въ деревнѣ, въ имѣньи, и если принять во вниманіе, что проэктируемыя имъ поѣздки къ предполагаемымъ друзьямъ и на охоту сильно утомляли бы его, то безъ преувеличенья можно сказать, что счастливая жизнь Манилова на лонѣ природы, въ обществѣ молодой и миловидной жены удобнаго халата и неизмѣнной трубки, можетъ быть названа обломовскимъ идеаломъ. Дѣйствительно, вспомните „любимую мысль“

Обломова „о маленькой колоніи друзей, которые поселятся въ деревенькахъ и фермахъ, въ пятнадцати или двадцати верстахъ отъ его деревни, какъ попеременно будутъ съезжаться каждый день другъ къ другу въ гости, обедать, ужинать, танцовать; ясные дни, ясныя лица, безъ заботъ и морщинъ, смеющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ довольнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ, вечное лето, вечное веселье, сладкая еда, да сладкая лень...“

Разве не заключаетъ маниловщина всехъ этихъ прелестей? Конечно, да, и нельзя не согласиться, что Маниловъ и Обломовъ весьма съ родни другъ другу...

Проведемъ дальше другую параллель: между Штольцемъ и Костанжогло, какъ двумя представителями одного и того же „направленія.“ Очевидно, какъ Гоголь, создавая Костанжогло, такъ и Гончаровъ, рисуя Штольца, имели въ виду совершенно противоположный Обломову типъ, — типъ помещика — практика, делового и энергичнаго, у котораго дело такъ и кипитъ и спорится въ рукахъ. Костанжогло является даже более практическимъ человекомъ, нежели Штольцъ: тотъ все таки путешествуетъ, бываетъ и за границей, и въ Петербурге нередко, Костанжогло же, не переставая, работаетъ у себя въ деревне, безвыездно сидитъ тамъ, но за то и по истине творитъ чудеса. Чичиковъ прямо пораженъ, когда узнаетъ, какъ Костанжогло изъ никому не нужнаго хлама получаетъ десятки тысячъ рублей, только потому, что онъ одинъ постигаетъ, какъ извлечь пользу, доходъ изъ того, что другимъ кажется ни къ чему не нужнымъ, а въ сущности содержитъ скрытую ценность. Благодаря многолетнему опыту у Костанжогло создалась целая своя собственная финансовая теорія, которую онъ не основываетъ ни на какихъ научныхъ данныхъ (онъ даже осмеиваетъ ученыхъ политико-экономовъ), а исключительно пользуется указаніями своего опыта, своей практики. И здесь онъ поражаетъ Чичикова убедительностью и ясностью своихъ доводовъ. Въ этомъ отношеніи Штольцъ немного расходится съ нимъ: онъ не такъ скептически относится къ научнымъ изследованіемъ въ какой бы то ни было области знанія и вообще представляется более образованнымъ, цивилизованнымъ человекомъ, нежели Костанжогло. Впрочемъ, какъ тотъ, такъ и другой не особенно отчетливо вырисовываются въ романе и, кажутся, даже изображенными неестественно.

Разсужденія Костанжогло для насъ кажутся такими же непонятными и чудесными, какъ и для Чичикова; мы готовы только вмѣстѣ съ нимъ поражаться и преклоняться передъ геніальнымъ хозяиномъ — предпринимателемъ, постичь же ихъ сокровенный смыслъ, найти эту „мудрость управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрость извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ“ — „истину,“ которую такъ старательно вылавливаетъ изъ рѣчей Костанжогло Чичиковъ — ее найти мы не въ состояніи. Не понимаемъ мы и Штольца,—какъ идеалъ русскаго общественнаго дѣятеля. Штольцъ не доросъ до него.

„Да и нельзя еще: рано,—говоритъ Добролюбовъ.—Теперь еще—хотя будь семи пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности—можешь, пожалуй, быть добродѣтельнымъ откупщикомъ Муразовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Костанжогло, — но далѣе не пойдешь.... не онъ, — заключаетъ Добролюбовъ характеристику Штольца,—тотъ человѣкъ, который съумѣетъ на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ всемогущее слово: „впередъ!“

Не тотъ человѣкъ и Костанжогло.

Что касается Муразова, то онъ является чистымъ резонеромъ въ поэмѣ. Общность его со Штольцемъ заключается лишь въ томъ, что и онъ, какъ и Штольцъ, долженъ былъ изобразить идеальнаго человѣка и дѣятеля на пользу общества. Это, конечно, не удалось Гоголю. Не удалось по тѣмъ же причинамъ, по какимъ Штольцъ не удался Гончарову.

Все вышесказанное приводитъ къ довольно печальному заключенію: удача въ обрисовкѣ отрицательныхъ типовъ, какъ нельзя болѣе реально и характерно выступающихъ въ произведеніяхъ Гоголя и Гончарова, и неудачные результаты попытки вывести въ романѣ типъ болѣе или менѣе положительный указываютъ, какъ мало было въ русскомъ обществѣ до половины прошлаго столѣтія матеріала для выработки литературнаго типа положительнаго общественнаго дѣятеля, какъ глубоки были корни, пущенные обломовщиной, и какіе обильные она принесла плоды.

В. В.

№ 29.

Различіе въ отношеніяхъ Пушкина, Гоголя и Гончарова къ изображаемой ими дѣйствительности.

ПЛАНЪ.

Вступленіе: Безпристрастное фотографированіе жизни, какъ идеалъ художественнаго изображенія дѣйствительности.

Изложеніе: 1. Различныя точки зрѣнія на жизнь у
Пушкина,
Гоголя и
Гончарова, и
2. проистекающее отсюда различіе въ обрисовкѣ типовъ,— въ пониманіи общественныхъ явленій.

Заключеніе: Поворотъ въ литературѣ въ періодъ отъ Пушкина до Гончарова.

Безпристрастное фотографированіе жизни, говоримъ мы,— идеалъ художественнаго изображенія дѣйствительности. Каждый встрѣчаемый нами въ жизни типъ, всякое общественное явленіе или явленіе природы, всякій предметъ, наконецъ, производитъ на насъ извѣстное впечатлѣніе; опираясь на тѣ или другіе признаки и свойства даннаго предмета, мы объясняемъ себѣ такъ или иначе причины и возникающіе послѣдствія его существованія.

Разъ изображаемый предметъ обладаетъ и на бумагѣ совокупностью тѣхъ признаковъ, тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется онъ въ дѣйствительности, то онъ производитъ на насъ то же впечатлѣніе, наводитъ на тѣ же мысли, что и оригиналъ, съ котораго снята копія, и въ этомъ отношеніи цѣль художника достигнута. Безъ сомнѣнія, однако, въ достоинство литературному произведенію и въ обязанность автору его должно быть вмѣнено останавливать вниманіе читателя преимущественно на тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для выработки и пополненія нашего міросозерцанія, будь то явленія положительныя или отри-

цательныя. Это единственно допустимая искусственность въ художественномъ произведенiи. Во всемъ прочемъ писатель долженъ придерживаться безусловнаго сходства явленiя изображаемаго съ находящимся въ жизни.

Въ этомъ отношенiи идеальнымъ художникомъ является Гончаровъ. Онъ, по словамъ Добролюбова, — не даетъ и по видимому не хочетъ дать никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философiи, а прямо цѣлью. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какiе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображенiе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ...

Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты... Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ, неизвѣстно, какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаетъ передъ вами и роза и соловей со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки... Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ... „И напрасно было бы прибавлять, думаетъ онъ: — если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?...“

Трезвое, безпристрастное отношенiе къ изображаемой дѣйствительности, безъ суда и оцѣнки автора, возможно полное и точное до подробностей ея воспроизведенiе, —вотъ что требуется отъ художника.

Уклоненiя въ ту и другую сторону при оптимистическомъ или, наоборотъ, черезчуръ, пессимистическомъ взглядѣ на жизнь влечетъ за собой неполное соотвѣтствiе дѣйствительности и художественнаго произведенiя. Гончарова можно поставить

между двумя другими великими русскими художниками, въ одинаковой степени вѣрно рисовавшими русскую дѣйствительность, но относительно точекъ зрѣнія ударившимися въ противоположныя стороны. Мы говоримъ о Пушкинѣ и Гоголѣ. И тотъ и другой такъ же, какъ и Гончаровъ, были по преимуществу художниками, но, кромѣ того, у первыхъ двухъ воспроизведеніе дѣйствительности нашло рѣзко—индивидуальную окраску. Съ одной стороны, къ особеннымъ свойствамъ поэзіи Пушкина принадлежитъ, по словамъ Бѣлинскаго,—ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Не смотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему „человѣкомъ". Не смотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго. И все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ. Придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство." Общій колоритъ поэзіи Пушкина,—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ,—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность."

Слова нашего великаго критика какъ нельзя лучше подтверждаютъ предположеніе, что Пушкинъ черезчуръ оптимистично смотрѣлъ на міръ и на жизнь, почему и творчество его получило соотвѣтствующую окраску.

Съ другой стороны, Гоголь въ противоположность Пушкину отличался міровоззрѣніемъ мрачнаго характера. Гоголь не могъ найти никакого положительнаго идеала и даже положительной стороны жизни. Вездѣ онъ видѣлъ одну пошлость, всѣ люди для него являлись пошляками и мерзавцами. Такое пессимистическое отношеніе къ жизни, къ человѣку, опять—таки не могло не отразиться на его поэзіи. Будучи глубоко увѣренъ и въ своей собственной нравственной испорченности, Гоголь такимъ образомъ описывалъ процессъ своего творчества: „...я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ

званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало.

Еслибы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать только то, что, когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ,“ въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи — онъ же былъ охотникъ до смѣха, — началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Господи, какъ грустна наша Россія!...“

Гончаровъ представлялъ полную противоположность, какъ Пушкину съ его проповѣдью гуманности, такъ и Гоголю съ его желчной сатирой. Гончаровъ, — какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Бѣлинскій послѣ выхода въ свѣтъ „Обыкновенной исторіи, — Гончаровъ — поэтъ, художникъ больше ничего; у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю, онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ.

Спокойный, ровный по натурѣ, Гончаровъ не понималъ „исканія правды жизни, этого проповѣдническаго жара.“ Любилъ онъ жизнь тихую, „съ постепеннымъ движеніемъ впередъ.“ Старая русская жизнь съ ея патріархальнымъ строемъ, ясной, строго опредѣленной очерченностью привлекательной; казалась ему, какъ художнику, наоборотъ, новая стихійная волна молодого поколѣнія ему не нравилась и была непонятна. Впрочемъ онъ понималъ, что будущее принадлежитъ ему, этому молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго великая сила — трудъ, противопоставляемый бездѣйствію, лѣни и праздности старой жизни. Не смотря на совершенно безстрастное отношеніе его къ представителямъ того и другого поколѣнія, новое, какъ менѣе знакомое ему, онъ не могъ изобразить съ такой ясностью и полнотой, съ какими описана у него старая жизнь.

Тѣмъ не менѣе совершенное отсутствіе тенденціозной

окраски не можетъ не быть поставлено въ заслугу Гончарову, какъ художнику. Вполнѣ естественно, что при столь неодинаковыхъ взглядахъ на жизнь и роль поэзіи въ жизни, жизнь получаетъ различное освѣщеніе въ обрисовкѣ всѣхъ троихъ авторовъ. Потому же получается и крупная разница въ характеристикѣ отдѣльныхъ героевъ и героинь. Возьмемъ хотя бы самую яркую и рѣзко очерченную фигуру — фигуру Пушкинской Татьяны Лариной; она вся — воплощеніе долга, любви, справедливости и человѣческаго достоинства. Отношеніе къ ней автора ясно: онъ прямо влюбленъ въ нее. Вглядимся повнимательнѣе въ отношеніе автора къ Онѣгину, Алеко, кавказскому плѣннику — и убѣдимся, что авторъ имъ симпатизируетъ. Это не значитъ, что онъ надѣляетъ ихъ исключительно положительными качествами, нѣтъ — этого не позволило бы ему сдѣлать его художественное чутье, но безусловно то, что онъ понимаетъ ихъ, что онъ видитъ и уважаетъ въ нихъ людей

Возьмемъ теперь кого-нибудь изъ героевъ „Мертвыхъ Душъ.“ Чичикова, Манилова, Собакевича, Ноздрева...

Какъ зло и какъ горько смѣется авторъ надъ ними. Эти „сквозь смѣхъ невидимыя міру слезы“ автора относятся не къ изображаемымъ героямъ: нѣтъ, ихъ не станетъ оплакивать Гоголь—онъ презираетъ ихъ и ненавидитъ,—слезы относятся къ бѣдной родинѣ и къ народу, страдающему отъ существованія подобныхъ „типовъ.“

Обратимся теперь къ Гончарову. Любитъ ли онъ Райскаго, Вѣру, Татьяну Марковну? Ненавидитъ ли онъ Волохова? Глубоко ли презираетъ Обломова?

Трудно дать на это опредѣленные отвѣты. За что ему особенно любить Райскаго? Что ему сдѣлалъ Волоховъ?

Авторъ, по крайней мѣрѣ, не говоритъ объ этомъ. Что касается Обломова, то вспомните, какія глубоко прочувствованныя строки пишетъ онъ о сердцѣ Ильи Ильича:

„Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце!... Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи... никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться.“

Развѣ послѣ этого можно утверждать, что авторъ „глубоко презираетъ" Обломова! Нѣтъ, ему рѣшительно все равно... По крайней мѣрѣ, вовсе не въ его цѣляхъ сообщать объ этомъ читателю. Пусть читатель самъ сдѣлаетъ выводы...

„Если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?..."

Та же разница существуетъ и въ пониманіи авторами „Евгенія Онѣгина", „Мертвыхъ душъ" и „Обломова". Для болѣе нагляднаго уясненія этой разницы возьмемъ трехъ героевъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ въ литературѣ одному общественному явленію—обломовщинѣ. Герои эти—Онѣгинъ, Тентетниковъ и Обломовъ. Какъ объясняетъ Пушкинъ появленіе такого общественнаго типа, какъ Онѣгинъ?... Онъ почти не объясняетъ намъ этого... А почему — на это даетъ отвѣтъ за него Бѣлинскій:

„Пушкинъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ, въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій."

Какъ понимаетъ и объясняетъ обломовщину въ лицѣ Тентетникова Гоголь? Онъ не объясняетъ Тентетникова обломовщиной. Выводятъ на сцену пошлость, которую онъ ненавидитъ и презираетъ, онъ нигдѣ не связываетъ ея съ условіями общественной жизни; не такъ-же связываетъ онъ и не понимаетъ обломовщины.

„Гоголь не приписывалъ ея (т. е. пошлость), — пишетъ Евгеній Соловьевъ, — ни крѣпостному праву, ни канцелярскому бюрократизму, ни однообразію духовныхъ интересовъ или, вѣрнѣе, полному ихъ отсутствію. Сначала онъ просто удивлялся ей, слѣдилъ за ея разнообразнѣйшими проявленіями, нанося ей каждой строкой своихъ произведеній мѣткіе и неожиданнѣйшіе удары, — потомъ онъ начинаетъ склоняться къ мысли что пошлость жизни это нѣчто роковое, неизбѣжное, что въ ней проявляется сокровеннѣйшая основа человѣческой натуры — ея ничтожество..."

Такимъ образомъ, не умѣя объяснить пошлость и мерзость въ людяхъ общественными условіями, Гоголь пришелъ

къ заключенію, что подобныя явленія составляютъ природную принадлежность каждой почти (въ большей или меньшей степени) отдѣльной личности. Поэтому—то онъ и называетъ Тентетникова — увальнемъ, лежебокомъ, и байбакомъ, а объяснить, откуда и какъ онъ взялся—не объясняетъ. Гончаровъ первый „вскрылъ всю пошлость жизни крѣпостной Россіи, весь ужасъ этой пошлости, затянувшей всѣ правящіе классы общества и объяснилъ ея истинный смыслъ и глубину.“ Онъ первый произнесъ слово „обломовщина. “ По своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, — говоритъ Бѣлинскій, — которой пора ужъ миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи.

Почему мышленію Гончарова чужды были вражда и любовь, — объ этомъ говоритъ его біографія; въ кропотливости же и точности до мелочей его метода изображенія дѣйствительности несомнѣнно кроются упомянутые Бѣлинскимъ „духъ анализа“ и „неукротимое стремленіе изслѣдованія,“ которыхъ отчасти не лишенъ былъ и Гоголь.

Заключаемъ: съ 40хъ годовъ литература наша пошла навстрѣчу насущнымъ запросамъ и потребностямъ общества.

В. В.

№ 30.

Различіе въ обрисовкѣ типовъ между Гоголемъ, Тургеневымъ и Гончаровымъ.

Вступленіе. Особенности талантовъ Гоголя, Тургенева и Гончарова.

Изложеніе. Различіе въ обрисовкѣ типовъ у указанныхъ трехъ писателей:

I. У Гоголя:

1. тщательность и вычурность,

2. характеристика самимъ авторомъ,
3. недостатокъ дѣйствія у героевъ,
4. неполная объективность.

II. У Тургенева:

1. субъективность,
2. руководительство читателемъ,
3. меланхоличность творческой манеры.

III. У Гончарова:

1. рисованіе,
2. высокая объективность,
3. отсутствіе авторскихъ выводовъ.

Заключеніе. Впечатлѣніе, производимое типами трехъ писателей.

Гоголь, одинъ изъ творцовъ реалистически — натуральнаго направленія нашей литературы, изображалъ почти исключительно одну темную сторону жизни. Самъ онъ неоднократно говорилъ, что ему удавались только тѣ лица, которыхъ онъ наблюдалъ въ дѣйствительности. Но талантъ его отличался односторонностью: Гоголь неподражаемо умѣлъ изображать дурныхъ людей, дурныя стороны человѣческой души, потому что ихъ только и подмѣчалъ; точно также ему было свойственно схватывать все смѣшное, все уродливое. И вотъ, въ то время, какъ герои „Ревизора," „Женитьбы" и первой части „Мертвыхъ душъ" поражаютъ читателя мѣткостью и вѣрностью обрисовки, Костанжогло, Муразовъ и учитель Тентетникова не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Далѣе, „Вечера на хуторѣ близь Диканьки" блещутъ глубокимъ юморомъ, полны тонкаго, истиннаго знанія жизни Малороссіи, а „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями," гдѣ Гоголь взялся за совсѣмъ неподходящую для него роль моралиста и проповѣдника, справедливо возбудили всеобщее удивленіе неожиданнымъ паденіемъ таланта ихъ автора. Отношеніе автора къ своимъ героямъ отличается объективностью въ достаточной мѣрѣ.

Значительнымъ недостаткомъ объективности страдаютъ изображенія другого великаго русскаго писателя,—Тургенева. При чтеніи его произведеній сразу чувствуется, кому онъ симпати-

зируетъ и кому отказываетъ въ своихъ симпатіяхъ. Сипягинъ и Колломѣйцевъ, Рудинъ и Губаревъ съ компаніей, Паншинъ и Гедеоновскій и многіе другіе не заслужили благоволенія своего автора. А вѣдь гораздо менѣе ихъ возбуждаютъ хорошее отношеніе къ себѣ Чичиковъ, Собакевичъ, Городничій, Добчинскій и Бобчинскій, Яичница, маіоръ Ковалевъ или Иванъ Ивановичъ съ своимъ другомъ — врагомъ. Между тѣмъ Гоголь рисуетъ ихъ почти также безпристрастно, какъ и, напримѣръ, Акакія Акакіевича или кузнеца Вакулу. За то въ устахъ Тургенева „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“ получилъ чуть ли не самое изящное и возвышенное свое примѣненіе; за то Тургеневъ одинаково умѣлъ рисовать какъ лицевую, такъ и оборотную сторону жизни.

Тѣмъ же свойствомъ обладалъ въ высокой степени третій корифей нашей литературы, Гончаровъ. Ему одинаково хорошо удались Тарантьевъ, Волоховъ, Обломовъ, Адуевы съ одной стороны и Райскій, Ольга, Бабушка и Вѣра съ другой. Правда, Тушинъ и Штольцъ оставляютъ съ художественной стороны желать многаго, но человѣческій талантъ не можетъ стоять всегда на одной высотѣ. Но чѣмъ герои Гончарова разнятся особенно отъ героевъ двухъ предыдущихъ писателей, такъ это тѣмъ, что они люди обыкновенные, средніе. Гончаровъ любилъ останавливаться на явленіяхъ жизни большинства. Вспомните, напримѣръ, какъ онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что попалъ въ Лондонъ въ такой моментъ, когда этотъ городъ выскочилъ изъ своей обычной колеи. Гончарову хотѣлось понаблюдать столицу Англіи во всегдашнемъ, будничномъ ея состояніи („Фрегатъ Паллада“).

У Гоголя тоже попадаются довольно часто обыкновенные люди, но большинство составляютъ лица, стоящія ниже средняго уровня. Онъ рисуетъ ихъ очень тщательно, но съ нѣкоторою выдѣланностью. Его слогъ не чистъ отъ извѣстной доли вычурности, и это, разумѣется, отзывается на изображаемыхъ личностяхъ. Таковъ, напр., портретъ Бульбы и другихъ козаковъ въ той же повѣсти. Но самое главное, это то, что Гоголь самъ характеризуетъ своихъ персонажей, которые своими рѣчами и дѣйствіями только дополняютъ сказанное авторомъ. Такъ, объ Аѳанасіи Ивановичѣ Гоголь не говоритъ прямо лишь того, что тотъ былъ поразительнымъ обжорой.

Послѣ описанія способа хозяйничанья Товстогубовъ сцена въ лѣсу и разговоръ Пульхеріи Ивановны со старостой по поводу исчезнувшихъ дубовъ не вноситъ ничего новаго въ прежде сказанное. Удивляешься лишь тому, что староста съ управляющимъ постѣснились вырубить рощу близъ усадьбы, хотя стукъ отъ порубки и былъ бы слышенъ у господъ. Точно также и тотъ разговоръ между супругами, въ которомъ Аѳанасій Ивановичъ подшучиваетъ надъ Пульхеріей Ивановной, послѣ словъ: „Иногда Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ подшутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ“, служитъ лишь иллюстраціей къ этимъ словамъ. Послѣ характеристики Тараса Бульбы на 4-й и 5-й страницахъ повѣсти насъ не удивляетъ ни встрѣча имъ сыновей, ни подстреканіе имъ запорожцевъ итти воевать, ни сыноубійство, ни старанія пробраться въ тюрьму къ Остапу. И конецъ Бульбы вполнѣ подходитъ къ указанной уже характеристикѣ. Загляните въ „Замѣчанія для г. г актеровъ“, и вы сразу уясните себѣ, почему Аммосъ Ѳедоровичъ „самъ собою, собственнымъ умомъ“ дошелъ до объясненія сотворенія міра или прочтите тамъ же относительно Хлестакова, что онъ „приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ“, и вамъ не покажется страннымъ то обстоятельство, что онъ даже не понялъ, за кого его приняли городничій, чиновники и другія лица „Ревизора“ и почему лишь по настояніямъ Осипа уѣхалъ изъ гостепріимнаго городка. Послѣ словъ автора, что Чичиковъ замѣчательно умѣлъ обходиться со всѣми во всевозможныхъ слояхъ общества, никто не поразится различіемъ Чичикова въ сношеніяхъ съ Маниловымъ и Селифаномъ, съ Собакевичемъ и Бетрищевымъ, съ дамами города N и съ Коробочкой. Что касается до Плюшкина, то Гоголь даетъ полную картину крайняго развитія его непомѣрной скупости; то же дѣлаетъ онъ и съ Чичиковымъ, а Тентетникова прямо называетъ „коптителемъ неба.“ Сколько угодно можно привести такихъ примѣровъ. И тѣмъ болѣе замѣтно это свойство писательской манеры великаго юмориста, что его герои мало дѣйствуютъ. То-есть дѣйствія-то у Гоголя много, но всѣ дѣйствія предваряются словами автора, его объясненіями. Этому особенно способствуетъ его отдѣланный, колоритный языкъ. Гоголь какъ бы руководитъ своимъ читателемъ, навязываетъ ему свои мнѣнія. Особенно замѣтно это въ послѣднихъ трудахъ Гоголя,

но и въ произведеніяхъ художественной полосы имѣются намеки на послѣдующее учительство.

Тургеневъ также не свободенъ отъ навязыванья своихъ идей, но у него это не такъ рѣжетъ глазъ. За Герасима („Муму") говоритъ поневолѣ самъ авторъ, хотя и другія дѣйствующія лица очерка говорятъ о нѣмомъ, но всего больше характеризуютъ Герасима его дѣйствія и его убѣжденія. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда и Чулкатуринъ („Дневникъ лишняго человѣка") сами разсказываютъ о себѣ, но въ ихъ уста Тургеневъ въ высшей степени незамѣтно для слушателя влагаетъ все ихъ внутреннее я. О Николаѣ Петровичѣ и его братѣ („Отцы и дѣти") говоритъ авторъ, но и сами за себя они говорятъ достаточно много; Базаровъ же только дополняется Тургеневымъ. То же и съ Инсаровымъ и съ Еленой, которая вся высказывается въ своемъ дневникѣ. Лаврецкій, какъ личность очень пассивная, мало высказывается самъ и болѣе другихъ нуждается въ указкѣ Тургенева. Рѣчи Рудина даютъ полное понятіе о его краснорѣчіи, умѣ, остроуміи, о его поэтической натурѣ, и объясненія Тургенева лишь додѣлываютъ его образъ. А его curriculum vitae послѣ знакомства съ Ласунской вполнѣ дорисовываетъ его и опять-таки въ этомъ случаѣ онъ самъ разсказываетъ о себѣ. О немъ же говоритъ женѣ Лежневъ, а не авторъ.

И всюду сильно замѣтенъ меланхолическій тонъ творчества Тургенева. Самыя страсти въ его изображеніи не поражаютъ читателя; любовь, рисуемая имъ, всегда оканчивается катастрофой. И среди его героевъ немало людей нездоровыхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Но никто не назоветъ больными Райскаго или Обломова, и все же очень многіе съ ужасомъ замѣчали въ себѣ общія черты съ этими двумя лицами. Гончаровъ съ объективностью, выдерживающей сравненіе лишь съ олимпійскимъ величіемъ Гёте, рисуетъ своихъ героевъ, почти никогда и ничего не говоря о нихъ самъ. Только въ концѣ романа, и то устами Штольца, опредѣляетъ онъ состояніе Ильи Ильича словомъ: обломовщина, но нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не называетъ точно и безъ обиняковъ чертъ его характера, предоставляя самому читателю ставить точки надъ i. То же дѣлаетъ онъ и съ Захаромъ, и со Штольцемъ, Райскимъ, съ Татьяной Марковной, съ Вѣрой и съ другими лицами своихъ романовъ. Иногда только

онъ характеризуетъ самъ, но и въ такихъ случаяхъ обыкновенно за него говоритъ кто-либо изъ его персонажей. Такъ, наприм., Воloховъ называетъ Райскаго неудачникомъ. Только значительно позже написанія романовъ, въ „Лучше поздно, чѣмъ никогда,“ Гончаровъ даетъ характеристики своихъ героевъ, устанавливаетъ преемственную связь между Адуевымъ, Обломовымъ и Райскимъ и между Наденькой, Ольгой и Вѣрой, указываетъ мѣста романа для пониманія Бабушки и т. д.. Здѣсь же онъ оправдывается отъ нападокъ за созданіе Волохова и удивляется непониманію читателей при взглядѣ на это лицо. „Прибавь я авторское негодованіе, тогда былъ бы типъ не Волохова, а изображеніе моего личнаго чувства, и все пропало бы. Sine ira et studio — законъ объективнаго творчества.“ И только тутъ Гончаровъ характеризуетъ своихъ героевъ посредствомъ умственныхъ выводовъ, въ романахъ же исключительно рисуетъ. Изъ - за этого свойства таланта Гончарова для уясненія громаднаго значенія созданнаго имъ типа Обломова въ связи со всѣми его прообразами и понадобилась знаменитая добролюбовская статья: „Что такое обломовщина?“ Всѣ видѣли въ Обломовѣ замѣчательно хорошо выполненный типъ, но не понимали его общественнаго значенія. Пожалуй, тутъ сыграла нѣкоторую роль объективность Гончарова, которую замѣчательно сильно и отчетливо отмѣтилъ еще Бѣлинскій (въ статьѣ по поводу „Обыкновенной исторіи“): „у автора нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю. Онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона.“

Но главное въ изображеніи типовъ у Гончарова, это рисованіе, срисовыванье имъ своихъ героевъ съ дѣйствительныхъ людей. Пока онъ пишетъ портретъ, онъ правъ и непогрѣшимъ, но лишь только онъ начинаетъ размышлять, какъ вся художественность изображенія идетъ на смарку.

Въ этомъ отношеніи Гончаровъ обладаетъ сходствомъ съ Гоголемъ. Оба они могли писать съ натуры, а не „изъ головы,“ чутьемъ, а не разсудкомъ. Въ этомъ ихъ свойствѣ хоронится сходство въ отношеніи къ ихъ героямъ со стороны читающей публики, въ одинаковости впечатлѣнія, производимаго

героями обоихъ писателей. Въ то время, какъ героями и героинями Тургенева увлекались, старались имъ подражать, дѣйствующія лица Гоголя и Гончарова только отталкивали отъ себя читателей. *) Къ первымъ приложимо даже въ собственномъ смыслѣ слова наименованіе героевъ: Базаровъ, Рудинъ, Лиза Калитина, Елена, Инсаровъ и нѣк. др. необыкновенные люди. Но никакъ не назовешь героемъ Собакевича или Ляпкина-Тяпкина, Опенкина или Обломова. Развѣ только Тарасъ Бульба и Тушинъ или Штольцъ заслуживаютъ такое имя. Но они теряются въ громадномъ числѣ другихъ персонажей своихъ творцовъ.

Б.

№ 31.

„Свои люди — сочтемся,“ какъ комедія гоголевскаго типа.

I. Сходство и различіе между разсматриваемыми комедіями со стороны построенія:

1. „Свои люди — сочтемся“ и комедіи гоголевскія являются типомъ комедіи.
2. „Свои люди“ приближаются къ драмѣ, чего нѣтъ у Гоголя.
3. Смѣхъ сквозь слезы виденъ и у Островскаго, и у Гоголя.
4. Завязки комедіи сходны.
5. Островскій и Гоголь не копировали дѣйствительности, а художественно ее возсоздавали.
6. Сходство въ мелочахъ построенія.

II. Сходство со стороны содержанія:

1. въ комедіяхъ обоихъ писателей мы видимъ изображенія лицъ порочныхъ,

---

*) Конечно, не всѣ дѣйствующія лица Гончарова отталкиваютъ.

2. общество, служившее моделью для изображенія, мало измѣнилось за время между дѣятельностью Гоголя и Островскаго,
3. теперешнее общество недалеко ушло отъ эпохи Гоголя и Островскаго,
4. сходство типовъ очень близко:
а. Городничій и Большовъ, б. чиновники, в. свахи, г. дѣвушки — невѣсты, д. отношенія между родителями и дѣтьми одинаково несимпатичны, е. Липочка и Анна Андреевна, ж. Городничій и Подхалюзинъ,
5. сходство въ мѣстѣ дѣйствія.

III. Значеніе комедій Гоголя и Островскаго:

1. пьесы Гоголя написаны рукою великаго мастера,
2. комедіи Гоголя и Островскаго захватываютъ собою огромный кругъ русскаго общества.

„Свои люди — сочтемся“ какъ и драматическія произведенія Гоголя, являются типомъ комедіи. Разница между ними заключается въ томъ, что „Свои люди“ есть преимущественно комедія нравовъ, тогда какъ гоголевскія пьесы не только комедіи нравовъ, но и характеровъ. „Свои люди“ мѣстами переходятъ въ драму, чего нельзя сказать о произведеніяхъ Гоголя. Правда, Добролюбовъ замѣчаетъ: „въ послѣднихъ сценахъ „Своихъ людей“ есть трагическій элементъ, но онъ участвуетъ здѣсь чисто внѣшнимъ образомъ, такъ, какъ есть онъ, напр., и въ появленіи жандарма въ «Ревизорѣ.»“ Съ этимъ замѣчаніемъ можно и не согласиться: вѣдь Большовъ въ послѣднемъ дѣйствіи показывается передъ зрителями уже наказаннымъ, страдающимъ; жена его тоже чувствуетъ себя очень скверно. Если они оба не возбуждаютъ къ себѣ сожалѣнія, то въ этомъ не они одни виноваты, и ужъ во всякомъ случаѣ трагизмъ тутъ не внѣшній. Ничего подобнаго вы не встрѣтите у великаго юмориста. Всѣ его пьесы являются чистыми комедіями, хотя при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ дѣлается замѣтнымъ смѣхъ сквозь слезы, который въ свою очередь имѣетъ мѣсто въ „Своихъ людяхъ“. Услышавши приглашеніе Подхалюзина: „а вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ!“ невольно воскликнемъ словами Гоголя: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Въ одинаковости

такого впечатлѣнія сказывается несомнѣнное сходство произведеній обоихъ писателей, которое надо отмѣтить и въ слѣдующемъ: завязки „Своихъ людей“ и комедій Гоголя не основаны на любви. Галаховъ („Исторія русской словесности“) говоритъ по этому поводу о „Ревизорѣ“: „Авторъ пренебрегъ обычной интригой, основанной на любви, потому что видѣлъ, что все давно измѣнилось на свѣтѣ, что теперь выгодная женитьба, желаніе получить доходное мѣсто, чинъ или денежный капиталъ, гроза идущаго вдали закона, скорѣе и крѣпче, нежели любовь, завязываютъ драму.“ Тѣ же слова приложимы къ комедіи Островскаго. Такое подобіе въ построеніи находится въ тѣсной связи съ одинаковостью процесса творчества у того и другого писателя, которое Гоголь такъ характеризуетъ въ „Авторской исповѣди“: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія.“

Таково главное сходство разсматриваемыхъ комедій, такова ихъ существенная сторона. Если же взглянуть на нихъ съ узкой точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить, во-первыхъ, того, что и Гоголь и Островскій даютъ чрезвычайно краткія описанія мѣста дѣйствія пьесъ („Гостиная въ домѣ Большова“; „Контора въ домѣ Большова. Прямо въ дверь, на лѣвой сторонѣ, лѣстница на верхъ“; „Въ домѣ Подхалюзина, богато меблированная гостиная“ („Свои люди“); „Комната въ домѣ городничаго“; „Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее“ („Ревизоръ“); „Комната холостяка“; „Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны“ („Женитьба“); „Комната въ городскомъ трактирѣ“ („Игроки“) и др.), и, во вторыхъ, что какъ „Свои люди“, такъ и „Ревизоръ“ кончаются обращеніемъ къ публикѣ. Но это ужъ мелочи.

Гораздо важнѣе то, что ни у Гоголя въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“, ни у Островскаго нѣтъ ни одной свѣтлой личности. У обоихъ писателей „характеры дѣйствующихъ лицъ совершенно обыденные и не выдаются ничѣмъ особеннымъ, не

выдаются надъ пошлой средой, въ которой они поставлены"*) При поверхностномъ взглядѣ и въ „Ревизорѣ" и въ „Своихъ людяхъ" незамѣтно ничего ужаснаго. Все здѣсь такъ просто, такъ добродушно-глупо, такъ патріархально. Даже и самый законъ является для нихъ лишь досаднымъ камнемъ преткновенія, а отнюдь не чѣмъ-либо священнымъ, чему надлежитъ отдавать уваженіе не за страхъ, но и за совѣсть. И этимъ, между прочимъ, подтверждаются приведенныя выше слова изъ „Авторской исповѣди" Гоголя, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Островскій, писали съ натуры, причемъ оба изобразили отступленіе отъ идеала. Общество, съ котораго писалъ свою комедію Островскій, недалеко ушло отъ общества гоголевскихъ пьесъ. И тамъ и тутъ одинаково царствуетъ невѣжество со всѣми своими аксессуарами. Да и въ самомъ дѣлѣ, разстояніе, отдѣляющее время написанія комедій Гоголя отъ появленія „Своихъ людей", едва равно 15 — 20 годамъ. Ручательствомъ того, что общество не могло измѣниться за такой короткій промежутокъ времени, служитъ то обстоятельство, что еще и теперь Русь полна типами обоихъ писателей. Хлестаковы періодически появляются въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Въ „Московскомъ Листкѣ" (ноябрь 1902 г.) опубликованъ такой фактъ: „Имѣется въ Старомъ Гостиномъ дворѣ торговля нѣкоего купца, у котораго служитъ старикъ-приказчикъ. Купецъ занимается дрессировкой своихъ служащихъ, заставляя ихъ часами мерзнуть на улицѣ въ ожиданіи прибытія „самого", у котораго всегда хранятся ключи отъ лавки. Вышеназванный старикъ служитъ объектомъ для спортивныхъ наклонностей „самого". То вдругъ старикъ долженъ изображать быка, котораго по приказу хозяина травятъ служащіе въ лавкѣ мальчишки. Это занятіе надоѣдаетъ — того же приказчика избираютъ мишенью для стрѣльбы въ цѣль. Старикъ оретъ на весь дворъ, а хозяинъ заливается гомерическимъ хохотомъ. И такъ изо дня въ день". Можно ли утверждать послѣ этого, что типы Островскаго отжили свой вѣкъ?! Тѣмъ болѣе невозможно сказать, это что оба писателя выразили въ своихъ произведеніяхъ общенародныя черты. Поэтому же сходство ихъ персонажей доходитъ до удивитель-

---

*) Добролюбовъ, „Темное царство".

ной близости. Вотъ двѣ характеристики купцовъ у Гоголя. „Бывало, какъ ударитъ Тихонъ Пантелеймоновичъ всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: „плевать я, говоритъ, хочу на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же, говоритъ, дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына, говоритъ, не отдамъ на службу. Что, говоритъ, развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякій другой?" Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду: онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы побол́ѣе" („Женитьба"). Другая характеристика: „Ты что? —начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ" не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь карманъ, такъ и заважничалъ!" („Ревизоръ"). Развѣ же это не граждане темнаго царства, изображеннаго Островскимъ? Далѣе, дѣйствующія лица комедій Гоголя, по выраженію Галахова, поступаютъ вопреки „требованіямъ не разума только, но и нравственности, не просто смѣшатъ, но и возмущаютъ." Такое же впечатлѣніе остается и послѣ „Своихъ людей."

Въ частности, сходны многія дѣйствующія лица. Такъ, и городничій и Большовъ не лишены извѣстной доли добродушія; оба они полагаются на Бога и на судьбу: „Такова ужъ воля Божія, противъ нея не пойдешь... Мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе", заявляетъ Большовъ. „Такъ ужъ, видно судьба... Авось, Богъ вынесетъ и теперь", говоритъ городничій.

Чиновники въ „Женитьбѣ" удивляются, что въ Сициліи мужики не понимаютъ русской рѣчи, а Ризположенскій разказываетъ: „жилъ старецъ, маститый старецъ... въ сторонѣ такой... необитаемой. Было у него двѣнадцать дочерей".

Слова Устиньи Наумовны о „политикѣ" и отвѣтъ Большова (Дѣйствіе III, явл. IV) чрезвычайно походятъ на „тонкую политическую причину," „войну съ турками", и „Да, оба пальцемъ въ небо попали! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ".

Ѳекла Ивановна („Женитьба") родная сестра Устиньи Наумовны („Свои люди"). Онѣ даже хвалятся схоже: „Такъ ухлопоталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по кан-

целяріямъ, по министеріямъ натаскалась, въ караульни наслопялась“ (Ѳекла Ивановна). „Ну, ужъ хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да ужъ и выхлопотала жениха“. (Устинья Наумовна).

Агафья Тихоновна руками и ногами отбивается отъ замужества съ купцомъ: „Да ни за что не выйду за купца! не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!“ Липочка Большова болѣе основательно мотивируетъ свое нежеланіе: „Не пойду я за купца, ни за что не пойду! Затѣмъ развѣ я такъ воспитана: училась и по-французски, и на фортопьянахъ, и танцовать! Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ хочешь возьми, а достань благороднаго!“ Вообще Липочка болѣе образована и воспитана, чѣмъ Агафья Тихоновна: Агафья Тихоновна, какъ извѣстно, не умѣетъ ни говорить по-французски, ни играть на фортепьяно, тогда какъ Липочка, по отзыву Устиньи Наумовны, „пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по-французскому и на фортопьянахъ — тоже сямъ, тямъ, да и нѣтъ ничего“. Но это все же прогрессъ, тѣмъ болѣе, что Устинья Наумовна говоритъ въ раздраженьи, и Липочка можетъ быть пишетъ, говоритъ и играетъ лучше, чѣмъ можно заключить по этимъ словамъ. Вкусы у Липочки и Агафьи Тихоновны тоже сходные: Липочка, на вопросъ: „какого тебѣ жениха посолиднѣй али поподжаристѣй“, отвѣчаетъ: „ничего и потолще, былъ бы собою не малъ. Конечно, лучше ужъ рослаго, чѣмъ какого-нибудь мухортика“. Агафья Тихоновна говоритъ: „нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ“... Обѣ даже употребляютъ „жалкія“ слова при охарактеризованіи несимпатичныхъ имъ видовъ мужчинъ.

Отношенія между дочерьми — съ одной стороны — и матерями — съ другой — не отличаются особенной сердечностью. Но Липочка и Аграфена Кондратьевна грызутся другъ съ другомъ съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскія. У Большовыхъ верхъ беретъ дочь, у Дмухановскихъ — мать. Обѣ матери не стѣсняются въ выраженіяхъ: Большова честитъ свою дочь: „безстыдница, варварка, болтушка безтолковая, безпутная, собачій огрызокъ, безстыжій твой носъ, дѣвчонка хабальная“ и т. п. Анна Андреeевна тоже не плошаетъ: „угорѣлая кошка, дрянь, дура, сумасшедшая“. Обѣ онѣ недовольны непочтительнымъ къ нимъ отношеніемъ доче-

рей. Анна Андреевна: „Право: говоришь — лишь бы только наперекоръ“; Аграфена Кондратьевна: „Вѣдь это ты на зло матери подъ носъ-то шепчешь;“ Анна Андреевна: „Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое.... Нарочно, чтобы только поспорить;“ Аграфена Кондратьевна: „молчи, молчи, таранта егоровна! Уступи верхъ матери!“

Липочка, выйдя изъ-подъ ферулы родителей, очень черство относится къ отцу; Анна Андреевна, попавъ въ тещи къ Хлестакову — важной особѣ, не хочетъ оказывать покровительства знакомымъ. И Липочка, и Анна Андреевна „къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ“. Липочка говоритъ: „То ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками!“... Анна Андреевна спрашиваетъ, вся захваченная желаніемъ поскорѣе получить отвѣтъ: „Ревизоръ? съ усами! съ какими усами?... Мнѣ только одно слово: что, онъ — полковникъ?... Кто онъ такой? генералъ?“

„Самые идеалы Подхалюзина грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ; такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: „тятенька подурили на своемъ вѣку, — будетъ: теперь намъ пора“. И только бы ему достичь возможности осуществить свой идеалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлитъ заставить другихъ такъ же бояться, подличать, фальшивить и страдать отъ него, какъ боялся, подличалъ, фальшивилъ, и страдалъ онъ самъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство.“*) Продуктъ темнаго царства выступаетъ тутъ во весь ростъ.

Въ томъ же царствѣ происходитъ большая часть дѣйствія „Женитьбы“, гдѣ мы оказываемся въ купеческомъ домѣ. Пользуясь этимъ, Гоголь замѣчательно мѣтко и вѣрно очерчиваетъ типы невѣсты, старухи-тетки, свахи, служанки, такъ что они нисколько не уступаютъ портретамъ Островскаго. Даже имена чиновниковъ у обоихъ писателей одинаково отличаются необычайностью: въ „Женитьбѣ“ мы встрѣчаемъ Балтазара Балтазаровича и Акинѳа Степаныча, а въ „Своихъ людяхъ“ — Сысой Псоича.

---

*) Добролюбовъ.

И языкъ гоголевскихъ купцовъ по колоритности нисколько не уступаетъ мастерскому языку комедіи Островскаго.

Возвращаясь къ болѣе серьезной сторонѣ темы, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ пьесы Гоголя, такъ и „Свои люди“ обладаютъ простотою содержанія и завязки. Но при этой простотѣ и строгомъ единствѣ содержанія и плана комедій, онѣ поражаютъ глубиною и шириною захвата рисуемой въ нихъ жизни и людей. Вамъ кажется, что вы сами давно знакомы съ впервые встрѣченнымъ въ пьесѣ лицомъ; вы напередъ можете сказать, какъ оно поступитъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и столкновеніяхъ. И хотя Островскій преимущественно изображалъ купечество, а Гоголь чиновниковъ, все же оба писателя до самой глубины, до самой святая святыхъ затронули рѣшительно всѣ слои русскаго общества. Изъ-за купцовъ и чиновниковъ проглядываетъ все остальное общество, обнаруживаются сокровенныя пружины, создавшія и движущія тѣ явленія, которыя характеризуютъ изображенную среду. Эта среда затронута Островскимъ почти исключительно съ одной своей темной стороны, т. е. съ той именно, въ изображеніи которой не было соперниковъ у Гоголя. Очень можетъ быть, что въ этомъ отношеніи Островскій находится подъ вліяніемъ великаго автора „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“.

Б.

№ 32.

Типъ купца — самодура по Островскому.

Вступленіе. Общественное значеніе типа самодура.

Изложеніе. Характеристика самодура:

1. самодурство,
2. невѣжество,
3. наклонность къ надувательству,
4. любовь къ деньгамъ,
5. умственная ограниченность,
6. полная неосвѣдомленность внѣ своей спеціальности,

7. неудержимое исполненіе всѣхъ прихотей,
8. искаженіе нравственныхъ началъ въ характерѣ,
9. „шутливость,“
10. безбрежный эгоизмъ,
11. страшное упрямство,
12. отсутствіе всякой логики въ поступкахъ и убѣжденіяхъ,
13. безсиліе и внутреннее ничтожество,
14. подчиненіе дѣльцамъ.

Заключеніе. Исчезнованіе самодуровъ подъ вліяніемъ культуры.

Замоскворѣцкое купечество, съ котораго преимущественно списывалъ свои типы Островскій, сохранило въ своей средѣ и въ своихъ понятіяхъ очень многое изъ стародавней русской жизни. Чрезвычайно консервативное, влѣдствіе недостатка культурности, оно и въ костюмѣ мало чѣмъ отличается отъ своихъ предковъ. Конечно, охабни и горлатныя шапки исчезли, но зато сберeглись окладистыя бороды, шаровары, спрятанные въ сапоги, и поддевки. Хотя нѣкоторые лица изъ этого сословія и понадѣвали „нѣмецкое“ платье, даже рѣшили сбрить бороду, но громадное большинство осталось вѣрнымъ внѣшности своихъ предковъ, а „цивилизованныхъ“ своихъ собратьевъ величаетъ иностраннымъ именемъ коммерсантовъ, добавляя: на русской подкладкѣ. Но добавка эта отличается большою мѣткостью, потому что ко всѣмъ новоявленнымъ коммерсантамъ въ высшей степени подходитъ извѣстное крыловское изреченіе: „Хоть ты и въ новой кожѣ, но сердце у тебя все то же.“ Ихъ внутренній складъ остался складомъ мощныхъ людей дореформенной Руси. Въ тѣ времена, несмотря на наличность неограниченной царской власти, каждый домохозяинъ былъ въ свою очередь царемъ у себя, въ своемъ маленькомъ царствѣ. Всѣ домашніе находились у него въ полномъ подчиненіи, и это освящалось законами Божескими и человѣческими. Такое исключительное положеніе чрезвычайно способствовало развитію въ домохозяинѣ многихъ дурныхъ чертъ. Самовластіе незамѣтно переходило въ самодурство, потому что эти два качества по самой природѣ своей находятся между собой въ большой близости и род-

ствѣ. Эти же качества перешли по наслѣдству отъ бояръ къ купцамъ, чему особенно способствовало сходство въ семейной обстановкѣ. И тамъ и тутъ бояринъ и купецъ являются главами своего домашняго очага, главами въ полномъ смыслѣ слова. Они даютъ матеріальныя средства для жизни, ихъ велитъ слушаться и уважать законъ и церковь. Что купецъ получилъ наслѣдство отъ боярина, неудивительно. По самой своей профессіи купечество всегда находилось и находится въ непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми кругами общества; въ его составъ входятъ всѣ сословія, вмѣстѣ съ собою вносящія свои жизненныя формы и нравы. Такимъ образомъ купечество служитъ тѣмъ мѣстомъ, куда стекаются и откуда исходятъ всѣ исконныя черты русскаго племени. А вѣдь самовластіе-то и самодурство, къ сожалѣнію, являются однимъ изъ очень часто встрѣчающихся качествъ русскаго человѣка. Кромѣ того, это качество такого рода, что подъ его воздѣйствіемъ выростаетъ именно то самое самодурство, которое и оказываетъ вліяніе. Подъ гнетомъ самодура замираютъ въ подавляемыхъ лицахъ чуть ни всѣ человѣческія чувства. Каждый думаетъ только о себѣ одномъ, каждый старается укрыться отъ вспышекъ самодура; онъ воочію видитъ, какъ силенъ самодуръ своей неограниченной властью, какъ всѣ преклоняются передъ нимъ; и вотъ ему хочется того же преклоненія и подчиненія. Словомъ, какъ говорится, дурной примѣръ заразителенъ. И еще одно обстоятельство служитъ факторомъ развитія будущаго самодура: человѣкъ ежечасно подавляется, угнетается рѣшительно во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, во всѣхъ самыхъ скромныхъ поползновеніяхъ; на каждомъ шагу онъ наблюдаетъ попраніе самыхъ элементарныхъ требованій законности. Все время онъ ждетъ момента, когда, наконецъ, и онъ будетъ въ состояніи безнаказанно проявить свою волю, отомстить за всѣ униженія и оскорбленія. Наступаетъ этотъ вожделѣнный моментъ, и вчерашній пресмыкающійся червь превращается въ необузданнаго, огнедышащаго дракона. Тутъ ужъ ничто не попадайся ему подъ руку, потому что рука у самодура могучая, способная и въ порошокъ стереть, и въ бараній рогъ согнуть. Но такъ страшенъ самодуръ только своимъ подчиненнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Внѣ домашняго обихода у него сплошь да рядомъ находитъ коса на камень. Онъ необразованъ, развитіе его ума одностороннe, да и по традиціи онъ привыкъ ло-

мать шапку передъ всякимъ, по общественному положенію своему стоящимъ выше купеческаго сословія.

Но чтоже такое самодуръ, какъ опредѣлить это понятіе въ нѣсколькихъ словахъ? Предоставимъ въ этомъ случаѣ говорить самому создателю типа самодура въ русской литературѣ: „Самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда... Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ, что хочешь дѣлай —дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно" („Въ чужомъ пиру похмелье"). Испугать его тѣмъ легче, что самодуръ не у себя дома чувствуетъ свое безсиліе и свое невѣжество. Тутъ всякій полуграмотный приказный компетентнѣе его въ разныхъ юридическихъ тонкостяхъ, квартальный въ случаѣ нарушенія самодуромъ какихъ-нибудь установленій можетъ забрать его въ участокъ, а любой интеллигентъ не постѣснится ни за что обругать. Но за всѣ такія непріятности во внѣшнихъ сношеніяхъ отдуваются домашніе самодура. Напримѣръ, когда Дикого („Гроза") выбранилъ на перевозѣ гусаръ, то Дикой ничего не посмѣлъ возразить обидчику, но зато цѣлыхъ двѣ недѣли рвалъ и металъ у себя въ лавкѣ и дома. Единственно, гдѣ самодуръ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, даже и внѣ своего царства, это въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется возможность кого-нибудь надуть. Такъ, Восьмибратовъ („Лѣсъ") покупаетъ безъ документа лѣсъ у Гурмыжской, получая такимъ образомъ возможность поступать съ покупкой, какъ ему заблагоразсудится, Ширяловъ продаетъ двумъ барынямъ по очень высокой цѣнѣ гнилую штуку матеріи; съ своимъ братомъ, купцомъ, они подавно не церемонятся: тотъ же Ширяловъ („Семейная картина") разсказываетъ случай изъ своей практики: „Наѣхалъ въ прошломъ году этотъ армянинъ. Продалъ шелкъ; завертѣлся туды-сюды. Стали въ городѣ поговаривать, что, молъ, тово. А у меня вексель его тысячъ на пятнадцать. Вижу, дѣло плохо. Ужъ въ городѣ не сбудешь. Вотъ пріѣзжаетъ къ намъ фабрикантъ. Я поскорѣе къ нему, пока не прослышалъ. Что же, всѣ и спустилъ безъ обороту!" Далѣе оказывается, что армянинъ заплатилъ въ результатѣ по векселямъ по 25 коп. за рубль. А Пузатовъ (та же пьеса) хвастаетъ матери: „А я нын-

че, матушка, Брюхова-то рублевъ на тысячу оплёлъ.“ Они такъ смѣлы въ дѣлѣ надуванья потому, что деньги составляютъ для нихъ чуть ли не все содержаніе жизни. Если самодуру угрожаетъ какая-нибудь денежная потеря, то онъ особенно скорбитъ объ этомъ, такъ какъ деньги у него по его понятію „кровныя“, хотя на самомъ то дѣлѣ наживаются всевозможными путями. Дикой такъ говоритъ объ отдачѣ денегъ: „Вѣдь ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать—отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутреннюю разжигать станетъ.“ Въ своей жадности къ деньгамъ самодуры доходятъ до абсурда, до глупости. Самсонъ Силычъ Большовъ („Свои люди--сочтемся“) вмѣсто того, чтобы разсчитаться съ своими кредиторами по 25 копеекъ за рубль, что, безъ сомнѣнія, послѣ нѣкоторыхъ подготовительныхъ операцій ему удалось бы, рѣшаетъ объявить себя несостоятельнымъ должникомъ, вслѣдствіе чего попадаетъ въ „яму.“ Онъ не сообразилъ во—время, что и $^3/_4$ чужого состоянія хорошо прикарманить. Но самодурство внушаетъ ему такія рѣчи: „Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ (кредиторамъ) ничего не дамъ. Пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.“ Но не только въ денежныхъ дѣлахъ поражаетъ отсутствіе разумности у самодура. Онъ и вообще-то обыкновенно недалекъ, теменъ вслѣдствіе отсутствія разумнаго воспитанія и образованія. Имъ необходимы юрисконсульты, если говорить возвышеннымъ слогомъ. Они постоянно пользуются услугами приказныхъ, чтобы давать приличную обстановку различнымъ, встрѣчающимся въ ихъ практикѣ, юридическимъ актамъ. Но по своей самодурной глупости они иной разъ задаютъ своимъ „повѣреннымъ“ неразрѣшимыя загадки. Брусковъ приказываетъ Захаръ Захарычу („Въ чужомъ пиру похмелье“) написать „такое прошеніе, чтобы троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать по этому прошенію,“ обѣщая для выполненія этого плана не пожалѣть никакихъ денегъ. Тутъ замѣшалась прихоть самодура, а ужъ въ такомъ случаѣ никто не становись ему поперекъ дороги. И въ другомъ мѣстѣ пьесы мы находимъ подтвержденіе только что высказаннаго нами: Брусковъ въ разговорѣ съ женою заявляетъ: „Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.“

„Много, Китъ Китычъ, много,“ простодушно отвѣчаетъ ему супруга. Это „обижанье“ и расплата за него деньгами обнаруживаютъ и другую сторону души самодура: въ немъ отсутствуетъ сознаніе собственнаго достоинства, въ немъ не воспитанъ человѣкъ. Все добро, заложенное въ немъ природою, искажено до неузнаваемости. Самодуръ представляетъ собою неисчерпаемый матеріалъ для высокой комедіи, такъ какъ на каждомъ шагу его характеръ поражаетъ всевозможными отступленіями отъ идеала. Невыдержанность у него полная. Пока всѣ его слушаются, боятся, до тѣхъ поръ онъ и храбръ, и необузданъ, но стоитъ лишь твердо и сильно воспротивиться ему, какъ самодуръ совершенно теряется. Отъ прежней самоувѣренности не остается и слѣда; теперь хоть веревки изъ него вей. А продолжительной борьбы, хлопотъ онъ совершенно не выдерживаетъ. Вѣдь и Большовъ отчасти изъ нежеланія безпокоиться отказался отъ мысли войти въ сдѣлку съ кредиторами. Самодуръ совсѣмъ не умѣетъ управлять собою; въ немъ нѣтъ ни слѣда самобытной и разумной дѣятельности. Во всѣхъ вопросахъ, мало-мальски выходящихъ изъ круга его спеціальности, онъ совершенный ребенокъ. Брусковъ платитъ тысячу рублей за глупую расписку своего сына, не имѣющую никакой рѣшительно силы, а потомъ, наперекоръ даже совѣту Захара Захаровича, отдаетъ ее Иванову. И вотъ это-то отсутствіе разумности во всѣхъ поступкахъ самодура и заставляетъ его „шутить.“ Вотъ образчикъ такой шутки:

„*Пузатовъ.*“ (грозно). Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Пуз. Поди сюда, говорятъ тебѣ! (ударяетъ кулакомъ по столу).

Мат. Сав. Да что ты, очумѣлъ, что ли?

Пуз. Что я съ тобой сдѣлаю (стучитъ по столу).

Мат. Сав. Да что съ тобой? (робко) Антипъ Антипычъ...

Пуз. А? Испугалась! (смѣется).

Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ—шутки шучу.

Или Большовъ, просватавъ дочь за Подхалюзина безъ ея вѣдома, говоритъ ему: „А вотъ ты заходи-ка ужо къ невѣстѣ, мы надъ ними шутку подшутимъ.“ Никому не пожелаешь испытывать на себѣ шутливое настроеніе самодура! Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ шутки окончились благополучно.

Но далеко не всегда это бываетъ такъ. По поводу пьесы „Не сошлись характерами“ Добролюбовъ замѣчаетъ: „Тутъ Матрена вѣнчается съ приказчикомъ, съ которымъ застали ее въ саду, — дѣло простое и ясное. Такъ, вѣроятно, выдалъ Карпъ Карпычъ и другихъ своихъ племянницъ. Еслибъ онъ могъ придумать выдавать ихъ за тѣхъ, за кого онѣ не хотятъ и кто ихъ брать не хочетъ, то очень можетъ быть, что эта идея и понравилась бы ему... Но онъ еще не утончился до подобныхъ выдумокъ.“ Жаль, то-то было бы занятно... Всѣ эти шутки и оригинальные замыслы — мы подразумѣваемъ подъ послѣднимъ гипотезу Добролюбова,— зиждятся на эгоизмѣ самодура. Ему скучно. Надо развеселиться. Что первое попалось для этой цѣли на глаза или пришло въ голову, то и хорошо, потому что центръ вселенной вѣдь ничто иное, какъ его собственная драгоцѣнная особа. И упрямы они до перехода всякихъ границъ. Самый лучшій способъ получить что-либо отъ самодура, это поддразниванье его на почвѣ просьбъ какъ разъ противоположной вещи, чѣмъ та, какою хочешь обладать. Такой случай мы наблюдаемъ въ „Бѣдность не порокъ.“ Гордѣй Торцовъ собирается выдать дочь за Митю, только чтобы насолить Коршунову, заявившему, что Торцовъ придетъ къ нему кланяться, лишь бы тотъ женился на его дочери. „Жениховъ-то нѣтъ,“ добавляетъ онъ, „а тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть бы петлю лѣзть, да только бы весь городъ удивить!“ Вотъ и попробуйте повести разумную рѣчь съ эдакимъ субъектомъ. Мало того, что онъ не послушаетъ никакихъ резоновъ, онъ еще надругается надъ вами. Андрей Брусковъ говоритъ объ отцѣ: „онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго? Только хочетъ поставить на своемъ.“ И въ то же время, наряду съ такимъ упорствомъ, самодуры отличаются полнымъ безсиліемъ и внутреннимъ ничтожествомъ. Истинно сильный человѣкъ не станетъ пробовать свою силу то и дѣло. Съ него достаточно увѣренности въ себѣ. А самодуръ „все силится доказать, что ему никто не указъ, и что онъ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ.“ *) Но иной разъ и на самодура

---

*) Слова Добролюбова.

находятъ моменты, когда онъ воображаетъ, что его волѣ нѣтъ предѣла. Брусковъ посылаетъ сына сватать дочь Иванова. „Мое слово—законъ,“ объявляетъ онъ. „Да помилуйте, тятенька, онъ не отдастъ“, основательно замѣчаетъ неглупый Андрей. —„Я тебѣ приказываю, слышишь“, кричитъ Брусковъ,— „какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю“!

Однако не всѣ домашніе безпрекословно подчиняются главѣ-самодуру. Главнымъ образомъ страдаютъ родственники, а изъ нихъ женщины. Но среди служащихъ попадаются и „вольнодумцы.“ „Я не боюсь Дикого и вольничать ему надъ собою не дамъ, потому что я нуженъ ему,“ объясняетъ Кудряшъ. Въ такомъ же положеніи находится и Подхалюзинъ въ отношеніи къ Большову съ того момента, когда вся механика будущаго банкротства Самсона Силыча находится въ его рукахъ.

Сильны самодуры, могучи, но и ихъ конецъ подмѣченъ Островскимъ и Добролюбовымъ.

Угнетаемые ими уже начинаютъ шевелиться, начинаютъ потрясать сковывающія ихъ цѣпи. И сами самодуры понемногу ощущаютъ всю нестерпимость для нихъ луча свѣта, пронзившаго мглу темнаго царства. Самодурство и прежде было дряхло, потому что фундаментомъ ему служило не нравственное могущество, а архаическое міросозерцаніе жившихъ подъ его властью и толстая мошна домохозяина, но теперь, когда вообще посвѣтлѣло вокругъ, оно начало пошатываться довольно чувствительно. Несмотря на то, что въ его атмосферѣ было невозможно здоровое, человѣческое развитіе, и оттуда стали выходить нравственно-сильныя и цѣльныя личности. На нихъ сказалось общее движеніе русской жизни.

И бѣдные самодуры заохали. Имъ осмѣливаются разъяснять, что гроза происходитъ не оттого, что Илья-пророкъ на колесницѣ по небу ѣздитъ, а оттого что дѣйствуетъ электричество. И этакое-то слово произносятъ ничто же сумняся передъ лицомъ самого Дикого! А самой Кабанихѣ разсказываютъ о дьявольскомъ изобрѣтеніи, желѣзной дорогѣ. Еще старуха Пузатова съ умиленіемъ вспоминала, что, дескать, мужъ ее „какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ, на гвоздикѣ, плетка висѣла про всякій случай.“ Кабанова же все-таки успѣваетъ уговорить сына прибить жену, но несмотря

на это сокрушается: „Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего.“ Эти жалобы глубоко знаменательны. Прежде самодуры жили въ свое удовольствіе; никто и нигдѣ не оказывалъ имъ препятствія, не ставилъ преградъ ихъ разрушительной энергіи; теперь имъ приходится то тамъ, то тутъ бороться, даже унижаться до проповѣди и объясненій своей жизненной теоріи. Та же Кабанова учитъ Тихона и Катерину: „Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть: ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ.“ Въ томъ-то и бѣда самодуровъ, что всѣ захотѣли воли, захотѣли, чтобы съ людьми обращались по-людски, а не по-скотски. Затрещалъ хребетъ самодура.

Правда, и до сихъ поръ еще уцѣлѣли кое-какіе обломки и кирпичи отъ прежняго, несокрушимаго на видъ, зданія, но ужъ мало ихъ, ужъ таютъ они подъ жаркими лучами льющагося свѣта культуры. *)

Б.

33.

Національная стихія въ пьесѣ Островскаго „Бѣдность не порокъ.“

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Краткое содержаніе пьесы.

Изложеніе. Національная стихія въ пьесѣ:

а) дѣйствіе ея разыгрывается въ чисто-русской обстановкѣ;
б) семейныя отношенія по своему характеру весьма близки къ временамъ „Домостроя;“

---

*) При писаніи настоящей статьи у насъ подъ руками были „Темное царство“ и „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ Добролюбова.

в) воззрѣнія на бракъ:
1) отца семейства,
2) матери,
3) молодежи;
г) грубость и превратное понятіе о „цивилизованности;“
д) неожиданный переломъ въ Торцовѣ;
е) языкъ комедіи:
1) пѣсни,
2) прибаутки,
3) типичныя русскія выраженія.

Заключеніе. Воспитательное значеніе произведеній Островскаго.

Прежде чѣмъ указывать національные элементы въ комедіи Александра Николаевича Островскаго „Бѣдность не порокъ,“ возстановимъ въ памяти содержаніе этой пьесы, — содержаніе, говоря совершенно откровенно, весьма незамысловатое. Весь интересъ комедіи сосредоточивается на трехъ лицахъ: двухъ Торцовыхъ и богатомъ фабрикантѣ Африканѣ Саввичѣ Коршуновѣ.

Одинъ изъ Торцовыхъ, отецъ семейства, богатый купецъ — самодуръ, „пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ“, должно быть, подъ пьяную руку возымѣлъ намѣреніе выдать свою единственную дочь за такого же самодура, какъ и самъ, старика—фабриканта Коршунова.

„Человѣкъ онъ буйный да пьяный, Африканъ — то Саввичъ“ — такъ характеризуетъ своего предполагаемаго зятя добрая Пелагея Егоровна.

Что же, въ такомъ случаѣ, побуждаетъ почтеннаго Гордѣя Карпыча (такъ звали отца семейства) искать съ нимъ родства?

— Онъ, извольте видѣть, прельстился московскимъ костюмомъ своего пріятеля, его „цивилизованностью,“ прельстился, наконецъ, тѣмъ, что будущій его зять отъ времени до времени живетъ въ Москвѣ и знается съ хорошими людьми, что онъ не чета какимъ—нибудь Разлюляевымъ, которые „цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходятъ, пьютъ наливки, вишневки разныя... а и не понимаютъ того, что на это есть шампанское; дураками непросвѣщенными живутъ, дураками и умрутъ.“

Прибавьте ко всему сказанному выше „какихъ — нибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ,“ о коихъ упоминаетъ дальновидный фабрикантъ,—и вамъ станетъ понятно, почему жадный и честолюбивый Торцовъ такъ упирается въ своемъ рѣшеніи выдать Любовь Гордѣевну за Коршунова.

Совершенно случайное происшествіе измѣнило планы деспота-отца. Коршуновъ съ пьяну зачванился, оскорбилъ Торцова, и онъ „на зло Коршунову“ выдалъ дочь за приказчика Митрія.

Послѣднему рѣшенію отчасти содѣйствовалъ родной братъ нашего самодура, который своею рѣзкою, но прямою и честною выходкою Африкана Савича „наставилъ Торцова на умъ.“

„Ну, дѣти“,—такъ заключаетъ отецъ, въ коемъ совершился до рѣзкости неожиданный нравственный переломъ; — „скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу, да живите счастливо“.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе разбираемой нами комедіи,—содержаніе, повторяемъ еще разъ, весьма незамысловатое.

Но обращаясь къ ея частностямъ, не знаешь, на чемъ остановиться: „въ ней русскій духъ, въ ней Русью пахнетъ.“

Прежде всего вся обстановка, въ которой разыгрывается дѣйствіе комедіи, носитъ на себѣ свой особый отпечатокъ,—отпечатокъ стародавней русской жизни. Здѣсь мы встрѣчаемъ ряженыхъ, подблюдныя пѣсни и гаданья. Отношенія между членами семьи и домочадцами, къ числу коихъ принадлежатъ приказчикъ Митя и нянюшка Арина, вполнѣ согласуются съ требованіями „Домостроя.“

Отецъ семейства является царемъ-деспотомъ въ своемъ маленькомъ царствѣ. Всѣ домашніе находятся у него въ полномъ подчиненіи и, что замѣчательно, считаютъ такое подневольное положеніе вполнѣ естественнымъ, согласнымъ съ законами Божескими и человѣческими.

„Я, матушка“,—говоритъ Пелагея Егоровна дочери — „люблю по-старому... да по-нашему, по-русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ. Что дѣлать, характеръ такой вышелъ.“

И въ другомъ мѣстѣ: „Смотритъ звѣремъ (Гордѣй-то Карпычъ), ни словечка не скажетъ, точно я не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь,

только и всего". Тѣмъ же характеромъ самовластія съ одной стороны и безусловной покорности съ другой отличаются и воззрѣнія на бракъ,—это святѣйшее изъ всѣхъ таинствъ.

Возымѣвъ намѣреніе выдать дочь за Коршунова, Гордѣй Карпычъ на всѣ протесты со стороны жены и дочери отвѣчаетъ категорическимъ „я такъ желаю", „я такъ приказываю", а вамъ-де въ такомъ случаѣ остается одно-покориться моей отцовской волѣ.

На такое категорическое заявленіе со стороны „самого" мать отвѣчаетъ приниженнымъ „не моя воля", хотя и страдаетъ въ душѣ, страдаетъ ужасно.

„Я совсѣмъ съ ума сошла"... вырывается у ней признаніе... „да... помѣшалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закрутилася... Горько, горько моему сердцу, голубчики!" Той же приниженной покорностью волѣ родительской, той же слѣпой покорностью суровой судьбѣ отличаются и подрастающія, молодыя силы.

„Полно ты, Митя"—утѣшаетъ Любовь Гордѣевна своего возлюбленнаго.— „Что мнѣ тебя обманывать, зачѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужъ оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца итти, чтобы про меня люди не говорили, да въ примѣръ не ставили. Хотя, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что по закону живу, никто мнѣ въ глаза смѣяться не смѣетъ. Прощай!"

Обращаемся теперь къ разбору характера главнаго дѣйствующаго лица комедіи—Гордѣя Карпыча Торцова.

Сущность его характера можетъ быть выражена коротко такъ: онъ представляетъ изъ себя типъ купца-самодура,— тотъ типъ, который Островскій взялъ изъ среды замоскворѣцкаго купечества.

Консерваторъ въ душѣ, Гордѣй Карпычъ надѣлъ на себя шкуру передоваго человѣка, но взятую на себя роль разыгрываетъ крайне неудачно.

Къ нему, какъ нельзя лучше, подходитъ извѣстное крыловское изреченіе: „Хоть ты и въ новой кожѣ, но сердце у тебя все то же".

Такъ, напримѣръ, его грубость доходитъ до крайности. Грубый по отношенію къ женѣ, дочери и домочадцамъ, онъ нисколько не стѣсняется присутствіемъ постороннихъ людей, наоборотъ даже, онъ къ нимъ самимъ относится не менѣе грубо. „Это что за сволочь!“ — кричитъ Гордѣй Карпычъ, указывая на гостей своей супруги.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣйствовала наряду съ грубостью и другая причина — нежеланіе „ударить въ грязь лицомъ“ передъ „цивилизованнымъ“ гостемъ. „Зарѣзала ты меня“ — доканчиваетъ онъ уже тихо начатый такъ рѣзко выговоръ женѣ.

Нѣсколько дальше онъ старается сгладить неблагопріятное, по его мнѣнію, впечатлѣніе, произведенное на Коршунова его домашней обстановкой. Когда этотъ послѣдній выражаетъ желаніе послушать пѣніе дѣвушекъ, что, съ точки зрѣнія „цивилизованнаго“ хозяина является по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ, Гордѣй Карпычъ говоритъ:

Какъ тебѣ угодно, Африканъ Саввичъ! Мнѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключай изъ этого про наше необразованіе-вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову. Сколько разъ говорилъ ей: хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было во всей формѣ.“

Что же можно заключить изъ всего сказаннаго нами о личности Торцова?

То же самое — такъ, по крайней мѣрѣ, мы думаемъ — что нами было сказано относительно всей комедіи: „въ ней русскій духъ, въ ней Русью пахнетъ“. Возьмемъ, въ довершеніе всего, ту рѣзкую перемѣну, какая произошла въ Торцовѣ и, вдобавокъ, безъ всякой основательной причины. Такой переломъ при отсутствіи серьезныхъ обстоятельствъ можетъ совершиться только съ русскимъ.

Чтобы покончить съ разборомъ національныхъ элементовъ пьесы „Бѣдность не порокъ“, укажемъ на особенности ея языка.

Въ этой пьесѣ мы встрѣчаемся съ пѣснями, носящими на себѣ чисто-русскую физіономію. Какъ, напримѣръ:

„Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка—
Вянетъ, сохнетъ добрый молодецъ — дѣтинка!!!

Кромѣ пѣсенъ пьеса изобилуетъ различными русскими прибаутками и типичными выраженіями въ родѣ: „Какія нѣжности при нашей бѣдности“, „Милости прошу къ нашему шалашу“, „Славныя штучки Любимъ Карпычъ отмачиваетъ“, „Такія пули отливаетъ, что только люли!“

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ воспитательномъ значеніи, какое, безспорно, имѣютъ, а въ особенности имѣли произведенія Островскаго, въ частности разобранная нами пьеса.

Они (эти произведенія) облагороживали молодежь, указывая ей на тѣ печальныя послѣдствія, какія влекутъ за собою грубость, невоздержность, легкомысліе, пьянство.

Въ этомъ смыслѣ произведенія Островскаго отличаются дидактическимъ характеромъ, на что указываютъ самыя названія комедіи.

Уже современники отдавали должное Островскому, какъ воспитателю молодежи.

„Ты воспиталъ поколѣнія“ — говоритъ Кропочевъ въ своей надгробной рѣчи — „на отечественной сценѣ и въ родномъ быту... Изъ темнаго царства, изъ мрака невѣжества и заблужденій ты выводилъ людей на путь ясный, открытый. Созданною тобою драмою ты освѣтилъ ихъ умы, смягчилъ сердца, вдохнулъ въ нихъ чувства человѣчности. Великъ твой добрый геній! Велики твои заслуги для русской земли!.. Вслѣдъ за тобою, рано или поздно, въ могилу сойдемъ и мы, сойдутъ и воспитанныя уже тобою поколѣнія, а твой безсмертный геній будетъ просвѣщать и воспитывать новыя и новыя нарождающіяся поколѣнія“.

Н. Л.

№ 34.

„Гроза“ Островскаго.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Краткое содержаніе пьесы и ея художественный колоритъ.

Изложеніе. Разборъ пьесы и характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

A. Стихіи русской жизни, нарисованныя въ пьесѣ:

I Самодуры и личности приниженныя:

1) Дикой и Кабаниха,

2) Тихонъ;

II Представители жизнерадостнаго настроенія:

1) Варвара и

2) Кудряшъ;

III Личность Катерины:

1) вліянія, подъ какими она выросла,

2) ея религіозность,

3) возвышенная мечтательность,

4) жажда любви,

5) вѣрность супружескому долгу,

6) самонаказаніе,

7) Катерина — героиня долга.

B. Вліяніе обстановки темнаго царства на его обитателей:

I Объясненіе понятія „темное царство".

II Качества, развивающіяся въ его обитателяхъ:

1) нравственная подавленность,

2) хитрость, обманъ, подлость,

3) неуваженіе къ законамъ,

4) умственная неразвитость,

5) отсутствіе образованія,

6) преданность традиціямъ,

7) жизненная неумѣлость,

8) непониманіе самыхъ элементарныхъ нравственныхъ положеній,

9) эгоизмъ.

III Тяжелое впечатлѣніе, производимое „темнымъ царствомъ" на свѣжаго человѣка.

Заключеніе. „Гроза" — откуда это названіе?

Островскаго, драматическія произведенія особенно замѣчательны типическими лицами. Изучивъ въ совершенствѣ бытъ русскаго купеческаго сословія, авторъ постоянно выводитъ

изъ него на сцену характеры, разнообразя свои сочиненія богатствомъ красокъ жизни и самыми вѣрными чертами домашняго быта.

Содержаніе разбираемой нами драмы, подобно всѣмъ произведеніямъ Островскаго, не отличается особенной замысловатостью.

Впрочемъ, въ новой своей драмѣ онъ значительно расширилъ горизонтъ для дѣятельности своего таланта.

„Не семья одна“ — говоритъ Плетневъ — „съ обычными видоизмѣненіями лицъ и характеровъ ихъ составляетъ предметъ изученія поэта: ему захотѣлось воспользоваться, въ нѣкоторомъ отношеніи, общественною жизнью маленькаго русскаго городка, прекраснымъ его мѣстоположеніемъ на берегу Волги, особенностями полусельскихъ и полугородскихъ обычаевъ нашихъ, столкновеніями еще замѣтно господствующаго невѣжества и уже, хотя случайно, проглядывающей образованности.“

Въ этотъ богоспасаемый городокъ попадаетъ прямо изъ Москвы молодой человѣкъ изъ купеческаго сословія.

Въ скоромъ времени у него завязываются близкія сердечныя отношенія съ молоденькой женщиной, супругой одного изъ обитателей хлѣбороднаго городка.

Эта, какъ мы увидимъ, прекрасная молодая женщина сосредоточиваетъ на себѣ весь интересъ драмы. Взятая изъ бѣднаго семейства и обвѣнчанная съ нелюбимымъ и — что всего хуже — нелюбящимъ ее человѣкомъ, она съ перваго же дня супружеской жизни попадаетъ въ подневольное положеніе.

Отсутствіе собственной воли, собственнаго уголка, собственной копейки, права жить собственнымъ умомъ и собственнымъ чувствомъ—вотъ грустные аттрибуты ея замужества.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что душа молодой женщины въ сферѣ самой будничной сѣренькой жизни, незамѣтно для нея самой, раскрывается для поэтическихъ, высокихъ внушеній чувствуетъ потребность въ сліяніи съ другою душой, родственно — близкой ей по ощущеніямъ и желаніямъ.

На этомъ законѣ естественней симпатіи двухъ одинаково мыслящихъ и чувствующихъ молодыхъ, еще неопошленныхъ жизнью, существъ и основана завязка драмы, оканчивающейся самовольною смертью несчастной жертвы роковой любви.

„Въ драматической ея исторіи все идетъ постепенно и понятно. Въ изложеніи переходовъ ея сердца отъ одного чувства къ другому ничего нѣтъ ошибочно придуманнаго, ни черезъ мѣру усиленнаго. Вы съ истиннымъ участіемъ входите въ положеніе ея; чувствуете, что въ ея отношеніяхъ къ мужу и прочимъ лицамъ семейства ничего нѣтъ неправильнаго, ничего вызывающаго укоризну. Наконецъ, самое заблужденіе ея, въ которомъ она дошла до возмутительнаго проступка, такъ связано съ неотвратимыми обстоятельствами ея семейнаго положенія, что оно вызываетъ одно невольное сожалѣніе—и тутъ — то выказывается полный успѣхъ драматическаго дарованія автора."

Вотъ тѣ краткія данныя изъ содержанія драмы, которыя необходимы намъ для того, чтобы приступить къ тщательному ея разбору.

Въ „Грозѣ" — говоритъ Незеленовъ — „съ изумительной силой художественности нарисовалъ поэтъ три стихіи русской жизни: жестокіе нравы самодурнаго быта Дикихъ и Кабановыхъ, веселье молодой жизни, близкой къ природѣ, и возникающее и гибнущее въ роковой дѣйствительности личное начало, готовое быть въ мирѣ съ окружающимъ, признавъ и принявъ его правдивыя стороны, но непризнаваемое и отталкиваемое, ибо въ этомъ окружающемъ правда и ложь, добро и зло неразрывно перепутались."

— Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! говоритъ Кулигинъ Борису произображенный въ драмѣ купеческій міръ)... у кого деньги есть, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать... А между собой — то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; залучаютъ въ свои хоромы пьяныхъ приказныхъ... а тѣ имъ за малую благостыню на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы строчатъ на ближнихъ...

Живутъ всѣ замкнувшись, взаперти.

— Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся. Нѣтъ, сударь!

И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ поѣдомъ да семью тиранятъ.

И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и

неслышимыхъ!... И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянства... Семья, говоритъ, дѣло тайное, секретное! Знаемъ мы эти секреты — то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волкомъ воютъ. Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ такъ, чтобъ ни о чемъ, что онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ. Представителями въ драмѣ такихъ дикихъ нравовъ, такого деспотически — суроваго отношенія къ людямъ, волею судебъ поставленнымъ въ зависимое, подневольное положеніе, являются Дикой и Кабаниха.

Но между этими самодурами замѣчается существенная разница, — разница, заключающаяся въ томъ, что первый дѣйствуетъ исключительно по голосу своей злой воли да, можетъ быть, еще подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, а вторая гнетъ и ломаетъ жизнь, отравляетъ существованіе своему сыну, своей невѣсткѣ, губитъ свою дочь во имя принциповъ, законовъ.

Савелъ Прокофьичъ Дикой — самодуръ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Что взбредетъ въ его ограниченную голову, то онъ и дѣлаетъ, и нраву его никто не смѣетъ и не долженъ препятствовать.

Основной чертой его характера, его больнымъ мѣстомъ является жадность къ деньгамъ; поэтому никто изъ его приказчиковъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья. И Савелъ Прокофьичъ находитъ основательную, по его мнѣнію, мотивировку установившемуся у него обыкновенію.

„Нешто ты мою душу можешь знать?“ — говоритъ онъ Кудряшу — „А можетъ я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ.“

Никто конечно, не сомнѣвается, что почтенный Савелъ Прокофьичъ „во всю свою жизнь ни разу въ такое расположеніе не приходилъ“. Дикой самъ сознается въ этой своей слабости:

„Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить—обругаю. Я отдать—отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутреннюю разжигать станетъ.“

Онъ — „воинъ“, по оригинальному опредѣленію Кабанихи, и у него, по его собственному признанію, въ домѣ посто-

янно „война идетъ“. Изъ эгоизма онъ заставляетъ Бориса, который нелѣпымъ завѣщаніемъ своей бабки поставленъ въ зависимое отъ него положеніе, служить себѣ даромъ, ломается надъ нимъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ:

„Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: „не смѣй мнѣ на встрѣчу попадаться!“ тебѣ все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тьфу ты, проклятый!“

Таковъ духовный обликъ Дико́го,—этого типичнаго представителя ничѣмъ нестѣсняемаго самодурства. Кабаниха представляетъ собою противоположность Дикому: она — человѣкъ твердыхъ принциповъ, но принциповъ ужасныхъ, безпощадныхъ и безчеловѣчныхъ.

„Ханжа, сударь! Нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ,“—совершенно правильно характеризуетъ ее Кулигинъ.

Она облекла созданные собственной фантазіей нравственные законы въ оболочку чисто драконовской суровости и ни въ коемъ случаѣ не согласится хоть на одну іоту отступить отъ нихъ.

Но Кабаниха страшна не столько своими суровыми убѣжденіями, сколько своею твердостью въ нихъ. Для нея „fiat justitia—pereat mundus“, т. е. „пусть міръ погибнетъ, но да восторжествуетъ принципъ.“ Она терзаетъ слабовольнаго сына, терзаетъ безотвѣтную Катерину и никогда не чувствуетъ своей виновности передъ ними.

Единственной свѣтлой чертой характера Кабанихи является любовь къ дочери.

— „Я со двора пойду! — заявляетъ Варвара.

— „А мнѣ что! (ласково отвѣчаетъ суровая мать). Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься!“

Если Дико́й и Кабаниха могутъ быть названы самодурами, то Тихонъ, безъ всякаго сомнѣнія, является личностью забитой и приниженной.

Онъ безъ борьбы отказался отъ собственной воли и собственной мысли.

„Да какъ же я могу, маменька, васъ ослушаться! „Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить!“ — такія рѣчи сплошь да рядомъ срываются съ его языка. Мать, конечно, одобряетъ его за это; но, какъ

обыкновенно бываетъ съ подобнаго рода людьми, она сама же его и не уважаетъ; не уважаетъ его и Варвара. Что же за личность этотъ приниженный матерью и сестрой Тихонъ?

Онъ, повидимому, человѣкъ добрый и съ хорошими задатками. Жену свою онъ любитъ настолько, насколько это было возможно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ относится къ ней съ довѣріемъ и вовсе не желаетъ сдѣлать изъ нея „рабу желаній легкихъ мужа,“ существо безотвѣтное и приниженное, — не желаетъ, несмотря на то, что самъ до—нельзя приниженъ.

Несмотря на все это, онъ не только не можетъ защищать бѣдную женщину отъ тѣхъ оскорбленій, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались изъ устъ своевольной Кабанихи, но и самъ наноситъ ей оскорбленія, правда, по приказанію матери.

Любовь для него не играетъ важной роли; собственная воля и возможность загулять на свободѣ, безъ присмотра, для него дороже всего.

Онъ самъ глупо и слѣпо губитъ и жену, и себя, и возможность своего счастья. Катерина, боясь своихъ порывовъ, боясь грезящейся ей „грозы“, проситъ его взять ее съ собою, но онъ наотрѣзъ отказывается.

„Да неужели ты разлюбилъ меня?“ — вырывается отчаянный стонъ изъ груди бѣдной женщины.

„Да не разлюбилъ (отвѣчаетъ онъ съ досадой), а съ такой-то неволи отъ какой хочешь красавицы—жены убѣжишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?“

Впрочемъ, у Тихона есть сердце: когда Катерина при свекрови начинаетъ каяться, разсказывать свой проступокъ,— онъ принимаетъ всѣ мѣры предосторожности, желая скрыть истину отъ безпощадной матери и тѣмъ спасти свою жену отъ ея гнѣва.

А когда Катерина покончила съ собою, въ немъ произошелъ рѣзкій переломъ: совѣсть одержала побѣду надъ слѣпою покорностью деспотичной матери.

„Маменька; вы ее погубили! вы, вы, вы“... — съ проклятіемъ вырывается изъ его груди смѣлое обвиненіе.

Такова стихія самодурнаго гнета сильныхъ надъ слабыми, унизительной приниженности и покорности слабыхъ, — стихія, нашедшая себѣ живое отраженіе въ „Грозѣ“. Другая стихія носитъ болѣе отрадный, даже привлекательный характеръ. Это веселье, радостный праздничный пиръ молодой жизни. Представителями этой стихіи въ драмѣ являются Варвара и Кудряшъ.

Мы не будемъ останавливаться долго на этихъ личностяхъ, — не будемъ потому, что онѣ не играютъ видной роли въ развитіи драмы.

Хитрость, обманъ, непониманіе самыхъ обыкновенныхъ нравственныхъ положеній и легкомысліе — вотъ основныя черты ихъ характеровъ.

Несмотря на это, какъ Варвара, такъ и Кудряшъ производятъ на читателя болѣе, чѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Удивительно сильное, поэтическое, неотразимое впечатлѣніе производитъ на зрителя сцена третьяго акта „Грозы“, чудная сцена въ оврагѣ на Волгѣ.

„И вотъ, среди этихъ противоположныхъ стихій народной дѣйствительности появляется энергическая, благородная личность молодой женщины, Катерины“. Она не можетъ подчиниться самодурному гнету и принизиться; она не можетъ пойти и на сдѣлки съ совѣстью, что такъ легко удается Варварѣ и Кудряшу, не можетъ вступить на дорогу лжи. И она, какъ и слѣдуетъ ожидать, гибнетъ.

Глубоко задуманный, поэтически-цѣльный образъ несчастливицы Катерины занимаетъ весьма видное мѣсто не только въ галлереѣ женскихъ портретовъ Островскаго, но и во всей русской литературѣ.

Личность богато одаренная природой, глубоко—впечатлительная и сильная духомъ, Катерина росла и воспитывалась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ широкой и могучей русской рѣкой.—Она была любимицей въ родной семьѣ, жила и „ни о чемъ не тужила, точно птичка на волѣ“; мать въ ней „души не чаяла.“

Вотъ какъ она сама разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ: „Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключикъ, умоюсь, принесу съ собою водицы и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У мена цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы — у насъ полонъ

домъ былъ странницъ да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую нибудь работу, больше по бархату золотомъ; а странницы станутъ разсказывать, гдѣ онѣ были, что видѣли; житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было!"

Религіозныя впечатлѣнія дѣтства возвышенно настроили ея душу и оставили въ ней неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Будучи уже женой Тихона, Катерина любитъ Бога восторженно, страстно, нѣжно, любитъ церковь и пламенную молитву. —„Ахъ, Кудряшъ," —говоритъ Борисъ про нее — „какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица—то какъ будто свѣтится."

И свѣтлая, молодая, парящая къ небу мечтательность сохранилась въ душѣ Катерины,—сохранилась, несмотря на всю прозу ея супружеской жизни.

—„Отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? (говоритъ она Варварѣ). Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь?"

Если прибавить ко всему, только что сказанному о Катеринѣ, ея жажду любви, вѣрность супружескому долгу, самонаказаніе, всѣ тѣ качества, о коихъ мы упоминали, передавая содержаніе драмы, то образъ этой симпатичной женщины, этой героини долга предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ дѣвственномъ великолѣпіи.

Итакъ, мы познакомились съ содержаніемъ знаменитой драмы. Въ ней мы встрѣтились съ тѣмъ же „темнымъ царствомъ", какое нарисовано во всѣхъ произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Что же такое это „темное царство?" Какое вліяніе оказываетъ оно на своихъ обитателей? Вопросъ этотъ очень важенъ, а потому мы постараемся, насколько сумѣемъ, обстоятельно отвѣтить на него. Темное царство — „это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Тутъ страдаютъ наши братья; въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно ра-

зобрать черты лица человѣческаго. Они молчатъ, эти несчастные узники, — и только дикіе, безобразные крики самодуровъ нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ; господствующее надъ нимъ самодурство, дикое, безумное, неправое, прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ ихъ быть тамъ, гдѣ повержено въ прахъ, нагло и растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда".

Ни одной минуты полнаго отдыха не знаютъ подданные самодуровъ, ни тогда, когда ихъ повелители дома, ни въ ихъ отсутствіи: они съ трепетомъ ждутъ, что вотъ-вотъ вернется „самъ" и начнетъ проявлять свой „нравъ." Они напуганы на всю жизнь чуть не съ пеленокъ, они придавлены безформенной каменной плитой произвола и самодурства. Имъ не даютъ произнести ни звука въ свое оправданіе, имъ не позволяютъ вступать въ объясненія, не только что высказывать неудовольствіе или протестъ. Никакого намека на логику нѣтъ въ дѣйствіяхъ и въ сношеніяхъ съ окружающими у такого темнаго міра; на все отвѣчаетъ кулакъ, не знающій удержу. И этотъ всемогущій кулакъ забиваетъ на смерть души почти всѣхъ, подверженныхъ его дѣйствію. Образъ человѣческій исчезаетъ безслѣдно, и гробовая тишина не даетъ отзвука на крики самодуровъ. Но не всѣ подавляются окончательно.

И среди жителей темнаго царства какъ — то случайно оказываются сильныя натуры, ведущія подкопъ подъ своихъ властелиновъ и ухитряющіяся выбиться изъ — подъ давящаго ихъ гнета.

Но какими средствами добиваются онѣ этого: хитрость, обманъ, подлость, обманчивая покорность — вотъ ихъ средства. Съ безконечной настойчивостью роютъ эти люди яму подъ своимъ повелителемъ, но лишь затѣмъ, чтобы, сваливъ его, сѣсть на него, а самимъ приняться за угнетеніе слабыхъ, оказавшихся подъ ихъ властію. Трудно, почти невозможно винить ихъ за такой образъ дѣйствій: въ нихъ не воспитанъ человѣкъ, законовъ они не принимаютъ, потому что на самихъ себѣ испытали, что законъ — ничто; да безъ закона и лучше, свободнѣе. Что имъ за дѣло до страданій другихъ: они сами

изстрадались, теперь же пришелъ праздникъ и на ихъ улицу, теперь они выместятъ всѣ обиды, пусть не на обидчикахъ, но выместятъ. Ихъ умъ не развитъ, потому что ничто не развивало его, а наоборотъ, всякіе проблески ума и сообразительности преслѣдовались самодурной властью, которой невыгодно было имѣть дѣло съ разсуждающимъ людомъ. И ихъ мышленіе извратилось вплоть до отсутствія сознанія своихъ выгодъ, вплоть до тупоумія. Мужщины не въ состояніи подготовить самую незатѣйливую комбинацію, чтобы ловко обдѣлать свои дѣлишки, а женщины развлекаются разсказами о людяхъ съ песьими головами, 900 салтанахъ, которые что ни судятъ, то все неправильно: такой ужъ имъ предѣлъ положенъ.

Они лишены образованія, потому что отцы боятся, чтобы дѣти не сдѣлались умнѣе ихъ, а подчасъ просто изъ—за того, что отецъ такъ хочетъ, а вѣдь ему никто не указъ... Родители прожили весь свой вѣкъ безъ образованія, а дѣти будутъ въ школу ходить и книжки читать? Изъ-за этой же необразованности проистекаетъ и преданность традиціямъ, какъ бы онѣ ни были глупы.

Дѣти не сопротивляются власти родительской, хотя бы она лишь коверкала ихъ, жены остаются жить съ мужьями, которые только и дѣлаютъ, что пьянствуютъ да бьютъ ихъ. И все потому, что такъ, дескать, жили отцы и дѣды, слѣдовательно, и намъ надо жить такъ же. Правъ дѣтей, какъ самостоятельныхъ личностей, не признаютъ, и они растутъ невѣждами, безличными, безъ умѣнья смотрѣть на людей и жизнь своими глазами; изъ нихъ вырабатываются не люди въ полномъ смыслѣ слова, а какія-то подобія людей. Глядя на ихъ жизненную неумѣлость, невольно скажешь: „все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно." А выросши, сдѣлавшись людьми самостоятельными, когда образъ жизни и дѣйствій зависитъ лишь отъ нихъ однихъ, они остаются настоящими дѣтьми въ вопросахъ нравственности. Не говоря о томъ, что высшіе запросы ума и сердца имъ совершенно непонятны и незнакомы, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Ненормальность общественныхъ отношеній въ темномъ царствѣ доходитъ до крайняго своего предѣла. Буквально во всѣхъ вопросахъ — будьто преступленіе, будь самое обыкновенное жизненное положеніе, смыслъ котораго ясенъ для всѣхъ, — они подмѣчаютъ одну только внѣшнюю сторону,

внутренняя же сторона остается для нихъ закрытою семью замками областью. Въ нихъ нѣтъ ни слѣда даже того „философствованія,“ которымъ изрѣдка занимается Фамусовъ. Вокругъ нихъ, выражаясь словами Добролюбова, все такъ „просто, добродушно, глупо,“ всѣ жизненныя отправленія такъ точно предусмотрѣны и урегулированы не ими составленнымъ кодексомъ, что имъ остается лишь дѣйствоватъ согласно съ его указаніями, и все пойдетъ прекрасно. До того момента, какъ они садятся на престолъ самодурства, надъ ними царитъ самый дикій, самый безсовѣстный деспотизмъ, надъ ними стоитъ цѣлая іерархія самодурства. „Оно дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ всякій здравый смыслъ и всякую способность къ разумной, цѣлесообразной дѣятельности; грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности, уничтожаетъ даже довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности.“ Въ угнетенныхъ развивается масса всякихъ пороковъ, имѣющихъ лозунгомъ одно: какъ бы поудачнѣе надуть сильное лицо.

Угнетаемые соединяются въ одну партію, чтобы оказывать хоть нѣкоторое сопротивленіе вспышкамъ самодурства, но партію, объединенную только внѣшнимъ образомъ, потому что въ глубинѣ души каждый готовится быть въ свою очередь самодуромъ. Среди нихъ вы встрѣтите самодуровъ во всѣхъ стадіяхъ развитія: мать угнетаетъ дѣтей, а тѣ тоже при первой возможности выказываютъ свою силу, гдѣ только выпадаетъ случай.

Но и тутъ есть свои Обломовы. Это люди, которые сознаютъ весь ужасъ своего положенія, которые, быть можетъ, даже пытались сбросить сковывающія ихъ цѣпи, но у которыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ ошиблены крылья.

И они влачатъ жалкое существованіе, ничего не дѣлая, ни къ чему ни стремясь. А другіе, борющіеся, начинаютъ пить шампанское вмѣсто водки, надѣваютъ „нѣмецкое“ платье, сбриваютъ бороду. И тяжела же ихъ карьера.

Для того, чтобы получить право на самодурство, имъ приходится долгіе годы подличать и фальшивить, ежеминутно трепеща за то, что ихъ замыслы откроются. Зато, выка-

рабкавшись всѣми неправдами изъ своего прежняго зависимаго положенія, они начинаютъ давить и топтать менѣе удачливыхъ. Всѣ они — или почти всѣ — люди обыкновенные, могшіе сдѣлаться и дурными и хорошими, глядя по обстановкѣ, ихъ окружающей. Но они поневолѣ растлили себя, исказили свое нравственное существо. У самыхъ лучшихъ изъ нихъ едва замѣтны проблески высшаго нравственнаго развитія, но эти проблески надо разыскивать, чтобы выдѣлить ихъ изъ огромной кучи грязи, заполняющей сердце и умъ страстотерпцевъ и тирановъ темнаго царства.

Они обезличены, они неразумны и всегда готовы совершить какое угодно преступленіе, лишь бы оно было положено въ какой -- нибудь подходящій футляръ, — не вѣдая, что творятъ.

Почти всѣ придышались къ затхлой атмосферѣ своего міра. Однако и тутъ нѣтъ-нѣтъ да попадется личность, стремящаяся во что бы то-ни стало вырваться изъ-подъ гнета. Но увы, она обыкновенно не умѣетъ даже выбрать изъ двухъ золъ меньшее, въ которое приходится кидаться, чтобы уйти отъ давящей руки. И велико это темное царство, и многое множество населяютъ его.

Въ русской литературѣ есть два замѣчательныхъ произведенія, рисующія участь страдающихъ нашихъ братьевъ. Это —„Мертвый домъ" Достоевскаго и двѣ статьи Добролюбова, въ сущности составляющія одно цѣлое и посвященныя объясненію пьесъ Островскаго, смыслъ коихъ не былъ бы такъ ясенъ безъ этихъ статей. Да, грустное, тяжелое впечатлѣніе производитъ чтеніе произведеній, живописующихъ бытъ и нравы темнаго царства,—тяжелое тѣмъ болѣе, что всякій видитъ, что художникъ ни іоты не прибавилъ къ видѣнному имъ въ дѣйствительной жизни, а лишь отразилъ его въ своихъ твореніяхъ.

То же самое слѣдуетъ сказать по поводу разобранной нами драмы. Въ ней мы знакомимся съ тѣмъ же темнымъ царствомъ со всѣми его ужасными аттрибутами. Къ „Грозѣ" вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова Добролюбова:

„Предъ нами грустно покорныя лица
нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ
судьбою на зависимое, страдательное
существованіе."

Въ заключеніе остается рѣшить вопросъ, почему Островскій назвалъ свою пьесу „Грозой“, — въ чемъ заключается эта гроза для Катерины и въ чемъ для ея притѣснителей.

—-Для Катерины гроза заключается въ борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ: добраго, являющагося слѣдствіемъ ея воспитанія и впечатлѣній дѣтства, и злого, плода вліянія на нее темнаго царства. Въ этой борьбѣ доброе начало одерживаетъ верхъ, и она какъ искупительная жертва погибаетъ. Что касается самодуровъ, то для нихъ гроза заключается въ предчувствіи новыхъ вѣяній, съ которыми не въ силахъ бороться ихъ самодурская мораль и власть, основанная на тупомъ невѣжествѣ окружающихъ.

О грозѣ, какъ физическомъ явленіи, мы и не говоримъ.

Н. Л.

№ 35.

Женскіе типы въ пьесахъ Островскаго.

Вступленіе. Причины, вслѣдствіе которыхъ женщины обезличены.

Изложеніе. Женскіе типы Островскаго:

I. Самодурки:
- а. Кабанова,
- б. Уланбекова,
- в. Липочка Большова,
- г. Аграфена Кондратьевна,
- д. Настасья Панкратьевна;

II. Забитыя:
- а. Авдотья Максимовна,
- б. Любовь Гордѣевна,
- в. Пелагея Егоровна,
- г. Улита Никитишна,
- д. Анна Петровна и Марья Андреевна,
- е. Даша;

III. Самостоятельныя:

а. Серафима Карповна,

б. Матрена Савишна и Марья Антиповна,

в. Варвара;

IV. Сильныя:

а. Надя,

б. Катерина.

Заключеніе. Вліяніе темнаго царства на женщинъ.

Сильные темнаго царства давятъ и гнетутъ все вокругъ себя. Ихъ самодурство не знаетъ предѣловъ надъ обѣими половинами человѣческаго рода, но, разумѣется, оно отзывается значительно сильнѣе на его слабѣйшихъ вообще представителяхъ, т. е. на женщинахъ. Съ внѣшней стороны ихъ сжимаетъ самодурная воля повелителя, съ внутренней же они лишены живого нравственнаго развитія, а вслѣдствіе этого и душевныя ихъ силы остаются въ зачаткѣ, дѣлаясь непригодными для того, чтобы можно было опереться на нихъ въ трудную минуту жизни. Мышленіе и духовный складъ женщинъ извращается. Можетъ быть, и хорошія, чистыя натуры теряютъ свои задатки и поневолѣ развращаются; что же остается сказать о личностяхъ, отъ природы не получившихъ свѣтлаго ума и сердца? Рѣдко-рѣдко кто можетъ сопротивляться вліянію окружающей среды. Но громадное большинство подчиняется обстановкѣ и заражается пороками, которыми напитана вся атмосфера вокругъ нихъ.

Самый заразительный изъ этихъ пороковъ, безъ сомнѣнія, самодурство. Даже замужнія женщины, гдѣ только могутъ, проявляютъ самодурныя наклонности. А тѣ, которыя остались главами семействъ, немногимъ отличаются отъ самодуровъ мужчинъ. Представителями послѣдней категоріи являются Кабанова („Гроза") и Уланбекова („Воспитанница"). Съ Кабановой мы знакомимся въ тотъ періодъ ея жизни, когда устои, поддерживавшіе ея міросозерцаніе, начинаютъ давать трещины и пошатываться. Она чувствуетъ это, но все же не перестаетъ попрежнему грызть своихъ домочадцевъ, даже, пожалуй, съ большимъ, чѣмъ раньше, ожесточеніемъ и постоянствомъ. Но отношеніе къ ней подчиненныхъ уже измѣнилось. Сынъ по временамъ уѣзжаетъ изъ дому, чтобы „погулять" вдали отъ

материнскаго надзора; дочь втихомолку отъ матери, тоже пользуется жизнью; а невѣстка и совсѣмъ вырывается изъ — подъ власти свекрови. Однако, Кабанова мало смущается этимъ, тѣмъ болѣе, что она недостаточно хорошо освѣдомлена о дѣйствіяхъ своихъ дѣтей. Она поѣдомъ ѣстъ Варвару и Катерину, а Тихона доводитъ до того, что онъ ждетъ-не-дождется того момента, когда можно будетъ удрать куда-нибудь изъ Калинова. „Я какъ выѣхалъ, разсказываетъ онъ про одну изъ своихъ поѣздокъ, такъ загулялъ. Ужъ очень радъ, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ; такъ это кучу, что на-поди! Такъ, чтобы ужъ на цѣлый годъ отгуляться!“ И такъ сладко приходится мужчинѣ. А вѣдь женщины-то еще болѣе связаны съ домохозяйкой. И это тогда, когда Кабаниха чувствуетъ на себѣ сіяніе луча, проникшаго въ темное царство.

Уланбекова же проводитъ жизнь въ своемъ имѣніи задолго до зарожденія этого луча. Кругъ ея дѣятельности значительно обширнѣе круга Кабановой, такъ какъ она помѣщица, и притомъ помѣщица, обладающая связями. Тогда какъ Кабанова можетъ самодурствовать лишь у себя дома, надъ родными да надъ немногочисленной прислугой, у Уланбековой цѣлый штатъ крѣпостныхъ, воспитанницъ и приживалокъ, и въ близъ лежащемъ городѣ она имѣетъ сильную руку въ лицѣ тамошнихъ высокопоставленныхъ людей. Она тиранствуетъ надъ своими крѣпостными, а воспитанницъ выдаетъ замужъ за мелкихъ чиновниковъ, подчасъ въ такихъ случаяхъ, когда обѣ стороны вовсе не желаютъ связываться узами Гименея. Она всегда поступаетъ согласно съ разъ принятымъ мнѣніемъ: „я не люблю, когда разсуждаютъ. Я смолоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались“. И никто не въ силахъ ей перечить, потому что она всякаго въ состояніи усмирить и заставить дѣйствовать такъ, какъ ей нравится. Что самое ужасное въ ней, это то, что Уланбекова вполнѣ увѣрена въ своей правотѣ и что всѣ окружающіе ее увѣрены въ томъ же... Она барыня, какъ же смѣетъ какой—нибудь приказный не исполнить ея желанія, а тѣмъ болѣе ея собственная воспитанница или крѣпостной?

Самодурки-женщины значительно вреднѣе самодуровъ-мужчинъ, потому что онѣ мелочнѣе и язвительнѣе проявляютъ

свою волю. Онѣ болѣе донимаютъ словами и попреками, чѣмъ дѣйствiями, а вѣдь это много чувствительнѣе.

Интересно прослѣдить ростъ такой самодурки. Возьмемъ Липочку Большову. Еще будучи дѣвушкой, она на каждомъ шагу воевала съ своей матерью и неоднократно выражала претензiю на то, что ей, образованной барышнѣ, приходится переносить на себѣ всякiе капризы папеньки. Уже сдѣлавшись невѣстой Подхалюзина, она говоритъ ему: „старики почудили на своемъ вѣку; будетъ, теперь намъ пора.“ Такимъ образомъ вступая въ жизнь самостоятельной личностью, она заранѣе предначертываетъ программу будущей дѣятельности, сбираясь поступать по опредѣленной формулѣ. А выйдя замужъ и заживъ собственнымъ домомъ, Олимпiада Сампсоновна отказывается платить отцовскiе долги, заявляя ему: „я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила—свѣту не видала; что же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?“. И ее не переубѣдишь никакими доводами, потому что такъ ей кажется, потому что ужъ теперь ей никто не указъ.

Ея мать тоже, несмотря на весь свой трепетъ передъ мужемъ, проявляетъ замашки самодурства. У нея „семь пятницъ на недѣлѣ“, Тишку она очень исправно бьетъ, а съ дочерью, какъ уже было сказано, она постоянно воюетъ.

И Настасья Панкратьевна („Въ чужомъ пиру похмелье“) наряду съ забитостью отличается многими качествами самодура со связанными крыльями, которому обстоятельства не позволяютъ проявиться во всей своей натуральной красѣ. За спиной мужа она, однако, развертывается, что называется, во всю. Такъ, она покрикиваетъ на взрослаго сына, и другимъ говоритъ о немъ: „и такъ боекъ, а какъ обучатъ-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ: хоть изъ дому бѣги.“ — Слово „уважать не станешъ“ для Настасьи Панкратьевны равносильно тому, что сынъ вдругъ начнетъ оказывать отпоръ ея требованiямъ или возстанетъ противъ ея морали. Зато передъ мужемъ она превращается въ ничто, въ окончательно безвольную и забитую личность.

Все же она теряетъ образъ человѣческiй лишь на глазахъ у мужа. Авдотья же Максимовна ни минуты не можетъ почувствовать себя свободной отъ воли отца. Даже бѣжавъ изъ дому съ приглянувшимся ей гусаромъ, она все безпокоится

о томъ, что вдругъ отецъ проклянетъ ее. Бѣдная Авдотья Максимовна совершенно безправна и безгласна, вслѣдствіе даннаго ей воспитанія. Она доходитъ до идіотства въ своемъ незнаніи жизни, въ своемъ неумѣньѣ разобраться въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ. „Самая любовь ея къ отцу, парализуемая страхомъ, неполна, неразумна и неоткровенна“. Ея характеръ совсѣмъ невыработанъ, хотя она и взрослая дѣвушка, и изъ нея каждый можетъ сдѣлать все, что ни захочетъ; ея сердце, по образному выраженію Добролюбова, „расплывающееся тѣсто.“ И все это оттого, что Авдотью Максимовну исковеркало обращеніе съ нею отца. Въ ней нѣтъ ничего положительнаго и твердаго.

Менѣе забита Любовь Гордѣевна („Бѣдность не порокъ“). Однако наше выраженіе „менѣе“ надо понимать въ опредѣленномъ смыслѣ, потому что различіе въ забитости Авдотьи Максимовны и Любови Гордѣевны въ высшей степени микроскопично. Она тоже безъ ясно выраженной воли Гордѣя Карпыча шагу ступить не смѣетъ. Она сильно любитъ приказчика Митю, но всёже не рѣшается бѣжать съ нимъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, виноватъ самъ Митя, недостаточно настойчиво требующій этого отъ Любови Гордѣевны, да и самъ не слишкомъ убѣжденный въ удачѣ задуманнаго предпріятія. Когда же Гордѣй Карпычъ объявляетъ ей, что она должна итти замужъ за Коршунова, то Любовь Гордѣевна отвѣчаетъ ему: „я приказу твоего не смѣю ослушаться.“

И Пелагея Егоровна не смѣетъ слова пикнуть передъ Гордѣемъ Торцовымъ, а въ отсутствіе его только жалуется да вздыхаетъ.

А сколько глубокаго тупоумія и пошлости въ большинствѣ изъ женщинъ темнаго царства. Все это является результатомъ ихъ забитости и невѣжества.

Загляните хотя бы въ „Грозу“ или въ „Не сошлись характерами“ и послушайте разговоръ (въ послѣдней пьесѣ) Карпа Карпыча съ Улитой Никитишной о женщинахъ-дамахъ, да о грѣховности чаепитія.

Также тупы и Анна Петровна съ Марьей Антоновной („Бѣдная невѣста“). Онѣ забиты не однимъ какимъ-нибудь лицомъ, а всѣмъ міросозерцаніемъ Замоскворѣчья, гдѣ происходитъ дѣйствіе комедіи. Онѣ сами себя увѣрили, что ихъ всякій можетъ обидѣть, и все время плачутся на свою судьбу.

Кому дѣйствительно слѣдуетъ плакаться на судьбу, такъ это Дашѣ („Не такъ живи, какъ хочется“). Мужъ, котораго она безумно любитъ, только и дѣлаетъ, что пьянствуетъ и бьетъ ее и обзаводится любовницей. Даша убѣгаетъ отъ него къ родителямъ, но тѣ уговариваютъ ее вернуться къ мужу, потому что кого Богъ соединилъ, того человѣкъ разлучить не имѣетъ права.

Даша поступила довольно самостоятельно, бѣжавъ отъ мужа, но ей далеко до Серафимы Карповны („Не сошлись характерами“), которая не даетъ своихъ денегъ въ распоряженіе мужа, желая быть госпожей своихъ дѣйствій. Она разсуждаетъ при этомъ такъ: „что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? — тогда я ничего не буду значить!“

Но у Серафимы Карповны есть большой козырь въ видѣ денегъ, поэтому она и не боится никого. Матренѣ же Савишнѣ съ Марьей Антиповной („Семейная картина“) приходится хитрить и изворачиваться, чтобы пожить въ свое удовольствіе. Онѣ обманываютъ Степаниду Трофимовну и Антипа Антипыча всевозможными способами. Отпросившись въ церковь, онѣ ѣдутъ въ Останкино или въ Сокольники и тамъ весело проводятъ время въ компаніи съ разными молодыми людьми. Прикидываясь вполнѣ благонравными, онѣ то и дѣло „поднимаются на хитрости“ и ловко обдѣлываютъ свои дѣлишки.

Точно также поступаетъ и Варвава („Гроза“). Несмотря на то, что за ней неотступно слѣдитъ мать, она успѣваетъ устраивать по ночамъ свиданья съ Кудряшемъ, да еще учитъ Катерину: „дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.“

Развѣ виноваты эти женщины въ своей глубокой развращенности? Самодурство пожинаетъ то, что сѣетъ, да кромѣ того еще портитъ въ концѣ всѣхъ, кто подверженъ его губительному вліянію. Слабыхъ оно превращаетъ въ забитыхъ животныхъ; обыкновенные люди безповоротно развращаются; сильныхъ оно ломаетъ.

Такъ было съ Надей („Воспитанница“) и съ Катериной. Надя не смогла вынести гнета Уланбековой и бросилась въ объятія ничтожнаго Леонида. „Хоть часъ, да мой,“ думала она при этомъ. И дѣйствительно, только часъ находилась бѣдная дѣвушка въ самозабвеніи. А Катерина горячо полюбила тоже не стоившаго ея мизинца Бориса Григорьевича и

кончила жизнь самоубійствомъ. Всю свою жизнь она рвалась куда-то, но жизнь ломала и ломала ее, и Катерина нашла успокоеніе только въ волнахъ Волги, такой же широкой и сильной, какой была бы Катерина, не попади она въ темное царство..

Да, много жертвъ поглотило это царство, много людскихъ душъ засосала его тина. Слѣпыми и глухими ко всему человѣческому бродятъ его обитатели.

Мужчины лишаются своихъ отличительныхъ чертъ, а женщины теряютъ всю женственность и превращаются въ рабынь самодурнаго гнета и самодурной морали. Надруганіе надъ человѣкомъ доходитъ здѣсь до своего апогея. *)

Б.

№ 36.

Сравненіе былинъ графа Алексѣя Толстого съ древне-русскими былинами.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Народныя произведенія, какъ богатый матеріалъ для поэтовъ.

Изложеніе. Сравненіе былинъ гр. А. Толстого съ древне-русскими былинами.

А.— Былины гр. А. Толстого и древне-русскія сходны:

1) по сюжету и характеру изображенія героевъ;
2) по эпическому складу.

Б.— Различны:

---

*) Здѣсь разобраны типы только тѣхъ пьесъ Островскаго, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ „темномъ царствѣ.“

1) по содержанію:

а) художественная обработка гр. А. Толстымъ былинныхъ сюжетовъ — ихъ необработанность и простота въ оригиналѣ;

б) тенденціозность нѣкоторыхъ былинъ гр. А. Толстого;

2) по формѣ:

примитивный народный стихъ въ былинахъ и прекрасный образный стихъ гр. Алексѣя Толстого.

Заключеніе. Значеніе былинъ гр. Алексѣя Толстого по отношенію къ древне-русскимъ былинамъ.

Въ самомъ началѣ XIX вѣка наиболѣе видные представители русской литературы мало-по-малу начинаютъ приходить къ сознанію необходимости избавить ее отъ рабскаго подражения западно-европейскимъ образцамъ,—подражанія, выросшаго на почвѣ совершеннаго отрицанія родной музы.

„Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ",—

совершенно правильно опредѣлилъ Пушкинъ настроеніе современнаго ему русскаго общества.

Лучшіе русскіе писатели XIX вѣка понимали, что для образованія самобытной литературы необходимо искать матеріала для нея въ самой жизни народа, понимали также, что „жизнь и поэзія—одно."

Такъ, уже Жуковскій, прославившійся своими мастерскими переводами и подражаніями западно европейскимъ образцамъ, бралъ сюжеты для своихъ произведеній и изъ чисто-русскихъ источниковъ. Таковы его „Свѣтлана" и сказки: „Объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ", „О вѣщей царевнѣ" и „О царѣ Берендеѣ."

Позднѣйшіе русскіе писатели шли по указанному Жуковскимъ пути и все чаще и чаще обращались за матеріаломъ для своихъ произведеніи къ богатой народной поэзіи. Особенно любилъ ее Пушкинъ, который, какъ мы знаемъ изъ его біографіи, съ жадностью слушалъ сказки и пѣсни своей няни и

затѣмъ обработалъ ихъ въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній. Таковы его сказки: „О царѣ Салтанѣ“, „О рыбакѣ и рыбкѣ“, нѣкоторыя пѣсни, напримѣръ, „Дѣвушки-красавицы“ и баллады: „Утопленникъ“, „Бѣсы“ и др.

Преемникъ Пушкина, геніальный Лермонтовъ, также бралъ сюжеты для своихъ произведеніи изъ народной поэзіи. Къ числу такихъ произведеній относится, между прочимъ, его „Пѣснь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и купца Калашникова“.

Послѣдователи Пушкина и Лермонтова продолжали смотрѣть на народную поэзію, какъ на богатый источникъ для своихъ произведеній. Ихъ примѣру слѣдовали и новѣйшіе русскіе поэты. Такъ, графъ Алексѣй Толстой очень любилъ русскія народныя произведенія, восторгаясь княжеско-вѣчевымъ періодомъ русской исторіи и относясь не вполнѣ дружелюбно къ послѣдующему московскому періоду. Изъ первой эпохи онъ разработалъ нѣсколько былинныхъ сюжетовъ. Изъ былинъ графа Алексѣя Толстого особеннаго вниманія заслуживаютъ „Илья Муромецъ“, „Алеша Поповичъ“, „Садко“, „Змѣй Тугаринъ“ и „Сватовство“. Самое названіе упомянутыхъ нами былинъ даетъ основаніе для сравненія ихъ съ древне-русскими былинами, съ коими эти первыя, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, сходны по сюжету.

Возьмемъ для сравненія какія-нибудь двѣ былины: одну графа Алексѣя Толстого, другую — древне-русскую. Такъ въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, — этомъ любимомъ народномъ героѣ,—какъ у графа Алексѣя Толстого, такъ и въ древне-русскихъ, замѣчаемъ нѣкоторое сходство въ фактахъ. Въ одной, напримѣръ, изъ древне-русскихъ былинъ упоминается о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ; этотъ сюжетъ нашелъ себѣ отраженіе и подъ перомъ Алексѣя Толстого.

Указываемое нами сходство выражается не въ какихъ-либо мелочахъ, въ чемъ графъ Алексѣй Толстой расходится съ древне-русскими былинами, а лишь въ совершенно одинаковомъ изображеніи чертъ характера этого богатыря.

Въ древне-русскихъ былинахъ Илья Муромецъ изображенъ совершенно простымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ товарищей, — человѣкомъ, который, несмотря на рѣзкую перемѣну въ своемъ общественномъ положеніи, остался вѣрнымъ преданіямъ дѣтства и вос-

питанія Точно также и въ изображеніи графа Алексѣя Толстого этотъ могучій богатырь является совершенно простымъ мужикомъ, котораго нисколько не измѣнили условія жизни при княжескомъ дворѣ:

„Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя"—читаемъ у Толстого—
„Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья!"

Сознаніе простоты замѣчается въ словахъ самого Ильи:

„Дворъ мнѣ, княже,"—говоритъ онъ,—„твой не диво.
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!"
. . . . .
„Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ Царьградскихъ, отъ куреній
Голова болитъ."

То же сходство сюжетовъ и типовъ въ сравненіи съ оригиналомъ находимъ мы во всѣхъ остальныхъ былинахъ графа Алексѣя Толстого.

Такъ, Алеша Поповичъ, вполнѣ согласно съ древне-русскими былинами, изображенъ личностью увлекающейся и одаренной (это ужъ Толстой прибавилъ отъ себя) богатой артистической натурою:

„За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червленный щитъ;
Супротивъ его царевна
Полоненная сидитъ."

Эту царевну народный русскій Донъ-Жуанъ заманилъ въ лодку своею артистическою игрою на гусляхъ и удалою пѣсней молодецкою.

Въ разсмотрѣнной нами былинѣ, какъ въ древне-русской, такъ и у графа Алексѣя Толстого выраженъ взглядъ русскаго народа на важное значеніе и силу музыки и пѣнія. Правда, поэтъ допустилъ здѣсь маленькую вольность: онъ перенесъ на Алешу Поповича качество Добрыни Никитича — его умѣнье артистически играть на гусляхъ, но въ остальномъ образъ Алеши остался такимъ же, какъ и въ былинахъ, называющихъ его „бабьимъ перелестничкомъ".

Полоненная Алешей царевна до тѣхъ поръ оказывала упорное сопротивленіе и умоляла отпустить ее на свободу, пока онъ не запѣлъ, подыгривая себѣ на гусляхъ:

„Что внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье-ль улеглось?
Невозможное-ль сбылось?“
. . . .
„Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно, и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ;
Любитъ онъ иль лицемѣритъ,
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.“

Содержаніе былины графа Алексѣя Толстого „Садко“ и древне-русской того же названія совершенно одинаково.

То же самое можно сказать и относительно всѣхъ остальныхъ древне-русскихъ былинъ, нашедшихъ себѣ отраженіе подъ перомъ талантливаго писателя.

Далѣе, сходство замѣчается и въ самой формѣ былинъ графа Алексѣя Толстого: онѣ написаны тѣмъ же эпическимъ складомъ, какъ и народныя былины. Такъ, въ языкѣ былинъ графа Алексѣя Толстого мы встрѣчаемъ много народныхъ словъ, оборотовъ и припѣвовъ: „Ой ладо, ой ладушко-ладо!“ „Владимиръ обнесъ Илью „чарой“, „Тресну булавой“, „Полоненная царевна“, „Гой-еси, царь-государь водяной“, и др.

Несмотря на указанное выше сходство, бросающееся въ глаза при сравненіи былинъ графа А. Толстого съ древне-русскими, между ними есть и разница, обусловливаемая, главнымъ образомъ, различіемъ въ умственномъ развитіи ихъ авторовъ. Хотя древне-русскія былины прекрасно воспроизводятъ данную эпоху и характеризуютъ ея выдающихся дѣятелей, тѣмъ не менѣе въ этомъ воспроизведеніи мы не находимъ той художественности, какая замѣчается въ былинахъ графа Алексѣя Толстого.

Древне-русскія былины „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, со всѣми часто не идущими къ дѣлу деталями рисуютъ героическій міръ древней Руси и фантастическіе подвиги ея героевъ. Графъ Алексѣй Толстой въ своихъ былинахъ, хотя художественно воспроизводитъ тотъ же міръ и тѣхъ же

героевъ, однако беретъ своимъ сюжетомъ не всѣ подвиги ихъ, а лишь частные случаи ихъ жизни (Ссора Ильи Муромца съ Владиміромъ). Нельзя умолчать также и о томъ, что многія былины графа Алексѣя Толстого не свободны отъ нѣкоторой тенденціозности, въ родѣ, напримѣръ, указанія преимуществъ удѣльно-вѣчевого періода передъ московскимъ и т. п. (Потокъ-богатырь", „Змѣй-Тугаринъ").

Громадная разница замѣчается и въ формѣ выраженія мыслей. У графа Алексѣя Толстого стихъ привлекаетъ своею художественною образностью, тогда какъ народный отличается безыскуственностью

Вотъ въ главныхъ чертахъ сходныя и различныя стороны сравниваемыхъ произведеній.

Разсмотрѣвъ ихъ, мы приходимъ къ заключенію, что былины графа Алексѣя Толстого въ художественномъ отношеніи стоятъ нѣсколько выше древне-русскихъ былинъ. Это превосходство играетъ важную роль въ дѣлѣ возбужденія интереса къ русской старинѣ.

Прочитавши прекрасныя былины графа Алексѣя Толстого, мы зачастую стремимся познакомиться поближе съ ихъ перво-источникомъ. Такимъ образомъ, эти прекрасныя сами по себѣ былины получаютъ еще большее значеніе, возбуждая въ русскомъ обществѣ живой интересъ къ родной старинѣ и заставляя всѣмъ русскимъ сердцемъ полюбить ее.

Н. Л.

№ 37.

Русскій пейзажъ въ былинахъ и притчахъ Алексѣя Толстого.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Оригинальность изображенія дѣйствительности въ былинахъ и притчахъ Алексѣя Толстого.

Изложенiе.

I Картины русской природы

въ былинахъ: 1) „Илья Муромецъ“,
2) „Алеша Поповичъ“,
3) „Курганъ“.

II. Картины русской жизни:

1) въ ея прошломъ:

а) при княжескомъ и царскомъ дворѣ:

въ былинахъ: „Змѣй Тугаринъ“,
„Потокъ-богатырь“,
„Василiй Шибановъ“,
„Князь Михайло Репнинъ“;

б) въ домашнемъ кругу:

въ былинахъ: „Алеша Поповичъ“,
„Сватовство“;

в) въ стихотворенiи у приказныхъ воротъ;

2) въ настоящемъ:

въ притчѣ — былинѣ „Потокъ-богатырь,“
въ притчахъ „Богатырь“ и „Два Лада“.

Заключенiе. Достоинства, недостатки и значенiе псевдо-эпической поэзiи Алексѣя Толстого.

Былины и притчи Алексѣя Толстого—плодъ тщательнаго изученiя авторомъ русской эпической поэзiи, — представляютъ совершенно новый въ литературѣ видъ художественнаго творчества. До Толстого никто изъ поэтовъ не поддѣлывался такъ искусно, такъ близко къ оригиналу и вмѣстѣ съ тѣмъ, не утрачивая индивидуальности своего таланта, — къ нашему народному эпосу.

Однимъ изъ достоинствъ эпической поэзiи является, какъ извѣстно, ея свойство своеобразнымъ языкомъ, живыми и красивыми штрихами рисовать картины народной жизни, въ рамкахъ той или другой фабулы выясняя ея содержанiе и обстановку.

Этимъ то свойствомъ въ нѣкоторой степени обладаютъ былины и притчи Ал. Толстого. Языкъ ихъ—простой народ-

ный языкъ, языкъ именно былинный, и только современность выраженій, да нѣкоторая искусственность и тщательность риѳмовки выдаютъ ихъ настоящаго автора.

Въ планѣ, подъ рубрикой „картины русской природы,“ упоминаемъ мы былину „Илья Муромецъ“. Въ этой былинѣ, состоящей всего то на всего изъ четырнадцати куплетовъ, только два говорятъ о природѣ. Но въ этихъ двухъ, хоть кратко, но такъ сильно положены художникомъ нѣсколько мазковъ, а въ остальныхъ, гдѣ описывается самъ „дѣдушка Илья,“ такъ живо и ясно олицетвореніе стихійной силы—физической силы легендарнаго русскаго богатыря, что нельзя не назвать эту картинку природы заслуживающей вниманія.

Прочтите первые два куплета:

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,

Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;
Ѣдетъ боромъ, только слышно
Какъ бряцаетъ бронь,
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь...

Немного, кажется, сказано. А между тѣмъ, какъ живая встаетъ передъ вами фигура старика-богатыря и мѣстный пейзажъ, служащій ей фономъ. Конечно, читателю предоставляется дать волю своему воображенію; впечатлѣніе только усилится и картина нисколько не пострадаетъ; авторъ упоминаетъ только про „жаркій полдень“, „боръ“ и „папоротникъ пышный“. Дополнить картину не трудно для того, кто понимаетъ природу...

Молодыя, зеленыя, крѣпкія дерева, не заслоняющія чистаго голубого неба... Свѣжая мурава, пересыпанная опавшей прошлогодной хвоей... Папоротникъ... Впрочемъ, лучше прочтемъ послѣднія строки „былины“, гдѣ авторъ опять возвращается къ природѣ:

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

Если взять отдѣльно „смолу“, „землянику“ и „просторъ дикой воли“, то слова эти ничего намъ не скажутъ... Но какая

зато полная получается картина, когда эти слова выливаются изъ-подъ пера искуснаго художника...

Въ былинѣ „Алеша Поповичъ“ нарисована картина заросшей тростникомъ и осокой рѣки. Вообразите, что и вы сидите въ Алешиной лодкѣ, и сильные взмахи богатырскаго весла подвигаютъ васъ впередъ. Посмотрите кругомъ. Точно цѣликомъ выхваченная изъ природы развертывается передъ вами панорама роскошныхъ степныхъ береговъ. Медленно пробѣгаютъ передъ глазами „стебли длинные купавокъ“, „много пѣвниковъ нарядныхъ“, „погремокъ, пестрецъ, и шильникъ, и болотная заря“, а чудесный гребецъ продолжаетъ ловко править „черезъ аиръ и купырь“... Дивные звуки алешиной пѣсни „льются“ и „таютъ“...

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься—
Только небо да камышъ....

Въ былинѣ „Курганъ“ авторъ перечисляетъ немногочисленныхъ обитателей степи, гдѣ

...на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ...

Пусто и безжизненно все кругомъ... Никто не интересуется узнать имя „богатыря знаменитаго“, зарытаго подъ курганомъ. Да живого существа почти и не видитъ курганъ. По временамъ лишь проскачетъ мимо дикій сайгакъ или тушканчикъ; пролетитъ стая журавлей, или туча саранчи... вотъ и всѣ посѣтители кургана. Богатырь знаменитый давно забытъ, вопреки предсказанію пѣвцовъ, и по немъ

...Слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

Въ общемъ, впрочемъ, описаніямъ природы Алексѣй Толстой въ былинахъ удѣляетъ немного мѣста.

На первомъ планѣ стоятъ тамъ живописныя картины русской жизни. Такъ какъ былины Толстого суть подражаніе народнымъ былинамъ, въ которыхъ героями и дѣйствующими лицами являются обыкновенно князья, цари, богатыри, вообще необыкновенные люди, то понятно, что простымъ смертнымъ въ былинахъ Алексѣя Толстого дѣлать тоже нечего. Если они (простые смертные) и появляются иногда у него на сцену, то только какъ живой фонъ для главнаго дѣйствующаго лица.

Въ былинѣ „Змѣй Тугаринъ" дѣйствіе происходитъ на берегу Днѣпра, гдѣ подъ открытымъ небомъ расположился пировать Владиміръ „красное солнышко", окруженный своей вѣрной дружиной, боярами, богатырями и толпой народа, кіевлянъ, собравшихся поглазѣть на своего князя. Тутъ и „удалый Поповичъ", и „старый Илья", и „смѣлый Никитичъ Добрыня". Центръ группы занимаетъ, конечно, самъ Владиміръ: все вокругъ на него смотритъ, слушаетъ и поддакиваетъ. Нахмурится онъ—и все вокругъ чернѣе тучи. Засмѣется—и пойдетъ грохотать кругомъ богатырскій хохотъ.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья...
Поповичъ, Илья и Добрыня...

Рѣзкимъ контрастомъ съ окружающей средой является Змѣй Тугаринъ, преобразившійся въ незнакомаго пѣвца, откликнувшагося на княжеское приглашеніе. На фонѣ красивой, патріархальной русской обстановки вырисовывается невиданная заморская физіономія:

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
—Ай, рожа, ай, страшная рожа!

Его появленіе вноситъ диссонансъ не только въ гармонію обстановки. Его пѣсня не нравится ни князю, ни могучимъ богатырямъ и боярамъ. Его прерываютъ нетерпѣливыми вос-

клицаніями: наконецъ, Добрыня, узнавшій своего стараго врага, натягиваетъ лукъ, и Змѣй исчезаетъ. Гармонія возстановлена. Князь выпиваетъ „чару“ за счастіе своего „вольнаго“ и „честнаго“ народа, народъ пьетъ за князя..

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованныхъ чаръ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Въ былинѣ—притчѣ „Потокъ Богатырь“ передъ нами двѣ картины „придворнаго характера:“ одна при томъ же княжескомъ дворѣ Владиміра, другая, очевидно, въ Москвѣ въ царствованіе Ивана Грознаго. Въ первой послѣ княжескаго пира идетъ хороводъ, который ведутъ „съ молодицами гридни“; слышенъ „гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье.“

Молодицы, что свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на диво.

Вторая картинка весьма характерно изображаетъ встрѣчу грознаго царя народомъ на площади.

„Гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ“, встрѣчныхъ и поперечныхъ разгоняютъ палками, царь ѣдетъ на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи; царя окружаютъ палачи съ топорами, которые по первому царскому слову готовы „рубить или вѣшать“, кого онъ прикажетъ.

А на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

Былины „Василій Шибановъ“ и „Князь Михайло Репнинъ“ также содержатъ картины изъ жизни двора Ивана Грознаго. Въ первой живо описанъ пріемъ „дерзкаго гонца“, привезшаго посланіе царю отъ „злодѣя лихого“ — отъ Курбскаго князя Андрея. Вонзивъ въ ногу Шибанова острый конецъ своего жезла, царь слушаетъ смѣлое посланье.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ въ ожиданьи молчали.

Тяжелая картина, и подавляющее впечатлѣніе она производитъ. То же впечатлѣніе остается и отъ былины „Князь Михайло Репнинъ". Сначала читатель видитъ картину веселаго и удалого пира царскихъ опричниковъ.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры.

Царь мраченъ. Его не веселитъ „голосъ прежней славы". Чтобы разогнать тоску, онъ надѣваетъ „личину" и приглашаетъ друговъ-опричниковъ въ „веселый хороводъ". Здѣсь завязка драмы. Честный князь Михайло Репнинъ отказывается лицемѣрно веселиться съ царемъ, который забылъ Бога, забылъ свой санъ.... Онъ бросаетъ на полъ личину, кубокъ выпадаетъ у него изъ рукъ и самъ онъ падаетъ „жезломъ пронзенный" у ногъ разъяреннаго владыки.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники сидятъ
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ...

Только въ былинѣ „Сватовство", да отчасти въ „Алешѣ Поповичѣ", Толстой рисуетъ русскую жизнь въ домашнемъ кругу. Дѣйствующими лицами тутъ всетаки являются не простые смертные: князь Владиміръ—Красное Солнышко, княгиня, двѣ дочери Владиміра и богатыри Дюкъ Степановичъ и Чурило Пленковичъ, явившіеся сватать царскихъ дочерей. Въ этой былинѣ интересенъ какъ самый фактъ сватовства двухъ витязей, посланныхъ въ заморскіе края, и не вытерпѣвшихъ, явившихся переодѣтыми къ князю, чтобы открыть ему причину своего возвращенія, такъ и вырисовывающіяся здѣсь семейныя отношенія, существовавшія во время оно въ княжескомъ домѣ, отношенія, чисто патріархальныя. Начинается былина съ описанія время препровожденія Владимірова семейства. Самъ

князь, „бодръ и веселъ“, сидитъ облокотясь „на подлокотни креселъ“; княгиня съ дочерьми занята пряжей:

Кружась жужжитъ и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

Дѣло происходитъ „въ веселый мѣсяцъ май“. Княжнамъ ужасно не сидится за работой, поминутно поглядываютъ онѣ на окно, точно чего-то ждутъ. И вотъ жданные гости являются... Еслибы въ былинѣ не упоминались имена князя Владиміра и богатырей-женихов, то и въ голову бы читателю не пришло, что дѣйствіе происходитъ въ княжескомъ домѣ: такъ все просто, точно „простые смертные...“ Авторъ „не могъ разслышать“, что отвѣчали княжны богатырямъ. Отвѣтъ этотъ можно найти въ былинѣ „Алеша Поповичъ“, гдѣ передъ глазами читателя разыгрывается незамысловатая романическая исторія: Алеша „полонилъ“ гдѣ-то какую-то царевну и принуждаетъ ее „сдаться“. Интересно по былинѣ просмотрѣть психологію постепенно уступающей, „сдающейся“ царевны.

Къ третьей категоріи картинъ русской жизни въ ея прошломъ принадлежитъ та, которая написана въ извѣстной притчѣ „У приказныхъ воротъ“. Здѣсь описывается не княжескій и не царскій дворъ и не семейныя отношенія, а отношенія „обывателя“ съ „начальствомъ“. Дьякъ въ притчѣ является яркимъ выразителемъ древней русской бюрократіи, процвѣтавшей особенно въ тѣ времена, когда безпрепятственно можно было „брать“. Его разговоры съ „народомъ“, съ мужичкомъ, съ воромъ, и съ истцомъ чрезвычайно правдоподобны.

Нельзя, конечно, того же сказать относительно шуточныхъ притчъ-былинъ „Потокъ-богатырь“, „Два Лада“ и „Богатырь“, гдѣ Толстой попытался высмѣять „гнилую цивилизацію“, такъ много теряющую, по его мнѣнію, передъ патріархальной, величественной жизнью нашихъ предковъ. Въ послѣдней части былины „Потокъ-багатырь“ Толстой высмѣиваетъ судъ присяжныхъ, высмѣиваетъ народничество, т. е., какъ слѣдуетъ, очевидно, понимать изъ того, что въ частности судъ присяжныхъ и народничество не давали повода къ такимъ насмѣшкамъ, — высмѣиваетъ вообще реформы въ государственномъ устройствѣ и вообще извѣстныя идеи въ обще-

ственной дѣятельности, въ наукѣ и въ литературѣ; высмѣиваетъ прогрессъ науки и труда.

Въ притчѣ „Два лада“ тѣмъ же насмѣшкамъ подвергаются „матеріалисты“, „они-жъ и демагоги“, „они-жъ и анархисты“, а, какъ выясняется изъ дальнѣйшихъ поясненій одного изъ Ладъ, — они-жъ и „сицилисты“. Не упускаетъ тутъ авторъ случая кольнуть и земство...

Можно смѣло сказать, что описанія русской жизни въ ея настоящемъ не удались автору былинъ. Развѣ только въ притчѣ „Богатырь“ болѣе или менѣе правдоподобны нѣсколько сценокъ съ натуры, которыя вмѣстѣ вѣрнѣе было бы озаглавить такъ: „Печальные результаты употребленія спиртныхъ напитковъ“, или „вредъ алкоголя“. Впрочемъ эти „правдоподобныя сценки“ рисуютъ русскую современную жизнь слишкомъ односторонне...

Вообще о былинахъ и притчахъ Алексѣя Толстого можно сказать, что насколько съ внѣшней стороны они совершенны, въ смыслѣ художественнаго и вѣрнаго подражанія народной поэзіи, и, по этой причинѣ, можетъ быть производятъ впечатлѣніе и эффектны,—настолько со стороны содержанія остается желать многаго: русская жизнь освѣщена въ нихъ далеко не со всѣхъ сторонъ.

Что касается значенія былинъ и притчъ Толстого въ литературѣ, то безусловно они представляютъ вкладъ цѣнный и оригинальный, хоть не цѣльный, не полный. Удачная попытка поэта писать народнымъ складомъ, народнымъ языкомъ баллады-былины съ сюжетами изъ народныхъ легендъ, преданій и изъ отечественной исторіи обращаетъ на себя заслуженное вниманіе. *В. В.*

№ 38.

Трагическіе элементы въ балладахъ гр. А. К. Толстого.

Вступленіе. Особенности формы и содержанія балладъ гр. А. К. Толстого.

Изложеніе. Три категоріи трагическаго тона въ балладахъ гр. Толстого:

I. міровой трагическій тонъ въ:
   а. „Князь Михайло Репнинъ",
   б. „Эдвардъ";
II. міровой трагическій тонъ съ примѣсью повѣрій въ:
   а. „Канутъ".
   б. „Три побоища";
III. обще-трагическій тонъ въ:
   а. „Старицкій воевода",
   б. „Василій Шибановъ",
   в. „Ночь передъ приступомъ",
   г. „Князь Ростиславъ",
   д. Ругевитъ",
   е „Слѣпой",
   ж. „Чужое горе",
   з. „Гаконъ слѣпой".

Заключеніе. Не чисто-историческая основа балладъ гр. Толстого.

Всѣ баллады гр. А. К. Толстого граціозны по формѣ и хороши со стороны внутренняго содержанія. Среди нихъ вы не встрѣтите ни одного урода, въ родѣ былины „Потокъ-богатырь". Всѣ баллады съ трагическомъ элементомъ историческія, за исключеніемъ „Чужого горя", фонъ которой не пріурочен почти ни къ какой эпохѣ, хотя содержаніе и составляетъ краткій перечень разныхъ золъ, тяготѣвшихъ надъ до-петровскою Русью. По внѣшности разсматриваемыя нами двѣнадцать балладъ дѣлятся на русскія и зарубежныя; изъ первыхъ три временъ Іоанна Грознаго. Впечатлѣніе почти всѣ онѣ производятъ тяжелое, наводящее на раздумье, нѣкоторыя, напримѣръ „Ругевитъ", — грустное, фонъ тоже обыкновенно мрачный. Сверхъ естественнаго, мистическаго въ нихъ нѣтъ ничего. Но и въ нихъ отразились обыкновенные недочеты лиры Толстого: архаизмъ ихъ слишкомъ нарядень, излишней эффектности онѣ тоже не лишены, общее убранство ихъ ужъ очень красиво. И тутъ сказалось то свойство таланта высокопоставленнаго поэта, которое самъ онъ такъ охарактеризовалъ: „Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты". Къ сожалѣнію, красота, за которую Толстой ратовалъ, слишкомъ красива.

Трагическіе элементы балладъ слѣдуетъ подраздѣлить на три категоріи. Чистый общечеловѣческій, міровой трагическій

тонъ носятъ только двѣ баллады: „Князь Михайло Репнинъ“ и „Эдвардъ“; общечеловѣческій съ примѣстью народныхъ повѣрій и примѣтъ тоже двѣ: „Три побоища“ и „Канутъ“; наконецъ, вообще трагическій — остальныя баллады.

Въ „Князѣ Михайлѣ Репнинѣ“ описывается одинъ изъ пировъ Іоанна Грознаго въ эпоху опричнины. Царь надѣваетъ маску и приказываетъ сотрапезникамъ сдѣлать то же. Всѣ исполняютъ приказаніе; одинъ Михайло Репнинъ отказывается, и тутъ же, придравшись къ случаю, начинаетъ упрекать царя за недостойное поведеніе. Іоаннъ, конечно, не стерпѣлъ такой дерзости и заколол̆ъ Репнина своимъ жезломъ. Но, совершивъ убійство, онъ опомнился и раскаялся. Ужъ

„звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я больше не могу!“

Упреки совѣсти терзаютъ Грознаго, но опричники шумятъ и пьютъ попрежнему у еще неостывшаго трупа „правдиваго князя.“

Иза-за упрековъ же совѣсти покидаетъ домъ и семью и Эдвардъ, убившій своего отца по наущенію матери. Онъ проклинаетъ ее, а относительно дома и башни говоритъ:

„Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
„Доколѣ ихъ въ прахъ не повалятъ!“

Точно такъ же сурово относится онъ и къ женѣ съ дѣтьми, которыхъ оставляетъ безъ кормильца:

„Пусть по міру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой!“

Отцеубійство перевернуло вверхъ дномъ все его нравственное существо, и онъ обрекаетъ себя на вѣчную кару.

Трагическая фигура шотландскаго принца совсѣмъ не похожа на свѣтлую личность князя Канута, павшаго жертвой своей довѣрчивости и беззаботности. Жена, два отрока и пѣвецъ предостерегаютъ его отъ грозящей ему гибели, но князь не обращаетъ вниманія на ихъ рѣчи. Вся баллада по своей концепціи напоминаетъ настоящую драму, — такъ послѣдовательно развивается въ ней дѣйствіе. Одно предостереженіе слѣдуетъ за другимъ, аккорды грозно нарастаютъ, но

„Не чуетъ погибели близкой Канутъ,“
„Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей“.

Баллада кончается граціознымъ описаніемъ окружающей князя съ отроками и пѣвцомъ обстановки и многоточіемъ. Поэтъ избавляетъ читателя отъ изображенія насильственной смерти славнаго Канута.

Такъ же полна предвѣщаній и кончина трехъ князей: русскаго, варяжскаго и саксонскаго. Тонъ „Трехъ побоищъ" въ значительной мѣрѣ мрачнѣе тона „Канута". Баллада начинается описаніемъ непогоды въ Кіевѣ. Затѣмъ разсказываются сновидѣнія жены Изяслава и его невѣстки Гиды.

Обѣимъ приснился схожій сонъ, предвѣщающій недоброе. Только что онѣ оканчиваютъ свой разсказъ, какъ прибѣгаетъ поспѣшно гридень и сообщаетъ, что на Кіевъ идетъ несмѣтная рать половцевъ. Во второй части баллады слетаются съ трехъ сторонъ стаи вороновъ, разсказывающихъ другъ другу о смерти Изяслава и двухъ Гаральдовъ. Заканчивается баллада описаніемъ скорби трехъ вдовъ—княгинь.

„Князя Михаила Репнина" напоминаетъ „Старицкій воевода". И тутъ Грозный убиваетъ вѣрнаго слугу, но относится къ своему поступку иначе, чѣмъ въ „Репнинѣ". Тамъ онъ раскаялся, а тутъ

„Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
„И въ очи мертвыя глядѣлъ—и въ дрожи зыбкой
„Державныя уста змѣилися улыбкой."

Тяжело читать описанія такихъ изувѣрствъ.

Тяжелое и грустное впечатлѣніе производитъ и „Василій Шибановъ." Вѣрный слуга съ полнымъ сознаніемъ отправляется на предстоящія мученія и смерть, чтобы исполнить прихоть господина. Трудно сказать, кто возбуждаетъ большее негодованіе—Іоаннъ ли Грозный или князь Курскій. Оба очень хорошо образованные по тому времени человѣка ни во что не цѣнятъ жизнь выдающагося холопа, только потому, что надѣлены почти неограниченной властью надъ его смертной оболочкой. Да и самъ Василій Шибановъ обрекаетъ себя на гибель изъ-за ложно понятаго чувства долга.

Зато истинными героями долга являются троицкіе иноки въ „Ночи передъ приступомъ", круглыя сутки обороняющіе отъ враговъ священную твердыню. Они успѣваютъ не только поражать вороговъ, но и совершать церковныя требы. За это и

„Блаженные святители,
„Въ окладахъ золотыхъ,

„Глядятъ на нихъ съ любовію,
„Святыхъ ликуетъ хоръ.“

Совѣсть иноковъ чиста, но тѣмъ темнѣе рядомъ съ нею рисуются лица нападающихъ.

Иноки находятъ поддержку другъ въ другѣ. Но бѣдный князь Ростиславъ лежитъ одинъ одинешёнекъ на рѣчномъ днѣ. Его окружаютъ русалки, но онъ рвется къ женѣ и брату, а тѣ ужъ позабыли о немъ: жена обручилась съ другимъ, а братъ беззаботно пируетъ со своими гриднями. И князь „спитъ

„Одинъ на днѣ рѣчномъ.“

Князь ничѣмъ не провинился передъ своими родными, за то Ругевитъ не оправдалъ ожиданій и упованій тѣхъ, кто его чтилъ. Ругичане покорены княземъ Владиміромъ, а Ругевитъ сверженъ въ море. И ругичане измѣнили своему богу, не поддержавшему своего авторитета:

„Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!“

Ругевитъ болѣе драматиченъ, чѣмъ трагиченъ, потому что вѣдь никто не станетъ сокрушаться о судьбѣ поверженнаго дубоваго бога; положеніе же ругичанъ только драматично.

Такъ же драматично и положеніе слѣпого пѣвца („Слѣпой“), обманутаго своимъ поводыремъ. Онъ пѣлъ передъ пустой лужайкой, думая, что ему внимаютъ князь и его охотники, и пѣлъ прекрасно, такъ какъ въ этотъ именно моментъ нашло на него вдохновеніе,

„Проснулось что въ сердцѣ дремало давно,
„Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно.
„Воскресло прекрасно и чисто.“

Но слѣпой пѣвецъ не пришелъ въ уныніе отъ того, что никто его не слушалъ, потому что „наградъ сердце его не ждало.“ Онъ пѣлъ потому, что Богъ послалъ ему этотъ даръ.

Витязь же въ „Чужомъ горѣ“ (опять болѣе драматическая, чѣмъ трагическая баллада) оказался надѣленнымъ судьбою недобрымъ подаркомъ: она заставила его нести „чужое, прошедшее горе.“ Витязь этотъ — многострадальная Русь, претерпѣвшая цѣлый рядъ всевозможныхъ несчастій. Цѣлыя поколѣнія не могли справиться съ одолѣвавшими ихъ одно за другимъ ударами судьбы и передавали ихъ въ наслѣдство по-

томкамъ. А эти послѣдніе не имѣли возможности не принять такого наслѣдства, потому что продолжали путь по тому же дремучему лѣсу, гдѣ шли ихъ предки.

„Эхъ,—думаетъ витязь,—мнѣ бъ изъ лѣсу вонъ,
„Да въ полѣ скакать на просторѣ!"

Столь же драматично положеніе и Гакона-Слѣпого. При помощи своей несокрушимой силы онъ положилъ не мало враговъ, но порубилъ большое число и изъ пришедшихъ ему на помощь соратниковъ. Его рукой

„Побито, посѣчено вволю,
„Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ."

Жаль слѣпого бойца...

Таковы разсмотрѣнныя нами двѣнадцать балладъ гр. Толстого. Какъ уже было сказано въ началѣ, всѣ онѣ историческія. Но ихъ нельзя назвать историческими въ полномъ смыслѣ слова, какъ, напримѣръ, можно приложить такое названіе хотя бы къ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ" Лермонтова или къ „Вѣщему Олегу" Пушкина, потому что ихъ историческая шита бѣлыми нитками. Все въ нихъ такъ нарядно не только по формѣ, но и по содержанію; изъ-за нихъ совсѣмъ не видна дѣйствительная тогдашняя жизнь, и онѣ лишь затемняютъ правильное понятіе о ней. Когда-то Загоскинъ провозгласилъ, что, въ немъ допускается сдѣлать. Такъ-то оно такъ, но съ сильнымъ ограниченіемъ. Произведеніе изящной словесности не исторія въ томъ смыслѣ, что въ немъ допускается сдѣлать какое-нибудь историческое лицо брюнетомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было блондиномъ, или заставить его жить больше, чѣмъ оно жило въ дѣйствительности; допустимы и другія мелкія отступленія отъ исторіи, не имѣющія самой ея сути. Но отнюдь нельзя передѣлывать исторической дѣйствительности, нельзя искажать жизни и ея обстановки, нельзя невѣрно передавать міросозерцаній прошедшихъ эпохъ. Конечно, гр. Толстого трудно упрекать въ такихъ серьезныхъ отступленіяхъ, но до извѣстной степени и онъ не чистъ передъ лицомъ исторической критики. Если даже оставить въ сторонѣ нѣсколько своеобразное пониманіе имъ русской исторіи въ „Чужомъ горѣ," и тогда позволительно спросить его: на кого болѣе смахиваетъ слѣпой пѣвецъ („слѣпой"), — на русскаго ли сказителя былинъ и „баяна," или на миннезингера (и миннезин-

гера-то больше современныхъ романовъ, чѣмъ дѣйствительнаго)? Или зачѣмъ онъ сдѣлалъ ругичанъ такими просвѣщенными, сразу понявшими нелѣпость своей прежней вѣры? хоть современному антропологу въ пору.

Б.

№ 39.

Личность Бориса Годунова.

(„Борисъ Годуновъ“ Пушкина и „Царь Борисъ“ гр. А. А. Толстого).

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Связь между „Борисомъ Годуновымъ“ А. С. Пушкина и „Царемъ Борисомъ“ гр. А. К. Толстого.

Изложеніе. Личность Бориса Годунова.

А. Качества, характеризующія, Бориса, какъ царя:

а) недюжинный политическій умъ, сказавшійся:

1) въ пониманіи государственныхъ нуждъ и въ умѣломъ управленіи государствомъ,

2) въ намѣреніи уничтожить „гибельный“ обычай мѣстничества,

3) въ умѣніи окружить себя умными совѣтниками,

4) въ сознаніи необходимости считаться съ волей народа и

5) въ отношеніи къ иностранцамъ;

б) любовь къ народу;

в) властолюбіе.

Б. Качества, характеризующія Бориса, какъ отца семейства:

а) любовь къ сыну и заботы о его воспитаніи,

б) его отношеніе къ дочери и

в) къ женѣ.

В. Качества, характеризующія Бориса, какъ человѣка вообще:

а) хитрость;

б) отсутствіе энергіи;

в) сознаніе пользы образованія;

г) угрызенія совѣсти.

Заключеніе. Впечатлѣніе, производимое личностью Бориса Годунова.

„Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей,“ говоритъ Пушкинъ въ пояснительномъ предисловіи къ „Борису Годунову“, дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые!“... Въ третьей части своей драматической трилогіи— „Царѣ Борисѣ“—графъ Алексѣй Толстой, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ обаянія образа, созданнаго Пушкинымъ, впалъ въ психологическое противорѣчіе съ самимъ собою и значительно усилилъ реабилитацію Годунова. Онъ какъ бы совсѣмъ забылъ о томъ Борисѣ, котораго вывелъ въ первыхъ двухъ частяхъ трилогіи,—о Борисѣ, косвенномъ убійцѣ Іоанна и почти прямомъ — царевича Димитрія, хитромъ, коварномъ, жестокомъ правителѣ Руси въ царствованіе Ѳеодора, ставившемъ выше всего свои личные интересы. Теперь, кромѣ немногихъ моментовъ, Борисъ—идеалъ царя и семьянина,—человѣкъ прямо сентиментальный.

Какая же связь между „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина и „Царемъ Борисомъ“ гр. А. К. Толстого? Въ чемъ она заключается? — Связь эта, заключается въ томъ, что оба эти произведенія дополняютъ другъ друга, и не будь одного изъ нихъ, личность Бориса не выступала бы передъ нашими глазами такъ рельефно. Толстой въ своемъ произведеніи докончилъ то оправданіе „зятя Малюты“, которое началъ, побуждаемый чувствомъ гуманности, великій народный поэтъ, геніальный творецъ „Бориса Годунова“.

Какъ у Пушкина, такъ и у графа Алексѣя Толстого, Борисъ впервые появляется на сценѣ съ тронной рѣчью, въ ко-

торой онъ старается доказать всѣмъ и каждому законность своего избранія, а кромѣ того познакомить народъ съ программой своей политической и общественной дѣятельности; его рѣчь своего рода высочайшій манифестъ. Вотъ въ какую форму облекъ ее Пушкинъ

„Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена моя душа передъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу—Царю!...“

Далѣе, новоизбранный царь Руси обращается съ пламеннымъ воззваніемъ къ покойному Ѳеодору, котораго, не безъ задней мысли называетъ своимъ „отцомъ державнымъ“, вспоминаетъ со слезами на глазахъ о его сильной любви къ себѣ и проситъ у него „священнаго на власть благословенья“:

„Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.“

Въ заключеніе своей рѣчи Борисъ проситъ бояръ оказывать ему посильное содѣйствіе:

„Служите мнѣ“—говоритъ царь—„какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши рядѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.“

У Алексѣя Толстого мы находимъ весьма цѣнное дополненіе къ тому, что указано нами выше:

. . . . „Всевышній
Да укрѣпитъ мой умъ и дастъ мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ Русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,
Чтобы царилъ я праведно и мудро,
На тишину Руси, какъ царь Ѳеодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннъ!“

„На страхъ врагамъ“ — мотивъ совершенно не встрѣчающійся у Пушкина, но въ то же время весьма характерный для Бориса, какъ царя и правителя.

Изъ произведеній обоихъ писателей мы видимъ, что тронная рѣчь Бориса была совершенно искренней, вслѣдствіе чего произвела сильное впечатлѣніе на весь народъ.

„Ты слышишь эти клики?“
„Въ величіи, невиданномъ по-нынѣ,

Ликуетъ Русь“ — замѣчаетъ царь Иринѣ, и въ этихъ словахъ нѣтъ лжи.

Борисъ понимаетъ государственныя нужды, — понимаетъ, что для блага Руси необходимо сближеніе съ Западомъ, отъ коего двухсотлѣтнее иго татаръ окончательно отрѣзало русскихъ; онъ находитъ и средство для этого сближенія: изъ многочисленныхъ жениховъ онъ выбираетъ для Ксеніи датскаго королевича Христіана:

........„Съ державами Европы
Земля должна, попрежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ съ помощію Божьей

„Опередить“—вотъ та широкая политическая задача, какую поставилъ себѣ умный и энергичный царь. Что касается внутренней политики, то въ ней на первыхъ порахъ мы видимъ рѣдкую на протяженіи всей нашей исторіи гармонію. „Довѣріе“—это коротенькое, но глубоко симпатичное словцо было девизомъ Годунова: онъ, несмотря на происки приближенныхъ, стоявшихъ „жадною толпой у его трона“, не наказываетъ ни тѣхъ, кто хулитъ его словомъ, ни тѣхъ, кто даже покушается на самую его жизнь. Но тамъ, гдѣ интересы государства требуютъ энергическихъ дѣйствій со стороны правителя, Борисъ ни передъ какими препятствіями не останавливается.

Такъ, желая облегчить положеніе крѣпостныхъ, Борисъ не обращаетъ вниманія на предостереженія Семена Годунова, что владѣльцы-де „роптать начнутъ“.

„Пусть ропщутъ,“ говоритъ онъ:
Всѣмъ угодить не властенъ человѣкъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ пришлася сторонѣ единой,
Ту сторону не въ правѣ я беречь.“

То же самое служеніе родинѣ, ея святымъ интересамъ, слѣдуетъ видѣть и въ намѣреніи уничтожить „гибельный“ обычай мѣстничества,—обычай, который глубоко пустилъ корни въ русской жизни. Но какъ умный человѣкъ, Борисъ приводитъ свое намѣреніе въ исполненіе не сразу, а постепенно.

Первымъ шагомъ на этомъ пути служитъ назначенiе Басманова, человѣка низкаго происхожденiя, но умнаго и дѣятельнаго, начальникомъ всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Самозванца, а когда этотъ первый одерживаетъ надъ „лютѣйнимъ врагомъ“ небольшую побѣду, Борисъ, по собственному признанiю Басманова, „воздаетъ ему чрезъ мѣру.“ Но воздавая должное „счастья баловнямъ безроднымъ“, подобнымъ Басманову и Семену Годунову, Борисъ и изъ среды „наслѣдниковъ Варяга“ умѣлъ выбирать достойныхъ исполнителей своихъ державныхъ идей. Къ числу таковыхъ, безъ всякаго сомнѣнiя, принадлежалъ князь Шуйскiй,—этотъ „лукавый царедворецъ“, какъ его весьма удачно назвалъ честный Воротынскiй. Взглядъ Бориса относительно того, какихъ слѣдуетъ выбирать царю себѣ помощниковъ, прекрасно выраженъ Пушкинымъ въ той рѣчи къ сыну, какую Борисъ произноситъ за нѣсколько минутъ до своей смерти.

„Совѣтника“ говоритъ онъ—„во первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой.“

Такимъ образомъ, Борисъ на каждомъ шагу считается съ волей народа, чѣмъ подтверждается искренность его словъ послѣ избранiя на царство: „между народомъ русскимъ и царемъ преграды нѣтъ!“

То же самое сознанiе необходимости считаться съ волей народа видно и изъ того, что онъ отвергаетъ союзъ, предложенный Свейскимъ государемъ для борьбы съ Самозванцемъ. Борисъ понимаетъ, что въ случаѣ вѣрности русскихъ горсть шведовъ ему не нужна, а въ случаѣ невѣрности безполезна, такъ какъ не можетъ спасти его.

Вообще съ иностранцами новый царь держалъ себя на равной ногѣ, а иногда даже заставлялъ ихъ подчиняться своей „государевой“ волѣ. Сыну своему онъ совѣтуетъ быть „милостивымъ и доступнымъ къ иноземцамъ, довѣрчиво ихъ службу принимать.“ Особенной симпатiей учителей пользуется Борисъ, какъ царь, за свое гуманное отношенiе къ простому народу, за отзывчивость на всѣ его нужды. Объ этой отзывчивости много говоритъ самъ Борисъ, когда, разочарованный

и нравственно—надломленный обрушившимися на него несчастіями, онъ производитъ оцѣнку своей дѣятельности:

„Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ забылъ, въ мученьяхъ погибая,
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы,
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища."

Итакъ, мы видимъ, что Борисъ—простой и добрый по основамъ души своей человѣкъ, съ кроткимъ сердцемъ и здравымъ смысломъ. Но въ добрую и спокойную душу его забралась тревожная страсть—властолюбіе; эта страсть взволновала, потрясла душу и внесла въ нее адскую муку. Драматизмъ личности Бориса состоитъ въ противорѣчіи этой страсти съ общимъ мирнымъ строемъ его духа.

Таковъ Борисъ у Пушкина и графа Алексѣя Толстого, какъ царь и правитель, вступившій на престолъ, благодаря преступленію.

Совершенно иной человѣкъ Борисъ въ кругѣ семейномъ это — у графа Алексѣя Толстого — идеалъ семьянина. Его любовь къ своему единственному сыну, на котораго онъ возлагалъ всѣ свои надежды и въ которомъ желалъ видѣть законнаго царя, не поддается описанію. Видна эта любовь и въ заботахъ о его воспитаніи и образованіи, которое царь считалъ важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ правленія, видна она и въ томъ почетѣ, какимъ онъ старался окружить царевича.

„Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори."—

съ гордостью бросаетъ Борисъ послѣднему, видя его нерѣшительность въ присутствіи сына. Но съ особенной силой любовь царя къ сыну сказывается тогда, когда онъ чувствуетъ, что счеты его съ жизнью покончены, что минутой позже, минутой раньше, но ему придется умереть.

„Чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья..."

говоритъ онъ, и рискуя упустить время для принесенія покаянія и принятія схимы, даетъ разумныя наставленія неопытному юношѣ,

который долженъ сейчасъ наслѣдовать отъ него власть, — долженъ начать царствовать „по праву.“

Къ дочери онъ относится съ рѣдкою въ мужчинѣ нѣжностью: несмотря на всѣ тяжелыя неудачи въ дѣлѣ управленія государствомъ, онъ старается утѣшить дѣвушку въ постигшемъ ее горѣ, которое считаетъ небесною карою за свое преступленіе.

„Что Ксенія, что милая моя?“ обращается онъ къ дочери.

„Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ,
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства,
Я, можетъ, быть прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?!!

Нѣсколько инымъ является Борисъ въ своемъ обращеніи съ женой (у Пушкина объ этомъ нѣтъ ни звука), которую онъ посваталъ, „чтобы къ царю Ивану ближе стать“. Съ нею царь обращается презрительно и не обращаетъ никакого вниманія на ея совѣты.

...... „Царю Руси нѣтъ дѣла,“ — перебиваетъ онъ жену —

Что дочери Скуратова Малюты
Не по сердцу женихъ избранный имъ.
Не твоему то племени понять,
Что для Руси величія пригодно!“

Но за такое отношеніе къ женѣ нельзя винить Бориса, такъ какъ оно вполнѣ согласовалось съ духомъ того времени.

Чтобы окончить обрисовку личности Бориса Годунова, намъ остается указать на тѣ черты его характера, которыя были присущи ему, какъ человѣку вообще. Изъ этихъ чертъ прежде всего бросается въ глаза даже самому плохому знатоку человѣческой души непомѣрная хитрость Бориса. Вслѣдствіе этой хитрости, несмотря на сознаніе своей власти, которая de facto существовала еще въ царствованіе Θеодора, Борисъ ведетъ себя сдержанно, умѣренно и съ наружнымъ смиреніемъ. Нѣкоторые изъ приближенныхъ царя прекрасно понимали его душу. Такъ, напримѣръ, князь Шуйскій слѣдую-

щимъ образомъ характеризуетъ его дѣйствія до избранія на царство и послѣ вѣнчанія:

„Чѣмъ кончится? узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ да по плачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И, наконецъ, по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По — прежнему.“

Но если Шуйскій своимъ испытующимъ умомъ и могъ „проникнуть бездну роковую души коварной“ Годунова, то другіе совершенно искренне вѣрили тому, что, затворясь съ сестрой въ монастырѣ, „царь навсегда покинулъ все мірское,“— вѣрили слѣдующимъ словамъ самого Бориса:

„Со смертію царя
Постылы мнѣ волненіе и пышность,
И блескъ, и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
Останусь я; молиться съ ней хочу я,
И здѣсь умру я!“

Хитрый и умный, Борисъ въ то же время не отличается энергіей тогда, когда на него обрушивается, какъ снѣгъ на голову, извѣстіе о появленіи Самозванца: онъ дѣлается черезчуръ мнительнымъ, не знаетъ, что предпринять, и тѣмъ самымъ выдаетъ себя головой Шуйскому, который, его же именемъ, производитъ смуту въ самой Москвѣ и въ ея окрестностяхъ.

Умный человѣкъ, хотя самъ и недостаточно образованный, но здраво понимающій пользу образованія, Борисъ учитъ серьезно наслѣдника престола, отлично сознавая, что „наука намъ сокращаетъ опыты быстротекущей жизни“.

Искупительной жертвой за всѣ недостатки и самое преступленіе со стороны Бориса служатъ тѣ страшныя угрызенія совѣсти, какія испытывалъ онъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, а въ особенности въ послѣдній годъ своего царствованія. Наконецъ, тотъ безпощадный судъ, какой Борисъ произноситъ надъ самимъ собою, уже лишаетъ насъ нравственнаго права обвинять его.

Итакъ, Борисъ заслуживаетъ только состраданія, какъ несчастная жертва ворвавшейся въ его мирную душу страсти.

„Да, жалокъ тотъ,
Въ комъ совѣсть не чиста!“ — скажемъ мы словами самого Бориса.

Н. Л.

№ 40

Два міра—трагедія.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Трагическій элементъ въ древнемъ искусствѣ.

Изложеніе. Трагическій элементъ въ пьесѣ „Два міра“:

1. Трагедія предсмертной агоніи умирающаго республиканскаго Рима и вырождающагося язычества.
2. Трагедія мученически торжествующаго міра христіанскаго.
3. Трагическое въ столкновеніи язычества съ христіанствомъ.
4. Трагическая гибель героя пьесы представителя языческаго міровоззрѣнія.
5. Трагическая рѣшимость и смерть за истину второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ—отдѣльныхъ послѣдователей ученія Христа.

Заключеніе. Трагическій элементъ пьесы „Два міра“, какъ заключительный аккордъ поэзіи Майкова.

„Эллинское созерцаніе,—говоритъ Бѣлинскій, — составляетъ основной элементъ таланта Майкова; онъ смотритъ на жизнь глазами грека...“ Эти слова Бѣлинскаго и послѣдующія выдержки изъ его критической статьи „Стихотворенія Аполлона Майкова„ относятся къ 40—41 г., т. е. къ годамъ первыхъ литературныхъ шаговъ поэта; тѣмъ не менѣе тогда уже вполнѣ опредѣленно выяснился характеръ его поэтическаго творчества, и критикъ совершенно въ правѣ былъ сказать, что „муза Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-

эллинской музѣ“... Тогда же Бѣлинскій, признавая, что „гармоническое единство съ природой, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента міросозерцанія“, высказался въ томъ смыслѣ, что для полноты выраженія древней поэзіи, для полнаго выраженія элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа, въ поэзіи Майкова не хватаетъ основного элемента жизни древняго міра — элемента трагическаго. „Жизнь древнихъ,“ говоритъ онъ, выражается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но въ трагедіи, которая составляетъ одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идилліи и пѣсни жизнь грека была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то со стороны трагедіи она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая—заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи“.

Подъ трагическимъ элементомъ, который является преобладающимъ въ самыхъ крупныхъ произведеніяхъ классической поэзіи, древніе разумѣли борьбу двухъ началъ, иногда одинаково разумныхъ и великихъ, иногда совершенно разнородныхъ, какъ, напр., „борьбу долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или борьбу разумнаго двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ“, но борьбу, результатомъ которой является гибель героя, гибель обыкновенно сознательная, необходимо вытекающая изъ роли, разыгрываемой въ этой борьбѣ героемъ. Трагизмъ, такимъ образомъ, заключается во внѣшнемъ торжествѣ существующихъ условій надъ ограниченностью человѣческой личности и съ другой стороны во внутренней побѣдѣ духовной натуры героя трагедіи. Конечно, борьба не всегда заканчивается трагическимъ финаломъ; но онъ всегда возможенъ, постоянно его можно ожидать. Не будь этой борьбы, не будь этой постоянной возможности трагическаго, возможности въ каждый моментъ разстаться со всѣмъ тѣмъ милымъ, дорогимъ и пріятнымъ, что даетъ намъ идиллія жизни, возможности внезапно лишиться самой этой жизни, не будь этого — жизнь была бы „водевилемъ, мишурной игрой мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копѣечныхъ помысловъ...“ „Трагическое, это — по словамъ Бѣлинскаго, — Божья гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя

и удушья продолжительтой засухи... Грекъ, понимая его своей высокой душой—и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велитъ судьба,—вотъ что было для грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся — живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности грека. Трагическаго, столь необходимаго въ жизни древнихъ и въ классической поэзіи, при Бѣлинскомъ и не хватало Майкову. Впрочемъ, Бѣлинскій не ставитъ этого въ укоръ молодому поэту, находя творенія его музы извѣстной ступенью нормальнаго художественнаго развитія.

Разбирая большую драматическую поэму Майкова „Олинѳъ и Эсѳирь", Бѣлинскій полагаетъ, что въ ней былъ авторъ близокъ къ этому трагическому по содержанію, по мысли пьесы. Мысль эта—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Упоминая, что римская литература не дала ни одной хорошей трагедіи, Бѣлинскій, однако, указываетъ, на то, какой огромный и благодарный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ римская исторія вообще и въ частности именно моментъ, избранный Майковымъ для своего произведенія, моментъ, понравившійся ему, къ которому онъ „придѣлалъ сюжетъ и какіе—то образы безъ лицъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они"...

Что моментъ этотъ дѣйствительно не только понравился Майкову, объ этомъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи, написанномъ имъ къ „Двумъ мірамъ". „Давно еще въ моей юности, говоритъ онъ, меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ расцвѣтѣ началъ, лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ

между людьми... Можетъ быть, многимъ покажется страннымъ,— продолжаетъ онъ дальше, — что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественной идеей, или, по крайней мѣрѣ, столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что нибудь одно, да «по мѣрѣ силъ»“...

Весьма понятно, что Майковъ, по указанію Бѣлинскаго, обратилъ вниманіе на трагическую сторону заинтересовавшаго его историческаго сюжета, и, провозившись надъ нимъ „чуть не всю жизнь“, въ концѣ концовъ достигъ той цѣли, которую начертилъ ему Бѣлинскій, — создалъ цѣльное классическое произведеніе, въ которомъ жизнь древнихъ выразилась въ полномъ своемъ объемѣ, не исключая и трагической стороны ея. Трагическаго въ пьесѣ, дѣйствительно, много. Особенно ярко и отчетливо понята и выражена поэтомъ идея языческаго Рима. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ его устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ:

Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ...

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

... Въ одно насъ смелъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ какъ граждане вселенной
Чтимъ за отечество весь міръ!

Впрочемъ, послѣдній отрывокъ, хоть и характеризуетъ древній, настоящій Римъ, но не современный Галлусу, который говоритъ это! Въ душѣ онъ, навѣрно, самъ сознаетъ, что время этого Рима прошло, что теперь уже главное не Римъ, — а Кесарь, а что будетъ послѣ — неизвѣстно. Такъ же не искрененъ и другой адвокатъ, Гиппархъ, который эффектно-адвокатскимъ тономъ заявляетъ, что

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ — кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,

И гдѣ прошли, тамъ появились
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги!

Болѣе откровененъ великій жрецъ Энній, который, хоть и не рѣшается сказать объ истинной причинѣ кажущагося ему нравственнаго упадка въ обществѣ, но сожалѣетъ о томъ, что пало уваженіе къ религіи, культы понемногу исчезаютъ... Онъ съ ужасомъ разсказываетъ о томъ, что сами боги какъ будто признали, что имъ пришелъ конецъ: въ Дельфахъ умерла Пиѳія; „скончался великій Панъ". Въ описываемыхъ имъ сценахъ какъ смерти Пиѳіи на своемъ посту прорицательницы, такъ и ужаснаго извѣщенія о кончинѣ Пана, записаннаго въ „анналы Римскаго народа," — заключается не малая доля трагизма вырождающагося язычества.

Патрицій Фабій, который, очевидно, болѣе возмущенъ воцарившимися порядками, т. к. ему, какъ патрицію, старый Римъ особенно дорогъ, — разсуждаетъ смѣлѣе и, что называется, „смотритъ въ корень":

И что же сталъ сенатъ? въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданіяхъ судятъ,
Что значитъ кесаревы сны!

искренно негодуетъ онъ. Все несчастье онъ видитъ въ томъ, что коренные римляне потеряли значеніе при дворѣ, у власти.

Пойми, я — Фабій, — и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!.. кто жъ тамъ сидитъ?
Иберецъ, грекъ, сиріецъ, бриттъ!

Теперь на первомъ планѣ не Римъ, а кесарь; теперешніе сенаторы и патриціи не понимаютъ и не помнятъ, что такое старый Римъ съ его величіемъ, законностью и свободой:

Ну что въ нихъ слово „Римъ" пробудитъ?
Имъ лишь погрѣться бъ отъ казны.

Самымъ упорнымъ и трагическимъ защитникомъ завѣтовъ стараго Рима, Рима предковъ, является безусловно самъ Децій. Но о немъ потомъ.

Христіанскій міръ первыхъ вѣковъ не такъ отчетливо изображенъ авторомъ, какъ языческій, да оно и понятно: онъ

сравнительно немного оставилъ послѣ себя памятниковъ, по которымъ можно было бы судить о немъ опредѣленно. Въ этомъ признается самъ Майковъ:

„... Понять христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ.“ Тѣмъ не менѣе черты трагическаго, несомнѣнно и здѣсь имѣютъ мѣсто, даже болѣе, чѣмъ въ средѣ язычниковъ-римлянъ. Я въ данномъ случаѣ говорю не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а вообще объ идеѣ и о трагичности этой идеи. Трагичность эта вытекаетъ изъ сдѣланнаго выше опредѣленія понятія „трагическій.“ „Другая сторона поэмы — христіанская, — говоритъ Бѣлинскій про основную мысль «Олинѳа и Эсѳири», — тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину...“

И вотъ эти два трагически борющихся за свое существованіе міра—міръ древне-языческій, древне-римскій, погибающій подъ давленіемъ развратнаго и корыстнаго новаго Рима съ кесаремъ—Нерономъ во главѣ, на сторонѣ котораго сила, и міръ христіанскій, совершенно до сихъ поръ неслыханный и невиданный, но располагающій необыкновенной нравственной силой, умирающій въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей — мучениковъ, но торжествующій, какъ идея, эти два міра сталкиваются другъ съ другомъ... У нихъ общій врагъ —Неронъ и окружающая его камарилья новаго Рима. Но принципы ихъ слишкомъ различны, чтобы они могли сойтись въ чемъ нибудь, и они становятся во враждебныя отношенія... Ученіе Христа, конечно, еще болѣе чуждымъ оказывается представителямъ древняго Рима, нежели безпринципность, развратъ и паденіе Неронова Рима. Наоборотъ, убѣжденность и стойкость послѣдователей Христа только пугаютъ и отталкиваютъ отъ нихъ Децiя— яркаго представителя Рима предковъ. Онъ слишкомъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своихъ воззрѣній, слишкомъ уважаетъ себя и вѣритъ въ себя, какъ именно въ истаго римлянина. Окружающія его безпринципность, безнравственность и развратъ только болѣе заставляютъ его убѣждаться въ справедливости своего вполнѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія. И вдругъ онъ сталкивается съ людьми, которые убѣждены и вѣрятъ въ себя, пожалуй, еще глубже, чѣмъ онъ, а между тѣмъ ихъ ученіе представляетъ что-то совершенно невѣроятное, судя по тому,

что рѣшительно ничего общаго съ его воззрѣніями оно не имѣетъ. Онъ пораженъ, онъ не знаетъ, что подумать, но во всякомъ случаѣ не вѣритъ. И когда Марцеллъ называетъ новымъ, грядущимъ Римомъ — Римъ христіанскій, Децій съ судорожнымъ хохотомъ возражаетъ:

Новый Римъ!
Да развѣ можетъ быть два Рима?
Два разума! Двѣ правды! два
Могущества, два божества!...

Нѣтъ, съ этимъ онъ не можетъ согласиться... Какъ можетъ онъ, Децій, римскій гражданинъ, сдѣлаться послѣдователемъ Христа — Бога рабовъ? Онъ скорѣе готовъ примириться съ нероновскимъ Римомъ, который онъ не побоялся осудить въ глаза.

О, умирать теперь ужасно!

восклицаетъ онъ:

Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!

Децій видитъ появляющіяся передъ нимъ, все новыя и новыя толпы рабовъ... Ихъ непонятная рѣшимость, единодушіе, убѣжденность словъ Марцелла и Лиды, заставляютъ его серьезнѣе подумать о христіанахъ. Себѣ онъ, конечно, продолжаетъ оставаться вѣрнымъ, себѣ и старому Риму; но новый, падшій Римъ... Развѣ онъ выдержитъ натиски такой силы, какъ христіане? Стоитъ ли спасать его?

Очевидно, онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Но себѣ и Риму, настоящему Риму, онъ остается вѣренъ. Онъ твердо и выразительно заявляетъ Марцеллу:

Мой судъ—я самъ! Все чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ;
И пусть идутъ всѣ Боги разомъ,
И съ ними всѣ народы—имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ... Прочь! (къ цинику) А ты бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю

Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!.. (*Выпиваетъ чашу*)

Децій, безъ сомнѣнія, — самое яркое, выразительное и самое трагическое лицо трагедіи. Интересны для исторіи созданія этого типа слѣдующія подробности.

Бѣлинскій въ критической статьѣ, о которой упоминалось выше, такими штрихами набросалъ контуры портрета предполагаемаго героя рекомендуемой имъ Майкову трагедіи:

«...поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы — сколько стоической жизнью и трагической смертью, столько же и тоской по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціональное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинѳъ Майкова только эпикуреецъ и больше ничего...»

Уже изъ этихъ словъ почти ясно, что Майковъ воспользовался совѣтомъ Бѣлинскаго; но чтобы еще было понятнѣе, какъ самъ Майковъ представлялъ себѣ фигуру Деція, напомнимъ слѣдующія строки изъ его предисловія къ „Двумъ Мірамъ“:

— Въ „Олинѳѣ и Эсѳири“... и въ „Смерти Люція“ героемъ, представителемъ греко-римскаго міра, у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади и передъ этимъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Деціемъ, чтобы порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура.

Что касается отдѣльныхъ представителей христіанскаго міра, то типы, созданные Майковымъ, болѣе или менѣе однообразные, отличаются еще нѣкоторой искусственностью, осо-

бенно въ чрезвычайно сложномъ трагизмѣ ихъ жизни, обращенія въ Христову вѣру и гибели. Одинъ изъ христіанъ долженъ жениться и вмѣсто вѣнца ведетъ свою невѣсту на мученическую смерть. Другой только что нашелъ свою мать, которую искалъ нѣсколько лѣтъ. Третій тоже наканунѣ казни встрѣчаетъ заклятаго врага, убійцу своей матери или сестры, пришедшаго какъ и онъ къ Христу... Всѣ они по декрету кесаря должны или поклониться его изображенію, какъ божеству, или будутъ осуждены на смерть. Борьбы внутренней, душевной тутъ собственно нѣтъ: всѣ христіане являются въ пьесѣ настолько убѣжденными и даже фанатиками, что безъ колебаній, съ радостью идутъ на смерть за вѣру, за истину. Это, конечно, не лишаетъ ихъ поступковъ трагизма.

Такимъ образомъ мы видимъ, что пьеса „Два Міра“ является трагедіей въ полномъ смыслѣ слова: трагическій элементъ заключается въ ней не только въ борьбѣ и трагической гибели героя и другихъ дѣйствующихъ лицъ, но и въ борьбѣ двухъ отвлеченныхъ разумныхъ началъ между собою и съ посторонними внѣшними условіями.

Этой трагедіей Майковъ, такимъ образомъ, съ излишкомъ пополнилъ тотъ пробѣлъ въ своей классической поэзіи, на который нѣкогда указалъ Бѣлинскій.

В. В.

№ 41.

Почему языческій міръ изображенъ Майковымъ ярче, чѣмъ христіанскій?

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Міръ языческій и христіанскій въ изображеніи Майкова.

Изложеніе. Причины превосходства въ изображеніи языческаго міра сравнительно съ христіанскимъ:

A) Разница въ знакомствѣ съ историческимъ матеріаломъ касательно того и другого:

I. болѣе основательное знакомство автора съ міромъ языческимъ, чему способствовало:
   1. классическое образованіе,
   2. постоянныя занятія и самостоятельное творчество въ области классической поэзіи;

II. менѣе основательное знакомство съ міромъ древне-христіанскимъ, что объясняется:
   1. отсутствіемъ источниковъ,
   2. сравнительно меньшимъ количествомъ времени, затраченнаго авторомъ на ознакомленіе съ христіанскимъ міромъ.

B) Различіе въ пониманіи и сочувствіи автора идеѣ языческаго Рима съ одной стороны и христіанства первыхъ вѣковъ—съ другой:

I. близость міросозерцанія автора къ
   1. міру „прекрасной классической древности“,
   2. эпиркуризму,
   3. традиціямъ византійской государственности.

Заключеніе. Резюме изложенія, какъ краткій отвѣтъ на тему.

Въ появившейся въ 1881 году трагедіи „Два міра“ опредѣленно выражена преслѣдовавшая Майкова въ продолженіе многихъ лѣтъ художественная идея, которую онъ еще раньше пытался изобразить въ драматическихъ отрывкахъ „Три смерти“ и „Смерть Люція“, и надъ которой, по собственному признанію, провозился чуть ли не всю жизнь. Идея эта—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра.

Языческій міръ удался Майкову, какъ нельзя лучше; идея древняго Рима, римской государственности, политическаго величія государства, идея гражданской свободы, ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина—отчетливо поняты и выражены поэтомъ. Это явствуетъ изъ отрывковъ разговоровъ и рѣчей Деція, Фабія, ораторовъ-адвокатовъ и другихъ гостей, приглашенныхъ Деціемъ на его предсмертный пиръ. Децій — великій римской патріотъ; его убѣжденія, символъ и кодексъ его вѣры особенно ясно вырисовываются въ разговорахъ его съ Ювеналомъ и съ Марцелломъ: здѣсь весь онъ, истый римлянинъ, котораго ничѣмъ не собь-

сшь съ твердой почвы врожденныхъ традиціонныхъ убѣжденій, для котораго

...въ томъ, что носитъ имя Рима,
Есть нѣчто высшее! Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее пламя!...

Въ лицѣ Деція, въ его міросозерцаніи, полно выражено все содержаніе языческаго, республиканскаго Рима. Въ лицѣ окружающихъ его является Римъ императорскій—новый міръ. „Вокругъ новаго героя, котораго я назвалъ Деціемъ,—пишетъ Майковъ,—я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура“. Этимъ фономъ и является новый Римъ—„Римъ гетеръ, шута и мима.“ Мы видимъ тутъ представителей всѣхъ классовъ общества, всѣхъ сословій: знатные патриціи, сенаторы, богачи, приживальщики—кліенты, адвокаты, величающіе себя гражданами вселенной, должностныя лица — преторъ и пропреторъ, великій жрецъ, наконецъ, рабы.—Что касается христіанскаго міра, то, какъ сознается самъ Майковъ, понять его „не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ“.

«Въ „Двухъ мірахъ“, — пишетъ Вл. Соловьевъ, — міръ христіанскій, несмотря на всѣ старанія даровитаго и искуснаго автора, изображенъ несомнѣнно слабѣе міра языческаго. Даже такая яркая индивидуальность, какъ апостолъ Павелъ, представлена чертами невѣрными: въ концѣ трагедіи Децій передаетъ слышанную имъ проповѣдь Павла, всю состоящую изъ апокалипсическихъ образовъ „и апологовъ“, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному методу и стилю Павлова проповѣданія». Сцены и разговоры дѣйствующихъ лицъ тутъ отличаются нѣкоторой искусственностью, дѣланностью, рѣчи вдохновляемыхъ предстоящимъ подвигомъ мученичества ораторовъ — излишней напыщенностью... Обстановка, общій видъ и настроеніе толпы — недостаточно выяснены.

На первый взглядъ такая разница кажется странной, непонятной. Дѣйствительно, какъ авторъ, христіанинъ, во всякомъ случаѣ не язычникъ, сынъ гуманнаго и культурнаго вѣка, и вдругъ—гораздо свободнѣе и легче понимаетъ и выражаетъ языческую идею, нежели идею христіанства...

При болѣе подробномъ разсмотрѣніи, однако, біографіи автора, его воспитанія и сложившагося опредѣленно древне-эллинскаго эстетическаго міросозерцанія съ явно-преобладающимъ эпикурейскимъ характеромъ, эта разница становится понятной.

Обратимся сначала къ фактическому научному матеріалу, имѣвшемуся въ распоряженіи автора, матеріалу, добытому путемъ полученнаго имъ образованія и дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Майковъ съ ранней юности познакомился съ латинскимъ языкомъ и латинской литературой подъ руководствомъ умнаго и блестяще образованнаго педагога Салоницына. Въ университетѣ онъ поступилъ на юридическій факультетъ, гдѣ, конечно, также ему приходилось постоянно имѣть дѣло съ римской исторіей, римскимъ государственнымъ устройствомъ, римскимъ правомъ. Впослѣдствіи Майковъ изучилъ и греческій языкъ и увлекался древне-греческой поэзіей. Первые литературные опыты и весь первый періодъ поэтической дѣятельности, ограничивавшейся почти исключительно антологическими стихотвореніями, обратившими на себя вниманіе Бѣлинскаго, отмѣтившаго сперва въ сборникѣ „Стихотвореній Аполлона Майкова“ — „...дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ...“, а затѣмъ подробно разобравшаго его произведенія въ спеціально посвященной ему статьѣ, — показали и опредѣлили характеръ творчества молодого поэта. Находя, что... „муза Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ“, — Бѣлинскій поясняетъ: „Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать не-лицейскія стихотворенія и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту, — Майковъ изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевалъ плодоностную почву для

своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы“...

Такимъ образомъ, ясно откуда Майковъ пріобрѣлъ основательное знакомство съ языческимъ, съ классическимъ міромъ: матеріалъ у него былъ подъ рукой, и постоянно онъ имъ пользовался.

Относительно христіанскаго міра Майковъ, какъ уже выше говорилось, самъ признаетъ, что понять и изобразить его было для него гораздо труднѣе. Оно и понятно. Говоря про матеріалъ по изученію классической литературы и языческаго міра, мы и не упомянули, изъ чего именно этотъ матеріалъ состоялъ. Всякому извѣстно, что матеріала этого не мало, особенно если принять во вниманіе, что древне-греческая и древне-римская литературы имѣли много общаго и изученіе ихъ въ одинаковой степени можетъ способствовать пониманію классической древности вообще. Между тѣмъ, относительно первыхъ вѣковъ христіанства мы и въ исторіи и въ литературѣ находимъ очень немного памятниковъ. Майковъ упоминаетъ, что, какъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія древне-христіанскаго міра, онъ пользовался Евангеліемъ. Но, съ одной стороны, въ Евангеліи имѣется весьма мало указаній относительно христіанства въ Римѣ, относительно гоненій на христіанъ и о жизни и тайныхъ собраніяхъ ихъ въ катакомбахъ, гдѣ у Майкова происходитъ дѣйствіе. Съ другой, какъ мы имѣли уже выше случай убѣдится со словъ Соловьева, можно усумниться въ томъ, что Майковъ сумѣлъ справиться съ такимъ исключительнымъ источникомъ, какъ Евангеліе...

Другой причиной менѣе основательнаго знакомства автора „Двухъ міровъ“ съ древне-христіанскимъ міромъ, причиной, связанной непосредственно съ только-что указанной нами, — является то обстоятельство, что Майковъ гораздо меньше времени посвятилъ изученію и ознакомленію съ этой стороной трагедіи. Идея пьесы явилась у Майкова очень давно, еще въ 45 г., но до 81 года, когда появились „Два міра“ полностью, Майковъ въ многочисленныхъ своихъ драматическихъ опытахъ

и отрывкахъ касался только одной стороны, одного міра—міра языческаго; христіанскій, если и затрогивался иногда, то совсѣмъ поверхностно—видно было, что авторъ не рѣшается пространнѣе говорить о немъ, именно по незнанію его. Между тѣмъ „Три смерти" уже въ 52 г. дали совершенно отчетливые образы трехъ представителей оппозиціи въ новомъ падшемъ Римѣ, трехъ хранителей традицій Рима стараго, изъ которыхъ самымъ яркимъ безусловно является Эпикурецъ-Люцій; эта то односторонность героя и не удовлетворяла Майкова.

Такимъ образомъ, еще одинъ доводъ за то, что христіанскій міръ Майковъ зналъ меньше.

Кромѣ знакомства съ литературнымъ матеріаломъ и знанія историческихъ фактовъ, могли вліять на то или иное освѣщеніе „Двухъ міровъ" еще личныя убѣжденія автора — его міровозрѣніе ...„Императорскій Римъ, — говоритъ Вл. Соловьевъ, — вдвойнѣ понятенъ и дорогъ поэту, какъ примыкающій къ обоимъ мірамъ его поэзіи — къ міру прекрасной классической древности, съ одной стороны, и къ міру византійской государственности—съ другой: и какъ изящный эпикуреецъ, и какъ русскій чиновникъ-патріотъ, Майковъ находитъ здѣсь родные себѣ элементы. Къ сожалѣнію, идея новаго Рима—Византіи—не сознана поэтомъ съ такой глубиной и ясностью, какъ идея перваго Рима. Онъ любитъ византійско-русскій строй жизни въ его исторической дѣйствительности и принимаетъ на вѣру его идеальное достоинство, не замѣчая въ немъ никакихъ внутреннихъ противорѣчій."

Послѣдняя фраза не имѣетъ общаго съ двумя мірами, но мы привели ее, какъ много говорящую для характеристики убѣжденій автора.

Что Майковъ былъ близокъ къ міру прекрасной классической древности, и что Майковъ во многомъ раздѣлялъ убѣжденія эпикурейцевъ,—это явствуетъ изъ содержанія большинства его антологическихъ стихотвореній. Характерно въ этомъ отношеніи „выраженіе добродушнаго и невиннаго эпикурейства" въ поучительномъ стихотвореніи „Юношамъ."

И напиться не сумѣли!
Чуть за столъ—и охмѣлѣли!
Чѣмъ и какъ—вамъ все равно!
Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,

И на свѣтъ, и обонянемъ
Оцѣняетъ онъ вино.
Онъ, торяя тихо трезвость,
Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,
Умиляется душой,
И, владѣя страстью, гнѣвомъ,
Старцамъ милъ, пріятенъ дѣвамъ,
И—доволенъ самъ собой...

Что касается приписываемыхъ Майкову принциповъ византійской государственности, то, во—первыхъ, изъ біографіи поэта, дѣйствительно, извѣстно, что онъ былъ русскимъ чиновникомъ-патріотомъ и любилъ византійско-русскій строй жизни въ его исторической дѣйствительности... Во-вторыхъ, въ его стихотворномъ букетѣ имѣется нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, какъ напр., „У гроба Грознаго", и посланій.

Въ стихотвореніи „У гроба Грознаго" еще разъ подтверждается, что авторъ не постигъ всей глубины Христова ученія, или черезчуръ ужъ увлекся идеями византійской государственности. Вѣра въ идеальное достоинство византійско-русскаго строя жизни у него такъ сильна, что доводитъ его, по словамъ Вл. Соловьева, до „апоѳеоза Ивана Грознаго, котораго величіе будто бы еще не понято и котораго „день еще прійдетъ". Нельзя, конечно, заподозрить гуманнаго поэта въ сочувствіи злодѣяніямъ Ивана IV, но они вовсе не останавливаютъ его прославленія, и въ концѣ концовъ онъ готовъ даже считать ихъ только за „шипъ подземной боярской клеветы и злобы иноземной". „Въ концѣ своего Саванаролы — продолжаетъ Соловьевъ,—говоря, что у флорентійскаго пророка всегда былъ на устахъ Христосъ, Майковъ не безъ основанія спрашиваетъ: „Христосъ! онъ понялъ ли Тебя?" Съ несравненно большимъ правомъ можно, конечно, утверждать, что благочестивый учредитель опричнины „не понялъ Христа"; но поэтъ и на этотъ разъ совершенно позабылъ, какого вѣроисповѣданія былъ его герой -- иначе онъ согласился бы, что представитель христіанскаго царства, не понимающій Христа, чуждый и враждебный Его духу, есть явленіе во всякомъ случаѣ ненормальное, вовсе не заслуживающее апоѳеоза."

Приведенный выше примѣръ передачи въ „Двухъ мірахъ" проповѣди апостола Павла подтверждаетъ недовѣрчивое отношеніе къ пониманію Майковымъ Христова ученія, а слѣдова-

тельно, и къ изображаемому имъ древнему христіанскому обществу.

Резюмируя все вышесказанное, постараемся скомплектовать изъ него отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ темѣ: почему языческій міръ изображенъ Майковымъ ярче, чѣмъ христіанскія? Потому, во-первыхъ, что языческій міръ былъ лучше знакомъ автору, какъ классику въ частности, и вообще—оставилъ послѣ себя болѣе богатый матеріалъ для изученія, чѣмъ міръ христіанскій. И потому, во-вторыхъ, что языческій міръ, какъ классическій, съ его взглядами на жизнь и на искусство, ближе и симпатичнѣе былъ автору, нежели довольно чуждый ему подвижническій міръ первыхъ вѣковъ христіанства.

В. В.

№ 42.

Студенты у Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Студенты и студенчество въ жизни и въ литературѣ.

Изложеніе. Изображеніе жизни студента въ произведеніяхъ Тургенева, Достоевскаго и Л. Толстого:

I. Студенты въ университетѣ:
„Юность“ Л. Толстого.

II. Студенты въ домашней обстановкѣ:
у Л. Толстого — „Юность“;
у Достоевскаго — „Преступленіе и наказаніе“;
у Тургенева — „Отцы и дѣти“,
„Новь“.

III. Студенты въ товарищескомъ кружкѣ:
У Л. Толстого — „Юность.“

IV. Студенты въ обществѣ:
у Л. Толстого, Достоевскаго и Тургенева.
Заключеніе. Неудовлетворительность „студенчества“ въ литературѣ.

Студенческіе годы — обыкновенно самая счастливая, самая веселая пора въ жизни интеллигента.

Сколько самыхъ лучшихъ, свѣтлыхъ воспоминаній связано съ студенческими годами у всякаго, кому дана была возможность имѣть эти студенческіе годы! Для прожившихъ эту свѣтлую пору они обыкновенно служатъ самой излюбленной темой разсказовъ, правдивыхъ и легендарныхъ, всегда интересно и привлекательно рисующихъ молодую, кипучую, „настоящую“ жизнь! Для переживающихъ ее въ данный моментъ — темой самыхъ оживленныхъ и горячихъ споровъ и препирательствъ другъ съ другомъ и со старшимъ поколѣніемъ. Для тѣхъ, которымъ студенческая пора еще предстоитъ только въ будущемъ, — она является въ самой заманчивой перспективѣ и служитъ предметомъ свѣтлыхъ юныхъ надеждъ и горячей вѣры въ это счастливое будущее.

И, однако, какъ ни опредѣлененъ, какъ ни ясенъ типъ студента въ традиціяхъ, какъ ни знакомъ и понятенъ онъ всѣмъ и каждому въ литературѣ, онъ очерченъ почему-то недостаточно подробно и отчетливо, недостаточно вѣрно съ дѣйствительностью. Литература, это зеркало жизни каждаго достигшаго извѣстной степени культурности народа, — литература точно чуждается его.

Почему являются у насъ въ литературѣ такія произведенія, какъ „Студенты“ Гарина, „Въ университетѣ“ Гегидзе, рисующія узко односторонне и невѣрно студенческую жизнь, между тѣмъ какъ другая сторона этой жизни, сторона болѣе симпатичная, хорошая и дающая для письменнаго изложенія въ формѣ ли разсказа, романа или повѣсти, гораздо больше благодарнаго и интереснаго матеріала, — почему эта другая сторона остается почти не затронутой?

Не разрѣшивъ этого вопроса, обратимся все-жъ таки къ разсмотрѣнію тѣхъ описаній студенческой жизни, которыя у насъ существуютъ.

Жизнь студента, въ зависимости отъ среды, въ которой ему приходится вращаться, какъ представителю того или дру-

гого класса общества, можно разбить на слѣдующіе, ежедневно почти уступающіе одинъ другому мѣсто періоды времени, которые мы и обозначили въ планѣ: студенты въ университетѣ, гдѣ въ одной обстановкѣ и въ одинаковомъ положеніи предстаютъ всѣ категоріи студентовъ, начиная съ „піонеровъ науки“ и кончая праздными бездѣльниками, являющимися въ университетъ только для того чтобы занять чѣмъ-нибудь свободное время; студенты дома, гдѣ вполнѣ понятнымъ становится это характерное дѣленіе студенчества по категоріямъ; студенты въ товарищескомъ кружкѣ, — здѣсь рисуется обыкновенно самая привлекательная и симпатичная сторона студенческой жизни; и, наконецъ, студенты въ обществѣ, гдѣ видимъ каждаго изъ нихъ, какъ человѣка, какъ будущаго общественнаго дѣятеля, видимъ, однимъ словомъ, его индивидуальныя особенности, его „особыя примѣты“.

Въ первой изъ отмѣченныхъ нами обстановкѣ студента мы встрѣчаемъ только у Толстого въ его „Юности“. Аудиторія, первое впечатлѣніе, производимое ею на новичка-студента, разнокалиберность ея состава, взаимныя отношенія отдѣльныхъ группъ и отдѣльныхъ представителей студенчества, изображены авторомъ и художественно и естественно, но... вѣрности изображенія и освѣщенія мѣшаетъ субъективная точка зрѣнія Николеньки Иртеньева, не постигшаго еще, что такое студентъ. Лично Николеньку, какъ студента, въ этомъ первомъ дѣйствіи его университетской жизни разсматривать нельзя, тѣмъ болѣе, что онъ попалъ въ университетъ не съ гимназической скамьи, на которой все-таки привыкаешь заранѣе думать и догадываться о томъ, что такое студенчество, а прямо изъ-подъ крылышка гувернера и домашнихъ учителей. Не мудрено, что онъ, имѣя представленіе о студенчествѣ только по примѣру своего старшаго братца Володи, который, собственно говоря, не студентъ, а свѣтскій молодой человѣкъ, водящій знакомство и дружбу не съ товарищами по университету, а съ адъютантами, смотритъ на экзаменующихся съ нимъ „казеннокоштныхъ“ гимназистовъ, какъ, во-первыхъ, на людей не comme il faut — за ихъ неприличныя, по его мнѣнію, манеры, неопрятную внѣшность, за оскорбляющую его фамильярность, и, во-вторыхъ, какъ на своихъ конкуррентовъ, такъ что онъ старается по возможности показать передъ профессорами свою большую освѣдомленность въ наукахъ и вообще выдвинуться.

Не мудрено, что подъ вліяніемъ извѣстной домашней обстановки и воспитанія онъ, желая сблизиться съ кѣмъ—нибудь изъ товарищей, стараясь не замѣчать его не comme il faut' ности, желая оставить о себѣ хорошее мнѣніе, „даетъ понять,“ что онъ близкій родственникъ „кнезь Ивана“ и что у него собственные рысакъ и пролетка. Не мудрено и то, что это только отталкиваетъ отъ него товарищей, не понимающихъ и не умѣющихъ цѣнить людей съ этой стороны.

И все-таки въ концѣ концовъ и Николенька приходитъ къ заключенію, что не comme il faut' ные товарищи его гораздо симпатичнѣе и умнѣе „аристократовъ“ и что они-то и есть настоящіе студенты. Не даромъ на него производитъ впечатлѣніе и блестящій отвѣтъ Семенова и прилежаніе Оперова. И обратное впечатлѣніе производятъ скучные и глупые французкіе разговоры кучки бароновъ, графовъ и князей, къ которой онъ примкнулъ было сначала. Онъ начинаетъ отдавать предпочтеніе первымъ, не смущаясь болѣе тѣмъ, что они „слишкомъ свободно себя держатъ“, носятъ волосы à la мужикъ, кусаютъ ногти, обходятся безъ крахмальнаго бѣлья и т. д.

Онъ начинаетъ прислушиваться и къ тому, что они говорятъ, интересоваться ихъ занятіями, записками, но...слишкомъ поздно. Въ теченіе всего года онъ ничего не дѣлаетъ, разсчитывая, что его вывезетъ его comme il faut, его лишнее преимущество передъ товарищами, которое, безъ сомнѣнія, поможетъ ему сдать экзаменъ. „Я приходилъ на лекціи,—сообщаетъ Николенька,—только потому, что ужъ такъ привыкъ и что папа усылалъ меня изъ дому. Притомъ же знакомыхъ у меня было много, и мнѣ было часто весело въ университетѣ. Я любилъ этотъ шумъ, говоръ, хохотню по аудиторіямъ, любилъ во время лекціи, сидя на задней лавкѣ, при равномѣрномъ звукѣ голоса профессора, мечтать о чемъ нибудь и наблюдать товарищей, любилъ иногда съ кѣмъ-нибудь сбѣгать къ Матерну выпить водки и закусить и, зная, что за это могутъ распечь, послѣ профессора, робко скрипнувъ дверью, войти въ аудиторію, любилъ участвовать въ продѣлкѣ, когда курсъ на курсъ съ хохотомъ толпился въ корридорѣ. Все это было очень весело...“ Понятно, что, привыкнувъ только „мечтать при равномѣрномъ звукѣ голоса профессора“, а дома будучи занятъ свѣтской жизнью, Иртеньевъ, готовясь съ товарищами къ экзамену, чувствуетъ себя значительно отставшимъ и, наконецъ, съ тре-

скомъ проваливается... Повторяемъ, что изображаемыя Толстымъ картины студенческой жизни въ университетѣ черезчуръ односторонни и не даютъ о ней полнаго представленія. Какъ ведетъ себя дѣйствительно занимающаяся и интересующаяся часть студенческая, мы отъ Николеньки не узнаемъ. Въ концѣ „Юности“ Толстой обѣщаетъ впослѣдствіи разсказать о другой, „болѣе счастливой ея половинѣ;“ судя по той перемѣнѣ въ отношеніяхъ съ товарищами, которая произошла съ нимъ въ концѣ перваго года университетской жизни, можно было ожидать, что эти отношенія и физіономія настоящаго студенчества вырисуются дальше яснѣе. Къ сожалѣнію, на этомъ кончаются „Дѣтство, отрочество и юность“. О жизни студента „дома“ мы находимъ сообщенія и у Толстого, и у Тургенева, и у Достоевскаго.

У Толстого опять таки, въ виду того, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Иртеньевъ — аристократъ, судя, по крайней мѣрѣ, по его домашней обстановкѣ и домашнему времяпрепровожденію, — студенческая жизнь дома изображена односторонне. Домашняя жизнь менѣе зажиточной и не аристократической части студенчества, которую мимоходомъ встрѣчаемъ мы въ университетѣ, — не выяснена. Пробѣлъ этотъ за то пополняется при чтеніи Тургенева и Достоевскаго.

Нельзя сказать, чтобы и тутъ студентъ былъ представленъ со всѣхъ сторонъ: во-первыхъ, если не считать Нежданова, ни тотъ ни другой не даютъ болѣе или менѣе положительнаго типа студента; во-вторыхъ, характеристика опять таки является недостаточно полной: показаны почти исключительно обыденныя, лично-семейныя стороны жизни дѣйствующаго лица, безъ чертъ, характеризующихъ его, какъ студента. Такъ, Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи“ является исключеннымъ студентомъ, находящимся въ самомъ скверномъ матеріальномъ положеніи и потому исключительно почти заботящимся объ его улучшеніи. Подробнѣйшій психологическій анализъ его мыслей и поступковъ также занимается имъ какъ извѣстнымъ индивидуумомъ, а не какъ студентомъ. Тѣмъ не менѣе онъ и Разумихинъ все же являются представителями нуждающагося студенчества, принужденнаго, на ряду съ занятіями науками, „въ потѣ лица своего зарабатывать хлѣбъ свой“, при чемъ Разумихинъ характеризуется, какъ энергичный, неунывающій человѣкъ, вездѣ умѣющій найти выходъ изъ затрудни-

тельнаго положенія — путемъ литературнаго труда, уроковъ и т. д.; Раскольниковъ же — отчаявшійся неудачникъ, хватающійся за крайнее средство, не испробовавъ сначала другихъ.

Домашняя обстановка Раскольникова — чисто студенческая: неопрятная квартира, ворчливая, но добрая квартирная хозяйка, долгъ ей за квартиру и т. д. Тоже самое и у Разумихина.

У Тургенева въ домашней обстановкѣ изображены слѣдующіе студенты: Базаровъ и Аркадій Кирсановъ, Неждановъ, Рудинъ, и отчасти Лаврецкій.

Базаровъ одинъ изъ самыхъ серьезно занимающихся своимъ предметомъ студентовъ. Въ деревнѣ онъ цѣлый день занятъ собираніемъ и препарированіемъ лягушекъ и др. Онъ грубъ, не признаетъ правилъ приличія въ обращеніи, однимъ словомъ не comme il faut. Живетъ онъ самостоятельно и скромно, такъ что, по увѣренію отца его, „съ родителей лишней копейки не взялъ". Онъ по природѣ добрый малый, но гордъ, самолюбивъ и самоувѣренъ. Родителей своихъ онъ любитъ, заботится о нихъ, и вообще по натурѣ — человѣкъ отзывчивый.

Аркадій Кирсановъ во всемъ старается подражать Базарову — своему учителю. Влюбчивая натура, однако, беретъ верхъ надъ холоднымъ футляромъ, въ который онъ себя добровольно заключилъ.

Въ домашней уже обстановкѣ является передъ нами студентъ Неждановъ въ „Нови". Сначала мы видимъ его на „собственной квартирѣ", въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ, чтобы поправить свои матеріальныя обстоятельства, ѣдетъ „на кондицію" и дальнѣйшее дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ имѣніи значительнаго сановника Сипягина, съ сыномъ котораго и занимается Неждановъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ домашняя обстановка студента оказывается весьма разнокалиберной и потому обобщающаго вывода отсюда сдѣлать нельзя.

Другое дѣло—студентъ въ товарищескомъ кружкѣ. Здѣсь положеніе его и роль также понятны и опредѣленны, какъ понятно и опредѣленно понятіе „студентъ".

Такая картина студенческой компаніи, собравшейся на частной квартирѣ, нарисована Толстымъ въ „Юности". Иртеньевъ отправляется къ своимъ не comme il faut, нымъ сосѣдямъ,

чтобы передъ экзаменами позаимствовать у нихъ немного знаній, которыхъ онъ не успѣлъ пріобрѣсти въ аудиторіи. Товарищи собирались по-очередно то у одного, то у другого. „Въ первый разъ собрались у Зухина. Это была маленькая комнатка за перегородкой, въ большомъ домѣ, на Трубномъ бульварѣ. Въ первый назначенный день я опоздалъ и пришелъ, когда уже читали. Маленькая комнатка быля вся закурена, даже не вакштафомъ, а махоркой, которую курилъ Зухинъ. На столѣ стояли штофъ водки, рюмка, хлѣбъ, соль и кость баранины.“ Таково первое впечатлѣніе впервые явившагося въ домашнюю компанію своихъ университетскихъ товарищей Иртеньева. „По подраздѣленію людей на comme il faut и не comme il faut, они принадлежали, очевидно, ко второму разряду и вслѣдствіе этого возбуждали во мнѣ не только чувство презрѣнія, но и нѣкоторой личной ненависти, которую я испытывалъ къ нимъ за то, что, не бывъ comme il faut, они какъ будто бы считали меня не только равнымъ себѣ, но даже добродушно покровительствовали меня.“

Такое отношеніе Иртеньева къ симпатичнымъ товарищамъ является, понятно, исключительно послѣдствіемъ его аристократическаго воспитанія. Понемногу это непріязненное отношеніе начинаетъ исчезать.

„Не смотря однако на эту въ то время для меня непреодолимо отталкивающую внѣшность, я, предчувствуя что-то хорошее въ этихъ людяхъ и завидуя тому веселому товариществу, которое соединяло ихъ, испытывалъ къ нимъ влеченіе и желалъ сблизиться съ ними, какъ это ни было для меня трудно,—сообщаетъ дальше Николенька.—Кроткаго и честнаго Оперова я уже зналъ; теперь же бойкій, необыкновенно умный Зухинъ, который видимо первенствовалъ въ этомъ кружкѣ, чрезвычайно нравился мнѣ. Это былъ маленькій плотный брюнетъ, съ нѣсколько оплывшимъ и всегда глянцовитымъ, но чрезвычайно умнымъ, живымъ и независимымъ лицомъ. Это выраженіе особенно придавали ему невысокій, но горбатый надъ глубокими черными глазами лобъ, щетинистые, короткіе волоса и частая черная борода, казавшаяся всегда небритою. Онъ, казалось, не думалъ о себѣ (что всегда мнѣ особенно нравилось въ людяхъ), но видно было, что никогда умъ его не оставался безъ работы.“

Въ описываемой картинѣ съ натуры студенты собрались

для совмѣстнаго повторенія пройденнаго курса и для разъясненія непонятнаго. Читаютъ они по-очереди. Остальные въ эти время внимательно слушаютъ, записываютъ и закусываютъ.

Совершенно въ другомъ родѣ описанная въ той же „Юности" нелѣпая вечеринка студентовъ изъ comme il faut. Она и студенческой названа быть не можетъ, несмотря на присутствіе двухъ „дерптскихъ студентовъ;" участвующіе въ ней все—золотая молодежь, аристократы, а не настоящіе студенты...

Въ обществѣ студентовъ, какъ и въ домашней обстановкѣ, можно встрѣтить съ самыми разнообразными физіономіями. То студентъ играетъ роль аристократическаго молодого человѣка comme il faut, — какъ Володя Иртеньевъ или Иванъ. Въ такомъ случаѣ роль его—роль безцѣльнаго коптителя небесъ; то, умирая отъ голода и нужды, онъ дѣлается убійцей и воромъ, какъ Раскольниковъ; то они (студенты), пренебрегая какой либо опредѣленной общественной ролью и практической дѣятельностью, отдаются всецѣло наукѣ, какъ Базаровъ; то состоятъ дѣятельными членами тайныхъ обществъ, пропагандируютъ въ народѣ свои идеи и душой и тѣломъ отдаются этому дѣлу, какъ Неждановъ.

Таковы типы студентовъ въ нашей литературѣ. И не смотря на все ихъ разнообразіе, они, повторяемъ, далеко не исчерпываютъ того огромнаго традиціоннаго и новѣйшаго фактическаго матеріала, который безъ литературы знакомитъ общество къ тѣмъ, что такое студентъ и студенчество.

Разбирать этотъ матеріалъ здѣсь не мѣсто.

В. В.

№ 43.

„Гимназисты" у гр. Л. Толстого, Достоевскаго и Гончарова.

Вступленіе. Объясненіе понятія „гимназистъ".

Изложеніе. Характеристика „гимназистовъ:"

1. Николеньки Иртеньева,
2. Бориса Райскаго,

3. Коли Красоткина,
4. Андрея Штольца,
5. Илюши Обломова,
6. Коли Иволгина.

Заключенiе. Общiя черты между охарактеризованными „гимназистами“.

Прежде всего необходимо объяснить, что именно мы понимаемъ подъ словомъ „гимназистъ“. Это — юноша, не успѣвшiй сойти со школьной скамьи и познакомиться съ университетской наукой. Жизнь ему еще почти не знакома, положительныхъ знанiй и опыта у него тоже почти еще нѣтъ, а впереди столько новаго и интереснаго. Характеръ и мышленiе „гимназиста“ только еще формируются, и лишь временами замѣтны черты будущаго мужчины; на ряду съ вопросами высшаго порядка его занимаютъ самыя дѣтскiя мысли и впервые начинаетъ шевелиться въ груди „нѣжная страсть.“ Отношенiе къ нему старшихъ еще не успѣло перейти въ отношенiя равнаго къ равному, что, конечно, непрiятно затрагиваетъ его самолюбiе; о нѣкоторыхъ вещахъ съ нимъ не говорятъ, считая ихъ или неинтересными для него, или почему-нибудь неподходящими, а онъ между тѣмъ уже о многомъ успѣлъ передумать, многимъ научился интересоваться.

Замѣчательно хорошо изобразилъ Левъ Толстой этотъ переходный возрастъ въ своемъ произведенiи „Дѣтство, отрочество и юность“. Тутъ мы видимъ, какъ постепенно растетъ Николенька, какъ онъ изъ мальчика превращается въ юношу, а къ концу повѣсти уже почти совершенно дѣлается взрослымъ. Онъ самъ ставитъ грани между различными порами своей жизни и этимъ облегчаетъ пониманiе происходящихъ въ немъ перемѣнъ.

Началомъ перiода отрочества Николенька считаетъ то время, когда онъ принялся за разрѣшенiе „всѣхъ отвлеченныхъ вопросовъ о назначенiи человѣка, о будущей жизни, о безсмертiи души“. Одновременно съ этими вопросами его стали занимать тѣ вопросы, которые составляютъ неразрѣшимую задачу даже для вполнѣ созрѣвшихъ умовъ и которыхъ не дано разрѣшить человѣку. Николенька то стремился достигнуть совершенства въ обѣихъ частяхъ человѣческаго существа, то, пораженный идею, что жизнь преходяща и что поэтому надо

спѣшить насладиться ею, погружался въ полное бездѣйствіе вплоть — о, ужасъ! — до нежеланія готовить уроки...

Николенька обладалъ аналитическимъ складомъ ума, вслѣдствіе чего у него была довольно сильно развита философская жилка. До построенія философской теоріи онъ не дошелъ, можетъ быть, оттого, что „философское" настроеніе продолжалось короткое время, но успѣлъ поставить не малое число вопросовъ, причемъ и постановка и отвѣтъ на эти вопросы были въ духѣ философіи Шеллинга и Гегеля, которые еще не потеряли въ то время былого вліянія на умы представителей интеллигентнаго русскаго общества. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ на Николенькѣ отразились слѣды прочитанныхъ книгъ не философскаго содержанія вполнѣ, но книгъ гдѣ эти идеи проводились между прочимъ, не будучи ясно формулированными.

Рядомъ съ дѣятельностью чистаго мышленія у него работала фантазія, работало сердце. Мечты были часты и продолжительны; онѣ носили всевозможный характеръ, въ зависимости отъ настроенія, которое являлось господствующимъ. Въ это же время Николеньку посѣтила первая любовь, любовь съ томленіемъ и ревностью, къ Соничкѣ Валахиной. Онъ цѣликомъ отдался неиспытанному еще чувству, на первыхъ порахъ неясному и не совсѣмъ понятному. — Но мало-по-малу это вступленіе въ отрочество смѣнилось болѣе зрѣлымъ взглядомъ на все. Николенька познакомился съ товарищемъ брата, студентомъ Нехлюдовымъ, бывшимъ гораздо старше его, а слѣдовательно и болѣе опытнымъ и знающимъ. Знакомство скоро перешло въ дружбу, и Николенька окончательно переступилъ ступень подростка. Почти одновременно съ дружбой и оказаннымъ ею вліяніемъ онъ освободился отъ ига гувернера и выдержалъ экзаменъ въ университетъ. Но и при этомъ сказалось то обстоятельство, что онъ еще не вполнѣ разстался съ порою „гимназіи": онъ рѣшилъ пойти на математическій факультетъ „потому что слова: синусы, тангенсы, дифференціалы, интегралы и т. д., „чрезвычайно" ему нравились, а не потому, что у него появилось ясно сознательное влеченіе къ чему-нибудь опредѣленному.

Также не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ вкусахъ и способностяхъ Борисъ Райскій по окончаніи гимназіи. Онъ было собирался сдѣлаться артистомъ, но въ результатѣ уступилъ на-

стояніямъ опекуна и надѣлъ военный мундиръ. Онъ и въ гимназіи былъ тѣмъ же „мечущимся эстетикомъ“ *), какимъ остался въ теченіе всей своей жизни. То онъ увлекался наукой, музыкой, то рисованіемъ, и потомъ самъ же развѣнчивалъ своихъ кумировъ. Но самымъ характернымъ для взятаго нами сюжета является его отношеніе къ товарищамъ. Они то увлекались имъ и ходили за нимъ толпами, то бросали его, удивляясь поразительной лѣни и бездѣйствію, охватывавшимъ порою ихъ недавняго вождя и авторитета. Иногда Райскій самъ увлекался кѣмъ—нибудь изъ товарищей, какъ это было, напримѣръ, въ то время, когда онъ сошелся съ скрипачемъ Васюковымъ. Интересно также отношеніе Райскаго и его товарищей къ преподавателямъ и къ изучаемымъ знаніямъ. Тутъ, на немногихъ страницахъ, Гончаровъ нарисовалъ классическую по своей правдивости картину гимназической жизни и ея интересовъ. Большинство учителей относились къ своему дѣлу формально; большинство учениковъ готовило уроки только „отъ сихъ до сихъ“. Но и здѣсь встрѣчались юноши, съ рвеніемъ заботившіеся о дѣлѣ. Райскій не принадлежалъ къ разряду послѣднихъ. Онъ, напримѣръ, съ удовольствіемъ нарисовалъ бы „мужика и бабъ, да тройку не сумѣетъ: лошадей «не проходили мы въ классѣ»... Райскій съ большимъ увлеченіемъ царилъ надъ товарищами, чѣмъ погружался въ науку.

Такимъ же царькомъ былъ и Коля Красоткинъ („Братья Карамазовы“). Его авторитетъ по многимъ вопросамъ былъ нерушимъ: напр. въ исторіи онъ считался ученѣе самого Дарданеллова; всевозможныхъ знаній онъ тоже успѣлъ нахвататься, несмотря на свой пятнадцати лѣтній возрастъ; и приверженцы у него были: Смуровъ, Илюша Снѣгиревъ и другіе. Но Коля, какъ и Райскій, не употреблялъ своего авторитета во вредъ послушнымъ приверженцамъ. Онъ былъ мальчикъ умный и зналъ во всемъ границы. Зато и добровольно подчинившіеся ему товарищи не раскаивались въ томъ, что избирали его своимъ повелителемъ. А на больного Илюшу онъ оказалъ прямо благотворное вліяніе, скрасивъ послѣднія минуты его жизни возвращеніемъ своей дружбы и оправданіемъ въ терзавшемъ Илюшу дурномъ поступкѣ.

---

*) Выраженіе А. С. Венгерова.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ Андрей Штольцъ. Этотъ никому въ авторитеты не напрашивался и самъ никому не подчинялся. Ростя на волѣ, онъ сложился въ самостоятельнаго человѣка, умѣвшаго всюду самъ себѣ помочь. Онъ успѣвалъ одновременно и учиться, и воспринимать практическія указанія отца, и исполнять желанія матери, стремившейся сдѣлать изъ него un homme comme il faut.

Прямой противоположностью ему является его пріятель Обломовъ, какъ будучи взрослымъ человѣкомъ, такъ и во время ученья. Для него ничего не было страшнѣе книжки и необходимости учиться. Всѣми правдами и неправдами добивался онъ остаться дома, лишь бы не ѣхать въ Верхлево къ „проклятому нѣмцу.“ Онъ и на школьной скамьѣ, и сдѣлавшись самостоятельнымъ, остался неспособнымъ дѣйствовать и жить безъ помощи Захара.

Но Коля Иволгинъ („Идіотъ“ Достоевскаго) самъ являлся нянькою по отношенію къ своему отцу. Это воплощенная самостоятельность. Онъ самъ, помимо старшихъ, завязываетъ знакомства и умѣетъ себя поставить съ достоинствомъ въ любомъ домѣ. И всѣ относятся къ нему, какъ къ взрослому, держа себя съ нимъ на равной ногѣ. Несмотря на его еще недолгую жизнь, у него много „наболѣло и наросло“, именно вслѣдствіе слишкомъ ранней самостоятельности. Коля—мальчикъ хорошій, честный и неглупый, съ яснымъ взглядомъ на жизнь и на людей. Къ тому моменту, когда произошла окончательная катастрофа съ княземъ Мышкинымъ, онъ былъ уже почти готовымъ человѣкомъ, и это происшествіе лишь дало послѣдній толчокъ, при помощи котораго Коля вступилъ въ жизнь правоспособнымъ членомъ общества.

Таковы „гимназисты“ гр. Л. Тостого, Достоевскаго и Гончарова каждый въ отдѣльности. Попробуемъ соединить ихъ въ группы. Одна группа болѣе интересная, группа болѣе или менѣе самостоятельныхъ подростковъ: Андрей Штольцъ, Коля Иволгинъ, Коля Красоткинъ. Другая группа, состоящая изъ менѣе самостоятельныхъ, имѣетъ въ своихъ рядахъ Обломова, Райскаго и Иртеньева, причемъ послѣдній является какъ бы переходнымъ звеномъ между обѣими группами. Тѣ и другіе—будущіе дѣятели на аренѣ русской жизни. Врядъ ли они сильно измѣнятся, выйдя изъ „гимназическихъ“ лѣтъ, но и те-

перь первая группа уже дѣйствуетъ, уже настойчиво стучитъ въ закрытую пока для нея дверь къ жизни.

Интересно, что группы „гимназистовъ“ одновременно дѣлятъ и писателей. Иртеньевъ, не вполнѣ подходящій ни къ той ни къ другой группѣ, является героемъ Л. Толстого; Обломовъ и Райскій — персонажи Гончарова, Иволгинъ и Красоткинъ— Достоевскаго, неоднократно и изображавшаго русскихъ дѣятелей во всевозможныхъ слояхъ общества. Штольцъ, отнесенный нами въ первой группѣ, такъ же, какъ и Обломовъ съ Райскимъ, произведеніе пера Гончарова, бытописателя обломовщины, но изображеніе его многіе считаютъ — и вполнѣ справедливо—нехудожественнымъ. Слѣдовательно, на „гимназистахъ“ сказались обычныя свойства ихъ творцовъ, смотрѣвшихъ различно на русскую жизнь и рисовавшихъ ее вслѣдствіе этого различно.

Б.

№ 44

Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Война и миръ“.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Обширность общественнаго круга, захваченнаго романомъ.

Изложеніе. Характеристика дѣйствующихъ лицъ:

1. Пьеръ Безуховъ,
2. Николай,
3. Наташа,
4. Соня,
5. Петя,
6. Старики Ростовы,
7. Андрей Болконскій,
8. Княжна Марья,

9. Старикъ Болконскій,
10. Курагины;
11. Денисовъ,
12. Долоховъ,
13. Наполеонъ и Кутузовъ.

Заключеніе. Общая характеристика и общій смыслъ фигуръ, выведенныхъ въ „Войнѣ и мирѣ“.

Романъ „Война и миръ“ даетъ гигантскую картину жизни русскаго общества всѣхъ слоевъ въ первой четверти прошедшаго столѣтія. Начиная съ императора и кончая крестьяниномъ и представителемъ городского пролетаріата,—всѣ являются далеко не второстепенными дѣйствующими лицами. Министры, вельможи, генералы, придворная аристократія, столичное и провинціальное дворянство, офицеры, солдаты и крестьяне, безупречно охарактеризованные каждый въ отдѣльности, въ цѣломъ даютъ полную художественную картину. Эта широта взгляда, эта способность заставлять читателя одновременно удерживать въ представленіи своемъ все разнообразіе и множество типовъ, сценъ и событій и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрность дѣйствительности, объективность и художественность изображенія — прежде всего должны быть поставлены въ заслугу великому автору безсмертнаго произведенія. Нашей задачей является характеристика дѣйствующихъ лицъ романа. Но дѣйствующихъ лицъ въ романѣ такое множество, что, несмотря на то, что каждое изъ нихъ чрезвычайно интересно, какъ типъ общественный и какъ живой литературный портретъ, — нѣтъ никакой возможности даже слегка коснуться всѣхъ: это заняло бы столько же мѣста, если не больше, сколько занимаетъ романъ.

Итакъ ограничимся тѣми, которымъ и авторъ удѣляетъ больше вниманія и мѣста, — главными героями романа, представителями круга наиболѣе близкаго и знакомаго и съ внѣшней и съ технической стороны автору: это — Пьеръ Безуховъ, семейство Ростовыхъ, князья Болконскіе; изъ второстепенныхъ лицъ — Курагины, Денисовъ, Долоховъ; изъ историческихъ — интересны фигуры Наполеона и Кутузова.

Пьеръ Безуховъ — побочный сынъ извѣстнаго екатерининскаго вельможи, наслѣдовавшій все его милліонное состояніе.

Воспитаніе онъ получилъ за границей и, проникнувшись гуманными и либеральными идеями Запада, вернулся въ Россію убѣжденнымъ республиканцемъ. Онъ мечтаетъ о побѣдѣ надъ Наполеономъ, котораго онъ считаетъ антихристомъ, о „перерожденіи порочнаго рода человѣческаго“, но, по слабохарактерности своей, не находя въ окружающемъ его обществѣ поддержки своимъ мечтамъ, онъ отдается бездѣльной и развратной жизни петербургской „золотой молодежи“, участвуя во всѣхъ ея скандальныхъ продѣлкахъ, попойкахъ и кутежахъ. Пьеръ очень добръ — добръ до безконечности. Откровененъ онъ до наивности, любознателенъ и пытливъ; разсѣянъ и робокъ, но, когда дѣйствительно нужно, когда онъ понимаетъ важность момента онъ — храбръ, смѣлъ и рѣшителенъ до истиннаго геройства. Увлекающійся и впечатлительный Пьеръ съ перваго же разу поддается обаянію красавицы Эленъ Курагиной, которой ничего не стоитъ заставить его сдѣлать ей предложеніе. Впрочемъ, Пьеръ не долго упивается своимъ счастьемъ: онъ постигаетъ скоро безсердечную, бездушную натуру своей жены и при первомъ же поводѣ съ ея стороны порываетъ съ ней отношенія и уѣзжаетъ изъ Москвы. Въ сценѣ объясненія съ женой и въ предшествующей сценѣ ссоры съ Долоховымъ проявляется скрытая черта характера Пьера, совершенно незамѣтная обыкновенно, благодаря постоянному его добродушію и мягкосердію: черта эта — безумное бѣшенство, которому онъ отдается въ исключительно оскорбительныхъ для него, тяжелыхъ случаяхъ.

Очутившись на свободѣ, Пьеръ опять начинаетъ чувствовать пошлость жизни окружающаго его свѣтскаго общества и пустоту, въ которой еще болѣе убѣждаютъ его семейныя обстоятельства. Между тѣмъ Пьеръ вѣритъ и неудержимо стремится найти себѣ какую—нибудь работу, какую—нибудь цѣль жизни.

Судьба сталкиваетъ его съ масонами. Краснорѣчивые доводы ритора-проповѣдника убѣждаютъ его. Онъ рѣшаетъ сдѣлаться масономъ, отдаться дѣлу служенія религіи и добродѣтели. Пріѣхавъ въ свое имѣнье, онъ начинаетъ преобразовательныя реформы: онъ отмѣняетъ тѣлесное наказаніе въ своемъ маленькомъ государствѣ, облегчаетъ барщину, строитъ школы и больницы. Масонскія идеи, однако, не на долго

прививаются Пьеру; онъ начинаетъ замѣчать фальшь и недостатки въ своихъ братьяхъ-масонахъ и особенно въ отношеніяхъ ихъ къ нему и прерываетъ съ ними сношенія. Скептицизмъ опять закрадывается въ его душу. Но восторжествовать въ этой мечтательной душѣ онъ не можетъ.

Начинается война и Пьеръ становится горячимъ патріотомъ. На основаніи какихъ то разсчетовъ по Апокалипсису Пьеръ выводитъ, что Наполеонъ — антихристъ, а ему, Пьеру Безухову, предстоитъ возложенная на него самимъ Провидѣніемъ великая миссія — убить этого антихриста и спасти отъ него Россію и Европу. Онъ остается въ Москвѣ и попадаетъ въ плѣнъ. Поведеніе Пьера на полѣ сраженія подъ Бородинымъ обнаруживаетъ его наивное безстрашіе: чувство страха передъ надвигающейся опасностью совершенно неизвѣстно ему. Обстановка, при которой Пьеръ попадаетъ въ плѣнъ, характеризуетъ его, какъ безконечно добраго и отзывчиваго къ чужому горю человѣка. Въ плѣну Пьеръ встрѣчается съ новыми, совершенно до тѣхъ поръ незнакомыми ему сторонами жизни, — съ нуждой, голодомъ, грубымъ обращеніемъ. Находясь здѣсь въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ и на равномъ положеніи съ плѣнными солдатами и по неволѣ сойдясь здѣсь болѣе близко съ простымъ русскимъ человѣкомъ, Пьеръ поражается ясностью и опредѣленностью незамысловатой философіи Платона Каратаева. Впервые Пьеръ сливается съ массою простонародья и узнаетъ всю красоту и силу русскаго человѣка. „Платонъ Каратаевъ остался на всегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго.“ Натерпѣвшись въ плѣну, наглядѣвшись на свои и чужія несчастія, умудренный житейскимъ опытомъ, Пьеръ какъ будто „вышелъ изъ нравственной бани.“ Война перемѣнила его. „Пьеръ, прежде искавшій спасенія отъ хандры и отвращенія къ жизни въ кутежахъ и опьяняющихъ развлеченіяхъ, въ европейскихъ доктринахъ и въ масонствѣ, послѣ несчастій, перенесенныхъ вмѣстѣ съ народомъ, понялъ истинное значеніе трудовой жизни и научился цѣнить ея радости въ любящей и любимой семьѣ“.

Изъ Ростовыхъ особенно выдѣляются —Николай,—сначала студентъ, потомъ лихой офицеръ, и его сестра Наташа — живая, веселая и подвижная барышня-хохотунья.

Николай Ростовъ прежде всего, что называется, славный малый. Съ доброй душой, весьма нѣжный даже по отношенію къ родителямъ и къ сестрѣ, Ростовъ сразу производитъ на читателя хорошее впечатлѣніе. Онъ всегда веселъ, всегда доволенъ, не прочь выпить и поиграть въ карты съ товарищами, которыхъ онъ очень любитъ. На войнѣ храбрый до геройства, увлекающійся вояка-патріотъ, готовый голову свою сложить за царя и отечество, близко стоящій къ своимъ подчиненнымъ солдатамъ и знающій ихъ, въ деревнѣ Ростовъ оказывается грубоватымъ, со старой дворянской закваской, помѣщикомъ Его барскія замашки сказываются и въ его обращеніи съ Митенькой, когда онъ пріѣхалъ въ деревню по просьбѣ матери, и потомъ, послѣ женитьбы въ имѣніи жены, во время „объясненій“ со старостой. Ростову вовсе не кажется удивительнымъ то, что онъ бьетъ и „подлеца“ Митеньку, и „мерзавца“ старосту. Это все мелочи, на это онъ не обращаетъ вниманія, но... болѣе возвышенныхъ стремленій, кромѣ семейнаго счастья, онъ не знаетъ.

Наташа — молодая, искренняя, вѣчно веселая и заразительно хохочущая дѣвушка. Она кокетничаетъ съ своими поклонниками, которыхъ, благодаря ея красотѣ, у нея очень много, влюбляется, охладѣваетъ, влюбляется въ другого, потомъ опять въ перваго... Сначала она влюблена въ Бориса Друбецкого, конечно, только потому, что это единственный молодой человѣкъ въ офицерскомъ мундирѣ, котораго она болѣе или менѣе близко знаетъ. Потомъ его мѣсто занимаетъ Денисовъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Ростовымъ въ отпускъ и ухаживающій за хорошенькой графиней. Затѣмъ появляется князь Андрей Болконскій — молодой еще, интересный, умный и въ то же время занимающій уже важный постъ. На время его смѣняетъ красавецъ Анатоль Курагинъ, едва не похитившій Наташу изъ теткинаго дома. Потомъ Наташа съ ужасомъ вспоминаетъ объ этомъ увлеченіи.

Порвавъ съ Анатолемъ, Наташа убѣждается, что она все любитъ князя Андрея. Встрѣча съ раненымъ Болконскимъ еще болѣе утверждаетъ ее въ этомъ мнѣніи, но слишкомъ поздно: князь Андрей, примирившись съ своей невѣстой, умираетъ. Это самый тяжелый ударъ въ Наташиной жизни. Она долго не можетъ отъ него оправиться. И только, когда она

узнаетъ ближе Пьера и его къ ней отношеніе, она рѣшается снять съ себя трауръ и выходитъ за него за-мужъ.

Портретъ Наташи замѣчательно полонъ. Въ началѣ романа мы видимъ ее тринадцатилѣтней дѣвочкой, — въ концѣ— матерью. Всѣ ея настроенія и впечатлѣнія отъ первыхъ выѣздовъ въ свѣтъ, театровъ, баловъ, всѣ увлеченія и мысли, которыми дѣлится она съ своей постоянной подругой — Соней- переданы замѣчательно реально и правдиво.

Соня — довольно безличная фигура. Безотвѣтная, безконечно благодарная облагодѣтельствовавшей ее семьѣ Ростовыхъ, она, всю жизнь любившая и обожавшая Николая, когда онъ женился на другой, безъ зависти и упрековъ, покорная злополучной своей судьбѣ и вполнѣ счастливая счастіемъ любимаго человѣка, переѣзжаетъ вмѣстѣ съ старой графиней Ростовой въ Лысыя Горы — имѣнье жены Николая.

Петя фигурируетъ въ романѣ тоже въ разные возрасты жизни. Вначалѣ онъ — восьмилѣтній мальчикъ, увлекающійся военными и военщиной, мечтающій о военной славѣ и т. д. Поступивъ въ ополченіе и быстро произведенный въ офицеры, онъ въ первомъ же сраженіи бросается въ самое опасное мѣсто и падаетъ наповалъ убитый.

Старикъ Ростовъ — характерный представитель помѣщичьяго дворянства. Гостепріимный, веселый, со всѣми знакомый, наивный и слабохарактерный, онъ всецѣло находится подъ вліяніемъ своей жены. Любившій когда-то играть въ карты и другія азартныя игры, совершенно неумѣющій вести хозяйство, онъ разстраиваетъ свое и безъ того расшатанное черезчуръ широкой жизнью состояніе и, умирая, оставляетъ сыну одни долги. Графиня Ростова, дополняющая съ внѣшней стороны своего мужа добротой и любезностью, является въ романѣ любящей матерью и другомъ своихъ дѣтей. У Наташи почти нѣтъ отъ нея тайнъ. Смотря на счастье съ матеріальной точки зрѣнія, графиня старается и сына женить на выгодной партіи, для чего всѣми мѣрами препятствуетъ сближенію его съ бѣдной кузиной Соней; и дочь старается поскорѣй сплавить, разумѣется, въ обоихъ случаяхъ желая имъ только счастья.

Князь Андрей Болконскій — очень умный и проницательный человѣкъ, холодный аристократъ, гордый и высокомѣрный, но умѣющій честно исполнять свой долгъ. Сначала онъ явля-

ется передъ нами простымъ гвардейскимъ офицеромъ, пѣшкой. Обязанностей особенныхъ, кромѣ того, чтобы провожать жену на балы и вечера, — у него нѣтъ и онъ чрезвычайно этимъ тяготится. Онъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій, но неудачи его раздражаютъ. Раненый, онъ возвращается домой къ отцу, выходитъ въ отставку и принимается за составленіе новаго воинскаго устава.

Благодаря невѣжеству Аракчеева, черезъ руки котораго должна была пройти записка, проэктъ Андрея Болконскаго терпитъ фіаско. Но тутъ онъ знакомится со Сперанскимъ, пользовавшимся въ то время большимъ вліяніемъ. Сперанскій, сразу оцѣнившій князя Андрея, сближается съ нимъ и Болконскій вскорѣ уже принимаетъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ.

Но вотъ опять начинается война, и князь Андрей снова въ рядахъ дѣйствующей арміи. Здѣсь, на войнѣ личность князя выступаетъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Дѣльный военачальникъ, расторопный адъютантъ и храбрый солдатъ, — онъ можетъ служить образцомъ для офицера.

Князь Андрей — скептикъ, невѣрующій, и слѣдующій только внушеніямъ холоднаго разсудка, представляя въ этомъ отношеніи полную противоположность своей сестрѣ, княжнѣ Марьѣ. Но послѣ Аустерлицкаго сраженія, въ которомъ онъ раненъ, съ княземъ происходитъ перемѣна. Съ одной стороны его идеалъ, которымъ былъ до сей поры Наполеонъ, — рушится послѣ встрѣчи съ недавно великимъ полководцемъ, а теперь, для него, по крайней мѣрѣ, обыкновеннымъ, ничтожнымъ человѣкомъ, который кажется ему „безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастья другихъ“. Вмѣстѣ съ паденіемъ этого идеала, который весь былъ построенъ на „пескѣ“ холодной разсудочности, въ душѣ Болконскаго появляется сознаніе необходимости для счастія — вѣры. Онъ готовъ сдѣлаться вѣрующимъ, но къ несчастію онъ совершенно не знаетъ, во что можно и нужно вѣрить на землѣ — его скептицизмъ проявляется здѣсь во всей своей силѣ.

Любовь къ жизни пробуждаетъ въ немъ — воспоминаніе о Наташѣ Ростовой, которую онъ горячо полюбилъ, несмотря на всю холодность и черствость своей натуры. Образъ Наташи постоянно является въ его больномъ воображеніи и подъ конецъ воплощается въ лицѣ настоящей Наташи,

съ которой его, безнадежно раненаго, сталкиваетъ судьба. Уже слишкомъ поздно. Князь Андрей чувствуетъ неодолимую жажду жизни и ускользающаго счастья съ любимымъ и любящимъ существомъ. Онъ нашелъ какъ будто ту цѣль, къ которой приходитъ впослѣдствіи и его другъ Пьеръ, — семейное счастье и трудовую жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ такъ же увѣренно чувствуетъ, что жить больше не будетъ, что все кончено. Его медленная, геройская кончина, которую онъ встрѣчаетъ съ полнымъ сознаніемъ убѣгающаго отъ него счастья жизни, вызываетъ не-вольное удивленіе и уваженіе къ этому необыкновенному человѣку.

Сестра его, княжна Марья, представляетъ полную противоположность брату: его холодности можно противопоставить ея горячее, любящее сердце; его самостоятельности и увѣренности въ себѣ — ея забитость, полное подчиненіе отцу; его свѣтскости — ея дикость и угловатость, его свѣтлому проницательному уму — ея наивность, его невѣрію — ея религіозный фанатизмъ, доходящій до того, что она горько оплакиваетъ свою нерѣшительность и чрезмѣрную любовь къ престарѣлому отцу, не позволяющія ей бросить все и уйти въ монастырь, къ „Божьимъ людямъ“.

Ея любящее сердце проявляется много разъ въ отношеніяхъ ея къ отцу, къ брату, къ его женѣ — „маленькой княгинѣ Лизѣ“, къ обманывающей ее француженкѣ — компаньонкѣ m-lle Бурьенъ, наконецъ, къ Николаю и ко всѣмъ Ростовымъ. Не менѣе характерно и ея отношеніе къ „Божьимъ людямъ“.

О забитости и подчиненномъ положеніи княжны Марьи свидѣтельствуютъ ея сцены съ отцомъ во время, напримѣръ, пріѣзда Курагиныхъ, гдѣ отчетливо вырисовываются и другія черты ея характера: неловкость и дикость, выражающіяся въ неумѣньи разговаривать съ постороннимъ мужчиной, наивность — въ мысляхъ ея о будущемъ женихѣ, относительно котораго она даже не даетъ себѣ отчета — любитъ ли его или нѣтъ.

Старикъ Болконскій — важный вельможа екатерининскаго времени, пользующійся, всеобщимъ уваженіемъ. Гордый, высокомѣрный еще болѣе, чѣмъ князь Андрей, онъ внушаетъ страхъ

своимъ домочадцамъ и безотчетное уважаніе посторояннимъ. Старикъ Болконскій давно уже оставилъ свѣтъ и живетъ безвыѣздно въ своемъ имѣньи, гдѣ занимается хозяйствомъ и ручными ремеслами: бездѣльничать онъ не любитъ и другимъ не позволяетъ. Такъ сына своего Андрея онъ заставляетъ начать службу съ низшихъ чиновъ, не пользуясь предоставляемыми ему привиллегіями. Его отношеніе къ золотой молодежи, карьеристамъ, кутиламъ и бездѣльникамъ характеризуется словами, обращенными къ Анатолю Курагину, не знающему даже „при чемъ онъ числится“ — (такъ мало интересуется онъ службой).

Несмотря на суровое и деспотичное отношеніе старика Болконскаго къ дочери—княжнѣ Марьѣ, онъ видимо сильно ее любитъ и дорожитъ ея къ нему трогательнымъ вниманіемъ. О князѣ Андреѣ и говорить нечего: онъ не только любитъ его, но и уважаетъ и гордится имъ.

Изъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ романа нельзя обойти молчаніемъ Анатоля Курагина, представителя тогдашней золотой молодежи, и его сестру Эленъ — свѣтскую львицу. Онъ — добрый малый въ товарищескомъ кругу, скандалистъ и повѣса. Красавецъ, самоувѣренный и развязный въ обыкновенное время, въ критическіе моменты онъ теряется и труситъ; такимъ, напр., является онъ въ сценѣ объясненія съ Пьеромъ. Въ то же время готовый на все, отчаянный сорви-голова, онъ не останавливается передъ самыми рискованными затѣями. Будучи женатъ уже (что, впрочемъ, тайна для общества), онъ подготовляетъ планъ похищеніи Наташи, съ которой тайкомъ хочетъ обвѣнчаться и уѣхать за границу; только энергичныя распоряженія во время предупрежденной Марьи Дмитріевны, у которой живетъ Наташа, разстраиваютъ эту продѣлку. Разыгрывая роль горячо влюбленнаго, на дѣлѣ Анатоль только циникъ и бездушный прожигатель жизни.

Сестра его, Эленъ, блестящая красавица, самолюбивая и даже самовлюбленная эгоистка. Она чувствуетъ нѣчто въ родѣ привязанности, — только къ брату, которому она даже помогаетъ въ его амурныхъ похожденіяхъ. Она ловко заманиваетъ въ сѣти наивнаго Пьера Безухова и, выйдя замужъ, отлично пользуется положеніемъ жены богатаго и слабаго мужа.

Соотвѣтствующимъ отцомъ этихъ двухъ характерныхъ

представителей свѣтскаго аристократическаго общества является князь Василій. Верхъ корректности и comme il faut, ности, бюрократъ до мозга костей, онъ занимаетъ довольно важное положеніе и пользуется „всеобщимъ уваженіемъ.“ Любитъ ли онъ своихъ дѣтей, сказать довольно трудно. Его заботы о нихъ, впрочемъ, легко объяснить желаніемъ поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ, т. к. они, особенно, Анатоль, обходятся ему не дешево.

Остановимся еще на друзьяхъ Николая Ростова—Денисовѣ и Долоховѣ. Оба они—полуисторическія лица. Подъ именами Денисова и Долохова Толстой изобразилъ двухъ извѣстныхъ партизановъ, героевъ отечественной войны — Дениса Давыдова и Фигнера.

Денисовъ—прежде всего солдатъ, честный служака. Лихой гусаръ, онъ не прочь провести весело время съ товарищами за стаканомъ вина. Характеромъ онъ сходится съ Николаемъ Ростовымъ, и ихъ дружба неудивительна. Денисову точно на роду написано всю жизнь оставаться солдатомъ и холостякомъ: иначе, какъ въ гусарской формѣ его и представить себѣ трудно. Денисовъ честенъ и справедливъ до того, что вступаетъ въ пререканія съ начальствомъ по поводу неправильныхъ, по его мнѣнію, распоряженій, изъ за чего у него выходятъ большія непріятности. Характеръ Долохова, жестокаго и безсердечнаго вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжно любящаго сына и брата, умнаго и проницательнаго и въ тоже время занимающагося ерундой, является довольно загадочнымъ.

Историческихъ личностей въ романѣ фигурируетъ не мало. Интересно отмѣтить отношеніе Толстого къ Наполеону и къ Кутузову. Толстой старается разрушить пьедесталъ, на который ставили и ставятъ великаго французскаго полководца, доказывая, что всѣ происходившія событія, сначала счастливыя для Наполеона, были вовсе не плодомъ его геніальныхъ плановъ, предначертаній и распоряженій, а вполнѣ естественнымъ и независимымъ отъ единичной человѣческой воли историческимъ процессомъ, въ которомъ Наполеонъ игралъ лишь роль топора въ рукахъ судьбы. Разница между ролью Наполеона въ этомъ процессѣ и ролью Кутузова, котораго, между прочимъ, Толстой, наоборотъ, защищаетъ отъ нападокъ за излишнюю будто бы медлительность и нераспорядительность во время преслѣдованія французовъ, разница, по мнѣнію Тол-

стого, заключается въ томъ, что Наполеонъ, будучи слѣпо увѣренъ въ сопутствующемъ ему вездѣ счастьѣ въ собственной геніальности и въ непобѣдимости своего войска, дѣлалъ неосторожность за неосторожностью, что и привело его къ гибели; Кутузовъ же, гораздо болѣе проницательный, постигъ смыслъ происходившихъ и предстоявшихъ въ будущемъ событій и дѣйствовалъ совершенно здраво и осмысленно. Осуждая съ одной стороны Наполеона словами, вложенными въ уста князя Андрея, который называетъ его „счастливымъ отъ несчастья другихъ,“ Толстой въ то же время о Кутузовѣ говоритъ: „Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.“

Во всемъ произведеніи можно замѣтить одну идею, одинъ общій смыслъ выведенныхъ типовъ, одно общее стремленіе — показать всѣ хорошія, простыя, искреннія стороны русскаго характера, русской жизни и доказать нелѣпость нѣкоторыхъ ненормально привившихся въ обществѣ отбросовъ западной культуры, ничего общаго съ русской жизнью не имѣющихъ. Русскіе люди, „ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, на сколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и лживыя формы, которыя созданы Европой. Весь русскій душевной строй проще, скромнѣе, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя одни согласны съ истиннымъ величіемъ, и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ. Обыкновенно насъ плѣняютъ и долго еще будутъ плѣнять блескъ и мощь тѣхъ формъ жизни, которыя создаются силами, не соблюдающими гармоніи, вышедшими изъ взаимнаго равновѣсія. Этихъ яркихъ формъ всякаго рода страстей, всякаго рода душевныхъ напряженій, разрастающихся до ослѣпляющаго величія, — много создала Европа, много создалъ древній міръ. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, невольно увлекаемся этими формами чужой жизни; но въ глубинѣ души у насъ хранится другой, своеобразный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ часто меркнуть и являются безобразіемъ—воплощенія въ дѣйствительности и въ искусствѣ идеаловъ, несогласныхъ съ нашимъ душевнымъ строемъ. Чисто русскій героизмъ, чисто русское героическое во всевозможныхъ сферахъ жизни—вотъ что далъ

намъ гр. Л. Н. Толстой, вотъ главный предметъ „Войны и мира.“ *)

В. В.

№ 45.

„Шинель“ (Н. В. Гоголь) и „Бѣдные люди“ (Ѳ. М. Достоевскій).

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Тѣсная связь между „Шинелью“ и „Бѣдными людьми“.

Изложеніе. Сравненіе Башмачкина съ Дѣвушкинымъ:

1. забитость обоихъ,
2. просвѣтленіе Дѣвушкина,
3. душевныя черты, подготовившія это просвѣтленіе,
4. тупость Башмачкина,
5. одинаковое отношеніе сослуживцевъ къ обоимъ,
6. домосѣдство обоихъ,
7. признаки мышленія и дѣятельности фантазіи у Дѣвушкина,
8. искаженіе нѣкоторыхъ общечеловѣческихъ чертъ у обоихъ.

Заключеніе. Значеніе обѣихъ повѣстей.

„... Чиновникъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почесть отъ приниженности“.

В. Г. Бѣлинскій.

---

*) Страховъ.

„Шинель“ появилась въ печати, когда слава ея автора была уже создана и упрочена. Она вплела еще одинъ лавровый листъ въ вѣнокъ Гоголя, такъ какъ здѣсь со свойственной ему глубиной психологическаго анализа обрисована душа мелкаго чиновника, раскрыты такіе ея тайники, которыхъ никто еще не подмѣчалъ. Четыре года спустя вышли въ свѣтъ „Бѣдные люди“, первое произведеніе 24-хъ лѣтняго Ѳ. М. Достоевскаго, написанное подъ несомнѣннымъ вліяніемъ „Шинели“. Неизвѣстное до того времени имя молодого писателя прогремѣло на всю Россію; появилась масса критическихъ разборовъ и отчетовъ о повѣсти, и самъ высшій критическій авторитетъ, Бѣлинскій, привѣтствовалъ Достоевскаго словами: „Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!“

Только что мы сказали, что произведеніе Достоевскаго написано подъ вліяніемъ повѣсти Гоголя. Въ это опредѣленіе необходимо ввести извѣстное ограниченіе. Дѣло въ томъ, что вліянія бываютъ разныя: если человѣкъ, обладающій незначительнымъ дарованіемъ, станетъ подражать сильному таланту, то его собственный талантъ можетъ очень легко вполнѣ подчиниться своему образцу, и подражатель окажется не въ состояніи создать что-либо замѣчательное и оригинальное; если же дарованія того и другого лица болѣе или менѣе одинаковы, то подражаніе принесетъ младшему представителю творчества одну только пользу. Онъ переработаетъ внутри себя заимствованный матеріалъ на свой ладъ, прибавитъ къ нему много своего собственнаго матеріала, и изъ-подъ его руки выйдетъ вполнѣ стройное и цѣльное произведеніе, подчасъ не уступающее ничѣмъ своему образцу. Послѣдній случай мы наблюдаемъ у Достоевскаго.

Гоголь взялъ никѣмъ еще не затронутый сюжетъ. Но онъ изобразилъ Акакія Акакіевича одинокимъ и поставилъ его въ такое положеніе, гдѣ ничто живое не коснулось его, гдѣ ни разу не открылось простора для проявленія его душевныхъ качествъ. Акакій Акакіевичъ въ изображеніи Гоголя остался въ теченіи всей своей жизни лишеннымъ высшихъ запросовъ человѣческаго ума и сердца, потому что вѣдь нельзя же назвать настоящей любовью пробудившееся въ немъ чувство къ новой шинели. Достоевскій взялъ такого же забитаго чи-

новника, но заставилъ его сдѣлаться человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Прослуживъ почти тридцать лѣтъ въ какомъ-то департаментѣ, гдѣ онъ, подобно Башмачкину, занимался перепискою бумагъ — у него тоже не было „слогу“ — и дослужился лишь до титулярнаго совѣтника, Дѣвушкинъ познакомился съ одной дальней родственницей. Она, послѣ смерти своихъ родителей, оказалась въ безвыходномъ положеніи вслѣдствіе полной матеріальной необезпеченности. Дѣвушкинъ глубоко полюбилъ милую беззащитную Вареньку и вошелъ въ ея положеніе, такъ какъ на собственномъ опытѣ узналъ, каково жить, еле сводя концы съ концами. Это знакомство и эта любовь совершенно переродили его. „Узнавъ васъ“, пишетъ онъ Варенькѣ, я сталъ, во-первыхъ, и самого себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную. Я почувствовалъ, что все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ.“ Безусловно, и раньше Дѣвушкинъ былъ значительно развитѣе Башмачкина — онъ, напримѣръ, заслушивался сказокъ старушки-хозяйки; а вѣдь Пушкинъ воспитался на сказкахъ Арины Родіоновны, — но у него не было сознанія человѣческаго достоинства, не было, такъ сказать, храбрости считать себя равноправнымъ членомъ общества: въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы только что привели выписку, онъ говоритъ, что всѣ гнушались имъ и что, наконецъ, и самъ онъ увѣрился въ своей тупости и сталъ гнушаться самимъ собою. Но даже и тутъ, въ этомъ самоуничиженіи, видны задатки будущаго просвѣтленія Дѣвушкина. Онъ все же сознательно относился и къ себѣ, и къ окружающему, между тѣмъ какъ Акакій Акакіевичъ жилъ исключительно животною жизнью. Для него ничего на свѣтѣ не существовало, кромѣ переписываемыхъ бумагъ и міра буквъ; вмѣсто отдыха или развлеченія, Башмачкинъ переписывалъ для себя бумаги. Даже на наружность свою онъ почти не обращалъ вниманія и ѣлъ то, что ему давали.

Дѣвушкинъ же страдаетъ изъ-за того, что у сюртука петли обсыпались и пуговицы оборвались. Однако, несмотря на такую между ними разницу, отношеніе сослуживавцевъ къ Макару Алексѣевичу и къ Акакію Акакіевичу было схоже. Въ письмѣ 9-го сентября Макаръ Алексѣевичъ разсказываетъ, какъ

всѣ чиновники „покатились со смѣху“ по поводу его наружности. „И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ, и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ“, добавляетъ онъ — видно, такъ научилъ поступать его предшествующій опытъ. Раньше онъ упоминаетъ въ довольно спутанныхъ выраженіяхъ о томъ, что сослуживцы дали ему прозвище „крыса“. И сторожа тоже не слишкомъ-то уважали его: Ермолаевъ съ любопытствомъ разсматриваетъ его отставшую подошву, а Снѣгиревъ не далъ ему щетку, чтобы обчиститься отъ грязи, „сказалъ, что нельзя, что щетку испортишь, а щетка, говоритъ, баринъ, казенная“. Развѣ все это не напоминаетъ забитаго положенія Акакія Акакіевича, котораго никто въ департаментѣ не замѣчалъ, а обращали вниманіе на него лишь для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ?

Можно подыскать и еще нѣсколько сходнаго въ обоихъ „чиновникахъ для письма“, хотя бы, напримѣръ, незнакомство того и другого съ наружностью Петербурга вечеромъ (письмо Дѣвушкина 5 сентября и описаніе путешествія Башмачкина на роковую для него вечеринку), свидѣтельствующее о домосѣдствѣ обоихъ, но гораздо больше найдется у нихъ несходнаго. Башмачкинъ, какъ мы уже упоминали, жилъ почти исключительно животною жизнью, даже говорить толкомъ не умѣлъ, а Дѣвушкинъ знаетъ о существованіи Пегаса, Гомера, Шекспира, барона Брамбеуса; по прочтеніи „Станціоннаго смотрителя“ онъ разобралъ, что его положеніе подходитъ къ положенію Симеона Вырина, когда Варенька хотѣла уѣхать изъ Петербурга: онъ призналъ, что повѣсть Пушкина „натуральна, живетъ“. То же обстоятельство, что Макаръ Алексѣевичъ взъѣлся на Гоголя за его „Шинель“, свидѣтельствуетъ опять-таки о томъ, что онъ подмѣтилъ сходство между собою и Акакіемъ Акакіевичемъ, но это сходство слишкомъ задѣло его — потому-то онъ и негодуетъ на Гоголя, потому-то онъ и дѣлаетъ нагоняй Варенькѣ. И къ концу его переписки съ Добросѣловой у него сталъ даже „формироваться слогъ“; а письмо 5-го сентября положительно дышетъ умомъ и поэзіей.

Словомъ, Макаръ Алексѣевичъ стоитъ несравненно выше Башмачкина. Причиной этого превосходства явилось знакомство его съ Варенькой. У него появились интересы, появилось сознательное отношеніе къ жизни; кое-гдѣ въ его пись-

махъ мелькаютъ намеки на размышленіе, на мечты (напр. письмо 26 іюня), у него развилась гордость,—правда, гордость бѣдняка,—онъ вообще началъ уже считать себя человѣкомъ не хуже другихъ.

Акакій Акакіевичъ не дошелъ до такого состоянія потому, что онъ былъ слишкомъ забитъ и униженъ и потому, что не было въ его жизни ничего, что бы оказало вліяніе на его моральное развитіе. Макаръ Алексѣевичъ тоже былъ забитъ въ достаточной мѣрѣ, но онъ по самой природѣ своей былъ болѣе одаренъ, чѣмъ его прототипъ. Но и онъ обладалъ многими чертами, связывающими его съ Башмачкинымъ въ частности, и съ тогдашнимъ необразованнымъ и темнымъ чиновническимъ сословіемъ вообще. Недаромъ онъ такъ возмутился повѣстью Гоголя; въ ней онъ увидѣлъ выведенными на свѣтъ Божій всѣ недостатки и пороки той среды, къ которой онъ самъ принадлежалъ, увидалъ, что всякій, прочитавъ „Шинель,“ легко можетъ уразумѣть, что кроется въ глубинѣ души мелкаго чиновника, и узнать всѣ грустныя стороны его непригляднаго житья-бытья.

Вѣдь и Дѣвушкинъ изрѣдка выпивалъ нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ, и онъ сидѣлъ при одной свѣчкѣ съ хозяйкой, да и жалованье у него было не Богъ вѣсть какое: за столъ и квартиру онъ платилъ семь рублей, а гардеробъ его немногимъ отличался отъ гардероба Башмачкина. А какъ взглянуть на то обстоятельство, что Дѣвушкинъ „видѣлъ въ щелочку“ условія, при какихъ Авксентій Осиповичъ „дерзнулъ на личность“ Петра Петровича? Дѣвушкинъ попросту не соображалъ, что смотрѣть въ щелочку по меньшей мѣрѣ некрасиво.

Самъ Макаръ Алексѣевичъ называетъ себя „смирненькимъ, тихонькимъ, добренькимъ, маленькимъ,“ и въ зависимости отъ этого держится въ обществѣ. Вспомните, какъ онъ чувствовалъ себя въ гостяхъ у „великаго“ литератора Ратазяева: „тутъ я просто болванъ— болваномъ оказываюсь, самого себя стыдно.“ Да, Макаръ Алексѣевичъ достаточно приниженъ. Мы не можемъ утверждать, что также чувствовалъ бы себя и Акакій Акакіевичъ, попади онъ въ компанію „литераторовъ,“ потому что ни разу не встрѣтили его въ такомъ обществѣ, но что и онъ не сумѣлъ бы вставить ни одного слова въ „общую матерію“, съ этимъ согласится всякій.

И все—таки Макаръ Алексѣевичъ неоднократно указываетъ на то, что „бѣдный человѣкъ взыскателенъ.“ Значитъ, въ немъ еще до знакомства съ Варенькой теплилась искра человѣческаго достоинства.

Достоевскій сумѣлъ заставить эту искру вспыхнуть яркимъ пламенемъ, и этимъ показалъ, что какъ бы сильно ни былъ забитъ человѣкъ, онъ всегда можетъ выпрямиться и стать вполнѣ достойнымъ названія человѣка.

Гоголь лишь намекнулъ на это, взявши сюжетомъ для своего произведенія еще не затронутый до того времени типъ мелкаго жреца бюрократіи и показавъ, до чего можетъ дойти искаженіе человѣческой души.

И это уже большая заслуга. Достоевскій развилъ и дополнилъ мысль и намѣреніе Гоголя. Ему уже была дана канва, даже образецъ узора онъ нашелъ въ „Шинели,“ и изъ-подъ его пера вылился горячій протестъ противъ униженія человѣка. „Бѣдными людьми“ онъ положилъ начало своей послѣдующей дѣятельности въ защиту униженныхъ и оскорбленныхъ.

Б.

№ 46.

„Семейная Хроника“ С. Т. Аксакова.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. „Семейная Хроника“, какъ художественная галлерея типическихъ портретовъ.

Изложеніе. Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Семейной Хроникѣ“:

I. типы положительные:
  1. Степанъ Михайловичъ Багровъ,
  2. Прасковья Ивановна,
  3. Софья Николаевна;

II. типы отрицательные:
  1. Михайло Максимовичъ Куролесовъ,

2. Александра Степановна,
3. Елизавета Степановна,

III. типы нейтральные:

1. Алексѣй Степановичъ,
2. Арина Васильевна.

Заключеніе. Авторъ-историкъ и авторъ-художникъ.

Хоть намъ хорошо извѣстно, что Степанъ Михайловичъ Багровъ, выводимый въ „Семейной Хроникѣ", вмѣстѣ со всѣми своими домочадцами никто иной, какъ Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, дѣдъ автора, и что заявленія автора по этому поводу въ предисловіяхъ къ 1-му и 2-му изданіямъ сдѣланы были исключительно для того, чтобы „прекратитъ толки и пересуды, непріятные для родственнаго чувства многихъ тогда еще живыхъ членовъ этихъ семействъ" — тѣмъ не менѣе „Хроника" важна и интересна для насъ не какъ сборникъ историческихъ данныхъ о жизни родственниковъ его и ихъ знакомыхъ, а какъ художественная портретная галлерея, галлерея типовъ нашего общества на извѣстной ступени его развитія, иначе говоря, какъ сочиненіе, имѣющее значеніе литературное и историческое, являющееся высокимъ художественнымъ произведеніемъ съ одной стороны и ярко отражая-съ другой— историческую эпоху.

— Въ „Семейной хроникѣ," — говоритъ Анненковъ, — С. Т. Аксаковъ оказывается, по большей части, совсѣмъ не лѣтописцемъ, а полнымъ и совершеннымъ творцомъ типовъ и характеровъ, какъ любой повѣствователь или романистъ. Въ „Воспоминаніяхъ" совсѣмъ другое дѣло; тамъ выступаетъ впередъ очевидецъ, и разсказы его имѣютъ вѣрность и занимательность настоящихъ „Записокъ", между тѣмъ какъ въ „Семейной Хроникѣ" на первомъ планѣ стоятъ авторъ и то, что мы называемъ свободнымъ творчествомъ. Нужды нѣтъ, если характеры и лица, выведенные въ ней, составлены по живымъ преданіямъ и воспоминаніямъ семейства Багровыхъ: они все-таки составлены авторомъ. Такъ точно составляются иногда лица многихъ чисто художественныхъ произведеній, принадлежащія, конечно, обществу, но не принадлежащія никому исключительно въ обществѣ. —

„Семейная Хроника" состоитъ изъ пяти отрывковъ; въ первомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Степанъ Ми-

хайловичъ, дѣдушка того изъ представителей рода Багровыхъ, отъ имени и со словъ котораго якобы ведутся записки, фигурирующій и въ прочихъ частяхъ „Хроники“; во второмъ описывается звѣрство и безпутное поведеніе одного изъ родственниковъ Степана Михайловича, — Михайлы Максимовича Куролесова; въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ отрывкахъ на первомъ планѣ выступаютъ молодые Багровы, — сынъ Степана Максимовича, Алексѣй, и его, сначала невѣста, а потомъ жена, — Софья Николаевна Зубина. Послѣдняя съ особенной любовью изображена авторомъ и, дѣйствительно, является замѣчательной женщиной, выдающейся изъ ряда своихъ современницъ.

Старикъ Багровъ, не смотря на всю свою честность, прямоту и благородство души, прежде всего сынъ вѣка, и грубыя крѣпостническія понятія, представленіе о мужикѣ, какъ о рабочей скотинѣ, убѣжденіе въ необходимости ни чѣмъ неограничиваемой тиранніи въ домѣ, отлично уживается въ его душѣ съ понятіями честности и благородства. Это, кажущееся нелѣпымъ въ нашъ гуманный вѣкъ, совмѣщеніе положительныхъ и отрицательныхъ чертъ характера, однако, чрезвычайно характерно для эпохи, какъ продуктъ извѣстнымъ образомъ сложившагося общественнаго строя.

„Не было человѣка, — пишетъ Аксаковъ, — кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ.“ Черта похвальная, безусловно положительная. А черезъ нѣсколько строкъ читаемъ:

...„смотрѣлъ онъ (за крестьянскими рабочими) рѣдко да мѣтко, какъ говорятъ русскіе люди, и ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то ужъ не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по своему: наказать виновнаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни, — значитъ вредить его благосостоянію, тоесть своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ — тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую вотчину, употребить въ тяжкую работу — тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства — несомнѣнная порча прибѣгнуть къ полиціи...“

Послѣднее средство „тоже“ оказывается неподходящимъ. Къ чему, однако, прибѣгалъ въ такомъ затруднительномъ положеніи Степанъ Михайловичъ,—автору не позволяетъ высказать какая-то совѣстливость. Впрочемъ, совершенно очевидно,

что дѣдушка поролъ мужиковъ. Да и не только мужиковъ. Въ этомъ отношенiи въ селѣ Троицкомъ, Багровѣ—тожъ, всѣ пользовались одинаковыми: равными правами: вспомните, какъ послѣ противнаго дѣдушкиной волѣ замужества Прасковьи Ивановны „старшiя дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы и цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на головѣ.“ Природный умъ этого человѣка, котораго авторъ возводитъ чуть не въ идеалъ истинно русскаго человѣка,“—былъ здравъ и свѣтелъ, какъ говоритъ авторъ. Некультурныя же его выходки объясняются, по мнѣнiю автора, общимъ невѣжествомъ тогдашнихъ помѣщиковъ, при которомъ „и онъ не получилъ никакого образованiя, русскую грамоту зналъ плохо, но служа въ полку, выучился первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости.“ Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Степану Михайловичу: омрачаясь иногда „такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческiй и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ,“ онъ въ обыкновенное время дѣйствительно былъ добрымъ, снисходительнымъ и даже благодѣтельнымъ человѣкомъ по отношенiю, напримѣръ, къ своимъ сосѣдямъ, среди которыхъ онъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженiе. Хорошо знакомый по собственному опыту съ трудностями и препятствiями, встрѣчаемыми переселенцемъ — помѣщикомъ на первыхъ порахъ въ незнакомой мѣстности и незнакомыхъ условiяхъ, Степанъ Михайловичъ особенно щедръ и добръ былъ къ послѣднимъ.

„Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ — бери, что угодно. „Сможешь—отдай при первомъ урожаѣ; не сможешь—Богъ съ тобой!“—съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрой рукой хлѣбные запасы на „сѣмены.“

Такъ какъ недостатки Степана Михайловича по понятiямъ его „людей“ и сосѣдей—такихъ же крѣпостниковъ по убѣжденiямъ, какъ и онъ, — не являлись недостатками, а даже въ нѣкоторой степени необходимыми и умѣстными въ хозяйственномъ человѣкѣ чертами, то понятно, что онъ пользовался самой хорошей репутацiей въ околоткѣ. „Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ — и свято исполнялись они!“ „Неудивительно, что крестьяне любили такого барина; но также любили его и дворовые люди,

при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости".

Добрый и щедрый къ сосѣдямъ, дѣдушка однако не относился ко всѣмъ одинаково безъ разбору: его чуткій, проницательный умъ помогалъ ему сразу разгадывать человѣка, не говоря уже о томъ, что, будучи разъ обманутъ кѣмъ-нибудь или, вообще, замѣтивъ неблаговидныя черты въ характерѣ пользовавшагося сначала его довѣріемъ лица, онъ немедленно мѣнялъ свое отношеніе къ нему и тогда, „тотъ и не ходи на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести."

Въ семьѣ своей Степанъ Михайловичъ, какъ говорилось уже, являлся неограниченнымъ господиномъ, воля котораго послушно исполнялась не только женой и дѣтьми, но и мужьями замужнихъ дочерей. О воспитаніи дѣтей Степанъ Михайловичъ особенно не заботился; оно и понятно: знать больше своего отца для нихъ совершенно лишнее по глубокому убѣжденію старика. Тѣмъ не менѣе онъ любитъ ихъ всѣхъ, особенно сына, потому что „дѣвчонки" — „что въ нихъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда—Алексѣй..."—говаривалъ старикъ. Производя свой родъ изъ стариннаго дворянскаго дома, Степанъ Михайловичъ чрезвычайно гордился имъ, и женитьба его сына, Алексѣя, рожденіе внука и продолженіе родословной постоянно были предметомъ его самыхъ усиленныхъ заботъ.

Попробуемъ вкратцѣ и въ общихъ чертахъ охарактеризовать Степана Михайловича. Умный и проницательный по природѣ, но необразованный, неученый, простой и грубоватый, онъ очень несложно смотритъ на жизнь: внѣшняго благосостоянія и душевнаго спокойствія, да сознанія, что его древній дворянскій родъ не останется безъ потомства, — для него вполнѣ достаточно, чтобы быть счастливымъ.

Любящій, но строгій отецъ семейства, заботливый, справедливый и подчасъ суровый господинъ своихъ крестьянъ, благосклонный и щедрый, но разборчивый по отношенію къ сосѣдямъ—вотъ характеристика отношеній его къ людямъ.

Онъ добръ и благодушенъ вообще, но раздражителенъ, и въ гнѣвѣ доходитъ до безпощадной жестокости, до звѣрства. Добавить, что онъ отличный хозяинъ и хоть иногда строго на-

казываетъ мужика, но не выжимаетъ изъ него соковъ,—и вотъ вся фигура Степана Михайловича. Изъ ряда прочихъ дѣйствующихъ лицъ онъ безусловно выдѣляется, какъ типъ положительный.

Слѣдуя, съ одной стороны, указанному въ планѣ дѣленію дѣйствующихъ въ „Семейной Хроникѣ“ лицъ на типы положительные и отрицательные и, съ другой, порядку, въ которомъ выступаютъ они въ разсказѣ автора, остановимся теперь на Прасковьѣ Ивановнѣ—двоюродной сестрѣ старика Багрова. Въ началѣ разсказа, до замужества, она является еще совершеннымъ ребенкомъ „и сердцемъ и умомъ: всегда живая веселая, она рѣзвилась, прыгала, скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія игрища, и, когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непремѣнно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество.“ Объ этой дѣтской безпечности и жизнерадостности свидѣтельствуетъ и отношеніе ея къ окружающимъ: бабушку свою, Бактееву, она любитъ и привязана къ ней за то, что старуха и балуетъ и ни въ чемъ не отказываетъ ей. Къ Степану Михайловичу, который любитъ ее, не умѣетъ выразить своего чувства въ понятной для Парашеньки формѣ, она относится довольно холодно. Жениха своего любитъ она за то, что онъ тоже ее балуетъ и привозитъ гостинцы и подарки. Когда непроницательная бабушка, думавшая устроить счастіе своей внучки, намекала ей, что, „если онъ скоро пріѣдетъ, то вѣрно привезетъ ей множество московскихъ гостинцевъ, — Прасковья Ивановна слушала съ удовольствіемъ такія рѣчи и говорила, что она сама никого на свѣтѣ такъ не любитъ, какъ Михаила Максимовича.“

Наканунѣ свадьбы (Прасковья Ивановна вышла замужъ на пятнадцатомъ году) невѣста „соскучилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, но когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень веселая, объявила всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кланяться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія.“

Послѣ замужества Прасковья Ивановна перемѣнилась.

Живость и безпечность ея исчезли, хотя она долго еще казалась счастливой и веселой. Прежде всего перемѣнилось

отношеніе ея къ Степану Михайловичу. Привыкла ли она болѣе трезво смотрѣть на жизнь и на людей, и предчувствовала ли смутно надвигавшееся несчастье и видѣла въ двоюродномъ братѣ единственную свою опору и защиту, только „прежняя легкомысленная и равнодушная къ брату дѣвочка, не понимавшая и не признавшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненому за оскорбленіе любимой бабушки, вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею, дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ нѣжно и давно любимому отцу, нѣжно и давно любящему свою дочь... Она продолжала любить своего мужа и уважала его за его замѣчательныя хозяйственныя способности и умѣнье жить богато и весело. Ей почти удалось убѣдить въ этомъ и Степана Михайловича: она была теперь ужъ не „неразумное дитя,“ а „хотя веселая, но разумная женщина.“ И Степанъ Михайловичъ видѣлъ это, вѣрилъ ей, хоть въ душѣ и продолжалъ чувствовать непріязнь къ Михаилу Максимовичу, и сталъ называть ее „своей умной сестрицей.“

Первое время, когда до Прасковьи Ивановны начали доходить слухи о безпутной жизни ея мужа, она не хотѣла и не могла вѣрить имъ: глубокое уваженіе, которое „внушалъ всѣмъ Михаилъ Максимовичъ своимъ диковиннымъ хозяйствомъ, умѣньемъ жить богато, и разумной твердостью своихъ поступковъ,“ совершенно противорѣчило этимъ слухамъ, да, наконецъ, она не могла допустить, чтобы онъ пренебрегъ такъ своей любовью къ женѣ. Когда кто-нибудь изъ слугъ пробовалъ заговаривать съ ней о мужѣ — безчинства и звѣрства Куролесова дошли до того, что и слуги не могли молчать объ этомъ, — она выходила изъ себя и заявляла, что, „если кто разинетъ ротъ о баринѣ, то болѣе никогда ее не увидитъ и будетъ сосланъ на вѣчное житье въ Парашино,“ гдѣ и буйствовалъ баринъ. Она была глубоко убѣждена, что это посторонніе люди путаются въ ея дѣла, мутятъ воду, чтобы удачнѣе ловить въ ней рыбу, и „заранѣе приняла твердое намѣреніе, постановила неизмѣннымъ правиломъ не допускать до себя никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ“.

Наконецъ, письмо „одной старушки, дальней родственницы ея мужа, которую она очень уважала“, письмо, поразившее ее, какъ громъ, заставило перемѣнить мнѣніе о Михайлѣ Ма-

ксимовичѣ и рѣшиться на смѣлый поступокъ. Удивительная сила воли и выдержанность характера, стойкость, съ которой она проводитъ свою роль въ предпринятой внезапно поѣздкѣ въ Парашино, заставляютъ съ почтеніемъ и уваженіемъ отнестись къ этой женщинѣ, которая едва не поплатилась жизнью за желаніе избавить своихъ крестьянъ и дворовыхъ отъ изверга, звѣря-мужа. „Страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, она не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ“.

Не менѣе сильной и энергичной является Софья Николаевна Зубина, сначала невѣста, а затѣмъ жена Алексѣя Степановича.

Еще маленькой двѣнадцатилѣтней дѣвочкой ей пришлось испытать на себѣ всѣ тягости положенія падчерицы: мачиха, Александра Петровна, возненавидѣла любимицу мужа и, поклявшись, „что дерзкая тринадцатилѣтняя дѣвчонка, кумиръ отца и цѣлаго города, будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ выбойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ-подъ ея дѣтей“, буквально сдержала свою клятву... Одаренная отъ природы чувствительной, сильною и непокорной душой, Соничка должна была выносить ужасныя жестокости, мученія и самыя унизительныя наказанія. Она близка уже была къ самоубійству, но глубокая вѣра и память о покойной матери спасли ее и дѣвочка сдѣлалась еще выносливѣе и терпѣливѣе къ мачихинымъ истязаніямъ, за что къ обыкновенному ея названію: „мерзкая дѣвочка“ присоединился еще эпитетъ: „отчаянная и мерзкая дѣвочка“. Изъ этихъ испытаній она вышла неозлобленной и забитой, а только болѣе ознакомленной съ жизнью и съ могущими встрѣтиться въ ней превратностями и горемъ. „Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже оффиціальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи“. Ея трогательная заботливость о судьбѣ младшихъ братьевъ — сыновей мачихи, которыхъ та поручила ей передъ смертью, заботы о больномъ отцѣ, ея доброта и радушіе, любознательность, умъ, самостоятельно достигнутое, весьма солидное по тому вре-

мени, разностороннее образованіе, знаніе жизни и людей и, наконецъ, постигшая ее въ такіе ранніе годы трагическая судьба, были причиной того, что Софья Николаевна сдѣлалась предметомъ общаго уваженія и удивленія не только въ Уфѣ, гдѣ она жила съ отцомъ и братьями, но и со стороны наѣзжавшихъ изрѣдка сюда столичныхъ гостей, литературныхъ извѣстностей, заграничныхъ путешественниковъ и пр. Немного страннымъ кажется выборъ Софьи Николаевны, принявшей предложеніе Алексѣя Степановича, человѣка совсѣмъ не соотвѣтствовавшаго ей ни по образованію, ни по интересамъ и потребностямъ, ни даже по силѣ характера и энергіи, которыя всегда отличаютъ настоящаго мужчину и которыхъ у Алексѣя Степановича не было. Единственное его достоинство — доброе, любящее сердце — не было исключительнымъ и необыкновеннымъ для Софьи Николаевны, т. к. у нея много было друзей, и симпатичныхъ и добрыхъ, которые очень ее любили. Сама она еще невѣстой объясняетъ свою симпатію къ нему, какъ къ человѣку „очень доброму, скромному, тихому и почтительному къ родителямъ; такихъ людей благословляетъ Богъ, и такіе люди лучше бойкихъ говоруновъ.“ Она безусловно стоитъ гораздо выше своего мужа и по умственному развитію, и въ другихъ отношеніяхъ. Это дѣлается яснымъ съ перваго же ихъ серьезнаго разговора наканунѣ свадьбы, гдѣ она сразу ставитъ ему на видъ свое будущее положеніе въ его семьѣ, отношеніе къ ней его сестеръ и матери и, высказывая надежду на его защиту и опору, предлагаетъ хорошенько обдумать предстоящій шагъ. Послѣдующія событія и роль въ нихъ Софіи Николаевны еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ. Отношеніе ея къ Степану Михайловичу, глубокая, самоотверженная любовь къ первому ребенку, къ дѣвочкѣ, и потомъ къ сыну, которая еще ярче вырисовывается въ „Воспоминаніяхъ“, терпѣливая выносливость придирокъ Александры Степановны и Елизаветы Степановны, любовь и заботы о больномъ, безчувственномъ отцѣ и тѣ волненія, которыя переживаетъ она при столкновеніяхъ съ мужемъ, причемъ всегда, даже когда не нужно, чувствуетъ себя виноватой, трогательныя сцены раскаянія и примиренія, — все это какъ нельзя больше говоритъ о томъ, что Софья Николаевна была на рѣдкость хорошая, идеальная даже для своего времени женщина. Въ ней, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ пороковъ и недостатковъ, если не считать того, что

„она бѣдна, а ея дѣдушка былъ простой урядникъ въ казачьемъ Уральскомъ войскѣ". Съ этимъ, впрочемъ, предоставляемъ согласиться или несогласиться читателю.

Противоположностью идеализируемому авторомъ портрету честнаго, справедливаго и благодушнаго Степана Михайловича является сосѣдъ его, Михайло Максимовичъ Куролесовъ. Что представлялъ онъ изъ себя до женитьбы на Парашенькѣ, — мало извѣстно. Извѣстно только было, что онъ и тогда уже любилъ „дебоши" и „скандалы", пороль провинившихся солдатъ (онъ служилъ въ полку), которые не съумѣли скрыть своего поступка, но среди сосѣдей по имѣнью умѣлъ всегда снискать расположеніе и добился хорошей репутаціи, благодаря своимъ „хозяйственнымъ" способностямъ, заключавшихся въ томъ, чтобы какъ можно больше извлечь доходовъ изъ имѣнья и съ мужиковъ, доходовъ, которые нужны были ему для кутежей, да благодаря своему неизмѣнному правилу „добиваться благосклонности людей почтенныхъ и богатыхъ". Прасковья Ивановна приглянулась ему, очевидно, не только какъ живая, веселая красавица, но, главное, какъ богатая невѣста и еще болѣе богатая наслѣдница. И вотъ Михайло Максимовичъ „составилъ планъ жениться на ней и прибрать къ рукамъ ея богатство." Благодаря его хитрости, умѣнью прикинуться безъ ума влюбленнымъ въ молодую дѣвушку, и благодаря все тому же выше приведенному правилу, ему удается втереться въ довѣріе къ бабушкѣ и теткѣ Прасковьи Ивановны и добиться того, что онѣ въ немъ души не чаяли; „да и за молодой дѣвушкой началъ такъ искусно ухаживать, что она его полюбила, разумѣется, какъ человѣка, который потакалъ всѣмъ ея словамъ, исполнялъ желанія и вообще баловалъ ее".

Одинъ только Степанъ Михайловичъ, котораго трудно было провести заискиваньемъ и угодливостью, видѣлъ хорошо, что за человѣкъ Куролесовъ и, очевидно, не согласился бы ни за что на женитьбу.

Обвѣнчавшись хитростью съ Парашенькой, Куролесовъ первое время велъ себя подобающимъ образомъ, занялся хозяйствомъ и удивлялъ даже сосѣдей своей практичностью и дѣловитостью. Деньги у него залеживались, — жилъ онъ богато, и въ домѣ у него всегда была полная чаша. „Окружные сосѣди, которыхъ было не мало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чурасовѣ: ѣли, пили, гуляли,

играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились. Парашеньку свою Михайло Максимовичъ одѣвалъ, какъ куклу, исполнялъ, предупреждалъ всѣ ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ поставилъ себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а недобрые завидовали". Но этого было мало Михайлу Максимовичу. Широкая помѣщичья жизнь не удовлетворяла его, жена стѣсняла и тяготила.

И вотъ онъ начинаетъ уѣзжать отъ жены въ сосѣднее имѣнье сначала ненадолго, потомъ отлучаясь все продолжительнѣе и продолжительнѣе. Пользуясь тѣмъ, что жена питала къ нему полное довѣріе, Куролесовъ началъ развратничать, пить и буянить въ своей деревнѣ. Когда ему надоѣло пороть и истязать своихъ крестьянъ и дворовыхъ, онъ организовалъ изъ нихъ настоящую разбойничью шайку и, задаривъ и запугавъ исправниковъ и другихъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ въ околоткѣ, сталъ нападать, грабить и насиловать всякаго, кого хотѣлъ. Авторъ не разсказываетъ намъ подробностей времяпрепровожденія Михайлы Максимовича въ Парашинѣ, но, очевидно, это было нѣчто ужасное. Подъ вліяніемъ выпитаго онъ становился звѣремъ и прежде всего начиналъ пороть всѣхъ и каждаго. Для этого у него былъ даже заведенъ особый инструментъ — кошки; такъ назывались особо мучительныя, но неопасно ранившія плети. Кого пороть, Михайлу Максимовичу было довольно безразлично, лишь бы когонибудь пороть. Онъ поретъ дворню, поретъ мужиковъ, поретъ любимыхъ лакеевъ, гостей и собутыльниковъ, принимающихъ участіе въ его дебошахъ, не останавливается даже передъ истязаніемъ своей жены, которая осмѣлилась явиться для контроля въ Парашино и грозитъ ему губернаторомъ и Сибирью.

Однако, передъ явившимся въ Парашино, разсвирѣпѣвшимъ старикомъ Багровымъ, Михайла Максимовичъ струсилъ и не посмѣлъ даже выйти изъ дому, когда Степанъ Михайловичъ влетѣлъ къ нему во дворъ на запряженныхъ четверней роспускахъ, сопровождаемый вооруженными слугами. Онъ такъ и просидѣлъ въ своей комнатѣ въ то время, какъ Степанъ Михайловичъ освобождалъ изъ заключенія свою любимую двоюродную сестру.

Михайло Максимовичъ является не только отрицательнымъ

типомъ, нравственно совершенно упавшимъ человѣкомъ, да и по природѣ эгоистомъ и жестокимъ до кровожадности истязателемъ, но можно утверждать даже, что это человѣкъ ненормальный, рехнувшійся немного, благодаря ни къ чему непримѣнимой массѣ энергіи и жизненной силы. „Терзать людей, — говоритъ авторъ, — сдѣлалось его потребностью. Въ тѣ дни, когда ему случалось не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, безпокоенъ, и потому часъ отъ часу становились рѣже его поѣздки въ Чурасово и короче пребываніе тамъ". Только душевно больной человѣкъ можетъ буквально наслаждаться видомъ долговременной пытки, „въ продолженіе которой, по словамъ автора, баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастной жертвой, покуда она еще могла слышать"...

Два другихъ отрицательныхъ типа въ „Семейной Хроникѣ" — это дочери Степана Михайловича, Александра и Елизавета. Про первую авторъ еще въ началѣ перваго отрывка сообщаетъ, что она „соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла". Она замужемъ за зажиточнымъ довольно помѣщикомъ Каратаевымъ, но ей мало своего, и она разсчитываетъ еще получить и часть отцовскаго, отчего всѣми силами старается предотвратить женитьбу брата. Самыя низкія, нечестныя средства пускаются для этого въ ходъ. Она обращаетъ въ шпіоны одного изъ лакеевъ Алексѣя Степановича, собираетъ всевозможныя компрометирующія свѣдѣнія относительно невѣсты и старается при помощи матери и сестеръ убѣдить отца въ томъ, что Софья Николаевна во всѣхъ отношеніяхъ партія для Алексѣя неподходящая. Степанъ Михайловичъ, однако, видитъ свою дочь насквозь, такъ же хорошо, какъ и всѣхъ, и ея хитрость не удается. Примирившись съ мыслью, что Алексѣй женатъ уже и что ненавистная Софья Николаевна можетъ занять мѣсто молодой хозяйки въ Багровѣ, Александра Степановна старается всячески насолить ей, доставить ей какъ можно больше непріятностей и заставить ее поскорѣй убраться изъ Багрова, т. к. сближеніе невѣстки со Степаномъ Михайловичемъ ее раздражаетъ и бѣситъ. Лучше всего свидѣтельствуетъ объ ея отношеніи къ Софьѣ Николаевнѣ — пріемъ, оказанный молодымъ гостепріимной хозяйкой въ Каратаевкѣ.

Елизавета Степановна — достойная сестра Александры,

Ко всѣмъ качествамъ первой у нея присоединяется еще гордость — она жена генерала; генералъ этотъ, впрочемъ, отставной и страдаетъ запоемъ, ежемѣсячно или еженедѣльно напиваясь до безчувствія, до положенія ризъ. Елизавета Степановна совершенно солидарна съ Александрой Степановной относительно предстоящей женитьбы брата и дѣйствуетъ съ ней за одно. Въ Багровѣ во время пріѣзда молодыхъ онѣ обѣ постоянно подпускаютъ шпильки Софьѣ Николаевнѣ, хоть и стараются скрыть это отъ старика Багрова, котораго ужасно боятся.

Молодой Багровъ, Алексѣй Степановичъ, и мать его Арина Васильевна являются въ разсказѣ довольно безличными лицами. Онъ — мало образованный, даже совсѣмъ съ ограниченнымъ кругомъ интересовъ и понятій. Тихій, скромный и застѣнчивый въ обществѣ, онъ совершенно незнакомъ съ настоящей жизнью и съ умѣньемъ обращаться съ людьми. Цѣль у него въ жизни одна: достигнуть мѣста прокурора нижняго земскаго суда. Единственная болѣе или менѣе глубокая черта его характера—это способность къ сильной любви, привязанность. Не получивъ разрѣшенія отъ отца жениться на любимой женщинѣ, онъ вполнѣ примиряется съ мыслью, что разъ отецъ не позволилъ, значитъ — нельзя, но чувство его такъ сильно, что пересилить его и забыть Софью Николаевну онъ не можетъ. Онъ начинаетъ чахнуть, худѣть, тяжело заболѣваетъ, а выздоровѣвъ и вернувшись въ городъ, гдѣ съ новой силой возгорѣлась прежняя страсть, онъ рѣшаетъ еще разъ обратиться къ отцу съ той же просьбой, припугнувъ его тѣмъ, что въ противномъ случаѣ „въ непродолжительномъ времени смертоностная пуля скоро просверлитъ мою несчастную голову“. Впрочемъ, любовь къ Софьѣ Николаевнѣ не мѣшаетъ ему всякій разъ, когда онъ остается наединѣ съ своими коварными сестрами— Александрой и Елизаветой Степановнами — соглашаться съ ними въ томъ, что Софья Николаевна чѣмъ-то оскорбила или обидѣла ихъ и возмущаться ея неподобающимъ поведеніемъ; это настроеніе, конечно, моментально у него мѣняется, когда онъ возвращается къ невѣстѣ или уже женѣ и, произнеся два-три слова упрека, онъ раскаивается уже и проситъ прощенія, зачастую сопровождая свои изліянія слезами. Жена не уважаетъ его, да она и права: въ немъ уважать нечего. Всѣ ея старанія возбудить въ немъ интересъ къ книгамъ, къ знанію, къ болѣе

широкой умственной жизни разбиваются объ его невоспріимчивую натуру...

Арина Васильевна, жена Степана Михайловича, по природѣ женщина добрая и простая, но Степанъ Михайловичъ держитъ себя по отношенію къ женѣ такъ же, какъ и къ дѣтямъ, — неприступно и съ высоты своего патріаршаго кресла; потому понятно, что Арина Васильевна ближе и короче знаетъ своихъ дочерей и всецѣло находится подъ ихъ вліяніемъ, которое ее портитъ. Впрочемъ, не отказано ей и въ природной хитрости, которая проявляется хотя бы въ ея поведеніи въ дѣлѣ женитьбы Куролесова.

Въ „Семейной Хроникѣ" авторъ является то историкомъ происходившихъ въ дѣйствительности событій, то творцомъ художественныхъ образовъ и цѣлыхъ картинъ изъ жизни.... Творческая жилка художника постоянно борется въ немъ съ желаніемъ оставаться вѣрнымъ семейнымъ преданіямъ, положеннымъ въ основу какъ фактовъ хроники, такъ и ея образовъ. Эта черезчуръ рѣзко выраженная тенденція, — наблюдать, чтобы каждый описываемый фактъ, каждое выводимое лицо соотвѣтствовали дѣйствительности, не даетъ во всей полнотѣ развернуться созидательному таланту автора, не даетъ проявиться его художественному вымыслу. Отъ этого сочиненіе безусловно страдаетъ. Мы дорожимъ въ „Семейной Хроникѣ" не историческимъ содержаніемъ событій въ домѣ Багровыхъ, которые съ этой точки зрѣнія мало занимаютъ насъ, а художественнымъ изображеніемъ лицъ, характеризующимъ историческую эпоху, и, конечно, (желательно въ большей мѣрѣ) соотвѣтствующимъ дѣйствительности, но не въ ущербъ художественной полнотѣ и жизненности рисуемыхъ типическихъ портретовъ. Единственно, что можно поставить въ укоръ автору, это то, что онъ слишкомъ близко придерживается фактовъ, часто несоотвѣтствующихъ и несоразмѣряемыхъ, и потому затемняющихъ физіономіи лицъ, въ изображеніи которыхъ въ гораздо большей степени участвовалъ авторскій вымыслъ, искусство художника.

В. В.

№ 47

Роль произведеній Тургенева и Григоровича въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Характеръ произведеній Тургенева и Григоровича, какъ отголосокъ общественнаго настроенія эпохи.

Изложеніе. I. Человѣчное отношеніе къ мужику, какъ основная идея рисующихъ крестьянскій бытъ произведеній Тургенева.

II. Деморализующее вліяніе крѣпостническихъ отношеній между мужикомъ и помѣщикомъ и темныя стороны крестьянскаго быта въ эпоху крѣпостного права— главные сюжеты разсказовъ Григоровича.

Заключеніе. Непосредственное вліяніе произведеній Тургенева и Григоровича на общество и связь ихъ съ освободительными реформами.

„Голосъ остался, да пѣть нечего,“ — говорилъ про себя Тургеневъ въ послѣдніе годы жизни, когда, дѣйствительно, писалъ уже очень мало. И говорилъ правду. Что было писать человѣку 40-хъ—50-хъ годовъ, въ произведеніяхъ котораго исключительно отразился духъ этой эпохи, духъ недовольства, скорби, проповѣдь гуманности, человѣчности по отношенію ко всѣмъ людямъ, не исключая и мужика, который до тѣхъ поръ не признавался человѣкомъ, — что было писать ему, когда пришло 19-го февраля, и во всѣ концы земли Русской понеслась радостная вѣсть о свободѣ. „Просіяли лица, снята была траурная одежда. Филантропическіе идеалы осуществлены...“ И писатель — боецъ сложилъ свое оружіе. Цѣль его продолжительной работы была достигнута.

Еще въ большей степени могутъ быть примѣнимы эти слова поэта къ Григоровичу. „Кто хочетъ изучить общій ха-

рактеръ 40-хъ и 50-хъ годовъ,—говоритъ критикъ, *) — тотъ по необходимости долженъ раскрыть повѣсти Григоровича; въ нихъ вся эпоха, съ ея свѣтлыми и темными сторонами." „Цѣлыя 20 лѣтъ училъ онъ искать обѣтованной земли въ деревнѣ. Подчасъ причудливыми фантастическими красками рисовалъ онъ своему читателю эту примитивную землю и цивилизацію; поэтъ твердилъ ему, что тамъ, въ этой деревнѣ, красота, тамъ идеалы, и напрасно онъ будетъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Григоровичъ убѣждалъ читателя, во имя человѣколюбія, помочь этой обѣтованной землѣ, гдѣ все такъ прекрасно, все такъ полно поэзіи, но гдѣ въ то же время такъ много страданія, такъ много горя. Искалѣченными образами, жалостными сценами старался затронуть чувство состраданія своего читателя. Въ Григоровичѣ лучше, чѣмъ въ комъ-либо, замѣтно неотразимое вліяніе духа времени. Время филантропіи, время тяжелой тоски о земныхъ несовершенствахъ, время борьбы разныхъ началъ, время, все, даже поэзію, сводившее къ практическимъ гуманнымъ задачамъ, время лихорадочной дѣятельности вполнѣ отразилось на личности поэта. И Григоровичъ, подобно другимъ, мечталъ о счастіи человѣчества; онъ плакалъ надъ своимъ идеаломъ; онъ ненавидѣлъ сильною ненавистью противника; онъ глумился намъ нимъ, онъ пѣлъ въ тонъ времени печальныя пѣсни; онъ сыпалъ сарказмами; онъ громилъ проповѣдями; онъ торопился лихорадочно не упустить времени; онъ былъ такъ же плодовитъ на произведенія, какъ плодовито было само время.

Мятежная пора какъ нельзя лучше отразилась на мятежныхъ чертахъ поэта. Въ Григоровичѣ не было спокойствія, индифферентной любви ко всему, это поэтъ бурной, ознаменованной борьбою разныхъ началъ, эпохи. Все это замѣтно на его произведеніяхъ. Они порождены были временемъ; они пропитаны его идеалами. И люди той эпохи понимали родного имъ поэта; они видѣли, что этотъ поэтъ „плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ." Они привѣтствовали каждую его повѣсть и мучились вмѣстѣ съ поэтомъ: „мысли грустныя и важныя—какъ выразился Бѣлинскій—являлись послѣ чтенія его произведеній. И самъ поэтъ жертвовалъ для времени всѣмъ. Онъ

---

*) Мизиновъ.

почти пренебрегъ совсѣмъ тѣмъ искусствомъ, къ которому рвался съ дѣтства. Онъ горячо, страстно вмѣшался въ водоворотъ борьбы, слился съ эпохой.“ Вылившись въ такія крупныя художественныя формы, какъ талантливые разсказы Тургенева и Григоровича, настроеніе эпохи, безъ сомнѣнія, не могло не оказать вліянія на реформаторскую дѣятельность правительственныхъ круговъ, давъ въ то же время обществу, благодаря личной опытности, знанію и наблюдательности обоихъ авторовъ, ясное представленіе о томъ, что такое деревня, что такое крестьянинъ, и что такое крѣпостное право и помѣщикъ, и сколько горя, страданій, несправедливости, сколько зла влечетъ за собой этотъ антиморальный, незаконный институтъ, совершенно не совмѣстимый съ понятіемъ о человѣческой личности.

Оба стремились къ одной цѣли: доказать необходимость самыхъ широкихъ преобразованій въ крестьянскомъ бытѣ, необходимость сверженія гнетущаго деревню крѣпостного права, необходимость дать мужику дорогу къ свѣту, къ счастью, въ которыхъ онъ ощущаетъ такую же потребность, какъ и всякій другой человѣкъ, и которыхъ онъ такъ же въ правѣ требовать. Разница между способами проведенія этой основной идеи въ своихъ произведеніяхъ заключается въ слѣдующемъ: Тургеневъ, рисуя, по большей части, свѣтлыя стороны крестьянской жизни, изучая, анализируя и записывая внутренніе портреты отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ, воплощаетъ идею въ проповѣдь гуманности; Григоровичъ же, представляя обратную сторону медали, является протестантомъ, обличителемъ ненормальности, зла и самыхъ плачевныхъ послѣдствій крѣпостническаго порядка. Впрочемъ, конечно, какъ тотъ, такъ и другой не слишкомъ строго придерживаются каждый своей программы; но въ общемъ въ этомъ суть различія. Возстановимъ въ памяти въ краткихъ чертахъ крестьянскіе типы „Записокъ охотника.“ Калинычъ... невольно приходитъ въ голову, что изъ него могъ бы выйти хорошій хозяинъ и семьянинъ и человѣкъ, если бы... барину не было угодно, чтобы Калинычъ былъ охотникомъ и всегда находился наготовѣ на случай, если барину взбредетъ въ голову поохотиться. И вотъ хозяйство его въ разстройствѣ,—привыкнувъ къ постоянной бродяжнической жизни, онъ въ немъ мало ужъ и понимаетъ, а между тѣмъ изъ разсказа видно, что Калинычъ —человѣкъ не глупый, онъ умѣетъ даже снискать расположе-

ніе такого практическаго и хозяйственнаго человѣка, какъ Хорь. Калинычу не чуждо даже такое исключительно ужъ человѣческое чувство, какъ нѣжная привязанность къ своему пріятелю, ухаживаніе за нимъ, выражающееся въ пучкѣ собранной имъ для Хоря земляники, — черта, поражающая даже такого знатока крестьянской души, какъ Тургеневъ; и дѣйствительно, ее рѣдко встрѣтишь въ мужикѣ. Тѣмъ не менѣе нелѣпымъ кажется зависящее всецѣло отъ воли господина положеніе этого человѣка и привитыя ему этимъ положеніемъ, этой обстановкой, убѣжденія въ необходимости и цѣлесообразности существующаго порядка: по природѣ Калинычъ характера незлобиваго, протестовать не умѣетъ и даже не раздѣляетъ мнѣнія Хоря, что барину слѣдовало бы дать ему хоть на сапоги.

Вотъ передъ нами другой типъ, тоже въ свое время поразившій навѣрное читателя регрессивныхъ убѣжденій своей не только человѣчностью и разумностью, но нелишенный даже и поэзіи. Это—Касьянъ съ Красивой Мечи. Онъ и философъ, и моралистъ, и поэтъ. И такой человѣкъ, изъ котораго въ соотвѣтствующихъ условіяхъ могъ бы выйти ученый, писатель, полезный, дѣятельный членъ общества, — долженъ тянуть въ бездѣйствіи, въ глуши свое жалкое существованіе, пользуясь репутаціей какого-то юродиваго.

Характерный образчикъ превратностей крестьянской судьбы, превращающей мужика по капризу помѣщика изъ сапожника въ актера, изъ актера въ кучера, изъ кучера въ рыболова, представляетъ біографія забитаго, апатичнаго ко всему и вполнѣ примирившагося съ своимъ нелѣпымъ положеніемъ Сучка—біографія, просто и безстрастно разсказанная имъ самимъ. Невольнымъ чувствомъ состраданія и жалости проникается читатель, слушая спокойный разсказъ. И грозный призракъ крѣпостнаго права становится еще болѣе мрачнымъ, отталкивающимъ.

Предоставленный самому себѣ, „лядащій“ охотникъ Ермолай, на обязанности котораго лежитъ поставлять каждую недѣлю дичь къ господскому столу, лѣсникъ Бирюкъ, поставленный въ необходимость исполнять грубыя полицейскія обязанности, несчастная больная мельничиха — всѣ эти портреты и картинки изъ жизни наводятъ на тѣ же самыя размышленія.

А съ другой стороны такіе типы, какъ тѣ же Калинычъ, Касьянъ съ Красивой Мечи, Бирюкъ или Павелъ изъ „конторы,“ подрядчикъ Максимъ изъ „Смерти,“ Акулина изъ „Свиданія“ и др. горячо говорятъ за то, что рабство не могло убить въ мужикѣ всѣхъ человѣческихъ чувствъ; что мужикъ обладаетъ часто такими душевными качествами, которымъ можетъ только позавидовать любой полноправный гражданинъ.

Григоровичъ также, какъ и Тургеневъ, не бралъ для своихъ разсказовъ сюжетовъ исключительно изъ деревенской жизни. Въ этомъ „направленіи первою повѣстью его была „Деревня,“ которая, какъ совершенно новая въ литературѣ вещь, произвела большое впечатлѣніе на его современниковъ. Бѣлинскій отзывался о ней очень хорошо. Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ писалъ, что „это первая попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ деревенскихъ исторій — Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальностей, но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта несомнѣнно.“

„Здѣсь описана — говоритъ Семевскій—печальная жизнь крестьянской дѣвушки — сироты, много горя натерпѣвшейся еще въ дѣтствѣ и юности въ чужой семьѣ, а затѣмъ ее насильно выдаютъ замужъ, по капризу барина (который думаетъ, что оказываетъ ей благодѣяніе) за парня, которому она вовсе не нравится и вся семья котораго не желаетъ этого брака. Повѣсть оканчивается смертью несчастной женщины, замученной мужемъ. Авторъ, видимо, желалъ показать, сколько горя можетъ причинить человѣкъ, даже и не злой, но плохо знающій крестьянскую жизнь и, между тѣмъ, вооруженный почти неограниченной властью надъ крестьянами своей вотчины.“

Если немного и поискать причину Акулининыхъ несчастій, то придемъ все къ тому же: къ крѣпостному праву; имъ объясняется не только насильственное водвореніе бѣдной дѣвушки въ чужую и несимпатичную ей семью, но и враждебное отношеніе этой послѣдней къ Акулинѣ, которая и имъ свалилась, какъ снѣгъ на голову, вмѣсто желанной богатой невѣсты изъ сосѣдняго села, и все—по милости барина. Кузнецъ Силантій и его семейство не совсѣмъ смекаютъ, гдѣ искать причину своего несчастія, и безропотно покоряются приказанію. „Вы отцы наши,—мы ваши дѣти“, повторяетъ на каждомъ ша-

гу Силантій. Но читателю оно, конечно, понятно. И опять стоитъ передъ глазами все то же крѣпостное право.

„Въ напечатанномъ въ 1848 году разсказѣ „Бобыль“, — пишетъ тотъ же критикъ, къ которому мы обращаемся, благодаря его необыкновенной способности, въ краткихъ, но ясныхъ словахъ во всей полнотѣ передавать идею разсказа, — Григоровичъ рисуетъ ужасную судьбу дряхлаго старика, крѣпостного крестьянина, которому негдѣ головы преклонить. Вотъ уже девятый годъ, какъ съ него сняли тягло; онъ одинокъ, у него нѣтъ семьи, нѣтъ также земли и избенки. Онъ жилъ на хлѣбахъ у крестьянина, пока могъ еще работать, а теперь никто не хочетъ его держать; помѣщикъ же, несмотря на обязанность, возлагаемую на него закономъ, не допускать до нищенства своихъ крестьянъ, и не думалъ о немъ заботиться. Горемычная его жизнь кончается тѣмъ, что онъ умираетъ въ полѣ, въ ужасную осеннюю ночь, такъ какъ даже одна болѣе сердобольная помѣщица, занимающаяся лѣченіемъ крестьянъ, выгоняетъ его на вьюгу и непогоду изъ опасенія, что, въ случаѣ его смерти, ей не раздѣлаться съ судомъ. Этотъ разсказъ былъ хорошимъ отвѣтомъ на слова крѣпостниковъ о тѣхъ жертвахъ, которыя приносятъ-де помѣщики для обезпеченія пропитанія своихъ крестьянъ.“

Прибавлять къ этому, кажется, нечего.

Въ повѣсти „Антонъ Горемыка“ развертывается картина приключеній честнаго, работящаго мужика Антона. Антонъ не только честный человѣкъ и хорошій семьянинъ, но, какъ оказывается въ завязкѣ повѣсти, и самоотверженный членъ общества, готовый поступиться всѣми своими личными и даже семейными выгодами и интересами, разъ это необходимо для того, чтобы помочь „міру.“ Управляющій села Троскина, безжалостный и эгоистичный человѣкъ, выжимаетъ изъ мужика послѣдніе соки и, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что разстройство крестьянскаго хозяйства можетъ привести къ разстройству и упадку всего имѣнія, заставляетъ крестьянина продавать послѣднее его богатство, — лошаденку, чтобы уплатить слѣдующія съ него подушныя.

„Какъ остался онъ у насъ старшимъ послѣ смерти барина, — разсказываетъ про него одинъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ, фабричный Пантюха,—и пошелъ тяготить насъ

всѣхъ... и такая-то жизнь стала, что, кажись, бѣжалъ бы лучше: при баринѣ было намъ такъ то хорошо, знамо, попривыкли, а тутъ пошли побранки, да побои, только и знаешь... а какъ разлютуется... бѣда! бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ и мужиковъ, обижательство всякое творитъ." Мужики не вытерпѣли и рѣшили написать жалобу барину въ Питеръ. Такъ какъ единственнымъ грамотнымъ оказался Антонъ, то ему пришлось заняться составленіемъ и писаніемъ письма. Письмо, однако, не дошло и вернулось къ управляющему. Тотъ потребовалъ мужиковъ къ отвѣту, а они, перепугавшись свирѣпаго въ гнѣвѣ Никиты Ѳедоровича, выдали ему головой Антона, какъ главнаго, якобы, зачинщика и автора письма. Разумѣется, съ той поры Антону житья не было. Никита Ѳедоровичъ не забывалъ его нигдѣ и никогда и мало-по-малу довелъ бѣднаго мужика до совершеннаго разоренія. Антонъ ѣдетъ въ городъ продавать свою послѣднюю лошаденку, чтобы заплатить подушныя. Но въ городѣ лошаденку у него украли на постояломъ дворѣ и, въ отчаяніи, онъ возвращается домой, не зная, что предпринять. По дорогѣ въ лѣсу онъ встрѣчаетъ своего брата Ермолая, отданнаго все тѣмъ же Никитой Ѳедоровичемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ солдаты, но бѣжавшаго и промышлявшаго разбоемъ. Ермолай съ товарищемъ наканунѣ ограбили какого - то купца и не прочь, пожалуй, помочь Антону. Но въ кабакѣ, куда зашли они всѣ перекусить и хлебнуть, — ихъ задерживаютъ по справедливому подозрѣнію въ убійствѣ и грабежѣ. Но вмѣстѣ съ ними хватаютъ и Антона, который до того потрясенъ всѣмъ постигшимъ его горемъ, что не оправдывается даже. Антона вмѣстѣ съ разбойниками связываютъ, заковываютъ и отправляютъ въ мѣста не столь отдаленныя... Этимъ заканчивается драма Антона, заканчивается и повѣсть.

И опять, задумавшись надъ тѣмъ, почему терпитъ столько горя честный, трудолюбивый Антонъ, опять приходишь къ тому же выводу: причина его бѣдствій одна — та именно, что онъ честный человѣкъ, а другая причина—крѣпостное его положеніе, крѣпостное положеніе его сосѣдей, однимъ словомъ, крѣпостное право.

„Антонъ Горемыка" произвелъ прямо потрясающее впечатлѣніе,—пишутъ „Филологическія записки." — Передъ читателями повѣсти стоялъ краснорѣчивый фактъ, выхваченный изъ

жизни, доказывающій весь ужасъ положенія безправнаго мужика, въ которое онъ поставленъ рабскимъ состояніемъ. Это былъ яркій протестъ противъ крѣпостного права. Несоотвѣтствіе окончанія повѣсти (передѣланнаго цензоромъ) съ ходомъ дѣйствія не уничтожало ея значенія и вліянія на общество. Она появилась въ такой моментъ, когда общество достигло степени развитія, при которой не могло считать положеніе простого народа нормальнымъ и хладнокровно къ этому относиться; когда лучшіе русскіе люди изстрадались и измучились отъ сознанія народнаго безправія и темноты, когда, однимъ словомъ, струны общественнаго сознанія слишкомъ ужъ туго были натянуты. Григоровичъ съ силой ударилъ по этимъ струнамъ и вызвалъ въ сердцахъ современниковъ самый горячій отзвукъ."

„Эта повѣсть, — писалъ Бѣлинскій, — трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать много *)."

Бѣлинскій, какъ всегда, угадалъ. За „Деревней" и „Антономъ Горемыкой" появились „Рыбаки", „Переселенцы" и др. произведенія Григоровича. Въ „Рыбакахъ" мы знакомимся съ бытомъ крестьянъ свободныхъ, не придавленныхъ крѣпостнымъ правомъ; „Рыбаки," слѣдовательно, не входятъ въ нашу тему.

„Романъ „Переселенцы" представляетъ печальную судьбу крестьянскаго семейства, которое безъ вины должно покинуть родную деревню и отцовскія могилы и итти въ далекій, незнакомый край, на иныя условія жизни. И къ этому невольному переселенію принуждаетъ бѣдняковъ не жестокость и самодурство помѣщика. Онъ, напротивъ, желаетъ имъ искренно добра, а между тѣмъ дѣлаетъ зло единственно по незнакомству съ бытомъ крестьянъ и ихъ насущными потребностями." **).

---

*) Первое впечатлѣніе Бѣлинскаго было гораздо сильнѣе. „Повѣсть измучила меня,-писалъ онъ Боткину.—Читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно!" Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: „перечитывать Антона я не буду, хотя всегда перечитываю по нѣсколько разъ вслухъ русскую повѣсть, которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія".

**) Милюковъ.

Замѣчательно рельефно выступаютъ въ романѣ типы крестьянина Лапши — безхарактернаго, слабаго человѣка, и, какъ противоположность ему, типъ жены его Катерины, энергичной, практической женщины, которая однако не въ силахъ поддержать пришедшее въ упадокъ хозяйство. Значеніе этихъ двухъ типовъ то, что въ нихъ авторъ съ мельчайшими подробностями доказалъ, что въ мужикѣ можетъ таиться такая же сложная и разнообразная натура, какую до тѣхъ поръ привыкли видѣть только въ „баринѣ."

Эту же цѣль преслѣдовалъ, очевидно, Григоровичъ и въ небольшихъ своихъ разсказахъ „Пахарь", „Четыре времени года", „Прохожій", въ которыхъ идиллически изображаются радость и горе въ крестьянской семьѣ; читатель убѣждается въ томъ, что въ душѣ каждаго крестьянина могли имѣть мѣсто такія человѣческія чувства, такія чуткія струны, такія, однимъ словомъ, разнообразныя и тонкія черты, которыхъ не такъ давно въ крестьянской душѣ и не искали, совершенно будучи увѣрены въ томъ, что у мужика нѣтъ и этой души. Сравнивая общую идею произведеній Тургенева изъ крестьянскаго быта съ таковыми же Григоровича, нельзя не притти къ заключенію, что въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ произведенія Григоровича играли болѣе видную роль.

„Кромѣ художественнаго достоинства," — пишетъ Милюковъ, — „романы и повѣсти Григоровича изъ сельскаго быта имѣютъ и другое, еще болѣе важное, значеніе, по которому они должны занять выдающееся мѣсто въ исторіи русской литературы и общественнаго развитія. Въ нихъ авторъ, какъ бы въ предвидѣніи наступающихъ реформъ въ строѣ русскаго общества, представилъ въ поразительно вѣрныхъ образцахъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ гнетомъ крѣпостного права, при отсутствіи правильнаго суда и земскаго устройства. Вопросъ о ненормальности этого положенія затрогивался и у другихъ русскихъ писателей, какъ, напримѣръ, у Тургенева и Писемскаго, но никто не раскрылъ такъ смѣло и прямо, съ такою очевидною ясностью настоятельной необходимости близкаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ Григоровичъ. Онъ взглянулъ на этотъ вопросъ не съ внѣшней стороны, не въ частныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а со стороны существеннаго вреда самаго крѣпостного права. При этомъ ясно обнаруживается, какъ бѣдствовали и даже

гибли люди честныхъ и доброжелательныхъ помѣщиковъ, вслѣдствіе только неправильныхъ между ними отношеній. Такова основная мысль въ цѣломъ рядѣ произведеній талантливаго беллетриста."

Нельзя, однако, не признать этого значенія и за Тургеневымъ. Произведенія обоихъ писателей оказывали непосредственное давленіе реальностью и горькой художественной правдивостью своего содержанія на широкіе круги читателей, на общество, отрицать участіе котораго въ освободительныхъ реформахъ нельзя,—сыграли видную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, содѣйствуя подготовленію общества къ осуществленію великой реформы.

В. В.

№ 48.

„Юрій Милославскій" М. Н. Загоскина.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Загоскинъ, какъ романистъ.

Изложеніе. „Юрій Милославскій" со стороны содержанія характеровъ и идеи:

А. характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа:

I. Юрія Милославскаго:

1) глубокій патріотизмъ,
2) доброта и чувствительность,
3) склонность къ мечтательной грусти,
4) твердость въ своихъ убѣжденіяхъ,
5) способность къ вѣчному чувству и
6) истинная религіозность;

II. Кирши:

1) „мятежность" духа,
2) удаль,
3) благодарность и мстительность,
4) великодушіе,
5) природный умъ;

III. Алексѣя:

1) самоотверженная любовь къ своему господину,
2) крайняя осторожность,
3) патріотизмъ;

IV. личностей историческихъ:

1) Минина,
2) кн. Пожарскаго и
3) Авраамія Палицына;

V. Кручины-Шалонскаго;

VI. Анастасіи:

1) религіозность,
2) покорность родительской волѣ,
3) способность къ глубокому чувству,
4) Анастасія — типъ русской боярышни;

VII. пана Копычинскаго:

1) спѣсь,
2) чванство,
3) глупость,
4) лживость,
5) трусость и
6) отсутствіе истиннаго самолюбія;

Б. юморъ Загоскина въ сопоставленіи Юрія и Копычинскаго;

В. идея „Юрія Милославскаго“.

Заключеніе. Причины успѣха „Юрія Милославскаго“.

Изъ многочисленныхъ произведеній Загоскина одинъ только „Юрій Милославскій“ продолжаетъ пользоваться заслуженнымъ вниманіемъ читателей. Это самый удачный его романъ, въ которомъ вылился весь талантъ чрезвычайно плодовитаго писателя, по своему дарованію принадлежащаго къ числу второстепенныхъ. Если бы не „Юрій Милославскій“, то Загоскинъ давно былъ бы забытъ, такъ какъ остальныя его произведенія по своимъ художественнымъ достоинствамъ стоятъ на слишкомъ низкомъ уровнѣ.

Въ этомъ романѣ изображено бѣдственное положеніе на-

шего государства въ первой четверти XVII столѣтія, — положеніе, явившееся прямымъ слѣдствіемъ наступившаго междуцарствія. „Внѣшніе враги“,—читаемъ въ самомъ началѣ романа —„внутренніе раздоры, смуты бояръ, а болѣе всего совершенное безначаліе—все угрожало неизбѣжной погибелью землѣ Русской“. Въ самомъ дѣлѣ, Смоленскъ,—этотъ, по тогдашнему времени, важный своими укрѣпленіями городъ, былъ уже во власти Сигизмунда; въ Москвѣ засѣли буйныя войска гетмана Жолкѣвскаго; Запорожскіе казаки опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязьму, Дорогобужъ и многіе другіе города. Въ окрестностяхъ Москвы расположился Тушинскій воръ; на сѣверѣ свирѣпствовалъ Понтіусъ Де-ла-Гарди; „однимъ словомъ, исключая нѣкоторые низовые города, почти вся земля Русская была во власти непріятелей, и одна Сергіевская Лавра, осажденная соединенными войсками Сапѣги и Лисовскаго, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и престарѣлые иноки отстояли святую обитель.“

Таково было — если можно такъ выразиться — внѣшнее положеніе несчастной земли Русской; внутреннее-же состояніе ея было еще хуже: оно знаменовалось открытой борьбой многочисленныхъ политическихъ партій. На ряду съ такими вѣрными сынами отечества, какъ неустрашимые защитники Смоленска, князья Пожарскій и Черкасскій, бояринъ Мансуровъ, Образцовъ, гражданинъ召нинъ, наконецъ, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, въ государствѣ дѣйствовали такія личности, какъ князь Вяземскій и бояре Кручина-Шалонскій и Истома-Туренинъ. Но обрисовкой политическаго состоянія нашего отечества въ XVII столѣтій далеко не исчерпывается содержаніе разбираемаго нами романа. Въ немъ мы видимъ яркую картину жизни общественной. Предъ нами бояре, которые только и дѣлали, что „веселились, потѣшались, пировали круглый годъ“, духовенство, служившее надежнымъ оплотомъ отечества, буйныя шайки казаковъ и „шишей“ и, наконецъ, всегда приниженные, безотвѣтные, темные и честные крестьяне. Каждое сословіе обрисовано до такой степени ярко, что невольно переносишься мыслью и чувствами въ описываемую авторомъ эпоху.

Всѣмъ вышесказаннымъ свободно можно ограничиться при разборѣ „Юрія Милославскаго“ со стороны его содержанія. Переходимъ теперь къ характеристикѣ главныхъ дѣй-

ствующихъ лицъ романа, героемъ коего является, какъ видно и изъ самаго заглавія, бояринъ Юрій Дмитріевичъ Милославскій. Сынъ покойнаго нижегородскаго воеводы, заклятаго врага поляковъ и вѣрнаго слуги своего отечества, Юрій отличался глубокимъ патріотизмомъ, которымъ проникнуты всѣ его дѣйствія и мысли. Видя, что государство находится на краю гибели, и прекрасно понимая, что честолюбивые крамольники — бояре каждую минуту, какъ стая голодныхъ псовъ, готовы растерзать собственную свою родину, Юрій изъ двухъ золъ выбираетъ меньшее: онъ присягаетъ Владиславу и совѣтуетъ нижегородцамъ послѣдовать своему примѣру. Онъ съ юношескимъ увлеченіемъ вѣритъ, что „Владиславъ отречется отъ своей ереси, покинетъ свой родной край; Русская земля будетъ его землею; вѣра православная — его вѣрою“.

„Такъ!“ — мечталъ юноша-идеалистъ — „онъ будетъ отцомъ нашимъ; онъ соединитъ всѣ помышленія и сердца дѣтей своихъ; разсѣетъ, какъ прахъ земной, коварные замыслы супостатовъ — и тогда какой иноплеменный дерзнетъ посягнуть на святую Русь?“

А когда Юрій сталъ сознавать всю свою оплошность, и сомнѣніе въ томъ, на что онъ такъ пламенно надѣялся, закралось въ его взволнованную душу, имъ мало-по-малу овладѣваетъ отчаяніе.

— „Вѣрные смоляне!“ — думаетъ онъ, оставшись одинъ— „Для чего я не могъ погибнуть вмѣстѣ съ вами! Вы положили головы за вашу родину, а я... я клялся въ вѣрности тому, отецъ котораго, какъ лютый врагъ, разоряетъ землю Русскую“.

Такимъ является Юрій Милославскій, какъ гражданинъ. Не менѣе привлекательными чертами характера отличался онъ и въ частной жизни. Доброта и чувствительность, участливое отношеніе къ своему ближнему — вотъ нравственный обликъ пламеннаго юноши. Доброта заставляетъ его спасти съ рискомъ собственной жизнью замерзавшаго незнакомца, который оказался впослѣдствіи его вѣрнымъ другомъ.

Склонный къ глубокой мечтательной грусти, Юрій влюбляется въ Анастасію послѣ первой же встрѣчи съ нею въ церкви. Не зная ни того, кто она такова, ни того, свободно ли ея сердце, онъ сразу рѣшаетъ, что она его суженая. При одной мысли, что его Анастасія можетъ принадлежать другому, волоса у него становятся дыбомъ. Однимъ словомъ, любовь

его носитъ мечтательно-платоническій характеръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть слѣдующія строки романа: „Какая-то непреодолимая сила влекла его ко храму Спаса на Бору. Въ растерзанной душѣ его стали пробуждаться, одно за другимъ, тысячи грустныхъ воспоминаній. Нѣсколько минутъ онъ колебался, наконецъ, съ трепетомъ переступилъ церковный порогъ...

Кто опишетъ горестныя чувства Милославскаго, когда онъ вступилъ во внутренность храма, гдѣ въ первый разъ прелестная Анастасія, какъ ангелъ небесный, представилась его обвороженному взору? Ахъ! все прошедшее оживилось въ его воображеніи: онъ видѣлъ ее передъ собою, онъ слышалъ ея голосъ.... Несчастный юноша не устоялъ противъ сего жестокаго испытанія: онъ забылъ всю покорность волѣ Всевышняго, неизъяснимая тоска, безумное отчаяніе овладѣли его душою.

— Злополучный! вскричалъ онъ, для чего ты спѣшилъ погубить самого себя! Она твоя супруга, и ты не можешь, не долженъ называть ее своею... О Анастасія, Анастасія!....“

Кромѣ указанныхъ нами чертъ характера Юрія — поражаетъ вниманіе читателя и та религіозность, какою проникнуты всѣ его дѣйствія и мысли.

Итакъ, мы видимъ, что герой романа личность далеко не дюжинная. Интересны и другія лица, и между ними видное мѣсто занимаетъ запорожскій казакъ, почти постоянный спутникъ Юрія и его слуги Алексѣя Бурнаша, по имени Кирша.

Онъ представляетъ типъ, какіе сплошь да рядомъ встрѣчались среди запорожскаго казачества. Мятежность духа, выразившаяся въ стремленіи къ боевымъ подвигамъ, удаль, доходящая до полнаго презрѣнія къ смерти, — вотъ основныя черты характера сыновъ Запорожской Сѣчи. Но кромѣ этихъ общихъ всѣмъ запорожцамъ чертъ характера, Кирша выдѣлялся и своими индивидуальными особенностями. Среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, съ перваго взгляда противорѣчащія другъ другу черты: благодарность, не знающая границъ, и такая же крайняя мстительность.

„Вѣчно мстить за нанесенную обиду и никогда не забывать сдѣланнаго ему добра“ — было девизомъ, которому нашъ запорожецъ не измѣнялъ во всю свою жизнь.

Если ко всему вышесказанному присоединить природный умъ, граничащій нерѣдко съ хитростью, и великодушіе, то

образъ Кирши предстанетъ передъ нами во весь свой гигантскій ростъ. Интересенъ тотъ нравственный переломъ, какой совершился въ немъ подъ конецъ жизни. Переломомъ этимъ онъ обязанъ всецѣло Юрію Милославскому, въ чемъ самъ сознается его слугѣ.

„Я ѣду въ Батуринъ,“—говорилъ онъ—„заведусь также женою, и дай Богъ, чтобъ я вполовину былъ такъ счастливъ, какъ твой бояринъ!“ Чтобы окончить характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, скажемъ нѣсколько словъ о вѣрномъ слугѣ Юрія, Алексѣѣ Бурнашѣ. Онъ представляетъ изъ себя самый обыкновенный типъ вѣрнаго слуги, какими владѣли наши умные предки. Интересы господина были его интересами, онъ любилъ то, что любилъ его господинъ, и ненавидѣлъ то, что тотъ ненавидѣлъ. Любя самоотверженно Юрія, онъ былъ въ высшей степени остороженъ во всемъ, что такъ или иначе касалось его благополучія. Глубокій патріотизмъ Юрія передался въ нѣкоторой степени и ему.

Что касается личностей историческихъ, то на нихъ можно только указать и пройти мимо. Характеристика ихъ сдѣлана самимъ Загоскинымъ, — сдѣлана, по нашему мнѣнію, въ достаточной степени удовлетворительно.

Возьмемъ Минина. Въ сущности Загоскинъ не много прибавляетъ къ тому, что извѣстно всякому изъ элементарныхъ учебниковъ русской исторіи. Онъ говоритъ о пламенномъ патріотизмѣ этого замѣчательнаго дѣятеля смутнаго времени, — говоритъ о томъ громадномъ подъемѣ духа, какой вызвала его знаменитая рѣчь къ нижегородцамъ. Благодаря картинному изображенію Загоскинымъ этого истиннаго гражданина своего отечества, мы уясняемъ себѣ, почему онъ могъ сыграть ту выдающуюся роль, къ которой былъ призванъ судьбою.

Но если душою великаго дѣла освобожденія страждущей родины былъ Козьма Мининъ Сухорукій, то и дѣятельности князя Пожарскаго и скромнаго келаря Авраамія Палицына, шедшаго рука объ руку съ архимандритомъ Діонисіемъ, нельзя не отвести виднаго мѣста.

Какъ говоритъ Загоскинъ устами Минина о Пожарскомъ, „едва излѣчившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ былъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіей грозою на супостата“. И онъ доказалъ на дѣлѣ свою готовность, когда во главѣ немногочисленнаго нижегородскаго

ополченія двинулся къ осажденной столицѣ для борьбы съ разноплеменной ратью терзавшихъ Русь непріятелей. Воинъ по профессіи, Пожарскій защищалъ отечество мечомъ, тогда какъ инокъ Авраамій Палицынъ достигалъ той же цѣли вдохновеннымъ словомъ. Всѣ свои недюжинныя способности Авраамій посвятилъ одному дѣлу: достиженію блага своей родины.

Таковы историческія личности въ обрисовкѣ Загоскина. Отличительной ихъ чертой, какъ мы видѣли, является истинный патріотизмъ, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ остальныя свойства ихъ духа.

Прямой противоположностью имъ служитъ, какъ мы уже говорили выше, бояринъ Кручина-Шалонскій, отецъ прекрасной Анастасіи, поразившей вниманіе юноши-Милославскаго. Съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ, Кручина совершаетъ рядъ въ высшей степени некрасивыхъ поступковъ, какъ-то: содѣйствуетъ замысламъ Сигизмунда, въ своемъ собственномъ домѣ оскорбляетъ гостя — Милославскаго, и, наконецъ, даже подвергаетъ его заключенію въ подземельѣ.

Послѣ всего сказаннаго о Шалонскомъ, можетъ показаться страннымъ, что у него могла быть такая дочь, какъ идеальная Анастасія. Религіозная въ высшей степени, она отличалась удивительной покорностью отцовской волѣ, но все же до извѣстныхъ предѣловъ. Она не разъ выражаетъ готовность умереть, лишь бы не выйти замужъ за нелюбимаго человѣка (Гонсѣвскаго). Этому способствуетъ глубокая любовь ея къ Юрію Милославскому, которая перевернула все ея существо. Во всѣхъ своихъ поступкахъ и убѣжденіяхъ Анастасія является типомъ русской боярышни того времени, воспитанной по „Домострою“.

Всѣмъ вышесказаннымъ относительно главныхъ дѣйствующихъ лицъ можно было бы ограничиться, если-бъ не необходимость указать на одну важную черту музы Загоскина, а именно его юморъ.

Этотъ юморъ сказался въ сопоставленіи пана Копычинскаго съ Юріемъ Милославскимъ. Вотъ, что авторъ говоритъ о первомъ: „Если-бъ нужно было живописцу изобразить воплощенную—не гордость, которая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ, но глупую спѣсь — неотъемлемую принадлежность душъ мелкихъ и ничтожныхъ,—то, списавъ самый вѣрный портретъ съ этого проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли...

Спѣсь, чванство и глупость, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, который, переходя безпрестанно изъ охриплаго баса въ сиповатый дискантъ, изображалъ попеременно: то надменную волю знаменитаго вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновевеніи, то неукротимый гнѣвъ грознаго повелителя, коего приказанія не исполняются съ должной покорностью."

Исторія съ гусемъ охарактеризовала его, какъ нахала и низкаго труса. Съ особенной силой выражена разница между кичливымъ полякомъ и Юріемъ Милославскимъ въ слѣдующихъ словахъ послѣдняго:

„Ты сейчасъ говорилъ, что для поляковъ нѣтъ ничего завѣтнаго, то-есть: у нихъ въ обычаѣ брать чужое, не спросясь хозяина... быть можетъ; а мы рускіе, хлѣбосолы, любимъ потчевать: у всякаго свой обычай. Кушай, панъ!" Это предложеніе было подкрѣплено пистолетомъ, приставленымъ къ виску разошедшагося нахала.

Что касается идеи романа, то она можетъ быть выражена словами Карамзина: „Россія гибла отъ разногласія и спаслась самодержавіемъ." Недаромъ же Загоскинъ съ такою любовью останавливается на актѣ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова, — актѣ, увѣнчавшемъ „любопытную эпоху возрожденія Россіи." Вторая часть заглавія свидѣтельствуетъ также о правильности нашей мысли.

Въ заключеніе укажемъ на причины успѣха романа у современниковъ.

Прежде всего — „Юрій Милославскій" былъ первымъ историческимъ романомъ въ русской литературѣ; патріотизмъ, которымъ проникнуто это произведеніе, былъ вполнѣ искреннимъ, а искреннее чувство писателя всегда вызываетъ отзвукъ въ сердцѣ читателя.

Н. Л.

№ 49.

Бѣлинскій, Тургеневъ и Достоевскій въ ихъ отношеніяхъ къ Пушкину.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Сходство періодовъ общественной жизни, въ которые написаны статьи Бѣлинскаго, Достоевскаго и Тургенева.

Изложеніе. Взглядъ Бѣлинскаго, Достоевскаго и Тургенева на Пушкина:

1. Пушкинъ—отецъ русской литературы,
2. чисто русскій характеръ пушкинской поэзіи,
3. „всечеловѣчность“ Пушкина,
4. объективность творчества Пушкина,
5. передовые взгляды Пушкина,
6. глубина пушкинскихъ типовъ.

Заключеніе. Сходство и различіе въ отношеніяхъ разсматриваемыхъ писателей къ Пушкину.

Почти 40 лѣтъ отдѣляетъ статью Бѣлинскаго о Пушкинѣ отъ статей Достоевскаго и Тургенева. За этотъ періодъ времени взглядъ читающей публики на Пушкина успѣлъ измѣниться нѣсколько разъ. Поклоненіе пушкинской поэзіи перешло въ устахъ Писарева и его единомышленниковъ въ отрицаніе за ней всякаго значенія и даже достоинствъ; потомъ послѣдовалъ краткій промежутокъ чуть ли не полнаго ея забвенія; наконецъ, она заняла въ умахъ читателей подобающее ей мѣсто. Три наши статьи написаны въ началѣ и въ концѣ только что указаннаго періода жизни русскаго общества, и такимъ образомъ въ нихъ отразилось правильное воззрѣніе на дѣятельность великаго поэта съ тою лишь разницею, что Бѣлинскій былъ выразителемъ мнѣнія и вкусовъ незначительной группы людей, тогда какъ Достоевскій и Тургеневъ формулировали взгляды огромнаго большинства своихъ современниковъ. Эти три статьи подвели вѣрный итогъ и дали полное освѣщеніе творчеству Пушкина, хотя въ частностяхъ и встрѣчается различіе въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ фактовъ.

„Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ — художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства," — говоритъ Бѣлинскій. — „Пушкину предстоялъ подвигъ — воспитать и развить въ русскомъ обществѣ чувство изящнаго, способность понимать художество — и онъ вполнѣ совершилъ этотъ великій подвигъ! Съ Пушкинымъ русская поэзія изъ робкой ученицы явилась даровитымъ и опытнымъ мастеромъ." Этими словами великій критикъ опредѣляетъ мѣсто Пушкина въ ряду русскихъ писателей: онъ ставитъ его во главѣ ихъ, считая, такъ сказать, отцомъ всей послѣдующей литературы. Того же взгляда придерживаются и Достоевскій съ Тургеневымъ. Первый прямо говоритъ: „не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ;" второй не выражаетъ этой мысли такъ опредѣленно, но по прочтеніи его статьи дѣлается яснымъ, что и онъ не сталъ бы отрицать за Пушкинымъ первенства и первородства. Но зато Тургеневъ неоднократно и притомъ настойчиво указываетъ на чисто русскій характеръ творчества Пушкина. Онъ не рѣшается назвать его поэтомъ національнымъ — можетъ быть потому, что не совсѣмъ правильно понимаетъ этотъ терминъ,—но вслѣдъ за этимъ восклицаетъ: „именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа." Достоевскій не боится дать имя народнаго творчеству Пушкина, а Бѣлинскій съ одной стороны примыкаетъ къ Тургеневу, а съ другой къ Достоевскому; но связь его взгляда со взглядомъ Достоевскаго гораздо болѣе тѣсная, чѣмъ съ взглядомъ Тургенева. Онъ тоже не рѣшается съ легкимъ сердцемъ употребить слово „національный," но несомнѣнно, что употребилъ бы его, найдя правильное толкованіе. Но въ чемъ всѣ три писателя единодушно сходятся, такъ это въ признаніи за талантомъ Пушкина „всечеловѣчности." Больше всѣхъ напираетъ на это свойство Достоевскій; онъ даже строитъ на немъ одну часть своей теоріи, притомъ часть главнѣйшую, при помощи которой разъясняетъ слушателямъ дѣятельность Пушкина и значеніе этой дѣятельности. Онъ называетъ Пушкина истинно русскимъ человѣкомъ именно въ силу этой всечеловѣчности, какъ свойства, преимущественно присущаго русскимъ: „стать настоящимъ русскимъ, значитъ стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ." По его мнѣнію, Пушкинъ во-

плотилъ русскую народность именно своей всемірной отзывчивостью, всемірностью своей поэзіи. Достоевскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ для подтвержденія своей теоріи и, надо отдать ему справедливость, примѣровъ яркихъ и убѣдительныхъ. Не столь ясно и очевиднымъ для всѣхъ образомъ высказываетъ эту же мысль Тургеневъ, называя „всечеловѣчность“ Пушкина „мощною силой самобытнаго присвоенія чужихъ формъ.“ Наконецъ, того же мнѣнія придерживается и Бѣлинскій, но онъ не концентрируетъ своихъ доказательствъ (какъ это дѣлаетъ Достоевскій), упоминая о всечеловѣчности пушкинской поэзіи въ разныхъ мѣстахъ своей обширной статьи; но отъ этого его доказательства не дѣлаются менѣе вѣскими, а только менѣе обращаютъ на себя вниманіе читателя.

Довольно близко примыкаетъ къ только что изложенному взгляду взглядъ Тургенева на Пушкина, какъ на поэта-эхо, основанный на словахъ самого Пушкина. — Тутъ же слѣдуетъ упомянуть и объ объективности пушкинскаго творчества, указанной тѣмъ же писателемъ. Бѣлинскій также упоминаетъ объ объективности и большой отзывчивости, называя за это Пушкина истиннымъ художникомъ.

Результатомъ этого свойства является „и высшее изящество пушкинскаго стиха“ (выраженіе Бѣлинскаго); стихъ Пушкина „по превосходству поэтическій, художественный, артистическій стихъ.“ Своимъ стихомъ Пушкинъ положилъ начало художественной формѣ, въ которую отливалась позднѣйшая русская поэзія. Онъ и вообще далъ образцы для послѣдующихъ своихъ преемниковъ — какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Пушкинъ, по словамъ Тургенева, установилъ языкъ и создалъ литературу. То и другое у него чисто русское, такое, какого до него не было ни у кого. Онъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ національное самосознаніе: на это указываютъ и Бѣлинскій и Достоевскій, а отчасти и Тургеневъ. Первые двое берутъ для примѣра „Евгенія Онѣгина“: здѣсь Пушкинъ является представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія, здѣсь онъ отмѣчаетъ самую глубь нашей сути, и дѣлаетъ это неподражаемо вѣрно и вполнѣ сознательно. При этомъ онъ вѣритъ въ русскій народъ, вѣритъ въ его характеръ и въ его духовныя силы.

Не къ одному только Николаю I-му относятся извѣстныя слова:

„Въ надеждѣ славы и добра
„Гляжу впередъ я безъ боязни;“

нѣтъ, Пушкинъ, считая императора человѣкомъ русскимъ, тѣмъ самымъ высказываетъ глубокую вѣру и въ русскій народъ. Онъ чуть ли не первый высказалъ такую мысль. Очень немногіе изъ его современниковъ соглашались съ нимъ, да и изъ представителей послѣдующихъ поколѣній онъ нашелъ мало единомышленниковъ по этому вопросу. Лишь долгое время спустя послѣ смерти Пушкина эта его вѣра нашла отзвукъ въ русской литературѣ; здѣсь сказалась чрезвычайная самостоятельность его генія, которая, впрочемъ, поражаетъ всякаго и на всемъ протяженіи его дѣятельности. Пушкинъ далъ рядъ типовъ, мужскихъ и женскихъ, представилъ множество образцовъ во всѣхъ областяхъ изящной словесности, причемъ въ высшей степени рано „освободился и отъ соблазна поддѣлки подъ народный тонъ“ (слова Тургенева). „Муза Пушкина — это дѣвушка — аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородной простотой и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ея второй природой“ (Бѣлинскій).

И не только въ чисто-литературной области Пушкинъ являлся учителемъ. Все, чего онъ ни касался, отмѣчено особою печатью. Таково, напримѣръ, чувство гуманности, разлитое во множествѣ его лирическихъ стихотвореній и выразившееся въ созданіи типа Татьяны, не захотѣвшей основать свое счастье на несчастьѣ другого.

Вотъ въ главныхъ чертахъ отношеніе трехъ писателей къ Пушкину. Какъ мы уже сказали ранѣе, оно въ своей основѣ сильно сходно. Различія попадаются въ частностяхъ. Напримѣръ, Бѣлинскій и Достоевскій при характеристикѣ Онѣгина между прочимъ одинаково ссылаются на послѣдній стихъ XXIV строфы VII главы романа, но Достоевскій называетъ Онѣгина „отвлеченнымъ человѣкомъ, безпокойнымъ мечтателемъ“, а Бѣлинскій „добрымъ малымъ“. Или при объясненіи, почему Татьяна не пошла за Онѣгинымъ, Достоевскій

прямо опровергаетъ Бѣлинскаго. Далѣе, дѣятельность Пушкина они раздѣляютъ на періоды, но каждый по своему.

Если теперь перейти къ общему обзору всѣхъ трехъ статей, то слѣдуетъ сказать, что Бѣлинскій далъ безусловно самое полное и подробное разсмотрѣніе дѣятельности и произведеній Пушкина. Достоевскій кое-въ-чемъ поправилъ Бѣлинскаго, но кромѣ того сказалъ много новаго. Его рѣчь—сжатая и чрезвычайно ясная характеристика, оставляющая по себѣ самое полное и опредѣленное впечатлѣніе. Въ немногихъ словахъ Достоевскій исчерпываетъ все содержаніе пушкинской поэзіи, даетъ рядъ вѣрныхъ формулъ. Статья Тургенева, самая краткая по объему, наименѣе удовлетворительна и со стороны содержанія. *)

Б.

№ 50.

Почему „Мертвыя души“ произвели удручающее впечатлѣніе на современниковъ Гоголя.

ПЛАНЪ.

Вступленіе. Литературная репутація Гоголя до появленія „Мертвыхъ Душъ“.

Изложеніе. I. Отношеніе къ „Мертвымъ Душамъ“:

1. Пушкина,
2. Бѣлинскаго,
3. другихъ писателей,
4. читающей публики.

II. Причины, способствовавшія дурному впечатлѣнію, производимому поэмой:

---

*) Изъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ мы взяли лишь „Сочиненія Пушкина,“ такъ какъ она суммируетъ все сказанное Бѣлинскимъ и отражаетъ истинный, провѣренный годами его взглядъ на Пушкина.

1. отсутствіе положительныхъ типовъ,
2. увѣренность автора въ правильности своихъ взглядовъ,
3. темныя стороны тогдашней дѣйствительности,
4. тенденціозная виньетка,
5. пессимизмъ лирическихъ отступленій,
6. одностронность изображенія жизни въ поэмѣ,
7. отрицательный герой поэмы и такія же второстепенныя лица.

Заключеніе. Впечатлѣніе, произведенное на Гоголя отзывами читателей.

Съ 37-го года по 42-ой Гоголь ничего не печаталъ. Потому въ читающей публикѣ съ нетерпѣніемъ ждали выхода въ свѣтъ его новаго творенія, о которомъ ходило много самыхъ разнообразныхъ слуховъ.

Лучшіе изъ современниковъ, особенно Бѣлинскій, еще при жизни Пушкина видѣли въ Гоголѣ начало новой литературной школы. Извѣстно, какимъ сочувствіемъ пользовался Гоголь со стороны самого Пушкина, извѣстно, что Пушкинъ далъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ", такъ же какъ и сюжетъ „Ревизора", и уговаривалъ его давно приняться за большой литературный трудъ.

„—Какъ съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!—" убѣждалъ его Пушкинъ.

Сочувственно же относились къ Гоголю и всѣ лучшіе писатели и журналисты того времени. Бѣлинскій въ 34-омъ году писалъ: ...„у насъ нѣтъ литературы". Послѣ выхода въ свѣтъ „Ревизора" онъ пишетъ: ...„у насъ есть начало литературы". Въ 43-емъ году читаемъ: „несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе; слѣдственно, у ней есть исторія." Въ 47-омъ году, когда школа Гоголя рѣшительно восторжествовала, Бѣлинскій пишетъ уже такъ: „Было время, когда вопросъ: есть ли у насъ литература?—не казался парадоксомъ, и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ... Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы открыли, что у Россіи была своя исторія. То же и въ

отношеніи исторіи русской литературы. . Литература наша дошла до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, то уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней, а это великій успѣхъ съ ея стороны."

Подъ этой прямой дорогой, авторъ безусловно, разумѣетъ ту дорогу, по которой пошли послѣдователи реальнаго направленія гоголевской школы.

Извѣстно, что и повѣсти Гоголя Бѣлинскій считалъ образцами истинно поэтическаго эпоса, а „Ревизора"—лучшимъ образчикомъ художественнаго произведенія въ драматической формѣ. Мнѣніе Бѣлинскаго о Гоголѣ еще до появленія „Мертвыхъ Душъ" раздѣлялъ весь кружокъ Станкевича и присоединившіеся къ нему въ это время друзья Огарева и Грановскаго. Сочувственно къ Гоголю относился и кружокъ будущихъ славянофиловъ съ С. Т. Аксаковымъ во главѣ: Константинъ Аксаковъ, Шевыревъ, Погодинъ, кружокъ Плетнева, къ которому принадлежали: Жуковскій, князь Вяземскій и съ которымъ тѣснѣе другихъ былъ связанъ Пушкинъ.

Постановка на сценѣ „Ревизора" произвела переполохъ въ обществѣ. Имя Гоголя стало переходить изъ устъ въ уста; одни его бранили, другіе преслѣдовали...

Теперь, въ продолженіе пяти лѣтъ, Гоголь молчалъ. Носившіеся слухи о первыхъ главахъ „Мертвыхъ Душъ" еще болѣе способствовали тому, что общество напряженно ждало чего-то необыкновеннаго. Поэтому неудивительно, что по выходѣ своемъ въ свѣтъ „Мертвыя Души" сдѣлались предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ.

Всѣ почти упомянутые выше литераторы, конечно, должны были болѣе чѣмъ сочувственно отнестись къ „Мертвымъ Душамъ." Но кромѣ восторженнаго панегирика К. Аксакова и статьи Шевырева въ „Москвитянинѣ," разбиравшей художественную сторону поэмы, никто изъ нихъ сразу не выразилъ своего мнѣнія о „Мертвыхъ Душахъ". Бѣлинскій, напримѣръ, разбирая въ „Отечественныхъ Запискахъ" четыре кри-

тическія статьи по поводу новаго произведенія Гоголя, нигдѣ не выясняетъ истиннаго значенія поэмы и только опровергаетъ нелѣпыя толкованія критиковъ. Очевидно, Бѣлинскій и другіе, которые поняли глубокій смыслъ „Мертвыхъ Душъ", были такъ поражены имъ, что не сразу разобрались въ немъ и высказались потому не вполнѣ опредѣленно.

Тѣмъ не менѣе многіе факты указываютъ на то, что большинство лучшихъ людей того времени глубоко понимало „Мертвыя Души", которыя производили на нихъ сильное и тяжелое впечатлѣніе. Относительно Пушкина, напримѣръ, мы знаемъ со словъ самаго Гоголя, какъ на него подѣйствовали первыя главы „Мертвыхъ Душъ", читанныя ему самимъ авторомъ: ...„Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ",—пишетъ Гоголь,—въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, а, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!".

„Еще ни у одного писателя, — говорилъ Пушкинъ, — не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ".

На Бѣлинскаго „Мертвыя Души" произвели особенно сильное и тягостное впечатлѣніе. Кому не приходилось бывать въ провинціи и наблюдать типы, подобные чиновникамъ и помѣщикамъ N-ской губерніи, кто вообще не интересовался глубже жизнью окружающихъ, тому, конечно, „Мертвыя Души" могли казаться каррикатурой на общество, безобидной или обидной шуткой, кто какъ понималъ, но вообще, выдумкой автора. Къ сожалѣнію, и среди литераторовъ того времени находились и такіе, которые именно такъ понимали „Мертвыя Души". Бѣлинскій же такъ глубоко былъ убѣжденъ въ огромномъ значеніи поэмы, какъ для литературы, такъ и для общества, что не считалъ нужнымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" защищать ее отъ „неудачныхъ усилій втоптать въ грязь великое произведеніе". Онъ ограждалъ его только отъ черезчуръ услужливыхъ друзей, въ родѣ Константина Аксакова.

Плетневъ въ своемъ разборѣ „Мертвыхъ Душъ", напечатанномъ подъ псевдонимомъ С. Т. въ „Современникѣ", замѣчаетъ, что ошибочно было бы думать, что сильнѣйшее впечатлѣніе, производимое „Мертвыми Душами",—„смѣхъ: напротивъ, эта книга очень серьезная и грустная".

Шевыревъ, который въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя видѣлъ только смѣшное и веселое, „Мертвыя Души" разсматриваетъ, какъ высоко-художественное произведеніе, хотя и не видитъ въ немъ особеннаго общественнаго значенія. Тутъ ужъ и онъ сознается, что ему при чтеніи не только смѣшно, но и грустно. Такъ, указавъ прогрессивную разстановку характеровъ въ поэмѣ, онъ говоритъ: *)

„Сначала вы смѣетесь надъ Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева, Собакевича; но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка".

Многіе посредственные литераторы и читатели „Мертвыхъ Душъ" видѣли въ поэмѣ, какъ уже упоминалось, каррикатуру или шуточную сатиру на общество. По этому поводу Бѣлинскій писалъ слѣдующее:... „не считая себя вправѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живого писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ „поэмой", и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ ней. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшного; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, покойно, истинно и глубоко... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на „Мертвыя Души" и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру".

Итакъ, всѣ лучшіе представители общества отлично понимали, что Гоголь далъ вполнѣ правильное освѣщеніе той сторонѣ жизни, которую онъ взялъ сюжетомъ для своей поэмы. За нимъ уже былъ авторитетъ глубокаго психолога и великолѣпнаго наблюдателя, слѣдовательно, разсуждали они, Гоголь не ошибся, когда взялъ въ герои такую личность, какъ Чичиковъ, и заставилъ его сталкиваться и вести дѣла съ Маниловыми, Собакевичами, Ноздревыми, Коробочками, Плюшкиными и имъ подобными. Разумѣется, во второй части поэмы высту-

---

*) „Москвитянинъ" 1848 г.

паютъ на сцену положительные типы — Костанжогло и Муразовъ, — но вѣдь это не живые люди, а фикціи! Пока Гоголь рисовалъ отрицательныя личности, онъ оставался самимъ собою, т. е. рисовалъ то, что видѣлъ, то, что было на самомъ дѣлѣ. Лишь только ему пришлось приняться за положительныя, онъ не сумѣлъ облечь ихъ въ плоть и кровь, слѣдовательно, у него не было подъ руками живыхъ оригиналовъ, а стало быть ихъ нѣтъ и въ дѣйствительности, потому что не могъ же бы Гоголь проглядѣть ихъ. „Мертвыя души"... эта поэма полна мертвыхъ душъ, слѣдовательно, и Россія не жива, а мертва. Въ своемъ ослѣпленіи авторитетомъ и талантомъ Гоголя всѣ не замѣтили, что онъ проглядѣлъ цѣлую плеяду „живыхъ душъ": себя самого, Пушкина, Бѣлинскаго, Станкевича, Боткина, Герцена, Аксакова, Грановскаго, Рѣдкина и многое множество другихъ. У нихъ не было также предвѣдѣнія реформъ 1861 года, совершихся всего черезъ 19 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ гоголевской поэмы, а между тѣмъ онѣ уже назрѣвали. Они проявили удивительную близорукость, чтобы не сказать болѣе: они видѣли ненормальности, какими полна была Россія въ періодъ непосредственно передъ Крымской кампаніей, но упустили изъ виду, что „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды". Не поднимая взоровъ къ звѣздамъ, они вглядывались въ непроглядную темень ночи, и, понятное дѣло, ничего хорошаго увидѣть не могли.

Во всемъ этомъ главнымъ образомъ былъ виноватъ Гоголь: его полная увѣренность въ мертвенности русскихъ людей подѣйствовала заразительно на читателей. А онъ вѣдь даже и виньетку нарисовалъ къ своей поэмѣ съ особой тенденціей: на ней были изображены верстовой столбъ и дорога, по которой во весь духъ несется удалая тройка; въ сторонѣ танцуетъ парочка; рядомъ блюда, заваленныя массою съѣстного, преимущественно гастрономическихъ тонкостей. И все это обрамлено черепами, костями и цѣлыми скелетами, нарисованными на черномъ фонѣ. — Таково гоголевское резюме сказаннаго въ поэмѣ.

А разныя лирическія отступленія? Развѣ они не полны безысходнаго пессимизма? Гоголь призываетъ на Русь богатыря, даетъ ему поле дѣятельности, а богатыря нѣтъ-какъ-нѣтъ.... Гоголь сравниваетъ Русь съ тройкою, передъ которой разступаются всѣ народы. Да развѣ на самомъ-то дѣ-

лѣ народы разступаются? развѣ можно Россію, населенную мертвыми душами, сравнивать съ удалою тройкой? Нѣтъ, сравненіе съ тройкой неумѣстно, и Гоголь въ этомъ случаѣ впалъ въ глубокую и грустную ошибку.—Такъ разсуждали читатели, основываясь на данныхъ поэмы, принимая за вѣрный критерій художественное чутье великаго юмориста. А великій-то юмористъ, не вѣдая, что творитъ, дѣйствительно написалъ сатиру. То-есть „Мертвыя души" можно назвать сатирою лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ дали галлерею отрицательныхъ типовъ, — но въ то же время онѣ не отразили лицевой стороны русской жизни. И въ этомъ случаѣ виною явилось то обстоятельство, что Гоголь былъ въ состояніи изображать лишь то, что наблюдалъ, а наблюдалъ онъ лишь дурное и пошлое — таково было свойство его дарованія. Это свойство сыграло съ нимъ нехорошую шутку, а черезъ него отразилось и на читателяхъ, попавшихъ подъ обаяніе его таланта.

Какъ мы уже говорили, Пушкинъ, Бѣлинскій и другіе вполнѣ соглашались съ Гоголемъ. „Мертвыя души" на всѣхъ навели уныніе, и только нѣкоторое время спустя начали одно за другимъ появляться бодрящіе очерки „Записокъ охотника", авторъ которыхъ сумѣлъ отыскать „душу живу" въ мужикахъ, такъ непривлекательно изображенныхъ Гоголемъ.

Да, „Мертвыя души" зачаровали своихъ читателей. И какъ имъ было не зачаровать, когда центральнымъ лицомъ ихъ является Чичиковъ, этотъ нравственный уродъ, пріобрѣтатель-хамелеонъ, всю свою недюжинную энергію употребившій на надувательство ближнихъ?! Хороши и другіе типы. Вотъ одинъ изъ нихъ: всю свою жизнь онъ проводитъ въ имѣньѣ, гдѣ все разъѣзжается, гдѣ ничего не устроено; вмѣсто занятія дѣломъ, онъ раскладываетъ въ живописномъ порядкѣ кучки золы изъ трубки и цѣлые дни проводитъ въ пустыхъ мечтаніяхъ, слѣдя за клубами табачнаго дыма: „онъ думаетъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку начинаетъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ - нибудь пріятныхъ предметахъ, потомъ, что они вмѣстѣ съ пріятелемъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ

обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами,“ а въ это время „музыка играетъ, штандартъ скачетъ,“ птички поютъ... И такъ безъ конца цѣлыми днями.

А вотъ другой, въ своемъ родѣ „историческій человѣкъ“. Сегодня онъ тутъ, завтра онъ тамъ. Сегодня онъ бьетъ, завтра его бьютъ. Ни одна ярмарка въ цѣлой округѣ не обходится безъ его непремѣннаго присутствія. И всюду скандалы, дебоши, безобразія. Безъ общества онъ ни минуты прожить не можетъ. А если ужъ уединится, такъ развѣ затѣмъ, чтобы приготовить колоду — другую крапленыхъ картъ. Онъ лгунъ, враль, непосѣда, мошенникъ, плутъ. И его всѣ принимаютъ; никто отъ него не сторонится.

А вотъ третій. Онъ человѣкъ положительный. Хозяйство у него идетъ хорошо, крѣпко. Усадьба построена изъ вѣковыхъ дубовъ, основательно и мощно. Избы мужиковъ стоятъ, какъ вросшія въ землю. И все въ его владѣніяхъ „упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ“.—Казалось бы отлично? Отлично-то отлично, да только не совсѣмъ. Помѣщикъ высасываетъ всѣ соки изъ своихъ крѣпостныхъ; надуваетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго даже въ мелочахъ; просвѣщеніе для него — „фукъ,“ и „фукъ,“ сказанный такъ положительно, что въ его присутствіи никто не вздумаетъ ему противорѣчить.

И такими типами Гоголь сыплетъ, какъ изъ рога изобилія, со свойственнымъ ему картиннымъ изображеніемъ. Они стоятъ одинъ возлѣ другого и загораживаютъ своими пошлыми фигурами всю Россію; за ними ничего не разглядишь.

Удивительно ли послѣ этого, что читатели, какъ говорится, изъ-за деревьевъ не замѣтили лѣса?

Гоголь былъ пораженъ такимъ результатомъ чтенія его поэмы. Онъ какъ бы позабылъ, что хотѣлъ выразить въ „Мертвыхъ душахъ“, и началъ оправдываться: „своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголоволомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать, и самъ же подалъ поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную сторону.... Герои мои еще не отдѣлились вполнѣ отъ меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности. Еще вся книга не болѣе, какъ недоносокъ.“ Гоголь испугался сдѣланнаго имъ самимъ пугала послѣ того, какъ испугались другіе.

В. Б.

Оглавленіе.

ПОПРАВКИ.

Стрн. 15, стрк. 7 сверху передъ „участью“ пропущено „своею“.
„ 58, стр 10 снизу вмѣсто „основанные“ должно быть „основные“.
„ 64, стр. 14 св. вмѣсто „отрицанія“ должно быть „отрицательности“.
„ 65, стр. 3, 2 и 1 снизу должны читаться такъ: ...„Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда,“ гдѣ изображена одна изъ случайныхъ встрѣчъ, какихъ у Тургенева бывало очень много, благодаря постояннымъ охотничьимъ похожденіямъ по различнымъ губерніямъ“...
„ 66, стр. 1 сн. вмѣсто „того, кто“ должно быть „кого, что.“
„ 68, стр. 9 сн. вмѣсто „разбора“ должно быть „разговора.“
„ 78, стр. 16 сн. вмѣсто „анчаже“ должно быть „ангаже“.
„ 82. стр. 13 св. вмѣсто „держки“ должно быть „выдержки“.
„ 86, стр. 12 св. вмѣсто „умѣлъ высказать“ должно быть „умѣлъ бы сказать“.
„ 90, стр. 2 св. послѣ „новаго“ пропущено „вина“.
„ 93, стр. 2 св. вмѣсто „воспитательницу“ должно быть „воспитанницу“.
„ 94, стр. 13 св. вмѣсто „обижала“ должно быть „обожала“.
„ 100, стр. 12 св. вмѣсто „Лизы“ должно быть „какова Лиза“.
„ 107, стр. 6 сн. вмѣсто „ее“ должно быть „его“.
„ 109, стр. 12 сн. вмѣсто „странность“ должно быть „страстность“.
„ 111, стр. 22 сн. послѣ „наивности“ пропущено „сжилась“.
„ 130, стр. 6 св. вмѣсто „въ Наканунѣ“ должно быть „— въ «Наканунѣ»“.
„ 149, стр. 2 сн. вмѣсто „а“ должно быть „на“.
„ 179, стр. 14 сн. вмѣсто „Мароиныхъ“ цолжно быть „Марѳинькѣ.“
„ 192, стр. 13 сн. вмѣсто „Акновъ“ должно быть „Аяновъ“.
„ 207, стр. 12 св. вмѣсто „страстно“ должно быть „страсти и“.

Стрн. 224, стр. 12 сн. слово „привлекательной“ должно стоять послѣ „художнику.“

„ 226, стр. 16 сн. вмѣсто „выводятъ“ должно быть „выводя.“

„ 226, стр. 14 сн. вмѣсто „не такъ же“ должно быть „такъ же не.“

„ 229, стр. 2 св. вмѣсто „Колномѣйцевъ“ должно быть „Калломѣйцевъ.“

„ 241, стр. 10 сн. вмѣсто „мощныхъ“ должно быть „мочныхъ.“

„ 246, стр. 13 сн. вмѣсто „бы“ должно быть „въ.“

„ 250, стр. 12 св. послѣ „выходкою“ пропущено „противъ“.

„ 254, стр. 3 сн. слово „Островскаго“ должно стоять послѣ „Драматическія произведенія.“

„ 262, стр. 21 св. послѣ „такого“ пропущено „царька.“

„ 263, стр. 11 св. вмѣсто „900“ должно быть „да о.“

„ 279, стр. 17 сн. вмѣсто „мѣстный“ должно быть „пестрый.“

„ 290, стр. 18 св. послѣ „историческая“ пропущено „основа“.

Тремя строками ниже вмѣсто: „Когда-то Загоскинъ провозгласилъ, что въ немъ допускается сдѣлать“ должно быть: „Когда-то Лажечниковъ провозгласилъ, что романъ не исторія и что въ немъ допускается дѣлать всякія отступленія отъ исторической правды“.

Шестью строками ниже вмѣсто „имѣющія“ должно быть „мѣняющія“.

Стрн. 295, стр. 4 сн. вмѣсто „учителей“ должно быть „у читателей“.

„ 308, стр. 17 св. вмѣсто „эпиркуризму“ должно быть „эпикуреизму“.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 058520187